
ИСТОРИЯ
КАЗАХСТАНА
В ЗАПАДНЫХ ИСТОЧНИКАХ
XII-XV в.в.

Серия книг по Государственной
программе «Культурное наследие»
выпускается по инициативе первого
Президента Республики Казахстан
Нурсултана НАЗАРБАЕВА

МӘДЕНИ МҮРА

Редакционная коллегия Главной редакции
серии книг по Государственной программе
«Культурное наследие»:

Кул-Мухаммед М., председатель
Досжан А., заместитель председателя
Аскаров А., ответственный секретарь

Члены общественной комиссии:

Абдрахманов С.
Аяган Б.
Абусейтова М.
Ажигали С.
Айтимова Б.
Алимбай Н.
Ауезов М.
Базылхан Н.
Байпаков К.
Биекенов К.
Доскен Г.
Ертисбаев Е.
Кенжегозин М.
Каскабасов С.
Койгелдиев М.
Нысанбаев А.
Омирбеков Б.
Салгара К.
Сариева Р.
Сейдимбек А.
Султанов К.
Таймагамбетов Ж.
Туякбаева Б.
Хусайынов К.

Алматы
«Санат» 2006

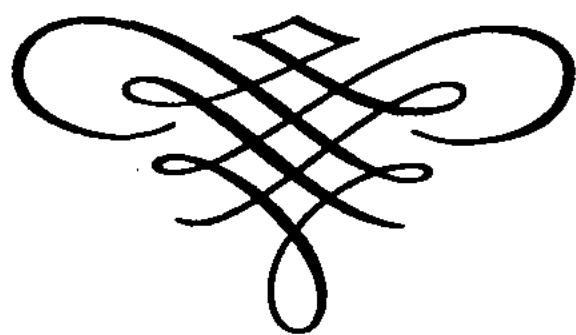

PIONEERING
ENGLISH
EXPLORERS
IN KAZAKH
STEPPE

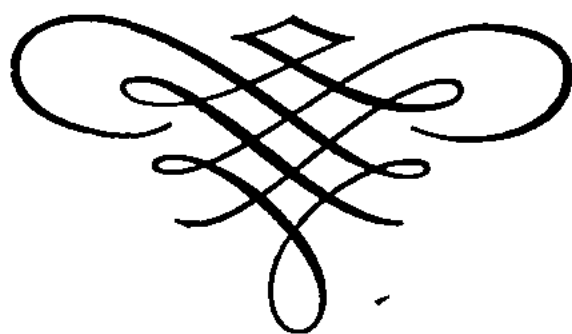

ПЕРВЫЕ
АНГЛИЙСКИЕ
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
В КАЗАХСКОЙ
СТЕПИ

ББК 633

П 26

Выпущено по заказу Комитета
информации и архивов
Министерства культуры и информации
Республики Казахстан

* * *

*Председатель Общественного совета государственной
программы «Культурное наследие» Кул-Мухаммед М.А.*

*Куратор серии «История Казахстана в западных
источниках XII-XX вв.» Сужиков Б.М.*

* * *

. Том VIII.

П 26 **Первые английские путешественники в Казахской степи**
/Пер. с англ. Д.М.Костиной /Сост. И.В.Ерофеева. – Алматы:
«Санат», 2006. – 312 стр.

ISBN 9965-664-51-X

В книге собраны уникальные материалы английских авторов Антония Дженкинсона и супругов Томаса и Люси Аткинсон о путешествиях по территории нынешнего Казахстана, Центральной Азии и приграничных районов Западной Сибири в 16 и второй половине 19 века, заключающие в себе немало ценных наблюдений по истории, этнографии, географии, быту и образу жизни народов, населяющих эти регионы, красочны и описания природных явлений.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся проблемами становления и развития родного края, его историческим прошлым.

П 0503000000-06 04-06
416 (05)-06

ББК 633

ISBN 9965-664-51-X
ISBN 9965-664-30-7

© Переводчик Д.М.Костина
© Составитель И.В.Ерофеева
© Худ. оформление ТОО
“Издательство “Санат”, 2006
© ТОО “Издательство “Санат”, 2006

В середине XVI в. в Европе значительно возросла заинтересованность в установлении торговых связей со странами Центральной Азии через равнины России. С завоеванием последней в 1552г. Казанского и в 1556 г. Астраханского ханств открылся путь в Западную Сибирь и Казахские степи, а также установился юго-восточный караванный маршрут, направлявшийся в сторону р.Яик (Урал) и Каспийского моря. Выгодным географическим положением этих маршрутов решила воспользоваться Англия, которая уже тогда целенаправленно стремилась наладить активную торговлю на азиатском Востоке. Там в это время было создано специальное «Общество купцов, искателей стран, земель, островов, государств и владений, неизвестных и даже доселе морским путем не посещаемых».

Одной из задач этого общества были поиски путей в Индию через «северные страны» по Северной Двине, Волге и Каспийскому морю. Развитие британской торговой экспансии в направлении Китая, Индии и Ирана было тесно связано с изучением географии и этнографии стран, расположенных между ними и Россией. Поэтому торговля Англии долгое время развивалась параллельно со сбором необходимых сведений о тех землях, куда разными путями и способами проникали британские купцы и предприниматели. По определению выдающего российского ученого В.В.Бартольда, этот новый тип путешественников в XVI веке получил выдающееся значение в истории ознакомления Европы с Востоком.

Первым англичанином, посетившим Казахскую степь и зафиксировавшим это в письменных материалах, был английский купец и дипломат Антоний Дженкинсон (Jenkinson; ум. 1610 или 1611 г.). Он много путешествовал по Европе, Азии и Африке и в 1557-1572гг. четыре раза посетил Российское государство. С разрешения русского царя Ивана IV (Грозного) Дженкинсон дважды, в 1558-1559 и 1562-1564 гг., ездил через Россию в Иран и Среднюю Азию.

А.Дженкинсон выехал из Москвы в сопровождении служащих британской компании Ричарда Джонсона, Роберта Джонсона и «татарина-толмача» с тюками различных товаров в апреле 1558 г. Достигнув Астрахани по Волжско-Каспийскому пути, путешественники дальше «ехали» на 1000 верблюдов, купленных у местных жителей», через Мангышлак и плато Устюрт, с торговым караваном проникли в ханства Средней Азии, Бухару и Хиву. Ввиду того, что английский купец имел специальную грамоту Ивана IV, он оказался фактически первым официальным представителем Московского государства в Средней Азии. В 1559 г. вместе с А.Дженкинсоном в Москву прибыли среднеазиатские посольства из Бухары, Балха и Ургенча.

Плодом путешествий А.Дженкинсона в Среднюю Азию

явился труд, заключающий в себе немало ценных наблюдений по истории народов данного региона краткую информацию о казахском хане Хаккназаре (1558-1580), который вел в те годы войну со среднеазиатскими правителями-Шайбанидами за присырдарьинские города, а также о занятиях и вероисповедании казахов.

Антоний Дженкинсон был одним из первых европейцев, который привел в своих записках подлинное самоназвание казахского народа, указав, что народ, воюющий с Ташкентом, называется «казахами» (Cassack) и придерживается магометанской веры. По поводу казахов английский путешественник писал, что они «живут в степях, не имея ни городов, ни домов, и почти покорили выше-названные города, так крепко заперев дорогу, что никакому каравану нельзя пройти не ограбленным». Характерны также замечания А.Дженкинсона о том, что казахский народ «живет толпами, т.е. ордами». Вместе с тем в труде Дженкинсона имеется краткое упоминание о войне, которую вел тогда сильный казахский правитель Хаккназар-хан с бухарским ханом Абдуллой (1557-1598).

Описание путешествия А.Дженкинсона в Среднюю Азию было впервые издано в Лондоне в 1598-1600 гг. и затем неоднократно переиздавалось в Европе на английском и других языках. В Казахстане материалы английского путешественника стали известны в основном по их русскому переводу, выполненному Ю.В.Готье и опубликованному в Москве в 1937 г. С этого времени они неоднократно использовались историками страны при написании специальных трудов и учебных пособий по истории региона.

Наряду с описанием пройденных территорий, Антоний Дженкинсон составил также географическую карту «России, Московии и Татарии», в основу которой легли как собранные непосредственно им сведения по географии увиденных мест, так и данные опроса разных очевидцев. Эта карта была опубликована в Лондоне в 1562 г. и затем напечатана в Амстердаме в 1598 г. в атласе, изданном Барентом Лангенесом, с голландским текстом. В 1890 г. она была также опубликована географом Д.Анучиным в России в 14 томе «Трудов Московского археологического общества». Благодаря карте А.Дженкинсона, европейцы смогли получить более уточненное представление о местах обитания казахов и их ближайших среднеазиатских соседей, что, в некоторой степени, стимулировало в Великобритании и других западных странах интерес к новым путешествиям на Средний Восток.

В XVIII — первой половине XIX в. в связи с включением большей части территории Казахстана в состав Российской империи казахские степи стали более доступными для европейских путешественников и исследователей. В этот период в регионе побывали с торговыми и политическими целями капитан британской морской службы Джон Эльтон (1735 г.), живописец Джон Кэстль (1736 г.), торговец Реональд Гок (1741-1742 гг.), агенты Ост-Индской компании Александр Бернс (1833 г.), Джеймс Аббат, Ричмонд Шекспир

(1840 г.) и некоторые другие. Они посещали, главным образом, северо-западные регионы степи и район Приаралья, и позднее составили более или менее подробные описания этих мест.

Одним из первых европейцев, которому удалось осуществить путешествие в юго-восточный Казахстан и провести в казахских кочевьях довольно продолжительное время, стал английский художник Томас Витлам Аткинсон (1799-1861), совершивший свой вояж в эти районы Казахстана с разрешения царского правительства.

В отличие от многих предыдущих поездок англичан в Центральную Азию, семилетнее путешествие Т.Аткинсона по восточным окраинам Российской империи не преследовало политических целей, а было продиктовано в основном его личными научно-познавательными интересами и мотивами. В середине XIX в. на него, как и на большинство других высокообразованных европейцев того времени, сильное впечатление произвела знаменитая книга Александра фон Гумбольдта «Центральная Азия», опубликованная в Париже на французском языке в 1841 г. Утверждение великого немецкого ученого-естествоиспытателя и гуманиста о почти неизвестной стране «Небесных гор» как обширном хранилище многих неразгаданных тайн природы и истоков древней цивилизации Евразии вызвало у Томаса Аткинсона большое желание непременно проникнуть в этот загадочный край и увидеть собственными глазами величественную панораму красочно описанных Гумбольдтом горных хребтов Тянь-Шаня.

Томас Аткинсон (Th.W.Atkinson) путешествовал по восточным провинциям России, в том числе по Казахстану и северной Киргизии, в 1848-1855 гг. В этой поездке его с самого начала и до конца сопровождала жена Люси Аткинсон, раньше служившая гувернанткой в семье генерала Муравьева. Путешествие началось из Петербурга в 1848 г. и продолжалось около 7 лет. В течение этого времени супруги Аткинсоны проехали по территории Западной Сибири, посетили районы хребтов Каратау и Заилийского Алатау, Актау и Музтау, добрались до Капала — крайнего тогда российского форпоста на юго-востоке Казахстана, побывали в восточных землях казахов Среднего жуза — в районе Аягузского пикета и Семипалатинска.

За время путешествия по Казахстану и сопредельным территориям северной Киргизии супругам Аткинсон довелось многократно бывать в казахских аулах, близко познакомиться с жизнью и бытом кочевого населения Среднего и Старшего жузов, установить хорошие личные контакты с отдельными представителями местной знати, которые сообщили им ряд ценных этнографических сведений о казахах. В ходе продолжительной поездки по казахским кочевьям Томас Аткинсон подолгу останавливался в аулах кочевников, где обстоятельно беседовал с их старейшинами и знатными султанами, слушал казахские народные песни и

эпические предания, делал эскизы портретных изображений отдельных лиц и живописных пейзажей посещенных мест.

На основе собранных ими этнографических материалов Томас Аткинсон подготовил и издал в 1858 г. в Лондоне объемный труд «*Oriental and Western Siberia: a narrative of 7 years explorations and adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghiz Steppes, Chinese Tartary and part Central Asia*» (L.: 1858), который был иллюстрирован большим количеством рисунков разножанрового характера, выполненных самим автором. Жена Томаса Аткинсона Люси подготовила и опубликовала в Лондоне в 1863 г. книгу своих собственных воспоминаний о путешествии по азиатской России, которая увидела свет уже после смерти ее супруга (*Recollections of the Tartar Steppes and its inhabitants. By Mrs Atkinson. L.: 1863*), а затем была второй раз переиздана в США в 1970 г.

Большинству читателей в Казахстане и в других постсоветских странах книги супругов Аткинсон в основном известны по их русскому переводу, опубликованному в 1865 г. в Петербурге в одном издании с выдержками из сочинений А.-Т. Фон Миддендорфа, Ф.Радде и других европейских путешественников. (Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии по описаниям Т.У.Аткинсона, А.-Т.Миддендорфа, Ф.Радде и др. /Составили А. фон Этцель и Г.Вагнер/Пер. с нем. — Спб., 1865). Вклад Т.Аткинсона в изучение этнографии восточного и юго-восточного Казахстана впервые был отмечен и освещен в работах казахстанского историка Кушима Есмагамбетова, опубликованных в Алма-Ате на русском и казахском языках в 1976, 1979, 1992 и 1994 гг.

В книге Т.Аткинсона дано обстоятельное для того времени описание природы юго-восточного Казахстана и его жителей, характера взаимоотношений отдельных казахских султанов и родоправителей с представителями русской колониальной администрации, освещены вопросы хозяйства, некоторые обряды и обычаи казахского народа, приведены интересные зарисовки бытовых сцен кочевников того региона.

Для Т.Аткинсона и его супруги Люси Аткинсон характерно теплое и доброжелательное отношение к казахскому народу, неподдельный интерес к его истории и культуре. Английские путешественники высоко отзывались о воинской доблести, гостеприимстве и поэтическом даре казахов, высказывали немало интересных замечаний об исполнительском мастерстве народных импровизаторов-акынов и восприятию их творческого дара соплеменниками.

Думается, что издание в Казахстане русских переводов крупных фрагментов этих оригинальных источников по истории и культуре казахского народа в определенной степени поможет углубить казахстанцам представления о далеком прошлом своей страны и обогатит их новыми знаниями о культуре и быте казахского народа в дореволюционную эпоху.

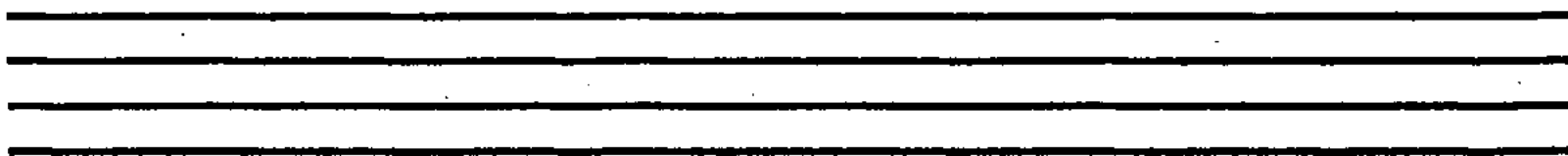
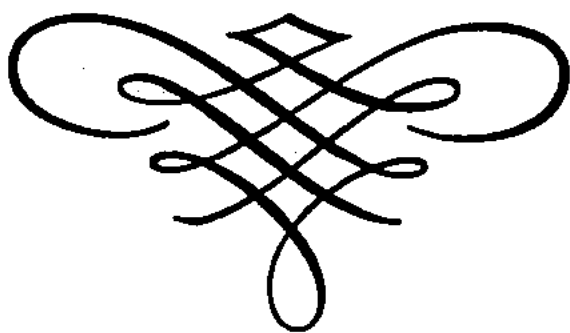

ПУТЕШЕСТВИЕ
В СРЕДНЮЮ АЗИЮ
1558-1560 гг.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI в /Пер. с английского Ю.В. Готье (Иностранные путешественники о России). — Л.: ОГИЗ, 1937. — С. 167-192.

1. Путешествие господина Антония Дженкинсона из города Москвы в России до города Бухары (Boghar) в Бактрии в 1558 г., описанное им самим для лондонских купцов Московской компании¹.

Апреля 1558 г., получив от русского царя грамоты к различным царям и государям, через владения которых мне придется проезжать, я выехал из Москвы водой, имея с собой двух наших служащих, а именно: Ричарда Джонсона и Роберта Джонсона², и татарина — толмача (tolmach)³ с тюками различных товаров, как это видно из описи. 28-го мы приехали в город, называемый Коломной (Collom)⁴, расстоянием от Москвы 20 лиг. Пройдя одну лигу за Коломну, мы въехали в реку, называемую Окой (Осса)⁵, в которую река Москва впадает, теряя свое название. Проплыв вниз по Оке 8 лиг, мы прибыли в замок (castle) по имени Перевитеск (Terrevetisco)⁶, который мы оставили по правую руку; следуя дальше, мы достигли 2 мая другого замка, называемого Переяславлем (Peroslave)⁷, в 8 лигах от предыдущего, также оставив его по правую руку. 3-го мы доехали до места, где была расположена Старая Рязань⁸, теперь почти вся разрушенная и заросшая травой; от Переяславля она отстоит на 6 лиг; 4-го мы прошли мимо замка, называемого Тереховым (Terhescovia, Терехов монастырь)⁹, в 12 лигах от Рязани, а 6-го подошли еще к одному замку, называемому Касимовым (Cassim)¹⁰, находящемся под управлением татарского князя Шиг-Алея (Utzar Zegoline)¹¹, когда-то царя богатого города Казани, ныне же подданного московского царя. Оставив Касимов по левую руку, мы 8-го прибыли в прекрасный город Муром (Mogom)¹², 20 лигах от Касимова. Здесь мы измерили высоту солнца и определили, что находимся на 56° широты. Следуя дальше, мы доехали 11 мая до другого славного города и замка, называемого Нижний Новгород (Nyze Novograd)¹³, расположенного при впадении Оки в знаменитую реку Волгу; он отстоит от Мурома в 25 лигах и находится на широте 56° 18'. От Рязани до Нижнего Новгорода по обоим берегам Оки собирается наибольшее количество воска и меда¹⁴ во

всей русской земле. Мы оставались в Нижнем Новгороде до 19 мая, ожидая прибытия начальника, посланного царем править Астраханью. Когда он приехал и под его начальством соединилось до 500 больших судов, частью нагруженных съестными и военными припасами и солдатами, частью же — товарами, мы все вместе отбыли от Нижнего Новгорода 19 мая и 22-го приехали к замку, расположенному в 25 лигах от Нижнего Новгорода, называемому Василь-Город (Vassiliagorod)¹⁵, который остался у нас по правую руку. Этот город, или замок, получил свое название от имени отца нынешнего царя, которого звали Василием; «город» же на русском языке значит «замок», так что «Василь-Город» означает «Васильев замок»; это самое дальнее место, которое этот царь завоевал у татар. Но теперешний царь, его сын, называемый Иваном Васильевичем¹⁶, одержал большие победы в своих войнах как против христиан, так и против магометан и язычников, а особенно против татар; он расширил своё царство даже до Каспийского моря и завоевал знаменитую реку Волгу со всеми прилегающими к ней странами. Продолжая таким образом наше путешествие, мы достигли 25 мая другого замка, называемого Чебоксары (Sabowshare)¹⁷; в 16 лигах от Василь-Города; он остался по правую руку от нас. Окрестная страна называется Мордва (Mordovits)¹⁸; ее жители исповедовали языческую веру; теперь, будучи покорены нынешним русским царем, они по большей части крещены, но живут в лесах и пустынных местах без городов и жилищ.

27 мая мы прошли мимо другого замка, называемого Свижеским (Swyasko)¹⁹, в 25 лигах от Чебоксар. Оставив его по правую руку, мы подошли 29-го к острову в одной лиге от города Казани²⁰, от которого течет Казанка-река и впадает в Волгу. Казань — прекрасный город, построенный по русскому и татарскому образцу, с крепким замком, стоящим на высоком холме. Замок был обнесен земляным валом с деревянными укреплениями, но русский царь приказал теперь снести старые стены и выстроить новые из белого камня. Казань была очень богатым городом; находясь в руках татар, она была самостоятельным государством, которое более, чем какое-либо иное, причиняло затруднения русским во время войны. Но 9 лет назад нынешний русский царь завоевал ее, и взял в плен ее царя²¹: последний, будучи очень юн, теперь окрещен и воспитывается при царском дворе: там же живут два других князя, которые также были некогда казанскими царями, но так как каждый из них во время своего царствования опасался своих подданных вследствие гражданской войны, то оба в различное время передались русскому царю, так что в настоящее время

при русском дворе имеется три князя, бывших прежде казанскими царями. Царь всех их содержит в большом почете*. Мы оставались в Казани до 13 июня и потом отправились дальше. В тот же день мы прошли мимо острова, называемого Купеческим²², который был обычным местом, где все купцы — русские, казанцы, ногайцы и крымцы — съезжались и производили торг, покупали и продавали, но теперь торг оставлен, и нет подобного съезда ни в Казани, ни где бы то ни было от Москвы до Каспийского моря.

Подвигаясь таким образом вперед, мы проплыли 14 мая мимо красивой реки, называемой Кама²³, которую мы оставили по левую руку. Река эта течет из Пермской страны²⁴ и впадает в Волгу в 15 лигах от Казани. Страна между Казанью и Камой называется Вачен (Vachen)²⁵, ее обитатели язычники и живут в диких местах без домов и других жилищ; страна же на той стороне Волги против Камы называется землей черемисов (Chere-mizes)²⁶, полуязычников, полутатар; а страна по левую сторону Волги от Камы до Астрахани и далее вдоль северного и северо-восточного берега Каспийского моря до земли татар, называемых туркменами (Turkamen), носит название страны Мангат, или ногаев²⁷; жители ее держатся закона Магомета. Все они были истреблены в 1558 г., в бытность мою в Астрахани, гражданскими усобицами, сопровождаемыми голодом, чумою и всякими моровыми поветриями, так что в сказанном 1558 году от той или другой причины погибло свыше 100 000 человек из этого народа. Такого мора никогда не видели в этих странах; земли ногайцев изобиловали пастбищами, теперь же они пусты к большому удовольствию русских, у которых были долгие и жестокие войны с ногайцами.

Когда ногайцы процветали, жизнь их протекала следующим образом. Они распадалась на отдельные группы, называвшиеся ордами; каждая орда имела особого правителя, называвшегося мурзой, которому она повиновалась как своему королю. У них не было ни городов, ни домов, они жили в открытых степях; каждый мурза, или король, имел около себя свою орду, или своих подданных, с их женами, детьми и скотом. Когда съедалась вся трава, орда переходила на другое место. Они передвигаются с домами, подобными палаткам, устроенными

* Казанскими царями, о которых говорит Дженкинсон, были: 1) Шигалей, или Шейх-Али; 2) Утямыш-Гирей, сын Сафа-Гирея, род. в 1546 г., царствовавший в 1549—1551 гг.; в 1551 г. Утямыш был низложен, отправлен в Москву с матерью Сююн-Бике (Сумбекой), крещен именем Александра Сафакиреевича, умер в Москве в 1566 г; и 3) плененный в 1552 г. Едигер (Ядыгар), получивший при крещении в 1553 г. имя Симеона Касаевича, умер в Москве в 1565 г.

на повозках и перевозимыми с места на место верблюдами. На них они перевозят жен, детей и все свое добро, очень незначительное; каждый мужчина имеет, по крайней мере, 4 или 5 жен, не считая наложниц. Они не употребляют денег, но меняют скот на одежду и другие необходимые вещи. Они не занимаются никакими ремеслами или искусствами, кроме военного, в котором они очень опытные; они, главным образом, скотоводы и имеют большое количество скота, который и составляет их главное богатство. Они едят много мяса, преимущественно конского, и пьют кобылье молоко, от которого часто бывают пьяны; они очень мятежны и склонны к воровству и убийству. Они ничего не сеют и не едят хлеба, насмехаясь за это над христианами, и преуменьшают нашу силу, говоря что мы живем тем, что едим верхушки трав и пьем напиток, сделанный из того же, и указывая при этом, что огромное количество поедаемого ими мяса и молока составляет источник их силы. Однако следует возвратиться к моему путешествию.

Вся страна по правую руку от нас, начиная от места против Камы вниз до Астрахани, есть земля крымцев²⁸, жители которой также держат закон Магомета и живут приблизительно так же, как и ногайцы. Они постоянно ведут войны с русским царем, мужественны на поле битвы и пользуются покровительством и помощью турецкого султана (Creat Turke)*.

16 июня мы прошли мимо нескольких рыбачьих хижин, называемых Тетюши (Petowse)²⁹, в 20 лигах от устья Камы. Здесь происходит большой лов осетров. Так, продолжая путь далее, мы прошли 22-го мимо другой большой реки Самары³⁰, которая вытекает из вышеуказанной (Пермской) страны, течет через ногайскую землю и впадает в Волгу. 28-го мы подъехали к большому холму³¹, где в минувшие времена стоял замок, выстроенный крымцами, теперь разрушенный; он находится как раз на полпути между Казанью и Астраханью, что составляет 200 лиг или около того, на широте 51° 47'**. По всему этому берегу растет в изобилии солодковый корень, уходящий в землю, подобно корням виноградной лозы.

Подвигаясь все вперед, мы прибыли 6 июля к месту, называемому Переволокой (Perevolok)³², потому что в прошлые времена татары здесь обычно перетаскивали по земле свои

* Creat Turke — «Великий турок» — обычное название, которое давалось в Западной Европе XVI в. главе турецкого государства.

** Речь идет об Увске, прежнем татарском укрепленном городе, имевшем большое военное и торговое значение. Увек находился в ближайших окрестностях Саратова. Последний, основанный в 1590 г., является историческим преемником Увека. Книга «Большого чертежа» упоминает о «Городище Увешенском» близ Саратова.

лодки из Волги в реку Танаис, иначе называемую Доном, когда они собирались грабить спускавшихся по Волге к Астрахани, или, наоборот, спускавшихся по Танаису к Азову, Каффе, или иному какому-нибудь городу на Эвксинском (т.е. Черном) море, в которое впадает Танаис³³; истоки Танаиса находятся на равнине в Рязанской области. В этом узком месте на Переволоке расстояние от одной реки до другой по суше всего 2 лиги. Оно очень опасно из-за воров и разбойников, однако в настоящее время, вследствие завоеваний русского царя, оно не так страшно.

Отъехав от Переволоки и плывя среди пустыни, простирающейся с обеих сторон, мы увидели большое скопление ногайцев, пасших свои стада: тут было, примерно, свыше 1 000 верблюдов, впряженных в повозки с жилищами на них в виде палаток странного вида, казавшихся издали городом³⁴. Эта орда принадлежала великому мурзе Измаилу (Smille)³⁵, самому значительному государю Ногайской земли, который убил и прогнал всех остальных, не пощадив своих собственных братьев и детей. Теперь, находясь в мире с русским царем, он имеет все, что ему нужно, и правит один, русские же живут в мире с ногайцами, тогда как раньше между ними шла смертельная война.

14 июля, пройдя мимо старого замка, где была старая Астрахань³⁶, и оставив его по правую руку, мы пришли к новой Астрахани, которую русский царь завоевал 6 лет назад, в 1552 г.* От Москвы до Астрахани — всего 600 лиг или около того. Город Астрахань стоит на острове, на высоком берегу с замком внутри города, обнесенным земляным валом и деревянными стенами; замок ни красив, ни крепок. Город также весь окружен земляным валом; строения и дома (кроме тех, где живут начальники и некоторые другие дворяне) низкие и очень простые. Остров очень беден, без лесов и пастбищ, и земля не родит хлеба; воздух здесь зараженный, как я думаю, от множества рыбы, в особенности осетров; рыбой единственно и питается население, между тем как мяса и хлеба очень мало. Чтобы сушить рыбу для запасов, они развешивают ее на улицах и у домов, отчего, к их великому бедствию, здесь бывает такое большое количество мух, какого не увидишь ни в одной стране. Во время моего пребывания

---

* Ошибка Дженкинсона, смешивающего взятие Астрахани с взятием Казани. Старая татарская Астрахань, стоявшая, быть может, на месте хазарского Итиля, находилась в 12—15 км выше русской Астрахани, на правом берегу Волги, в урочище, носящем в настоящее время название «Жареные бугры».

в Астрахани население страдало от сильного голода и мора, в особенности они свирепствовали среди татар и ногайцев, которые в это самое время пришли сюда в большом числе, чтобы отдаться своим врагам русским и искать их помощи вследствие того, что, как я уже сказал выше, вся страна их была опустошена. Однако их плохо приняли и мало им помогли: большое число их умерло от голода; мертвые тела кучами валялись по всему острову непогребенные, подобно зверям; жалко было смотреть на них. Многих из оставшихся в живых русские продали в рабство, а остальных прогнали с острова. В это время было бы легким делом обратить в христианскую веру этот незаконный народ, если бы сами русские были добрыми христианами: но как могли они выказать сострадание к другим народам, когда они так немилосердны к своим собственным соотечественникам?

Когда я был в Астрахани, я мог бы купить много красивых татарских детей, целую тысячу, если бы захотел, у их собственных отцов и матерей, а именно: мальчика или девочку за каравай хлеба, которому цена в Англии 6 пенсов, но в это время мы сами нуждались в съестных припасах более, чем в каком бы-то ни было товаре. Астрахань — самая отдаленная крепость, которую русский царь завоевал в сторону Каспийского моря; он старается, чтобы она была очень сильной, и ежегодно посылает туда людей, припасы и лес для постройки замка.

Здесь производится некоторая торговля нужными населению товарами, но столь малая и нищенская, что не стоило бы о ней упоминать, но все же купцы приезжают сюда из разных мест³⁷. Главнейшие товары, привозимые сюда русскими, — сырые кожи, сырые овечьи шкуры, деревянная посуда, уздечки, седла, ножи и другая мелочь, а также хлеб, свинина и иные съестные припасы. Татары привозят сюда разные сорта товаров из хлопчатой бумаги и шелковые материи; приезжающие из Персии, а именно из Шемахи (Shamaski)³⁸, привозят шелковые нитки, которые более всего употребляются в России, материи, различные сорта пестрых шелков для поясов, кольчуги, луки, мечи и т.п. вещи, а в иные годы привозят хлеб и грецкие орехи, но все это доставляют в очень малом количестве, потому что купцы так нищенски бедны, что не стоит об этом и писать, так же, как и не стоит надеяться, что торговля здесь будет стоять того, чтобы ее продолжать.

Вышесказанный астраханский остров имеет в длину 12 лиг, а в ширину 3 и тянется с востока на запад на широте 47°9'. Мы пробыли там до 6 августа. Купив и снарядив лодку в компании с несколькими татарами и персами, мы погрузили в нее свои

товары и взошли на нее, и в этот же самый день я отплыл вместе с обоими вышеупомянутыми Джонсонами, взяв на себя всю заботу о плавании вниз по Волге, очень извилистой и полной мелей близ устья. 10 августа мы вошли в Каспийское море через восточный рукав реки на широте $46^{\circ} 27'$.³⁹

Волга впадает в море семидесятью устьями⁴⁰. Идя под сильным ветром, мы держались северо-восточного берега; 11-го мы прошли под парусами 7 лиг к северу-северо-востоку и прибыли к острову с большим холмом на нем, называемому Аккургар (Assurgar)⁴¹ и очень заметному в море. В 10 лигах к востоку от этого острова мы поравнялись с другим островом по имени Бохайата (Bawhiata)⁴², еще более высоким, чем первый. Между этими двумя островами, к северу лежит большой залив, называемый Синим морем (Blue sea)⁴³. Отсюда мы прошли 10 лиг к северо-востоку но, встреченные противным ветром, бросили якорь при глубине в одну сажень и простояли тут до 15-го, испытав большую бурю с юго-востока, с ветром, наиболее противным для нас, которую мы выдержали. После этого ветер перешел к северу, мы подняли якорь, направили курс на юго-восток и в этот день прошли 8 лиг. Подвигаясь таким образом вперед, мы 17-го потеряли из виду берег и прошли в этот день 30 лиг, а 18-го еще 20 лиг к востоку и достигли земли, называемой Боглита (Vaughleata)^{*44}, в 74 лигах от устья Волги, на широте $46^{\circ} 54'$, причем берег тянулся с юго-востока на северо-запад. На оконечности этой земли находится могила какого-то святого пророка их закона, как называют его татары, которому усердно поклоняются все магометане, едущие этой дорогой⁴⁵.

19-го, держа при западном ветре курс на юго-восток., мы сделали 10 лиг и прошли мимо большой реки, называемой Яиком⁴⁶, которая берет начало в Сибири неподалеку от упомянутой выше реки Камы, течет по земле ногайцев и впадает в Каспийское море. В одном дне пути вверх по этой реке лежит город, называемый Сарайчик (Seratchik)⁴⁷, подвластный татарскому князю, называемому Мурзой Измаилом, ныне находящемуся в дружбе с русским царем. Здесь не производится никакой торговли, так как здешний народ не употребляет денег; все они — воины и скотоводы, предающиеся воровству и убийствам. В то время как мы стояли на якоре против устья Яика, а все наши люди были на берегу, исключая меня, лежавшего тяжело больным, и 5 татар, в том числе одного, пользовавшегося славой святого человека, потому что он побывал в Мекке, к нам подъехала лодка с 30 хорошо во-

* Под страной Боглита надо разуметь самую северную часть берега Каспийского моря к западу от устья Урала.

оруженными и снаряженными людьми; подойдя к нашему борту, они пытались войти на судно; наш святой татарин по имени Ази⁴⁸, увидев это, спросил их, что им нужно и в то же время произнес молитву. Разбойники остановились, заявляя, что они люди благородные (Gentlemen), изгнанные с родины⁴⁹ и без средств, и что они приехали посмотреть, нет ли на нашем судне русских или иных христиан, которых они называют кафарами (Caphars). На это Ази крикнул им, что таких не имеется, подтверждая свои слова величайшими клятвами своей веры (которые они нелегко нарушают). Разбойники поверили ему и после его слов отъехали. Так, благодаря верности этого татарина, я со всеми моими спутниками и товарами был спасен. Когда наши люди возвратились с берега, мы пустились в путь, при попутном ветре, и в этот день 20 августа прошли 16 лиг.

21-го мы прошли мимо бухты в 6 лиг шириной⁵⁰ и поравнялись с косой, на юго-восточной стороне которой было два острова, очень заметных с моря; за этой косой берег уклонялся к северо-востоку образуя другую бухту, в которую впадает большая река Эмба (Uem)⁵¹, берущая начало в стране калмыков.

22, 23 и 24-го мы стояли на якоре⁵².

25-го ветер стал попутным, и мы в этот день проплыли 20 лиг, миновав низкий остров⁵³, вокруг которого было много песков и отмелей. К северу от него лежит большая бухта, но мы отделились от этого острова и пошли на юг, чтобы достигнуть глубокой воды, так как нам сильно мешали мели. Держась этого курса, мы прошли 10 лиг, потом 20 лиг к востоку-юго-востоку и достигли материка, покрытого холмами. Мы прошли вдоль берега 20 лиг, и чем дальше мы плыли, тем выше становился берег.

27-го мы пересекли бухту⁵⁴, южный берег которой был выше противоположного и подошли к высокому мысу. Как только мы его миновали, поднялся такой шторм с востока, что мы воистину подумали, что погибнем; шторм продолжался 3 дня. От этого мыса мы поплыли к гавани, называемой Мангышлак (Manguslake)⁵⁵. Место, где мы должны были пристать, находится в самой южной части Каспийского моря*, в 12 лигах внутри залива. Но так как нас сильно потрепало и покидало штормом,

---

* О превратном представлении Дженкинсона об очертаниях Каспийского моря свидетельствует составленная им карта: караванный путь от Мангышлакского полуострова к озеру Барса-Кельмес и к высохшему Айбутирскому заливу Аральского моря. Водное пространство, принятое Дженкинсоном за конец Каспийского моря, могло быть Айбутирским заливом, озером Барса-Кельмес или озером Сары-Камыш

то мы были отброшены к другому месту на другой стороне залива, у очень низкого берега против Мангышлака. Место это, куда ни одно судно и ни одна лодка никогда не приставали до нас, сильно не понравилось нам как вследствие неудобства гавани, так и вследствие грубости кочевого населения.

Все же мы послали здесь несколько наших людей на берег поговорить с правителем и с народом⁵⁶, чтобы нам было обеспечено хорошее обращение с их стороны, и чтобы возможно было заpastись верблюдами для доставки наших товаров в место, называемое Селлизюр (Sellisure)⁵⁷, находящееся в 25 днях пути от места нашей высадки. Наши посланцы возвратились с ободряющими словами и с честными обещаниями все сделать для нас.

Поэтому 3 сентября мы разгрузили наше судно, и я вместе с моими спутниками был любезно принят князем и его подданными⁵⁸. Однако еще до отъезда нашего отсюда мы убедились, что здешний народ дурной и грубый; они не переставали каждый день беспокоить нас драками, кражами и вымогательством, они подняли цену на верблюдов, лошадей и припасы вдвое против того, что было условлено, и вынудили нас покупать у них воду для питья. Это заставило нас поспешить с отъездом и согласиться на все их условия как по найму верблюдов, так и по уплате за все, что мы у них покупали, так что за каждого груженого верблюда, несущего только 400 фунтов нашего груза, мы согласились уплатить по 3 русских кожи и по 4 деревянных блюда, а князю, или правителю здешнего народа, — 9 штук одного и дважды семь другого⁵⁹, итого: 9 и дважды по семи отдельных предметов, ибо денег они не употребляют.

Изготовившись таким образом, мы выехали 14 сентября из этого места караваном из 1000 верблюдов. Проехав 5 дней, мы вступили во владения другого государя и навстречу нам по пути подъехали несколько хорошо вооруженных татар, находившихся на службе этого государя по имени Тимур-султан (Timur Soltan)⁶⁰, правителя страны Мангышлак, где мы предполагали пристать и разгрузиться, если бы нас не обманула буря. Эти татары остановили наш караван именем своего государя, вскрыли паши товары и забрали безденежно для своего государя все вещи, какие они сочли наилучшими; по поводу же моих вещей, которые они забрали у меня и которые после больших споров определились, как одна девятка, я отправился к самому князю и, представ перед ним, просил у него о покровительстве и об охранной грамоте для путешествия по его владениям без опасности быть ограбленным и разоренным его подданными. Он исполнил мою просьбу и, приняв меня

очень любезно, приказал хорошенько угостить меня мясом и кобыльим молоком, ибо хлеба они не употребляют, равно как и никакого другого напитка, кроме воды. Однако мне он не дал денег за отобранные у меня вещи, которые на русские деньги могли стоить 15 р., но дал мне свою грамоту и лошадь стоимостью в семь рублей. Итак, я уехал, радуясь, что ушел от него благополучно, ибо он считается великим тираном, и если бы я не поехал к нему, то, как я понял, было бы отдано приказание ограбить и разорить меня.

Этот султан обитал в степи, а не в замке и не в городе, и сидел, когда я был у него, в маленьком круглом домике из камыша, обитом снаружи войлоком, а внутри коврами. С ним был великий митрополит⁶¹ этой дикой страны, столь же чтимый народом, как римский епископ чтим в большей части Европы, и несколько других важнейших его сановников. Султан и митрополит задавали мне много вопросов о наших королевствах*, их законах и религии, а также о причинах моего прибытия и эти страны и о моих дальнейших намерениях. На все я отвечал, как мне казалось, хорошо и мои слова они приняли благосклонно. Простившись, я уехал, догнал наш караван, и мы продолжали наше путешествие, пройдя 20 дней по пустыне от самого берега моря, не видя ни городов, ни жилищ и везя с собою съестные припасы на все это время. Нам на свою часть пришлось съесть одного из верблюдов и одну лошадь; другие наши спутники делали в это время то же самое. В течение этих 20 дней мы не находили другой воды, кроме той, которую добывали в старинных глубоких колодцах, солоноватую и совсем соленую, а иногда дня по два, по три оставались и без такой воды, 5⁶² октября мы снова подошли к заливу Каспийского моря**, где нашли свежую пресную воду. У этого залива нас встретили таможенники короля туркменов, которые взяли с нас в качестве сборов по одной вещи с каждых 25 и семь девяток***⁶³ в пользу своего короля и его братьев. Получив все, они уехали, мы же остались здесь еще на день для отдыха.

---

* Т.е. Англии и Ирландии, а может быть, также Шотландии.

** Здесь ясно видно превратное представление Дженкинсона о географии Средней Азии, которое отражается и в составленной им карте. Дело идет или о Сарыкамышской котловине, которая в то время представляла собой большое озеро, или об озере Барса-Кельмес, или же о южном заливе Аральского моря; см. выше.

*** Расчет взимания пошлин был таков: бралось несколько раз по известному количеству предметов: семь девяток означает, что было взято семь раз по 9 предметов; двадцать девяток означает двадцать раз по 9 отдельных предметов и т. д.

Надо отметить, что в прошлые времена великая река Оксус впадала в этот залив⁶⁴ Каспийского моря; она берет начало в горах Параромиза (Paparomisus) в Индии⁶⁵; теперь она не доходит так далеко, но впадает в другую реку по имени Ардок, которая течет на север и уходит в землю, протекая под нею более 500 миль⁶⁶, она снова выходит наружу и впадает в озеро Китай. Отдохнув у залива, мы отправились оттуда 4 октября, а 7-го прибыли в крепость, называемую Селлизюр, где пребывал король по имени Азим-хан⁶⁷ с тремя другими своими братьями; 9-го я получил приказание явиться к нему и представил ему грамоты русского царя. Ему я поднес подарок — одну девятку из моих товаров. Он принял меня очень хорошо и предложил мне есть в его присутствии, так же, как поступили и его братья, угощая меня мясом дикой лошади и кобыльим молоком без хлеба. На следующий день он снова присылал за мной и задавал мне много вопросов как о делах русского царя, так и о нашей стране и ее законах, на что я отвечал, как мне казалось, наилучшим образом, так что при нашем отъезде он дал мне охранную грамоту от своего имени.

Крепость Селлизюр⁶⁸ расположена на высоком холме; здесь живет король, называемый ханом. Его дворец состоит из низеньких, длинных, не очень прочных построек. Жители бедны и почти не ведут торговли. Южная часть крепости расположена на низкой, но очень плодородной земле; здесь растет много прекрасных плодов, из которых один, называемый дыней (Duniy)⁶⁹, отличается большими размерами и наполнен соком; жители едят их вместо напитка после еды. Есть здесь и другой плод, называемый арбузом (Carbuse), величиной с большой огурец, желтый и сладкий, как сахар, а также хлебное растение, называемое иегур (iegur)^{*70}, стебель которого очень похож на стебель сахарного тростника и такой же высоты как последний; зерна его похожи на рис и растут на верхушке стебля, подобно кистям винограда. Вода, которой пользуется вся эта страна, берется из канав, проведенных из реки Оксус к великому истощению ее, вот почему она не впадает больше в Каспийское море, как в минувшие времена. В недалеком времени вся эта страна будет, наверно, разорена и станет пустыней из-за недостатка воды, когда не хватит вод Оксуса⁷¹.

14 октября мы выехали из Селлизюра, а 16-го того же месяца прибыли в город по имени Ургенч (Urgence)⁷², где заплатили пошлины как со своих голов, так и с голов наших верблюдов и лошадей. Так мы оставались здесь в течение месяца, ожидая времени дальнейшего путешествия. Король этой страны по имени

* Вероятно, кунджут

Али-султан⁷³, брат вышеназванного Азим-султана, возвратился из города Хорасана (Corgasan), в пределах Персии, завоеванного им у персов, с которыми он и остальные короли Татари (Tartaria) ведут постоянно войны. И к этому королю я получил приказание явиться, представил ему грамоты русского царя. Он принял меня милостиво и задавал различные вопросы, а при отъезде моем дал мне охранные грамоты.

Город Ургенч⁷⁴ стоит на равнине и обнесен земляными стенами окружностью около 4 миль. Здания также земляные, но разваливающиеся и в беспорядочном состоянии; одна длинная улица крыта сверху: она служит им рынком. Четыре раза за 7 лет город переходил из рук в руки вследствие междоусобных войн⁷⁵; поэтому в нем очень мало купцов, и они очень бедны: во всем городе я смог продать только четыре куска каразей. Главнейшие товары, которые здесь продают, — это те, которые привозят из Бухары или из Персии, но их так мало, что не стоит и писать. Вся страна от Каспийского моря до этого города Ургенча называется страной туркменов и подвластна Азим-хану и его братьям, числом пять⁷⁶. Один из них именуется главным королем, или ханом, но ему плохо повинуются за пределами его собственных владений и того места, где он живет, ибо каждый желает быть самостоятельным королем в своей части, и все братья стремятся погубить один другого. Между ними нет кровной любви, потому что они рождены различными женщинами, и обычно они являются детьми рабынь, христианок и язычниц, которых отец держит в качестве наложниц. Каждый хан или султан имеет, по крайней мере, 4 или 5 жен, не считая молодых девушек и мальчиков, так как жизнь они ведут порочную. Когда между этими братьями идет война (а редко бывает, чтобы ее не было), то побежденный, если он только избежит смерти, бежит в степь с теми, кто за ним последует, живет в пустыне поблизости от колодцев с водой, разбойничает и грабит торговые караваны и всех, кого может одолеть, продолжая таким образом свою злодейскую жизнь, пока не сможет собрать силы и получить помощь, чтобы снова вторгнуться во владения кого-нибудь из своих братьев. От Каспийского моря до замка Селлизюр и по всей стране у Каспийского моря люди живут, не имея городов и постоянных жилищ, в диких степях, кочуя с одного места на другое большими ордами со всем своим скотом, которого у них множество, а именно: верблюдов, лошадей и овец, как прирученных, так и диких. Овцы у них очень большие, с толстыми задами, и весят от 60 до 80 фунтов⁷⁸. Там много

диких лошадей, которых татары иногда убивают при помощи своих соколов следующим образом. Соколов приучают хватать животное за шею или за голову. Разгоряченное бегом животное утомляется от упорного долбления сокола; тогда охотник, гонящийся за своей дичью, убивает лошадь стрелой или мечом⁷⁹. По всей стране растет не трава, а род сухого хвороста или вереска, питаясь которым, скот становится очень жирным.

Татары никогда не выезжают без лука, стрел⁸⁰ и меча, будь то на соколиную охоту или для какого-нибудь другого увеселения; они очень хорошие стрелки, как будучи на коне, так и пешие. Народ этот не употребляет ни золота, ни серебра, ни иных каких-либо монет, а когда они нуждаются в одежде или в других необходимых вещах, они меняют на них скот. У них вовсе нет хлеба, так как они не пахут и не сеют; они поедают большое количество мяса, которое режут мелкими кусками и жадно едят пригоршнями, особенно конское. Их любимый напиток — кислое кобылье молоко, что я уже говорил о ногайцах⁸¹; им же они напиваются допьяна. В их стране нет ни рек, ни водных пространств, пока не доедешь до вышеуказанного залива, отстоящего на 20 дней пути от места нашей высадки, если не считать колодцев с солоноватой водой, которые иногда находятся в двух или даже более днях пути один от другого. Они едят на земле, сидя с поджатыми под себя ногами; так же сидят они, когда молятся. У них нет никаких ремесел или искусств; они проводят время в лени, сидя большим обществом в кругу и занимаясь болтовней и пустыми разговорами⁸².

26 ноября мы выехали из города Ургенча и, проехав по Оксусу 100 миль, вошли в другую большую реку Ардок, причем тут мы заплатили некоторую небольшую пошлину. Ардок⁸³ — большая и очень быстрая река, вытекает из Оксуса и течет около 1000 миль к северу, затем теряется в земле и, пройдя 500 миль под землей, снова выходит на свет, чтобы влиться в озеро Китай, как я уже сообщал об этом выше⁸⁴.

7-го декабря, мы приехали к замку, называемому Кайт (Kait)⁸⁵, подвластному одному султану по имени Сарамет-султан⁸⁶, который намеревался ограбить всех христиан в нашем караване, если бы не боялся своего брата, короля Ургенча. Об этом мы были уведомлены одним из его главных советников, который принудил нас сделать султану подарок, который этот советник получил и передал по назначению; кроме того, мы в этом замке заплатили пошлин по одной сырой русской коже с верблюда, не считая мелких подарков султанским чиновникам.

Продолжая так свое путешествие, 10 декабря, к вечеру, когда расположились на отдых и расставили стражу, мы

увидели, что к нам подъехали четыре всадника, которых мы приняли за лазутчиков. Мы отобрали у них оружие и связали их; когда мы хорошенько порасспросили их, они признались, что видели следы многих коней, но без верблюжьих следов среди них, и дали нам понять, что в окрестностях бродят воры и разбойники: в этой стране верные и мирные люди путешествуют только караванами, в которых много верблюдов, а поэтому свежие следы лошадей без верблюдов внушают сомнение. После этого, посоветовавшись между собою, мы решили послать весть вышеупомянутому кайтскому султану, который прибыл немедленно сам с 300 всадниками и, встретив сказанных четырех человек, которых мы выслали к нему вперед, так строго допросил их и так им пригрозил, что они сознались, что в 3 дня пути впереди находится один изгнанный князь⁸⁷; который собирается ограбить нас, если только сможет, и что они принадлежат к его шайке. Султан, узнав, что воры немногочисленны, приказал 80 хорошо вооруженным людям с начальником во главе идти с нами и провожать нас в пути. Сам же султан возвратился назад, забрав с собою четырех воров. Воины шли с нами 2 дня, истребляя много наших припасов. На третий же день рано утром они ушли от нашего каравана вперед и прошли в военном строю по пустыне часа четыре, после чего повернули и, несясь во весь опор к нам навстречу, заявили, что они обнаружили неподалеку от нас конские следы. Хорошо понимая, что мы должны встретить врагов, они заставили нас сложиться в их пользу и спросили, что мы им дадим за то, что они будут сопровождать нас дальше, иначе они возвратятся назад. Мы предложили им вознаграждение, какое сочли приличным, но они отказались от нашего предложения, желая получить больше, а когда мы на это не согласились, они уехали от нас назад к своему султану, который, по нашему предположению, был посвящен в этот заговор. Когда они уехали, некоторые татары из каравана, называемые святыми людьми (ибо они побывали в Мекке), заставили весь караван остановиться и пожелали помолиться и погадать, будет ли наше путешествие счастливым и встретимся ли мы или нет с каким-нибудь враждебным отрядом. С этим согласился весь караван. Тогда они взяли несколько баранов, закололи их и, вынув лопатки⁸⁸, сварили последние и потом сожгли их; затем, взяв кровь баранов, смешали ее с пеплом костей и написали этой кровью какие-то буквы; все это сопровождалось разными обрядами и словами. Из этого гадания они вывели, к нашему большому смущению, что мы встретимся с врагами и ворами, но одолеем их. Я и мои товарищи

не поверили этому колдовству, но все оказалось верным, ибо менее чем через три часа после того, как покинули нас воины, - было это 15 декабря утром, — мы заметили вдали скачущих к нам всадников; видя, что это разбойники, мы сомкнулись теснее; нас было 40 человек, хорошо снаряженных и способных сражаться. Все вместе мы помолились каждый по своей вере, поклявшись жить или умереть всем сообща, и, таким образом, приготовились. Когда воры приблизились к нам, мы увидели, что их всего 37 человек, хорошо вооруженных луками, стрелами и саблями, а начальник их — князь, изгнанный из своей страны. Они предложили нам сдаться, объявив, что иначе мы будем убиты; это вызвало в нас только презрение. Тогда они стали стрелять в нас залпами, на что мы отвечали очень горячей стрельбой. Так мы продолжали сражение с утра до 2 часов после заката солнца, причем обе стороны потеряли убитыми и ранеными людей, лошадей и верблюдов; не будь у меня и у моих товарищей ружей^{*89}, которые мы пустили в дело, они нас одолели бы и уничтожили, потому что они были лучше вооружены и лучше стреляли из лука, чем наши. Однако после того, как мы убили у них несколько людей и лошадей из наших ружей, они не осмеливались подъезжать к нам так близко, и это заставило их заключить с нами перемирие до следующего утра. Мы согласились, расположились лагерем на холме и устроили род крепости, окружив лагерь тюками товаров и поместив лошадей и верблюдов внутри, чтобы предохранить их от стрел. Воры также стали лагерем на расстоянии выстрела из лука от нас, но, к нашему великому неудобству, они расположились между нами и водой, а как мы, так и наши верблюды не пили уже два дня⁹⁰.

Мы зорко стояли на страже, после полуночи воровской князь отправил к нашему лагерю посланца, вызывавшего для переговоров нашего начальника, или, на их языке, караван-баши. Последний ответил посланцу: «Я не оставлю моих товарищей и не выйду, чтобы говорить с тобой, но если твой князь, и все его товарищи поклянутся по нашему закону, что будут соблюдать перемирие, то я вышлю человека, чтобы говорить с тобой, иначе нет». Князь, и все его товарищи, узнав об этом, клялись так громко, что мы могли слышать их.

Тогда мы послали одного из наших (считавшегося святым человеком) разговаривать с их посланцем. Их сообщение было высказано громко в следующих словах: наш князь требует от караван-баши и от всех мусульман (Bussarman)⁹¹, т.е. обрезан-

---

* Small guns - могли быть, короткоствольные ружья или же большие пистолеты

ных, ибо мы не желаем проливать вашей крови, выдать ему всех кафаров, т.е. неверных (имея в виду нас, христиан), находящихся среди них, со всеми их товарами. «Если вы сделаете это, он позволит вам спокойно ехать далее с вашими товарами, в противном случае, если он победит, в чем он не сомневается, с вами поступит не менее жестоко, чем с кафарами». На это наш караван-баши ответил, что среди его спутников нет ни христиан, ни других иноземцев, кроме двух турок их же закона, что если бы таковые и имелись, он скорее умрет, чем выдаст их, что мы не боимся его угроз, и что это он сам узнает, когда настанет день. Продолжая переговоры, воры (в нарушение своей клятвы) потащили нашего святого человека к своему князю, громко крича в знак победы ««Алла! Алла!»⁹² Это обстоятельство привело нас в большое беспокойство, так как мы боялись, что наш святой человек выдаст нас. Однако, несмотря на жестокое обращение и на долгие допросы, он под страхом смерти все же не признался ни в чем, что могло бы служить к нашей невыгоде не только касательно нас лично⁹³, но даже относительно того, каких из наших людей они убили или ранили в предшествующую ночь. Когда ночь пришла, мы снова стали готовиться к бою. Заметив это, воры пожелали войти с нами в соглашение, однако очень много запросили с нас. Коротко говоря, большая часть наших спутников не хотела сражаться: им было мало что терять, и они имели охранную грамоту для дальнейшего путешествия, поэтому нам пришлось согласиться и отдать ворам 20 девяток, т.е. 20 раз по 9 отдельных предметов, и верблюда, чтобы везти их. Получив это, воры удалились в пустыню к прежнему местопребыванию, а мы отправились вперед своей дорогой. В эту ночь мы подошли к реке Оксус⁹⁴, где освежились после того, как 3 дня пробыли без воды и питья. Мы пробыли здесь весь следующий день, угощаясь нашими убитыми лошадьми и верблюдами. Отъехав отсюда, мы оставили проходящую вдоль этой реки большую караванную дорогу из опасения вновь встретиться с вышесказанными ворами или с подобными им, и 4 дня прошли по песчаной пустыне, прежде чем нашли воду; наконец, мы подошли к колодцу с сильно соленой водою. И теперь, и прежде мы постоянно испытывали недостаток в воде и в других припасах, и нам приходилось убивать на еду наших лошадей и верблюдов. И в этой пустыне мы едва не попали в руки воров. Однажды, когда мы расположились на отдых, появились какие-то лазутчики, которые похитили нескольких наших лошадей, лежавших немного поодаль от каравана. Сейчас же поднялся большой крик и вопли; мы тотчас же нагрузили наших верблюдов, отправились в путь

около полуночи и сильно гнали, пока снова не подошли к реке Оксус⁹⁵; тут мы уже ничего не боялись, так как самая река служила нашим укреплением. Оттого ли, что мы пришли к воде, или же потому, что воры были еще далеко от нас, когда нас открыли их разведчики, но мы избегли и этой опасности.

Итак, 23 декабря мы прибыли в город Бухару (Boghar) в Бактрийской земле. Эта Бухара⁹⁶ расположена в самой низменной части страны; она окружена высокой земляной стеной с различными воротами и разделена на три части, две из них принадлежат королю, а третья отведена купцам и рынкам; каждое ремесло имеет здесь особое место и свой особый рынок. Город очень велик; дома по большей части земляные, но есть также немало каменных домов, храмов и сооружений, роскошно построенных и позолоченных; в особенности бани так искусно выстроены, что подобных им нет на свете: рассказать о том, как они выстроены, было бы слишком долго. Посреди города протекает маленькая речка, вода которой очень нездорова, так как у людей, пьющих ее, в особенности у тех, которые не рождены здесь, порождает червей, длиною с локоть, которые обычно залегают в ноге между ногтями и мясом; их с большим искусством и умением выдергивают вокруг лодыжной кости хирурги⁹⁷, имеющие в этом большой опыт. Если червь при выдергивании разрывается, то оставшаяся часть отмирает и каждый день выходит примерно на дюйм: кусок этот заматывается и так продолжается, пока все не выйдет наружу. А между тем, здесь запрещено пить что-либо, кроме воды и кобыльего молока, и если находят кого-либо, нарушающего этот закон, его жестоко секут и бьют, водя по открытым рынкам. Для этого определены особые чиновники, имеющие право входить во все дома и обыскивать, нет ли у хозяина водки, вина или напитка из меда с солодом. Если они находят что-либо подобное, то бьют посуду, портят напитки и жесточайше наказывают хозяина дома, а иногда, если они только заметят по дыханию человека, что он выпил, то дело решается без дальнейшего разбирательства, и он уже не уйдет из их рук.

В Бухаре есть духовный глава (metropolitane)⁹⁸, который наблюдает за строгим исполнением этого закона. Его больше слушают, чем короля; он может сместить короля и посадить другого по своей воле и желанию, как он и поступил относительно того короля, который царствовал во время нашего пребывания, и относительно его предшественника⁹⁹, смещенного его же стараниями: он предал его и приказал убить ночью в его спальне, а это был государь, хорошо относившийся ко всем христианам.

Бухарская страна была когда-то под властью персов¹⁰⁰ и теперь еще в ней говорят на персидском языке, однако теперь Бухара — независимое королевство, которое ведет жесточайшие религиозные войны с персами, хотя все они магометане¹⁰¹. Одним из поводов войн между ними служит то, что персы не стригут волос на верхней губе, как это делают бухарцы и прочие татары, которые считают это поведение персов великим грехом. Поэтому они зовут персов кафарами, т.е. неверными, как они называют христиан.

Бухарский король*¹⁰² не имеет ни большого могущества, ни богатств; его доходы очень невелики; содержится он главным образом за счет города: он взимает десятую деньгу со всех предметов, продаваемых как ремесленниками, так и купцами, что ведет к обеднению всего народа, который он держит в большом подчинении, а когда у него не хватает денег, он посылает своих чиновников по купеческим лавкам забирать товары для уплаты своих долгов и насильно требует, чтобы ему открывали кредит. Так именно он и поступил, чтобы заплатить мне некоторые деньги, которые он был мне должен за 19 кусков каразеи. Деньги у них серебряные и медные, золота вовсе нет в обращении. У них одна только серебряная монета, стоящая 12 английских пенсов; медная монета называется пул (Poole)¹⁰³, и 120 таких монет равны стоимости 12 пенсов; она чаще, чем серебро, служит для платежей. Цену же серебра король поднимает и снижает для своей прибыли каждый месяц, а иногда даже два раза в месяц; он не печалится об угнетении народа, так как не рассчитывает царствовать более двух или трех лет, когда его или убьют или изгонят. И все это сильно разоряет страну и купцов.

26 декабря мне приказано было явиться к королю, которому я представил грамоты русского царя. Он принял меня очень милостиво и пригласил меня к еде в его присутствии. Несколько раз он присылал за мной и вел со мной непри-
нужденный разговор в своей потайной комнате о могуществе царя, о турецком султанине, а также о наших странах и законах, и вере, и заставлял меня стрелять перед ним из наших ружей, и сам практиковался в стрельбе из них. Однако после всего этого почетного обращения он перед моим отъездом выказал себя настоящим татаринином, ибо отправился в поход, не заплатив мне денег, а перед своим отбытием он видел меня и знал, что мне не уплачено¹⁰⁴. И хотя, действительно, он сделал распоряжение о том, чтобы мне выплатили долг, все же я

---

* Властителем Бухары был, вероятно, непосредственный предшественник Абдуллы-хана 1557-1598 гг.), на время объединявшего весь Узбекистан (см. Бартольд. Культурная история Туркестана.- Л. 1927, стр.97).

удовлетворен был очень недостаточно: мне пришлось скинуть часть долга, а в уплату за остальное взять товары, что не входило в мои расчеты. Только от нищего я не мог получить лучшей платы, но уже доволен был тем, что мне заплатили хотя бы так, и что отпустили меня.

Все же я поневоле должен всячески хвалить этого варварского короля, который сейчас же по приезде моем в Бухару, узнав о наших затруднениях с ворами, отправил 100 хорошо вооруженных людей и дал им строгий наказ не возвращаться, пока они не убьют или не захватят в плен этих воров. Исполняя поручение, они прошли походом по пустыне, настигли означенную шайку воров: часть их они перебили, часть убежала, а четырех они захватили и привели к королю; двое из последних были тяжело ранены во время схватки выстрелами из наших ружей. Король послал за мной, чтобы я признал их, после чего он велел всех четырех повесить у ворот своего дворца для примера другим, ибо они были благородного происхождения. Из товаров, которые были захвачены обратно, часть была возвращена мне. Вот какое правосудие я получил из его рук.

В городе Бухаре бывает ежегодный съезд купцов¹⁰⁵, приезжающих большими караванами из прилегающих стран — Индии, Персии, Балха (Balgh), России и разных других, а в прежние времена и из Китая, когда оттуда можно было свободно проехать. Но эти купцы так нищенски бедны, привозят так мало товаров, которые вдобавок еще лежат здесь по 2 или 3 года, что нет никакой надежды на то, чтобы завести здесь выгодную торговлю, стоящую дальнейших усилий.

Важнейшие товары, привозимые сюда из вышеуказанных стран, следующие.

Индийцы¹⁰⁶ привозят тонкие белые ткани¹⁰⁷, которые татары обвивают вокруг головы, а также другие сорта белых материй, употребляемых при шитье одежды из хлопчатой бумаги¹⁰⁸, но они не привозят ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, ни пряностей. Я выяснял вопрос и установил, что такая торговля идет океаном, потому что все места, где добываются эти предметы, находятся под властью португальцев¹⁰⁹. Из Бухары индийцы вывозят шелковые материи¹¹⁰, сырые кожи¹¹¹, рабов и коней, но караею и другие сукна они ценят очень мало. Я предлагал купцам из этих стран, приезжавшим из отдаленнейших частей Индии, даже из Бенгальской земли и с реки Ганга, обменять караею на их товары, но на такие товары, как сукно, они не захотели меняться.

Персы¹¹² привозят сюда материи, хлопчатую бумагу, полотно, пестрые шелка, аргамасов (Argamacus)¹¹³ и т.п., а увозят

отсюда сырые кожи и другие русские товары, рабов¹¹⁴, происхождением из разных стран, но материй не покупают, потому что сами привозят их сюда, а к ним, как я узнал, их привозят из Алеппо в Сирии и из Турции.

Русские¹¹⁵ привозят в Бухару сырые кожи, овчины, шерстяные материи, деревянную посуду, уздечки, седла и т.п., а увозят разные изделия из хлопка, различные сорта шелка, материи и другие вещи, но размеры торговли очень малы.

Из китайских стран (Cathay) в мирное время и когда проезд свободен, сюда привозят мускус, ремень, атлас, камку и т.п. вещи.

В бытность мою в Бухаре туда приходили караваны из всех вышеназванных стран, исключая Китай. Причиной, почему оттуда не приходило караванов, было то, что уже 3 года до моего приезда сюда длилась большая война, продолжавшаяся и при мне, между двумя крупными татарскими странами и городами, расположенными как раз по пути между Бухарой и Китаем, и некоторыми варварскими степными народами, как язычниками, так и магометанами, граничащими с этими городами. Города эти называются Ташкент (Taskent)¹¹⁶ и Кашгар (Cascar)¹¹⁷, народ, воюющий с Ташкентом, называется казаками (Cassack)¹¹⁸, магометовой веры, а те, которые ведут войну с Кашгаром, зовутся кингами (Qings)¹¹⁹, они язычники и идолопоклонники. Оба эти варварских народа очень могущественны; они живут в степях, не имея ни городов, ни домов, и почти покорили вышеназванные города, так крепко заперев дорогу, что никакому каравану нельзя пройти неограбленным. Таким образом, в течение 3 лет до нашего пребывания здесь ни один караван не прошел и не поддерживал торговли между Китайской и Бухарской страной. Когда же путь свободен, то это путешествие длится 9 месяцев¹²⁰.

Рассказ об этой Китайской земле и те вести, которые я о ней слышал, я счел за лучшее приберечь для нашей встречи. Когда я отдохнул в Бухаре за зимнее время и ознакомился после многих расспросов с тамошней торговлей, равно как и с торговлей всех прилегающих стран, когда настало такое время года, что всем караванам надо было отъезжать, а с другой стороны, король ушел на войну и разнеслись вести, что он бежал, и сам духовный глава предупредил меня, что мне следовало уехать, потому что похоже было на то, что город будет осажден, я счел лучшим продолжать мое путешествие по какому-нибудь другому пути и решил ехать из Бухары в Персию посмотреть торговлю в этой стране, хотя и достаточно уже осведомился о ней как в Астрахани, так и в Бухаре, и убедился, что она во мно-

гом подобна торговле в Татарии. Однако, если бы я предпринял путешествие в эту сторону, то мне помешали бы различные обстоятельства. Во-первых, только что начались большие войны¹²¹ между Суфием и королями Татарии, вследствие чего дороги были разорены и случилось уже, что караван, шедший с охранной грамотой из Индии и Персии, был разграблен разбойниками и ворами: они были ограблены и большею частью убиты в 10 днях пути от Бухары. С другой, стороны, бухарский митрополит, власть которого выше власти короля¹²², взял у меня грамоты русского царя, без которых меня обратили бы в рабство в любой стране. Наконец, и товары, которые я получил в обмен за сукно, и те, которые мне пришлось вынуждено взять у короля и других знатных людей в покрытие денег, которые они мне задолжали, не могли иметь сбыта в Персии. Вследствие этого и разных других причин я был принужден идти обратно к Каспийскому морю тою же дорогой, какой пришел. Итак, 8 марта 1559 г. мы выехали из Бухары караваном из 600 верблюдов, а если бы мы не выехали в этот срок, я и мои товарищи подверглись бы опасности потерять и жизнь, и товары, ибо через 10 дней после нашего отъезда самаркандский король пришел с войском и осадил город Бухару¹²³, в то время как бухарский король был на войне против другого государя, своего родича, как это бывает в этих странах каждые 2 или 3 года. Здесь считается чудом, если какой-нибудь король царствует больше 3 или 4 лет, а это служит к великому разорению страны и купцов.

25 марта мы прибыли в город Ургенч¹²⁴, едва спасшись от 400 разбойников, которые поджидали нас на обратном пути; это были по большей части родственники тех воров, которых мы встретили, когда шли в Бухару; в этом мы убедились, поймав 4 лазутчиков. Вместе со мной ехали 2 посланника, порученные моему попечению, — один от бухарского короля, другой от балхского; оба ехали к русскому царю. Проведя 8 дней в Ургенче и в замке Селлизюр¹²⁵, чтобы собрать и приготовить к путешествию наш караван, мы выехали из Селлизюра 2 апреля. Среди моих спутников было еще 4 посланника, отправленных королем Ургенча и другими султанами, его братьями, к русскому царю с ответами на те грамоты, которые я им привез. И эти посланники были поручены моим заботам названными королями и государями. Я обещал им верой и правдой и клялся по нашему закону, что в России с ними будут хорошо обращаться и позволят безопасно выехать оттуда, соответственно тому, что царь написал в своих грамотах; у них было некоторое сомнение, потому что долгие годы перед тем никто не ездил из Татарии в Россию¹²⁶.

23 апреля мы снова подошли к Каспийскому морю и нашли здесь наше судно, на котором мы приехали, однако на нем не было ни якоря, ни канатов, ни шлюпки¹²⁷, ни парусов. Впрочем, мы привезли с собой пеньку и при помощи остатков нашего снаряжения сами свили канат, сделали себе парус из хлопчатобумажной материи и снарядили наше судно как могли, но шлюпки и якоря у нас все-таки не было. Тем временем, пока мы рассуждали, как сделать деревянный якорь из колес повозок, из Астрахани пришло судно с татарами и русскими, на нем было 2 якоря, из которых один я приобрел. Изготовившись таким образом, мы подняли паруса и пустились в путь. Я и оба Джонсона сами были и капитаном, и моряками, и везли названных 6 посланников и 25 русских, которые долго были в рабстве в Татарии¹²⁸ и до моего приезда не могли и не мечтали добраться домой; эти рабы гребли, когда в этом была нужда. Так плывя вдоль берега, порой теряя его из виду, мы встретили 13 мая противный ветер и стали на якорь в 3 лигах от берега. Тогда поднялся сильный шторм, продолжавшийся 44 часа. Так как наш канат был собственного изготовления, то он лопнул, и наш якорь пошел ко дну. Мы находились против подветренного берега и у нас не было в помощь лодки, поэтому мы подняли парус и старались отойти от берега, предвидя неминуемую гибель. Но бог не оставил нас, мы вбежали в бухту, полную ила, и, таким образом, спасли и себя, и судно, хотя и пришлось пережить несколько тяжелых минут. Ибо если бы даже мы спасли свою жизнь от опасности в море, мы все же знали, что, погибши наше судно, мы были бы или убиты, или обращены в рабство жителями этой страны¹²⁹, живущими в дикости по степям, подобно зверям, без домов и жилищ. Когда буря стихла, мы снова вышли из бухты, и так как мы установили наше местонахождение по компасу и при помощи других наблюдений еще в то время, когда стояли на якоре во время бури, то мы прямо пошли на место своей прежней стоянки и нашли потерянный якорь; при этом татары очень изумлялись, как мы это сделали. Пока мы были в бухте, мы сделали деревянный якорь из колес от повозок, которые были у нас на судне, но когда мы снова нашли наш железный якорь, мы выбросили деревянный. Два дня спустя поднялась новая буря с северо-востока, мы легли в дрейф, нас отбросило далеко в море, и нам пришлось положить много труда, чтобы спасти наше судно от потопления: до того сильно было волнение¹³⁰. Наконец, когда наступила ясная погода, мы измерили высоту и, определив, в каком направлении от нас лежала земля, пришли, как того и желали, к устью Яика. Татары были очень довольны, так как они боялись, что нас от-

несет к берегам Персии, жители которой их заклятые враги¹³¹.

Надо заметить, что во время нашего плавания по морю мы подняли флаг с красным крестом св. Георгия в честь христиан; я думаю, что на Каспийском море его никогда до того не видали¹³². Счастье было изменчиво во время нашего плавания, тем не менее 28 мая мы прибыли благополучно в Астрахань, где и оставались до 10-го июня как для того, чтобы заготовить речные суда для плавания с нашими товарами по Волге против течения, так и для того, чтобы ехать вместе с татарскими посланниками, вверенными моему попечению, для представления их русскому царю.

Каспийское море¹³³ (чтоб сказать кое-что о нем) имеет около 200 лиг в длину и 150 в ширину, из него нет никаких выходов в другие моря. К востоку от него простирается великая пустынная земля татар, называемых туркменами (Turkemen), к западу — земли черкасов (Chyrcasses)¹³⁴, Кавказские горы, Эвксинское море, лежащее лигах в 100 от Каспийского. На севере находится Волга и земля ногайцев¹³⁵, а на юге лежат страны Мидия¹³⁶ и Персия. В некоторых местах это море пресно, а в других — такое же соленое, как наш великий океан. Много прекрасных рек впадают в него, но само оно не имеет истока, разве только под землей. Вот наиболее замечательные реки, впадающие в него: во-первых, Волга, по-татарски называемая «Итиль» («Эделль»)¹³⁷, вытекающая из озера в болотистой и плоской местности неподалеку от города Новгорода в России; от ее истоков до моря больше 2000 английских миль. Есть и другие большие реки, в него впадающие, как, например, Яик¹³⁹ и Эмба (Yem)¹⁴⁰ — из Сибири¹³⁸, а с Кавказских гор — реки Кура (Cyrus)¹⁴¹ и Аракс (Arash)¹⁴² и др.

Что касается торговли Шемахи в Мидии и Тебриза с другими персидскими городами, то я осведомился и хорошо узнал, что она очень похожа на торговлю в Татарии: малый сбыт и малые барыши; мне сообщили, что главная персидская торговля идет через Сирию, и товары перевозятся Левантийским морем. Малое количество судов на Каспийском море, недостаток рынков и гаваней, бедность жителей и замерзание моря сводят тамошнюю торговлю на нет.

В Астрахани были купцы из Шемахи¹⁴³; я предлагал им меняться и давал им каразеи за их товары, но они отказались, говоря, что они могут получить ее за ту же цену в своей земле, причем я просил по 6 рублей за кусок каразеи. А пока я был в Бухаре, туда привозили из Персии материи и другие товары из наших стран по той же цене, по какой и я мог продать то, что я привез.

10 июля мы отправились из Астрахани к Москве, имея до 100 стрельцов, сопровождавших посланников и меня для нашей безопасности за царский счет. 28 июля мы прибыли в город Казань; от Астрахани до Казани мы пробыли в пути более 6 недель, ни разу не пополнив наших съестных припасов, так как на всем этом пути нет ни одного жилья.

7 августа мы выехали из Казани и везли свои товары водой до города Мурома (Morum)¹⁴⁴, а далее сухим путем так, что 2 сентября мы прибыли в Москву, а 4-го я явился перед царским величеством, целовал его руку, поднес ему хвост белой китайской коровы¹⁴⁵ и татарский барабан, которые он благосклонно принял. Я также представил ему всех посланников, вверенных моему попечению, и всех русских рабов и в этот день обедал в присутствии его величества, причем за обедом его милость послал мне еду с одним князем (duke) и задавал мне разные вопросы о землях и странах, где я побывал.

В Москве я оставался по делам до 17 февраля, затем, получив от царского величества разрешение выехать, 21 февраля я прибыл в наш дом в Вологде, где оставался до вскрытия реки¹⁴⁶; досмотрев за погрузкой наших товаров на суда, отправился вместе с ними и благополучно приехал в Колмогоры 9 мая 1560 г. На этом я на сей раз заканчиваю, прося вас извинить меня за мое длинное рассуждение, которое по разнообразию содержания я не мог сделать короче, и моля бога о преуспевании всех ваших начинаний.

Широта некоторых важнейших местностей в России, и в других странах¹⁴⁷

	град.	мин.
Москва	55	10
Новгород Великий	58	26
Новгород		
Нижний (Меньший)	56	33
Колмогоры	61	10
Вологда	59	11
Казань	53	33
Увек (Oweke)	51	40
Астрахань	47	9
Устье Волги	46	72
Мангышлак за Каспийским морем	45	0
Ургенч в Татарии в 20 днях пути от Каспийского моря	42	18
Бухара в Татарии в 20 днях пути от Ургенча	39	10

ДОБАВЛЕНИЯ К ПУТЕШЕСТВИЮ ДЖЕНКИНСОНА

2. Несколько заметок, собранных Ричардом Джонсоном (бывшим в Бухаре с г. Антонием Дженкинсоном) о сообщениях русских и других иноземцев относительно дорог из России в Китай и о различных иноземных народах¹⁴⁸.

Первая заметка, сообщенная неким Сарничоком, татарин-ным, подданным бухарского государя, из татар, пограничных с Кизильбашами, или Персией, и содержащая известие о дороге из Астрахани, отдаленнейшего места в России, в Китай, как ниже сего следует.

Прежде всего от Астрахани до Сарайчика при медленном путешествии, как обыкновенно едут купцы с товарами, — 10 дней пути.

От Сарайчика до города, называемого Ургенч¹⁴⁹, — 15 дней.

От Ургенча до Бухары¹⁵⁰ — 15 дней.

От Бухары до Кашгара¹⁵¹ — 30 дней.

От Кашгара до Китая — 30 дней путешествия.

От того же лица заметка о другой дороге, более безопасной, как он утверждает, для путешествия¹⁵².

Из Астрахани в Туркмению по Каспийскому морю на судах — 30 дней.

Из Туркмении сухим путем на верблюдах со средним грузом по 15 пудов на каждого — 10 дней до Ургенча.

От Ургенча до Бухары — 15 дней.

Примечание. В городе Бухаре находится обменный рынок между турками и другими народами этих стран, с одной стороны, и с китайцами, с другой.

Здесь также уплачивают пошлины с товаров в размере 1/40 их стоимости.

Оттуда до Кашгара путешествие длится месяц, а от Кашгара (где проходит граница владений великого Хана* со многими городами и крепостями по пути) для купцов также месяц пути по суше до Китая (Cathay).

Далее, как он слышал (так как сам не бывал в тех местах), можно ехать на кораблях из Китая в Индию. Но ни об этих путях, ни о том, какие берега прилегают к морям, он не знает.

Сообщение другого татарского купца, живущего в Бухаре, о том, что он узнал от других своих земляков, которые там побывали.

* Китайского императора.

Сначала из Астрахани до Сарайчика — 15 дней; он утверждает также, что можно ехать и другой описаной выше дорогой через Туркмению.

От Сарайчика до Ургенча — 15 дней.

От Ургенча до Бухары — 15 дней.

Примечание. На этом 30-дневном пути нет ни жилищ, ни домов, поэтому путешественники живут в собственных палатках и везут с собой различные припасы для еды, а для питья там много колодцев с пресной водой, которыми можно пользоваться ежедневно на недалеких одно от другого и равномерно расположенных местах остановок.

От Бухары до Ташкента легкое путешествие с товарами по суше — 14 дней.

От Ташкента до Ходжента (Occient) — 7 дней.

От Ходжента до Кашгара — 20 дней. Город Кашгар лежит на полдороге между Бухарой и Китаем; он принадлежит особому государю по имени Решит-хан.

От Кашгара до Соучика (Sowchik) — 30 дней пути. Соучик находится на самой границе Китая.

От Соучика до Камчика (Camchik) — 5 дней пути, а от Камчика до Китая (Cathay) — 2 месяца. Весь путь проходит через населенные страны с умеренным климатом; страна полна несчетного количества плодов, а главный город всей страны называется Камбалу (Cambalu); он находится в 10 днях пути от Китая. За китайской землей, которую прославляют как цивилизованную и несказанно богатую, лежит страна, называемая на татарском языке «Кара-Калмак», она населена черными людьми. Но в Китае, большая часть которого простирается к восходу солнца, — люди белые и хорошего сложения. Их религия, как говорят татары, христианская, или похожая на христианскую, а язык их особенный, отличающийся от татарского языка.

При путешествиях по вышеназванным дорогам не встречается больших страшных медведей, но попадаются волки, белые и черные. Медведи не водятся здесь, потому что здесь нет таких больших лесов, как в русских землях, а в лесах, как сообщают, скорее недостаток, чем избыток, однако здесь водятся некие другие звери (так, например, одного по-русски называют «барс» (Barse). Барс, как можно было видеть по шкуре одного из них, которую здесь продавали, почти так же велик, как большой лев, и красиво расцвечен пятнами, поэтому мы приняли его за леопарда или тигра.

Заметьте, что в 20 днях пути от Китая лежит страна, называемая Ангрим, где водится животное, приносящее лучший мускус, большая часть которого вырезается из колена самца.

Люди там смуглые, и так как мужчины безбородые и по комплекции не отличаются от женщин, то все они носят отличительные железные знаки, а именно: мужчины носят солнечный круг на плечах, подобно горбу, а женщины на своих тайных частях. Пищей людям служит сырое мясо как в этой земле, так и в другой, называемой Титай, или Китай (Titay, or Kitai). Государь тамошний называется ханом. Они поклоняются огню и живут в 34 днях пути от великого Китая (great Cathay); на этом пути — красивый народ, называемый комором (Comogom); они едят золотыми ложками; там же находится земля, обитаемая людьми маленького роста; она ближе к Москве, чем Китай.

3. Сообщения одного жителя Персии, который утверждает, что он ездил в Китай вышеописанной дорогой, а также другой дорогой вблизи морского берега, как это следует ниже. Сообщение это прислано из России от Джайльса Холмса.

Прежде всего из Двинской области известна дорога на Печору, а с Печоры, едучи на оленях (Olens or harts), до реки Оби 6 дней пути сушей и столько же водой.

Обь — река, полная мелей; ее устье шириной более 70 русских миль. Оттуда в 3 днях пути по правой стороне находится место, называемое Чернолесье (Chorno lese), по-английски — «черные леса» («black woods»): оттуда поблизости живет народ, называемый печекони (Pechey-Cony), которые, по его описанию, убирают волосы, подобно ирландцам.

От печеконюв до желтых калмачей (Joult-Calmachey) — 3 дня пути, от тех до черных калмачей (Chorno-Calmachey) — 3 дня пути к юго-востоку. Оба эти народа — татарской веры и платят дань великому Хану.

4. Ниже следует рассказ о некоторых странах самоедов, живущих по реке Оби и по морскому берегу за ней. Рассказ переведен слово в слово с русского языка и передает путешествие одного русского уроженца Колмогор, имя которого было Федор Товтигин (Pheodor Tovtigin) и который, как сообщают, был убит во время второго своего путешествия по одной из этих стран.

На востоке, за Югорской (Ugori) страной, река Обь образует самую западную границу страны самоедов. Самоеды живут по морскому берегу, и страна их называется Мангазея (Molgomsey). Пищей им служит мясо оленей (olens or harts) и рыба,

а иногда они пожирают один другого. Если к ним приезжают купцы, то они убивают одного из своих детей для самих себя, и чтобы вместе с тем угощать купцов. Если какой-нибудь купец случайно умрет, будучи у них, то они не хоронят его, а поедают, точно так же, как поедают и своих земляков. Они с виду уродливы, у них маленькие носы, но они проворны и отлично стреляют; они ездят на оленях и собаках, а одежда у них из собольих и оленьих шкур. Других товаров, кроме соболей, у них нет.

Точно так же, на том же берегу, в той же стране, за этим народом у самого берега моря обитает другое племя самоедов, имеющих те же обычаи, но другой язык. Один месяц в году они проводят в море и не выходят на сушу, и не живут на ней в течение этого месяца.

Точно так же за этим народом на берегу моря живут еще другие самоеды, едою которым служит мясо и рыба; товары у них — соболя белые и черные лисицы, которых русские называют «песцами» (psalts), и шкуры ланей и оленей.

Некоторые замечания к тексту Антония Дженкинсона «Восточная и Западная Сибирь: повествование о семилетних исследованиях и приключениях в Сибири, Монголии, Киргизских степях, Китайской Татарии и части Центральной Азии» членов общества Хеклута и Британского музея Е. Дельмара Моргана и С.А. Кутэ

Some Account of The First Intercourse of The English with Russia and Central Asia by Way of The Caspian Sea by E. Delmar Morgan, member of Hakluyt society, and C.H. Coote of The British Museum. — In: Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and Other Englishmen. — New York, 1972. — Vol. 1. — Pp. 41-101.

¹ Hakluyt, 1589, p.347.

² Одного из двух Джонсонов — Ричарда — в 1565 г. Российская компания назначила главой экспедиции в Персию. Однако, судя из письма директоров, напечатанном в Hakluyt, оказалось, что он не подходящий для этого поста человек: «Мы уверены, что Ричарда Джонсона отправили в Персию в качестве руководителя, будучи, по нашему мнению, человеком не соответствующим подобному назначению, как впрочем, и любому другому.

См.: Hakluyt, 1589, p.376; Hamel, England and Russia, p.169.

³ Толмач — татарское слово, означающее «толкователь, устный переводчик», из-за близкого сходства с «толлемаче», вполне возможно, что благородный род этого имени может происходить от татарского предка. Возможно, это предположение может заинтересовать некоторых ученых, собирателей древних этимологий.

⁴ Коллом (Коломна) стоит на правом берегу Москвы реки в месте ее слияния с Окой и является важнейшим городом Московского княжества, расположенным в 67 милях от столицы. Коломна упоминается еще в лето-

писях 1177 г. В то время и до XIV-го века она являлась частью Рязанского княжества.

Она часто подвергалась набегам татар и поляков, а в 1525 г. ее окончательно разрушил Махмет Гирей, крымский хан. Иван III восстановил стены и укрепления, которые существуют до сих пор; в свое время она приняла часть бежавших новгородцев, когда Иван IV сжег их город дотла. В XVI-м веке, однако, когда наш путешественник посетил ее, Коломна находилась в процессе активной подготовки к походам против татар, собирая около своих стен многочисленное войско. — Семенов, статья «Коломна».

⁵ Осса (Ока) — название, которое носят несколько рек в России; самая важная из них та, о которой упоминают в этом тексте, правый приток Волги. Она имеет протяженность 930 миль и охватывает площадь в 4.600 квадратных географических миль. Она протекает по густонаселенным регионам и является важным средством коммуникации между производящими и сельскохозяйственными поселениями, расположенными по ее берегам.

⁶ Terreuetisko (Перевитский Торжок) — деревня в Рязанском княжестве в 20 милях от городка Зарайска вышеупомянутого княжества. Эта деревня занимает место древнего города Перевитска, упомянутого в 1381 г. в дневнике Пимена, митрополита Московского. Руины старых укреплений все еще видны на высоких берегах Оки. — Семенов, статья «Перевитский Торжок».

⁷ Peroslaue (Переславль, или Переяславль) является современным городом Рязанью все еще известен как Переславль — Рязань, следует отличать его от Переславля-Залесского, города Владимирского княжества. Точный год создания Переславля неизвестен. Согласно старой летописи, в те времена, когда Роман Игоревич, внук Глеба, был князем, епископ Арсений И. I основал его в 1198 г. н.э. около озера, «читая молитвы и благословляя воды»; некоторые, однако, относят его к более раннему периоду существования (1095) и упоминают Ярослава, сына Святослава, известного строителя городов, его основателем. До конца XIII-го века Переславль занимал незначительное место среди русских городов, но в 1294 г. там произошло событие, круто изменившее его судьбу. Святого Василия, епископа Муромского, жители Мурома подвергли порочащим клеветническим измышлениям, обвиняя его в том, что он якобы ведет безнравственную, распутную жизнь; они бросили его на какое-то жалкое подобие плота и отправили в рискованное путешествие по реке. В Переславле почтенный епископ основал свою епархию, присоединив к ней Муром. Таким образом, славный Переславль занял высокое положение в религиозном мире и стал резиденцией Рязанских князей, которые переместились сюда из Старой Рязани. С того времени Переяславль стал одним из самых важных стратегических городов Руси, совершенно затмевая Старую Рязань, которая, кстати сказать, как и многие города Руси, пережила страшные беды, связанные с татарским вторжением, но в 1564 г. она в последний раз увидела у своих стен татарское войско, ведомое крымским ханом Девлет Гиреем, которого заставили отойти после уничтожения его окружения. — Семенов, статья «Переяславль — Рязань».

⁸ Старая Рязань — в настоящее время всего лишь деревня, стоящая на высоком правом берегу Оки. Ее ранняя история была беспокойной, и она страдала от множества разрушительных набегов татарских орд и соперничавших между собой русских князей. В 1237 г. Бату, внук Чингисхана, разрушил ее, а за 20 лет до этой даты Всеволод, сын Юрия, князя Владимирского, сжег ее дотла. Эти несчастья, но главным образом, прежде всего, неудобное географическое положение вызвали ее упадок, и постепенно Новая, или Переяславль-Рязань стала столицей. Разрушенная крепость, защищенная с трех сторон крепостным валом, с четвертой — крутым, неприступным берегом

реки, долгое время стояла на этом месте. Раскопки, проведенные в регионе в наше столетие, обнаружили интересные исторические данные о старых князьях Рязани. Они сейчас находятся в Грановитой Палате в Москве. — Семенов, статья «Рязань старая».

⁹ Tegescöia, на карте Дженкинсона — «Tegeskhoug» (Терихово) — деревня в Спасском районе Рязанского княжества, в 30 милях от города Спасского. Она стоит на Оке около устья Поры, на этом месте когда-то стоял монастырь, о котором упоминается в Большом чертеже, или известном отчете по результатам обследования Руси, относящемся к XIII веку. Терихово получило грамоту в 1520 г. — Семенов, статья «Терихово».

¹⁰ Cassim (Касимов) — на левом берегу Оки — главный город региона с таким же названием в Рязанском княжестве, с историей, уничтоженной, как и древние стены Рязани, монгольскими ордями в 1376 г. Древняя грамота, или акты, упоминают о нем под названием Мещерск, а в 1452 г. это место, должно быть, настолько восстановило свои былые позиции, оправившись от потрясений, что можно предположить тот факт, что Великий князь Василий Слепой преподнес его в дар татарскому князю Касиму в знак благодарности за помощь, оказанную ему в избавлении его княжества Московского от захватчика по имени Шемяка. С тех пор город был больше известен как Касимов, хотя поздние акты продолжают упоминать его под его древним названием. В течение более чем двух столетий, с 1452 до 1677, гг. татарские князья, или царевичи (т.е. сыновья царей), Касимова оставались верными сторонниками Москвы и помогали ей в ее войнах против татар, Новгорода, Литвы и Польши. — Семенов, статья «Касимов».

¹¹ Шейх Али — татарский князь, которого называли «царь Зедолий» (Шингалей). Он стал князем Казани в 1519 г., в 1521 г. ему пришлось отречься из-за своей непопулярности среди татар. Затем он нашел пристанище у русского Великого князя Василия, который выделил ему два города в качестве его доли. В 1526 г. Герберштейн видел его в Москве и говорил о нем как о «короле Шигалее», занимавшем высокое положение при Дворе. Будучи осужденным за предательские сношения с Казанью, он был заключен в тюрьму и содержался в неволе в течение нескольких лет, но был прощен Иваном Грозным и получил в дар город Мещерск (Касимов). Еще дважды его сажали на трон Казани, но только правил он короткие периоды времени. Он служил русским в их войнах против шведов, Литвы и Польши, возвращаясь из этих кампаний в Касимов, где он воздвиг мавзолей, в котором его похоронили в 1567 г. Мавзолей и арабская надпись на нем, посвященная ему, сохранились до сих пор. — Вельяминов-Зернов. Исследования о касимовских царях, ч. I, стр.277-558; Howorth, ч.II, div. I, стр. 400-434; Herberstein I.I., стр. 134-137.

¹² Муром, 55°35' северной широты, удачно расположен на высоком левом берегу Оки, в этом месте широкой и судоходной, и окружен большими лесами, в которых в изобилии водятся пчелы и дикие звери. В дополнение к этим преимуществам у него было еще одно, то, что он являлся рынком или местом обмена продукцией производящих районов на западе с плодородными хлопкопроизводящими равнинами на востоке. Муром — один из самых старых городов России и связан с популярным легендарным героем Ильей Муромцем (т.е. Elijah из Мурома). Говорят, что его название происходит от финского племени, которое основало его в IX-м веке, и которое, согласно Нестору, было подвластно Рюрику Яранчину (Yarangián). В XI веке Муром стал независимым княжеством, а его первым князем стал Глеб, сын Владимира, который правил до 1016 г. Впоследствии его князья, казалось, признали свое верноподданство другим великим князьям и в 1353 г. во времена последнего своего правителя Юрия Ярославовича они объединились с Владимиром,

а затем с Москвой. Муром был разрушен булгарами в 1087 г., в 1096 г. его взял Изяслав, сын Мономаха. В 1239, 1281 и 1293 гг. татары опустошали его, а в начале XVII-го века поляки предали огню и мечу целые пригороды, населенные рыбаками. Путешественник Лепехин, который посетил Муром в 1768 г., обнаружил там 18 церквей и 2 монастыря, а его население, главным образом, занималось рыболовством и выращиванием огурцов. Самой древней из его церквей является Собор Рождества Христова, в котором сохранились реликты, относящиеся к Давиду, князю Муром, и его жене Теофронии, которая умерла в 1228 г. — Семенов, статья «Муром».

¹³ Нижний Новгород (56°20' северной широты) — место большой ежегодной ярмарки, которую посещали иностранные купцы из всех стран, и которая проходила на территории, известной в те времена как Низовские земли (низины). Это, в основном, была местность, которую населяло финское племя мордва, которое подчинилось русским после того, как они основали свое княжество Суздаль. Здесь в 1221 г. Юрий, сын Всеволода, основал город в устье Оки и дал ему имя Новград (т.е. Новый город). С самого начала Новгород обещал стать великим, несмотря на разного рода несчастья и, в конце концов, занял лидирующее положение среди российских городов. Его господствующее положение в месте слияния двух великих рек, огромная транзитная торговля и ярмарка способствовали его процветанию. Крепость, или замок, стоит на высоком правом берегу Волги, взирая на ее широкое течение и низины на противоположной стороне. — Семенов, статья «Нижний Новгород».

¹⁴ Леса вокруг Муром изобилуют пчелами, поставляя неисчерпаемые запасы пчелиного воска, представлявшего статью торговли в те дни, пользующуюся огромным спросом у английских купцов. — См.: письмо Килингворта (Killingworth's letter) в купеческую гильдию, *Nakluyt*, 1589, p.299.

¹⁵ Василь, известный под названием Васильсурск (т.е. Василь на Суре, правом притоке Волги), был построен Василием, отцом Ивана IV, в 1523 г. во время войны с Сахиб Гиреем, царем Казани. Васильсурск стоит в месте слияния Суры с Волгой, на возвышении, и части старых укреплений все еще видны. Сейчас это главный город региона того же названия, включенный в юрисдикцию Нижнего Новгорода. — Семенов, статья «Василь».

¹⁶ В этот период своего правления (1557-58 гг.) Иван IV одержал триумф над врагами Руси. Густав Яса, король Швеции, просил мира; Литва возобновила перемирие в то время, когда татарские царства Казань и Астрахань пали под натиском завоевателя. Ко времени падения этих татарских княжеств Волга на всем своем протяжении к Каспийскому морю стала полностью русской рекой. «Вероятнее всего, - говорит историк, - Иван упорно продолжал доводить до конца свои победы и повернул свои войска против Крыма, где обнаружил, что треть татарского государства у его ног, т.е. он приблизил на два столетия самое славное событие в царствовании императрицы Екатерины II». — Карамзин, VIII, 268-269.

¹⁷ *Sabowshage* (Чебоксары) — областной город в юрисдикции Казани, на правом берегу Волги, в 80 милях от Казани. Он живописно расположен в долине, окруженной с 3-х сторон холмами, поросшими лесом, в результате чего страдает от грязных, слякотных улиц. Согласно легенде, когда-то здесь стояла деревня чувашей и говорят, что имя их старшины Шабкмара сохранилось в названии «Чебоксары». Это место упоминается в документах 1371 г., когда князь Дмитрий Иванович отправился в орду Мамай. В течение двух столетий после этого его название нигде не встречается; только после падения Казани его обнаруживают в списке укреплений, где гарнизоном стояли стрельцы. За последнее время Чебоксары стали важным торговым городом

благодаря своему положению, находясь среди зернопроизводящих районов. — Семенов, статья «Чебоксары».

¹⁸ Morgovits (т.е. страна мордва) — финское племя, занимающее части приволжских регионов и протянувшееся далеко на восток до южного Урала и на западе — до Мокшы. В настоящее время они самые многочисленные в регионе Симбирска, где они составляют 12% населения. Их число в европейской части России доходит до 775 000 представителей обоих полов. Джордан — первый автор, упоминающий о них еще в VI-м веке, хотя, если их племя Ерсиа (Ersia) ассоциируется с Аорси (Aorsi), то первые упоминания об этом народе гораздо древнее, поскольку о них упоминают Птолемей, Страбон и Константин Порфирородный. Летописец Нестор говорит о мордве и помещает их рядом с их родственниками — мери. В 1104 г. русский князь Ярослав Святославович напал на них, но потерпел поражение, понеся тяжелые потери, и только тогда, когда трон великого князя переместился во Владимир, русские начали постепенно подчинять мордву и колонизировать их территорию. Во время татарского господства русское влияние на это племя было незначительно, после падения Казани, однако, мордва и родственное им племя черемисы (Cheremissi) были вынуждены уступить свою независимость и вскоре приняли веру своих завоевателей, которые отеснили их колонии далеко в свои земли. Мордва не только выучила русский язык, но с течением времени забыла свой собственный, который сохранился только в песнях женщин. В некоторых местах они настолько смешались с русскими, что внешне их трудно отличить от них. Их физические характеристики — среднего роста, светлые или рыжие волосы, голубые или серые глаза. Мужчины часто имеют приятную внешность, женщины — редко. В общении они деликатные, честные, открытые, но суеверные, довольно грязные и склонны к употреблению крепких напитков. Все они — хорошие земледельцы. По одежде, которую носят мужчины, едва ли отличаются от русских крестьян, женщины носят белые льняные рубахи, расшитые красной шерстью, схваченные вокруг талии широким поясом из разноцветной шерстяной материи и разнообразных металлических украшений; высокие остроконечные головные уборы, расшитые монетами и ожерельями из монет или бус. — Семенов, статья «Мордва».

¹⁹ Swyasko, на карте Дженкинсона — “Suiatsko” (Свияжск), областной город в юрисдикции Казани, на правом берегу Свияги около ее слияния с Волгой. Свияжск был основан Иваном в 1551 г. в качестве военного поста для кампаний против казанских татар и финских племен на Волге. Карамзин, описывая поход Ивана на Казань в 1552 г., говорит: «18 августа увидели Свияжск, наполненные чувством живейшего удовлетворения, что царь обратил свои взгляды на этот город, основанный во время его царствования для утверждения победы русских и триумфа христиан над туземцами». Свияжск был когда-то процветающим местом, но к концу XVIII-го века пришел в упадок, потому что торговое и промышленное население перебралось в соседнюю Казань. Археологи полагают, что Свияжск занимал место Сувар, или Сива, древнего города булгар, существовавшего в X-м веке, но это сомнительно. — Шпелевский, стр. 49; Карамзин, viii, стр.149; Семенов, статья «Свияжск».

²⁰ Казань — столица государства с тем же названием, стоит почти в трех милях от Волги на реке Казанке. Казань в своем настоящем состоянии восходит к XV веку; развалины более раннего города, о котором упоминается в русских летописях как разрушенном в 1361 году вольными шайками новгородцев, были расположены около деревни князя Камиева, и название Старая Казань все еще иногда используется, когда говорят об этом месте. В те дни Казань часто грабили русские, и она не могла оправиться до тех пор, пока не

пришло в упадок государство болгар. В 1399 г. Казань была полностью уничтожена, и Улу Махмет, который основал татарское царство Казань, решил найти более удобное место для своей столицы. Поэтому, примерно в 1437 г., он заложил новый город, окружив его деревянными стенами, при его преемниках город продолжал процветать и стал торговым центром. Такова версия Карамзина, но М. Вельяминов-Зернов в своей монографии «Касимовские цари» говорит, что в 1399 г. Казань не была уничтожена, а ею до 1445 г. продолжали править ее собственные князья, когда Махмутён, сын Улу-Мухаммеда (Махмета), бывший ранее ханом Золотой Орды, взял ее войной и основал новое татарское ханство Казань (Сравни: Карамзин;v, 324-327; В.Зернов, i, 1-3). В 1552 г. (а не в 1549 г., как считает Дженкинсон) Иван осадил город, лично проводя операцию против татарской цитадели. В 1553 г. Казань была преобразована в епархию, а ее первым архиепископом стал Святой Гурий, чьи останки сохранились в соборе. — Семенов, статья «Казань».

²¹ После смерти Сафы Гирея, который умер в своем дворце в Казани в результате несчастного случая, произошедшего во время пьянки, его сын Утемит Гирей — хан, которому в то время (1549 г.) было только 2 года, был объявлен его преемником. Это как раз тот князь, о котором упоминается в предыдущей части повествования (в предыдущем разделе). Два других князя, о которых упоминается в тексте, вероятно, были Шейх-Али, посаженный Иваном на трон Казани, и Едигер Махмет, ногаец, который незаконно захватил трон и защищал его до конца, и был пленён русскими в последнем отчаянном сражении у ее стен. — Карамзин, viii, стр. 99, 187 и т.д.

²² Этот остров, названный русскими «Гостинным», был излюбленным местом купцов вплоть до Василия, отца Ивана, запретившего своим подданным высаживаться там для того, чтобы создать неудобства татарам, которые покупали там у русских соль. Он переместил ежегодную ярмарку в Макарьеву, расположенную на левом берегу Волги, чуть дальше Нижнего Новгорода, к которому позднее она переместилась, хотя продолжает до наших дней называться Макарьевской ярмаркой. (Howorth, pt. II, p.390). Войны Ивана, несомненно, были разрушительными для левантийской торговли, которая ранее проходила по этому пути.

²³ Кама впадает в Волгу примерно в 50 милях ниже Казани. Она протекает через земли Перми и Вятки на расстоянии свыше 1000 миль, большая часть реки в этих местах судоходна. Это основной торговый путь, связывающий с Сибирью и горнодобывающими регионами Урала в летнее время, и, может быть, не зря ее называют «удобная река».

²⁴ Permia (Пермя) дала свое название ряду скал, содержащих окаменелости, ископаемые организмы. В древние времена она была известна как страна, населенная финскими племенами, предшественниками русских, «Viagmar» (Биармар) — у скандинавов, «Пермия» — у византийских авторов и «Великая Пермь» — русских летописцев. Нестор, перечисляя народы, жившие на востоке Руси, упоминает их. Предприимчивые новгородцы первыми установили с ней отношения и обложили ее налогом в начале XI века. В XIII веке она упоминается в договорах с соседними русскими князьями как подвластная им страна и только в 1471 г. после падения Новгорода Пермь, в конце концов, объединилась с великим княжеством Московским. Ее первыми поселенцами и защитниками были Строгановы, которым были пожалованы земли вдоль Камы. Современная территория Перми включает почти все самые важные горнодобывающие районы на северном Урале. Они в основном сосредоточены вокруг Екатеринбурга, возможно, самого прогрессивного и процветающего из российских городов. — Семенов, статья «Пермь».

²⁵ Vachen, здесь употребляется для обозначения «Вотякен», страны во-

тяков, финского племени, родственного черемисам среди самых ранних обитателей Вятки и страны на западе и, кроме того, части территории Казани и Оренбурга. Вотяки, согласно их собственной легенде, селились на территории Казани около современного города Арска, откуда их вытеснили татары. Они называли себя «от», «ут» или «удмурт», но были известны среди татар как «ар», отсюда, полагают этнологи, их можно идентифицировать с «ара», или «арини», а также финским народом, в древности населявшем части Северной Сибири, и, особенно, берега Енисея. Предположительно, эти «ары» дали свое название городу Арску, но в настоящее время вымерли, последних живущих представителей этого народа видели Мюллер и Гмелин в 1738 г. Вотяки, однако, многочисленны по сей день на территории Вятки, на Верхней Каме и на реках Вятки; говорят, что их все еще насчитывается 180 000 представителей обоих полов. И это все, что касается их ранней истории, но более точных сведений о них нет, за исключением тех моментов, когда они попали под влияние новгородцев, которые в одном из своих походов по Волге, где-то в конце XI — начале XII веков, заняли их крепость Болванскую. Затем вотяки отошли на восток и обосновались на реке Чепца. В XIII веке татарский хан Сахип частично колонизировал Казань вместе с этим народом, а в 1469 г. Ибрагим сформировал из них банды для защиты своего города от русских. В середине XVI века вотяки, живущие около Арска, восстали, но были вынуждены повиноваться Ивану, и по его приказу, датируемому 1572 г., они вместе с Казанским царством были переданы его наследнику. В конце 1852 г., однако, они находились в составе войск, выступавших против Строгановых, а их обращение в христианство произошло намного позже визита Дженкинсона. — Семенов, статья «Вотяки»; Карамзин, viii, стр. 215.

²⁶ О черемисах см. соответствующее примечание.

²⁷ Ногайские татары ведут названием от Ногая, внука Теваля, седьмого сына Джучи, основателя Золотой Орды и старшего сына Чингисхана. После смерти Бату Ногай правил Ордой кипчаков и стал таким могущественным, что союза с ним искала Восточная империя, а Михаил Палеолог выдал за него свою родную дочь Ефросинью. Около середины XVI века ногайцы были ограничены пребыванием в степях на севере Каспийского и Черного морей, хотя до начала XVII века все еще оказывали огромное влияние на Южную Русь и совершали свои набеги до Рязани, а иногда даже до Москвы. Их хана Юсуфа, прославленного как своей храбростью, так и своей мудростью, турецкий султан величал «Князем князей», но падение Казани и Астрахани, разногласия между ними, бедствия и другие неудачи ослабили их, и они могли в то время стать легкой жертвой могущественного завоевателя. — Семенов, статья «Ногай»; Карамзин, глава 3, viii, стр. 104, 288; Horworth's Hist. of the Mongols, part II, passim.

²⁸ Крым, или крымские татары, были постоянным источником беспокойства и опасности для России. Их многочисленные войска сеяли неисчислимы бедствия и разрушения на равнинах между Волгой и Доном, они уничтожали каждый город, который был слишком слаб, чтобы противостоять им, а в 1571 г. под предводительством Девлет Гирея они подожгли Москву и сожгли ее дотла. Султан Сулейман считал их оплотом магометанской мощи на востоке и призывал их сплотиться за дело пророка и, отказываясь от племенных раздоров и зависти, придти на помощь Казани и Астрахани. Ужас, который они наводили на Руси, доходил до такой степени, что Иван был на грани того, чтобы выступить со своей армией против Казани, но его окружение просило его остаться, объясняя, какую опасность представляет тот факт, что он покинет границы государства и бросит его на произвол судьбы татарским захватчикам. Они были настолько сильны, что их влияние распростра-

нялось до правого берега Волги, включая современную территорию Саратова и Симбирска, и ни один русский не мог отважиться безопасно отправиться на восток от Суры, где ранее они вели свободную торговлю с древним царством булгар. Спустя какое-то время они перестали быть источником опасности для Руси, остатки их орд, перемешавшись с мордвой и преступниками, наводнили нижнее течение Волги в качестве разбойников и пиратов, и, как мы только что видели, Дженкинсон едва избежал опасности попасться им в руки. — Карамзин, viii и ix, и далее.

²⁹ "Petowse" (Петовсе) — без сомнения, фонетическое изложение названия «Ribofsi» (Рыбовцы), «рыболовы», русское «р» и английское "p" были перепутаны, но они не равнозначны, ибо такого места, как "Petowse", на Волге нет.

³⁰ Самара начинается в Obschi Syrt (Общем сырте), или «основном водоразделе», и уже через 270 миль главным образом протекает по голым, без единого деревца равнинам, впадает в Волгу около современного города Самары. Эти равнины образуют часть высокопродуктивных хлопкопроизводящих районов востока Волги, которые славятся своим лёссом, или чернозёмом. — Семенов, статья «Самара».

³¹ «Великий холм» — это, должно быть, то место, где сейчас стоит Саратов, спускаясь к Волге крутыми террасами, он частично окружен холмами, создающими впечатление амфитеатра. Его положение почти на середине пути между Казанью и Астраханью на 51°32' широте в какой-то степени соответствует тексту. Но во время визита Дженкинсона Саратов стоял на левом берегу Волги, примерно на 7 миль выше того места, где сейчас находится современный город. Только в 1605 г. он переместился на правый берег, вероятно, на то место, где когда-то стояло татарское поселение Сары-тау (т.е. «желтый холм») и, согласно Сенковскому, где располагался их главный город Буртасов. Христофор Бурос, который проезжал здесь в 1579 г. по пути в Персию за английскими купцами, говорит о нем как «Oucak» («Увек», или авторы XIII и XIV веков — «Укака») и указывает широту 51°30'. Около Саратова находится деревня с таким же названием, где были раскопаны предметы старины и монеты. Бурос говорит, что в его дни все еще можно было увидеть развалины замка и надгробные плиты с высеченными надписями и рисунками на них. Он также упоминает об изобилии лакричника. — Hakl, 1589, p.441; Yule's Marco Polo, i, p.58; Семенов, статья «Саратов».

³² Переволока, на карте Дженкинсон — «Perevolock» (Переулок) (от perevalit — перевалить, тащить, перетаскивать), название данное узкому перешейку между Доном и Волгой. Место, которое упоминается в тексте, находится недалеко от Царицына, конечная точка Волго-Донской железной дороги, где две реки подходят друг к другу на расстояние в 8 миль. Христофор Бурос упоминает Переволоку и говорит, что отсюда до Дона было подсчитано расстояние в 30 верст (20 миль). — Семенов, статья «Переволока»; Hakluyt, 1589, p.441.

³³ Дон начинается в Иван-озере (т.е. озеро Ивана, что также указано на карте Дженкинсона) на территории княжества Тулы. Его источник находится всего лишь на 586 футов выше уровня моря и протекает по необыкновенно гладким равнинам, населенным большей частью казаками, чьи подвиги в борьбе с татарами в то время (середина XVI века) были известны по всей Руси. — Семенов, статья «Дон»; Карамзин, viii, стр. 285. seq.

³⁴ Способ передвижения кибиток на поводках, которые тащили верблюды, был типичен для тех татарских племен, которые вели полукочевой образ жизни на равнинах южной и юго-восточной Руси (см. Yule's Marco Polo, 2nd edit., i, 247, где приводятся изображения деревянной повозки). По всей Цен-

тральной Азии в настоящее время всеми ее обитателями практикуется иной способ — жилище в виде палатки разбирается на составные части и помещается на спине верблюда или вола; прибывая в место назначения, ее быстро собирают, женщины особенно искусны в этом деле.

³⁵ Титул «мурза», согласно Фишеру, происходит от арабского «Amir Zadeh» («Амир Задех»). Измаил — князь, на которого здесь ссылаются, был братом Юсуфа, тестем Сафа Гирея, высланного Казанского хана, и после своей женитьбы союзником Шех-Алея, хана Касимова (surra, p.44). Измаил был хорошим союзником Руси, помогая ей в ее войнах против касимовских татар и против ханов Астрахани. После убийства своего брата Юсуфа он написал царю: «Твой враг мертв, и люди с радостью выбрали меня». Иван поддерживал такие дружеские отношения, подобно любому монарху-политику, но не выносил, когда татарский князь называл его своим «братом». Измаил умер в 1563 или 1564 г. — Карамзин, viii, 253; Howorth, part II, 1036.

³⁶ Старая Астрахань (или «Стара Астрахань» — на карте Дженкинсона) в 5 милях выше нового города, стоит на правом берегу на Жареном бутре (холмике). Задолго до того, как появилась Астрахань, там стояла древняя столица хазар Атель, или Itil (Atel or Itil). Где-то ближе к VI веку в устье Волги, вероятно, был воздвигнут город Balangiar (Баланчиар); на его месте, в свою очередь, в конце XIV века был построен монгольский город Tsitrasan (Сытракан) — столица их царства. Татары называли ее «Hadjî-tarkhun» («Хаджи-тархун»), или «Adiash-tarkhan» («Адиаш-тархан»), в российских MSS XIII века он упоминается как «Hozitarakan» («Хозитарахан»), но грузинам он был известен как «Khozar» («Хозар»). Венецианский посол Контарини (1476г.) первым описал Астрахань (или Citrasan). Он говорит о ней как о небольшом городке, расположенном в 75 милях от устья Волги, окруженном невысокой стеной, с небольшим количеством домов, выстроенных из кирпичей, который вел торговлю специями, отправляя их в Венецию по пути через Тапа (Танаис), или Азов.

После падения Казани Ямгурчей (Yamgurchei), хан Астрахани, добровольно подчинился Руси, но вскоре после этого нарушил данную клятву преданности царю, и Иван отправил войска, чтобы принудить его к повиновению. В 1554 г. Астрахань была взята, но она снова восстала и не была окончательно аннексирована Русью вплоть до 1557 г., года визита Джениксона, когда ее окружили земляным валом и частоколом, где разместились стрельцы. С тех пор ее история насыщена бурными событиями. Огонь, меч, эпидемии и другие несчастья не один раз обрушивались на ее здания и истребляли ее население, и много кровавых сцен разыгралось за ее стенами. Однако почти в течение двух последующих столетий Астрахань просуществовала более спокойно. Стоит отметить, что хотя до 1557 г. Астрахань окончательно не объединилась с Русью, Иван имел титул «Царя Астрахани» на всех важных документах, датируемых, начиная с 1552 г. — Семенов, статья «Астрахань»; Карамзин, viii, 248; Nakl. Soc., Travels of Venecians in Persia, p.29, 147, 151.

³⁷ Торговля Астрахани, которую Джениксон нашел почти в умирающем состоянии, в более ранние времена процветала. Кроме специй, которые шли через нее в Адриатику, из Закавказья и Персии ввозились шелк и предметы роскоши, а из Бухары и Хивы — овчина и тканые изделия. Соль, добываемая из озер, расположенных около Каспия, была самым ценным товаром, который пользовался огромным спросом у московских купцов. Позднее русские цари поощряли торговлю в Астрахани, но с частичным успехом. В 1667 г. Алексей Михайлович основал компанию армянских купцов и построил корабль, чтобы защитить их от пиратов. Во времена Петра Великого было уже четыре торговых компании, одной из которых была английская, но Екатери-

на II отменила все монополии и объявила свободную торговлю. Но, несмотря на эту просвещенную политику, астраханской торговле препятствовали ограничения в портах Персии, которые мешали ее процветанию, и только в нашем столетии она снова начала энергично развиваться. Ежегодный экспорт, состоящий главным образом из железа и металлоизделий, между 1851 и 1860 гг. насчитывал 50 000 фунтов; импорт — шелк, фрукты и хлопок — около 90 000 фунтов, но астраханская торговля с зарубежными странами значительно возросла от ее взаимодействием с соседями по обе стороны — с Закавказьем и волжскими провинциями. В Закавказье из районов Самары, Симбирска и Саратова в огромных количествах отправлялся хлопок, а в обмен они получали каспийскую рыбу, и постоянно возрастая, такая торговля продолжается до сих пор. Общий объем астраханской торговли в 1860 г. составлял 25 миллионов рублей или около 4 000 000 фунтов. Другой поразительной особенностью Астрахани являются ее бахчи, в огромных количествах поставляющие арбузы. Их грузят на большие лихтеры и отправляют в города на Верхней Волге. — Семенов, статья «Астрахань».

³⁸ Шёлк Шемахи когда-то считался лучшим в Персии и его производство было основным занятием населения. Но нищенское состояние страны, вызванное войнами, разрушило шелковое производство и многие фабрики закрылись. — Семенов, статья «Шемаха».

³⁹ Дельта Волги находится в 30 милях выше Астрахани, где Бузан, ее большой рукав, оставляет основную реку на левой стороне. В двух с половиной милях выше этого города другой канал — Балда — отделяется от Волги и около самой Астрахани отходит третий рукав — Кутум. С этого места судоходство затруднено из-за многочисленных каналов, которые пересекают дельту во всех направлениях, а постоянно меняющееся течение явилось причиной мелководий, отмелей и песчаных берегов.

⁴⁰ Устье Волги, по разным подсчетам, насчитывает от 80 до 200 миль, но оно бесконечно изменяется, что невозможно точно определить его число. — Семенов, статья «Волга».

⁴¹ Нет сомнения, что это Ак-Kurghan (Ак-Курган) (т.е. белый холм). Терминология Каспия совершенно изменилась, поскольку российские казаки дали новые названия островам, бухтам и мысам, переставая использовать татарские названия.

⁴² На карте Джениксона — «Boghata» (Богната).

⁴³ The Sinye Mortso (Синее Морцо) (т.е. синее море) — на русской карте — широкая бухта к северо-востоку от устья Волги.

⁴⁴ Это название появляется на карте Джениксона как «Bagthiar» («Бахтияр») и, вероятно, имеется в виду Boghata Kultuk (Богата Култук) (пролив) и «Tourjinkoi Boughau» («Туржинкой Бухау») — на французской карте 1:500000, в 10 милях на запад от устья Урала. В тексте говорится о стране, но никаких особых данных о земле нет.

⁴⁵ Несколько аналогичных могил, сравни: на карте Ханикова по Внутренней Орде.

⁴⁶ Яик, или Урал, начинается на северных склонах горы Ирмель, одной из самых высоких в Уральской горной цепи, около границ Западной Сибири и Оренбургской области; левый приток Камы — Белая река — берет свое начало в той же группе гор. Поэтому Дженкинсон так точен в своей гидрографии. Урал — исторически интересная река. На ее берегах отчаянные казаки с Дона в конце XVI века основали свои поселения. Здесь они служили Руси, охраняя ее границы, и за это получали вознаграждение в виде определенных прав и привилегий, за которые они цепко держались. Здесь они жили, увеличивались в своем числе и постоянно занимались тем, что боролись с остатками

татарских орд, которые скитались по бескрайним степям, проникая далеко за их пределы, совершая свои набеги даже до Хивы. Здесь также проходило Пугачевское восстание, к которому присоединились яицкие казаки, недовольные потерей своих привилегий. Для того, чтобы уничтожить воспоминания об этих событиях, Екатерина II сменила название местности так же, как и реки, с «Яика» на «Урал». Урал омывает страну башкиров и образует пределы юрисдикции Оренбурга. Справа от него — волжские равнины, слева — бескрайние степи, где дикие киргизы пасут свои табуны и стада. — Пушкин. Ист. Пугачевского восстания, часть I.

⁴⁷ Сарайчик («Малый дворец»), в 40 милях вверх по Уралу; в 1338 г. его посетил францисканский монах Паскаль Витториа. Он добирался туда по воде за 12 дней из Сарая на Волге. Сарайчик во второй половине XVI века был верховной ставкой ногайских татар, и князь Измаил, как это следует из текста, имел там свою резиденцию. Развалины этого города в 1769 г. видел Паллас, а кирпичи, из которых он был выстроен, использовались при строительстве города Гурьева и находившихся по соседству казачьих станиц. — Cathay and the Way Thither, Hakl. Soc., p. 234, 287, 288; Семенов, статья «Сарайчиковская станица»; Aralo-Kaspien Exp. Bogdanof, pt. I, p. 4.

⁴⁸ «Азу» (азы) — очевидно, имелось в виду “Hadjî” (хаджи), титул, даваемый магометанским паломникам в Мекку.

⁴⁹ Эти «изгнанные джентльмены» были, вероятно, захватчиками или потерпевшими поражение соперниками правящих ханов. Спасаясь бегством в степи, они поддерживали друг друга и своих последователей насколько только могли. “Caphags” (кафары), очевидно, от арабского «kafir», неверующий, т.е. в Мухаммеда. Это любопытный инцидент, так как мимо его партии, как мимо добрых мусульман, проследовал хаджи.

⁵⁰ Вероятно, широкая, но мелководная бухта Белый Ильмень находится восточнее устья Урала. Далее на восток следуют одна за другой плоские, длинные отмели, убегающие далеко от моря, где ниже, а где выше поверхности воды. Сравнивая повествование Дженкинсона с современным обзором Каспия, следует помнить, что прошло более трех столетий, и что все это время происходившая постепенная десикация вызвала огромные изменения в очертании северного и северо-восточного мелководных побережий этого моря.

⁵¹ Устье Эмбы находится на 46°30' северной широты. Эта река сейчас теряется в песках задолго до того, как она добирается до Каспия. Невозможно сказать, как давно ее устье пересохло, так как даже самые старые рыбаки не помнят и не слышали, что она впадала в море, и сейчас только густые заросли камышей покрывают ее устье. Эмба начинается на 49° северной широты в южных отрогах Уральской горной цепи, ранее эту местность населяли калмыки, но сейчас она является территорией киргизов Малой Орды и входит в состав административно-хозяйственной единицы Тургайского района Оренбургской области. — Семенов, статья «Эмба»; Росс. обзор. Каспия, 1875, стр. 30.

⁵² Недалеко от устья или того места, которое было устьем Эмбы.

⁵³ Возможно, в тексте имеется в виду Лебяжий — один из многочисленных небольших песчаных островов около входа в Мертвый Култук (т.е. мертвый пролив), «большую бухту». Около оконечности этого острова побережье приобретает юго-западное направление и с полуостровом Бузачи (Busatchi) образует узкий залив Кайдак.

⁵⁴ Вероятно, бухта Кошак (Koshak) образуется полуостровами Бузачи и Мангышлак. Бухта составляет 18 миль в длину и почти 7 миль в ширину в месте входа в нее. Ее северный берег, низкий, глинистый и ровный, едва ли

составляет 9 футов над уровнем моря, в то время как на юге он окаймлен цепью холмов, пересеченных двумя или тремя небольшими лощинами и широкой долиной. Около входа в бухту Кошак восточный мыс был ранее портом Мангышлака. - Росс. обзор Каспия, стр.35-37.

⁵⁵ «Мангышлак» состоит из двух слов — «мангу» и «кишлак», обозначающих «поселение», или «место Мангыт», или «ногайские татары», и является названием полуострова на восточном побережье Каспия. Порт, находившийся здесь, служил местом отправления караванов русских торговцев, направлявшихся в Хиву, и длительное время, пока на этом полуострове не был возведен форт Ново-Александровск, служивший России в качестве опорного пункта на туркменской территории и базой для военных операций. Затем какое-то время спустя, поскольку ее влияние распространилось дальше на юг, на восточном побережье были основаны более удобные для этих целей опорные пункты, и форт потерял свое прежнее значение. Но всегда будут помнить, что в 1873 г. отряд Ломакина отправился в поход на Хиву с этого места и его название все еще сохраняется как в те времена, когда он являлся крупным военным районом.

⁵⁶ Дженкинсон не говорит, кто были эти «люди», но можно предположить, что они были туркменами; а «правитель», о котором упоминается в тексте, должно быть, означает «старший» (аксакал), это были единственные люди, чей авторитет признавался ими. — Веселовский. Ист. записки о Хиве, стр. 112, примечания.

⁵⁷ См.: ниже, примечание 69.

⁵⁸ Путешественники часто говорили о дурной вере и грабительской природе туркмен. Майор (ныне генерал) Аботт, прожив с ними несколько месяцев, был ими атакован и серьезно ранен, чудом избежав смерти. Майор Шекспир негативно отзывался об их характере, так же, как и Муравьев. Немного позднее опыт мистера О'Донована был немного лучше, но следует помнить в этом случае, что на него смотрели всего лишь как на человека, который мог помочь им в их борьбе против России. — *Herat to Khiva, by Major James Abbott, vol.I, passim; Muraviev's Travels, Russian edit. P.34; The Merv Oasis, by E.O'Donovan, passim.*

⁵⁹ Они дали князю 9 разных вещей и дважды 7 разных вещей, числа 9 и 7 считаются счастливыми. — Веселовский, примечания, стр.112; сравни: Абулгази, стр. 228.

⁶⁰ Тимур султан, брат Хаджим хана, получил в качестве своей доли при разделе наследства отца в 1557 г. половину города Хивы и Кара-Бакул Turkomans («Кара-Бакул» — у туркмен). *Hist. des. Moguls et Tartars, par Abul Ghazi Khan, Desmaison, p.250; Веселовский, приложения, стр.113.*

⁶¹ Под «митрополитом», должно быть, имеется в виду шейх ул ислам или другое сановное лицо магометанского мира. Этот титул повторяется далее, где речь идет о Бухаре.

⁶² Вероятно, 3, — это опечатка, так как они отправились 4-го (см. ниже).

⁶³ Здесь вкралась ошибка, вероятно, из-за незнания переводчиком центральноазиатских обычаев. «7» и «9» являлись, как мы уже отмечали, счастливыми цифрами, поэтому дань, взимаемая в этом случае, составляла один из двадцати пяти или четыре процента и, кроме того, в качестве даров султану и его братьям — 7 разных вещей и 9 разных вещей. — Веселовский, примечания на стр. 115.

⁶⁴ Ранние толкователи Дженкинсона были крайне озадачены этим «проливом» и решили, что это, должно быть, был Кара-бугуз, который они были вынуждены протянуть дальше на восток к тому месту, которое он вряд ли когда-либо достигал. Последние обзоры совершенно развеяли эти ошибоч-

ные выводы, показывая, что пролив «свежей воды», к которому 14 сентября добрался Дженкинсон, был не проливом, а озером Сары-Камыш, в то время соединенным с Амударьей и занимавшим значительно большую площадь, чем в наши дни. Даже сегодня время от времени случающийся разлив Оксуса находит свой путь в озеро Сары-Камыш (см. далее).

⁶⁵ *Paraponisi montes*, на карте Дженкинсона — «*Paroponismus of Ptol.*», Вк. VI, сар. XI, Парапониэ — современный Гиндукуш.

⁶⁶ В *Nakluyt*, 1598, f. 329, — эти цифры скорректированы до 500. Позже он пишет, что *Ardocke* (Ардок) вытекает из Оксуса (см. далее).

⁶⁷ Этот человек отождествляется с Хаджим — ханом (в русском MSS его имя пишется «Азим — хан»). Хаджи Мухаммед-хан, или Хаджим — хан, сын Оготая, был посажен на трон или, точнее говоря, на Белый ковер, в 965 год хиджры (1558 г. н.э.) в возрасте 39 лет и правил до 1602 г. У него было 5 братьев: Махмуд-султан, Пулад-султан, Тимур-султан, Алла-кули-султан и Сулейман-султан. Хаджим-хан получил в качестве аппанажа город Везир, в то время как у Алла-султана были Ургенч, Кат и Хазарасы. — Веселовский, стр. 110-116; Абулгази, р. 253.

⁶⁸ Этот «замок», или укрепленный город Селлизюр («*Shayzurg*» — на карте Дженкинсона), отождествляется с Шахром (*Shahr*), или Шехр Везиром (*Shehr Vegir*, «*Shahr*» означает город), теперь там развалины Деу Кескена (*Deu Kesken*). Эти развалины находятся на южной оконечности нагорья Устюрт, возвышаясь над обширной гладкой равниной, на которой можно увидеть следы древних ирригационных сооружений. Они находятся в 3-х днях пути от западного берега озера Сары-Камыш и на таком же расстоянии от Куния — Ургенча. Недавно барон Каулбарс посетил их. — Каулбарс, в Записках, Дж. R.T.C, ix, стр.447.

⁶⁹ Здесь вкралась ошибка: *dynie* (дыни) — сладкая дыня. Арбузы (в Малой России их называют карбузы, или гарбузы) — водяные дыни. Хорезм всегда славился такими дынями, которые вызревали на месяц раньше, чем такие же дыни в Бухаре. Один сорт с зеленой коркой и твердые с желтой мякотью раньше готовились таким образом: их нарезали кусочками и сушили на солнце, а затем вывозили в Индию и даже в Китай. — Веселовский, стр. 117; *Legch's*, р.41; *De Goeje*, р.30; *Dahl's Dict*; *Lerch's Khiva*, р.38.

⁷⁰ *Holcus Sorghum*, известный как *Djugara*, или *Sorgho* (иегур) — одно из самых культивируемых и полезных растений в Центральной Азии, где оно достигает высоты 10 футов. Когда иегур перемалывают в муку, он служит пищей для человека; лошади едят его зерна так же охотно, как и ячмень, домашний скот поедает его зеленые стебли, а овцы — листья. Когда он высыхает, его солома является отличным топливом. Поле иегура тщательно удобряется навозом и орошается, его урожайность от 50 до 160 плодов. — Костенко, часть III, стр. 90.

⁷¹ Слова Дженкинсона оказались пророческими. Местность вокруг Везира буквально превратилась в пустыню и от города не осталось ничего, кроме руин.

⁷² Дженкинсон проводит различие между Ургенчем и Селлизюром, называя последний «крепостью», первый — «городом», или «городком», как если бы он был бы более важным местом из двух, но Селлизюр (т.е. Везир) был резиденцией Хаджим — хана и поэтому столицей, в то время как Ургенч — крупнее и расположенный где-то в центре — мог просто быть ошибочно принят за основной город. — Веселовский, примечания, стр.11.

⁷³ Али-султан часто совершал набеги на провинцию Хоросан, города с таким названием нет (Веселовский, стр. 117, примечания). На некоторых старых картах, однако, это название обозначает город и на карте Дженкинсона встречается *Cogassan ragva* и *magna*.

⁷⁴ Ургенч, теперь известный как Куния (Старый) Ургенч, стал столицей Хорезма после того, как в Везире уже никто не проживал и задолго до того, как Хива стала главным городом ханства. Ургенч обязан своим первым основанием арабам вскоре после того, как они захватили страну. Они взяли Фил, город на правом берегу Джихуна, или Оксуса, о котором упоминают историки, называя его «Эль Манзура» («El Manzura»), т.е. названием, под которым он стал известен потом. Но река постепенно подступила к правому берегу, разрушая город, что заставило его жителей перебраться на другой берег и построить новый город, который они называли «Ургенч», или «Гургандж» («Gurgandj»). Димешаки, арабский географ XIV века, сначала описывает его всего лишь как селение, но потом среди арабов город стал известен как El-Djogdjanija (Аль-Джорджания). Ибн-Батута проследовал туда из Сарайчика, покрыв расстояние за 30 дней. В середине XVI века или за несколько лет, предшествовавших визиту Дженкинсона, Ургенч продолжал оставаться стратегически важным местом. Караванный путь связывал его с Каспием в Балханской бухте (Balkhan Bay), Оксус протекал за его стенами и, согласно Абулгази, поля, виноградники и сады продолжали давать свои богатые урожаи по обоим берегам до самого Каспия, в который эта река затем впадала; в приближенных районах проживали туркменские племена адакли-хизир, али и тиведжи. Но примерно в 1575 г. Амударья проложила себе новый путь напротив башни Хаст, в местечке названном «Кара Уйгур Тукай» и потекла по направлению к крепости Тук, впадая в Арал, названный Абулгази «Морем Сыр», вероятно, около бухты Айбугир. Из-за этих перемен со временем соседство Ургенча пришло в запустение, хотя в течение многих лет после того, как это событие было описано, и даже после того, когда опустел Ургенч и его жители перебрались в другое место, эти плодородные земли, удобряемые летними паводками, продолжали обрабатываться и давать прекрасные урожаи овощей, фруктов, винограда, а хан со своим окружением в определенное время года поселялся возле Ургенча и контролировал сбор урожая. Тук лежит на севере от Хоста и на северо-востоке от Ургенча на расстоянии нескольких часов пути. — Абулгази, стр. 221.

⁷⁵ Эти гражданские войны, вероятно, велись между Али-султаном и его братьями.

⁷⁶ См.: выше, примечания.

⁷⁷ Два сына Хаджим и Махмур были рождены от одной матери, а два — Пулад и Тимур — от другой. — Абулгази, стр. 253.

⁷⁸ Овцы до наших дней являются основным источником средств к существованию для жителей Туркестана; фактически их существование, главным образом, зависит от них. За суровой зимой с ее скудными запасами кормов следовала поздняя весна, окончательно истощая его запасы, что неизбежно приводило к гибели большей части скота и обнищанию его владельцев. С другой стороны, благоприятные сезоны с обилием травы значительно увеличивали их поголовье. Несметные стада овец, огромные табуны лошадей и множество верблюдов — главное богатство киргизов и в наши дни.

⁷⁹ Соколиная охота продолжает оставаться любимым развлечением киргизов в Туркестане. Для охоты на крупную дичь, такую, как олени, они натаскивают беркута или золотого орла, который хватает добычу своими когтями, как описано в тексте. Сравни: Yule's Marco Polo, 2nd edit.; i, pp.385, 386.

⁸⁰ Лук и стрелы, однако, уступают более привлекательному и более беспощадному страшному фитильному ружью, а русские серебряники начинают свое хождение в качестве денег между ними.

⁸¹ Cf., page 53.

⁸² Это описание татар может служить в наши дни правдивой картиной

того образа жизни, который ведут полукочевые племена, живущие в степях Центральной Азии, и того, как они проводят свое время, за исключением тех районов, где они попали под непосредственное влияние русских господ.

⁸³ Этот «Ардок» долгое время являлся загадкой для толкователей, пока не появились последние обзоры по дельте Амударьи и не пролили какой-то свет на эту проблему, и тогда все стало понятно, что тот факт, что большая и быстротекущая река, которую пересек Дженкинсон, была никакой другой рекой, кроме как Амударьей.

Возможно, Ардок был его трактовкой Taldyk (Талдык), или Taglyk (Тарлык), местного названия ее западного и самого старого рукава, поскольку он протекал на севере от Куния Ургенча в Аральское море. «Оксус» Дженкинсона, вдоль которого он путешествовал на расстоянии 100 миль, является *Kunia daria* (Куния дарья) (старая река), или *daria lyk* (дарья лык), присоединяющаяся к Амударье напротив Шейх-Аббас-Али и представляющая каспийский рукав этой реки, которая в его время уже прекратила свое непрерывное течение в озеро Сары-Камыш. Бросается в глаза очевидность отсутствия Аральского моря и в тексте, и на карте, что явно подтверждает тот факт, что наш путешественник находился под влиянием ошибочных точек зрения, распространенных в Западной Европе по вопросам географии этих стран; ибо пусть даже Птолемей и его переписчики обозначили на своих картах *Oxianus lacus* на том месте, где вы бы искали Арал, они не придавали ему соответствующего значения, и все реки, по их представлению, впадали в Каспий, а такие картографы XVI века, как Виед, вообще игнорировали его существование. (Cf. Kaulbars, pp.446-448; Herbert Wood, pp.150, 236; Ptolemy, Bk. VI, chap. xii, and *Septima Asia Tabula*, edit. of 1513; также карты Марино Сануто 1320, Мартелли 1495 и Виеда 1555). С.

⁸⁴ см. выше.

⁸⁵ Kath («Cante» — на карте Дженкинсона). Кайт стоял на канале *Yarinish* (Ярмиш), вероятно, около того места, где находится современный *Kait* (Кайт), или *Ket* (Кет). Его упоминает Аль-Бируни, арабский ученый XI века, который родился недалеко от этого города, и он говорит, что Кайт находится прямо на левом берегу *Jihum* (Джихуна), или Оксуса. Старое русло проглядывается к северу от Кайта и представляет сейчас засыпанное песком пустынное пространство, протянувшееся на северо-запад к южной части маленького городишки Турлена. Это и было, вероятно, русло Оксуса в 10-11 вв., и здесь на правом берегу этого старого речного русла южнее Турлена, должно быть, в древние времена стоял Кайт. В настоящее время Амударья находится примерно на расстоянии 12 миль от Кайта и только около Турлена приближается к ее старому протоку, где она несется, прибываясь к правому берегу, стремясь подмыть его, что является примечательной особенностью этой реки. Эти подробности прослеживаются в проспекте М. Лерча по истории и географии Хивы. Сам автор посетил Хиву и исследовал все на месте. Он приводит дополнительные сведения о том, что в 1372 г. Тимур предпринял несколько компаний против Хорезма, направляясь туда из Самарканда и добираясь до Джихуна чуть выше Кайта, в местечке, названном *Se-piye* (Се-пийе), где он, по всей вероятности, перебрался на левый берег. Одним из первых мест, которые он взял, был Кайт. В повествовании о его дальнейшем продвижении на Ургенч упоминается Гурленский канал, как будто Амударья протекала восточнее Кайта и Турлена, как и сейчас, но очевидно, что во время визита Дженкинсона, а это было два столетия спустя, ее течение было несколько иным. Ибн Батута, который путешествовал в Ургенч в 1340 г., примерно за 30 лет до первого похода Тимура, прошел через Кайт и нашел, что это был единственный город по дороге в Бухару. — *Leitch*, pp.20-21.

⁸⁶ Веселовский предполагает, что, возможно, Сулейман-султан, брат Хаджим-хана, может быть тем человеком, который здесь упоминается. — Веселовский, стр. 102.

⁸⁷ Этим князем, может быть, был Бурум, третий сын Буджучи — хана и брат убитых Доста и Иша, о которых Абулгази умалчивает. Похоже, что он владел Кайтом, когда его брат хан Дост был жив. — Веселовский, стр. 121.

⁸⁸ Овечьим лопаткам в Центральной Азии придают особый суеверный смысл. Среди калмыков Джунгарии (сейчас — китайская провинция) ламы на них записывают тексты и молитвы и подвешивают веревку, украшенную этими любопытными символами, у входа на свою стоянку. Под этой гирляндой калмык останавливает свою лошадь и выдергивает несколько волосков из ее гривы и привязывает к веревке. В Монголии эти лопатки всегда ломают и выбрасывают, считая, что если их не сломать, то это принесет несчастье. — Монголия, Пржевальский, i, 56; так же смотри: Purchas, iii, 31.

⁸⁹ Аркебузы были единственным легким огнестрельным оружием в то время.

⁹⁰ Этот тип укрепленного лагеря часто использовался русскими в их войнах с центральноазиатскими народами и не раз сослужил им хорошую службу, когда на них нападали несоизмеримо превосходящие силы. Однако Дженкинсон и его партия, должно быть, оказались в критической ситуации, так как они были отрезаны от источников воды.

⁹¹ «Басурманы» — всего лишь вариант «мусульмане», слово, часто используемое среди русских.

⁹² Алла! Алла!

⁹³ Т.е. Дженкинсон и два брата Джонсоны.

⁹⁴ В тексте не указано, в какое место Оксуса прибыл Дженкинсон, но мы могли бы допустить, что это произошло на полпути по дороге между Хивой и Бухарой, вероятно, около форта Кавакли, примерно в 120 милях от Бухары по дороге, ведущей вдоль левого берега Амударьи. — Сравни: Карта Центральной Азии полковника Уокера.

⁹⁵ Путь Дженкинсона после того, как он пересек Амударью, проходил по правому берегу этой реки, вероятно, к Уч Учаку (Utch Uchak), недалеко от развалин Тунуклиу (Tunukliu). Здесь дорога на Бухару разветвляется, одна продолжает следовать по реке, другая направляется через ужасную песчаную пустыню. Как раз по ней и путешествовал Ямбери с караваном дервишей и перенес страшные мучения, чуть не погибнув от жажды между Адам Крилганом и Кала-атой (Adam Krilgan and Kala-ata), и здесь же отряд Кауфмана едва не погиб во время своего знаменитого похода на Хиву в 1873 году. В любом случае выбора не было, оба пути таили в себе опасность: держась реки, караваны, наверняка, подверглись бы нападению туркменских разбойников, тогда как отправляясь по пути через пустыню, они должны были столкнуться с опасностью, возникающей из-за отсутствия источников воды и вытекающими отсюда последствиями, или попасть в песчаную бурю. Вероятно, Дженкинсон следовал по более южному пути, недалеко от Оксуса, и вошел в Бухару через Кара-кул, отмеченный на его карте.

⁹⁶ Говоря, что Бухара расположена в самой низменной части страны, наш автор, без сомнения, имеет в виду ее относительное положение; однако ее абсолютная высота, согласно Бурнесу, 1200 футов выше уровня моря. Когда была построена Бухара — неизвестно. Легенда гласит, что на этом месте когда-то было множество озер, и что рыбаки, привлеченные обилием рыбы, водившейся в них, разбогатели и начали обрабатывать землю. По мере того, как увеличивалось население, добротные дома сменяли жалкие лачуги, так и возник город, и это была Бухара. В соответствии с другой легендой осно-

вание Бухары приписывается Афрасиабу, мифическому герою Турана. Вероятно, его название происходит от «Vihaḡa», что на санскрите означает «воссоединение, объединение мудрецов, монастырь», и оно, конечно, несет в себе добрую славу мусульманского мира, будучи местом учености и святости. «Повсюду в мире свет падает сверху, озаряя землю, со священной Бухары он восходит вверх» - хорошо известное изречение магометан. В ранние времена она, возможно, называлась «Numi», или «Numij Kent», но это не точно, а в китайских хрониках VII века она уже упоминается как «Bu-huo», или «Bu-ho», в документальных свидетельствах о завоевании Бухары Чингисом ее название записано как «Pu-hua», а также «Bu-ha-r». Все магометанские авторы единодушны во мнении, что Бухара — один из древнейших городов в мире. В начале VIII века она попала в руки арабов, которые обратили ее жителей в ислам. Бухара вознеслась к вершинам своей славы при Саманидах, которые здесь установили свой трон, но с падением их династии она попала под турецкое правление. Махмуд Газни, сельджук, и князя Хорезма один за другим становились ее владыками. В 1220 году Чингис захватил город и сжёг его дотла. 15 лет спустя после своей гибели, Бухара снова восстала из пепла и достигла своей былой славы при Оккдае (Okkdai), сыне Чингиса. В 1265 году ее посетили братья Поло, и мы читаем в книге Марко Поло следующее: «Когда пересекли эту пустыню, пришли в один город, называемый Бокара, очень знатный и большой» (Pauthier, p.9). В 1254 году Хятон I (Hayton), царь Армении, по пути домой проезжал через Бухару и его кузен и тезка, будучи историком, дает подробное описание города, ибо он говорит о Бухаре и Самарканде как о «двух больших и богатых городах» (Pauthier, p.69, note 8). С конца XIII до середины XVI веков, или со времени Марко Поло до визита Дженкинсона, существует огромный пробел в ранних описаниях города или каких-то письменных свидетельствах о Бухаре, лишь частично восполняемых Ибн Батуттой, Муром и испанским посланником Доном Рэем Гонзалесом де Клавито, направлявшимся ко двору Тимура. В течение всего этого периода государства Центральной Азии были втянуты в гражданские войны, которые велись потомками Чингиса, когда были разрушены все зачатки возрожденной цивилизации на землях несчастного Оксуса. При могущественном правлении Тимура Самарканд, с которым были связаны все удачи Бухары, снова начал процветать, а его потомки после того, как они были изгнаны из всех своих владений, находившихся южнее Оксуса, сделали Бухару своим домом, украсив город множеством прекрасных зданий. Поэтому период времени с 1400 по 1500гг. можно считать периодом ренессанса Бухары. К несчастью, наступил другой период, который положил конец процветанию Бухары, и связан он с вторжением киргизов и калмыков. Но за несколько лет до визита нашего путешественника Абдулла — хан, династии Шейбани, завладел трон и восстановил мир и процветание «благородного» города. С его местоположением, его окрестностями, его роскошными зданиями и дворцами, с особенностями присущими ему, представляющими несомненный интерес, знакомят нас в 1832 г. Бурнес и в 1873 г. Шуйлер. Они рассказывают о стенах, окружающих город, общей протяженностью 8 миль, 11 воротах, стоящих в них, об арке или цитадели, возведенной в центре города, о его мечетях, учебных заведениях и обширных пригородах, раскинувшихся вокруг него. Они восхищаются его садами, рынками и банями, дают представление о масштабах и значении ее торговли. Мистер Шуйлер говорит: «Прогуливаясь по ее улицам вы не можете не заметить того, что это не просто город, а настоящая столица». — См.: Meyendorff, passim; Vambery's, Hist. of Bokhara, passim; Bretschneider, p.166; Burnes, i, chaps. 9 and 19, ii, 158, Khanikof, pp.79-87; Schuyler, ii, 85-108.

⁹⁷ Плохое качество воды было серьезной проблемой. Она поступала из

Зарафшана, который течет на расстоянии 3 миль от города по каналу (Шех-и-руд) в резервуары, и застаивалась там неделями, в ней появлялись инфузории, вызывающие заболевание, о котором упоминает Дженкинсон – «the rishta», или «гвинейский червяк», – самое распространенное среди обитателей региона.

⁹⁸ Мы уже говорили о том, что «митрополит» по отношению к сановным мусульманам – ошибочный термин. Высшее духовное лицо в их иерархии – шейх-аль ислам (Sheikh ul Islam), который председательствует на конференции Улемы и является главой духовного совета хана.

⁹⁹ Бурхан, апанажный хан Бухары, вероятно, то лицо, которое упоминается здесь. Бурхан был назначенным соправителем Бухары вместе с Яр Махомедом в 1550 г. Но вызвав недовольство Навруз Хакана Мавераннахра, он был смещен и вынужден был удалиться в Каракул. В 1557 г. он поднял войска против Абдуллы, но был им разгромлен. Абдулла приказал убить его. История гласит, что его предал святой Ходжа Инибарак (Inibareh), возможно, «митрополит» Дженкинсона. Он встретил свою смерть в доме некоего мурзы Еке-би (Eke-bi). На следующий день на рассвете его голову поместили на пике и отправили Абдулле. – Howorth, ii, 727-729; Vamberg, p.284.

¹⁰⁰ Во времена Халифата город Бухара и прилегающие окрестности входили в состав провинции Хорасан и до конца X века были подвластны персидским князьям, когда после падения династии Саманидов, воинственное племя, известное как карлуки, захватило Мавераннахр и повернуло волну завоеваний в противоположном направлении. С этого времени Северная Персия постоянно подвергалась разрушительным набегам татар и их союзников. Но персидский язык, вероятно, использовался арабами при обращении народов Центральной Азии в ислам, на котором до сих пор говорят таджики, проживающие в Бухаре и являющиеся народом арийского происхождения.

¹⁰¹ Религиозная нетерпимость между суннитами и шиитами – двумя большими сектами, на которые подразделяется ислам, – усиливала ненависть их вражды. Каждая партия смотрела на другую хуже, чем на еретиков, а их фанатизм приводил к тому, что они считали своим долгом устраивать самые ужасные беспорядки, во время которых, например, свирепыми воинами Абдуллы Муммина (Abdul Mumin) была разграблена священная обитель имама Ризы, и все, кто искал спасения внутри этой святыни, были безжалостно убиты. Бритье лица над верхней губой – религиозная традиция, практикуемая суннитами, и в наши дни бороды и концы усов остаются нетронутыми, но часть лица непосредственно под носом должна быть чисто выбрита. – См.: Schuyler, ii, 180; Vamberg, 286; Howorth, ii, 735.

¹⁰² Абдулла – хан, сын Искандер – хана, сына Джанибека, внук Абулхалифа, и есть, вероятно, тот «король», о котором упоминается в тексте. Абдулла был апанажным ханом Бухары в то время, когда его дядя Пир Махомед возглавлял верховное ханство. Успешный в ведении своих войн в 1583 г. после смерти своего отца Абдулла стал правителем всего Мавераннахра и оставил о себе прекрасную память.

¹⁰³ Пулы (Pules). Хаников говорит, что в серебряном «тенге» 44 пула, стоящих около 6 пенсов. 3 пула – это эквивалентно 1/8 пенни. В его время золотая монета тилла (tilla) также находилась в обращении в Бухаре и стоила 21 тенге или около половины соверена наших денег. Русские монеты в XVI веке были почти похожи по своему названию на те, что ходили в Бухаре. Джон Хусси рассказывает нам, что были «poles and dengas» (пулы и деньги), 18 первых были равны «полденга», равной английскому полпенсу того периода. Ни русские, ни бухарцы не имели золотых монет. – Hakluyt, p. 293; Khanikof, p.114.

¹⁰⁴ Абдулла вторгался в Хорасан пять раз и был как раз готов к своему первому походу против этого государства, когда в 1559 году Дженкинсон находился в Бухаре. Его первые походы едва ли можно было бы назвать войнами, это скорее были «alamans» или грабительские рейды в северный Хорасан, поскольку длительное время царем Персии был Тамасп (Tamasp), а он был достаточно сильным, чтобы защитить свои северные провинции, однако после его смерти в 1576 году его страна впала в состояние хаоса и беспорядка, во время которых узбекам удалось захватить Герат и опустошить северную Персию. — Vambergy, p.284; Howorth, pt, II, div. II, 733, seqq.

¹⁰⁵ Бухара обязана своей процветающей торговлей тому, что она занимала удобное срединное положение. Расположенная на перекрестке дорог, где купцы из Восточной Азии встречались с купцами с Запада и обменивали товары из Европы на продукцию и товары Азии, Бухара была большим торговым центром. Она также служила в качестве большого хранилища для купцов, прибывавших с юга, прежде чем они пересекали огромную пустыню, которая лежала между Бухарой и северными странами. Не имея никакого сколько-нибудь важного производства, Бухара зависела исключительно от земледелия как средства направления какой-то части торговли для ее собственного населения, чьи потребности, однако, были невелики. Отсюда небольшой объем ее местной торговли, что произвело неблагоприятное впечатление на нашего путешественника. Неустойчивое состояние страны и не безопасность ее дорог, должно быть, и привели к сокращению торговых перевозок и торговых сделок, и полному прекращению торговли с Китаем. То, что ее торговля когда-то была более масштабной, можно видеть из отдельных свидетельств ранних путешественников — Марко Поло, Пеголотти и Джона де Мариголли. Но войны и новые вторжения направили большую часть торговли по другим направлениям, и мы находим караваны, идущие более северными путями в Cathay через Отрар, Ташкент и по Сыру.

¹⁰⁶ Индийская торговля достигала Бухары через Мешед (Meshed) и Северный Хорасан. Во время визита Дженкинсона, вероятно, только некоторые особенно необходимые товары, ввозимые из Индии, привозились в Бухару. Прекрасные ткани, о которых он упоминает, продолжают поступать и до наших дней, хотя суровое полотно, хлопок и лен были почти полностью русского производства. — Khanikof, pp.111-179; Schuyler, ii, 95.

¹⁰⁷ Т.е. батист, муслин.

¹⁰⁸ Crasko (Crash, с латинского Crassus), coarse linen — суровое льняное полотно.

¹⁰⁹ В то время португальцы господствовали на побережьях Индии.

¹¹⁰ Бухарский шелк занимал одно из ведущих мест в торговле Центральной Азии. Производство шёлка первоначально ввели китайцы, а в 1785 г. шах Мурад — хан возобновил его производство после захвата Мерва, оно составляло 4,5 миллиона фунтов, одна только Бухара производила его на 1,5 млн. фунтов. Красильщиками преимущественно являлись евреи, которые также торговали пряжей. — Meyendorff, p.219; Schuyler, i, 191.

¹¹¹ Красная кожа пришла из Руси, всегда известной своей кожевенной мануфактурой. Рабами преимущественно были персы, захваченные во время войны, а лошади, о которых говорится ниже, — аргамаки.

¹¹² Персидская торговля с Бухарой проходила в основном через Мешед и Герат. Ханыков говорит, что в 1840 г. 4 каравана ежегодно входили в Бухару из Мешада; основными промышленными товарами, ввозимыми в Бухару, являлись хлопчатобумажные и шелковые ткани, платки, ковры и изделия из бирюзы. Из Бухары в Персию везли каракульские овечьи шкуры для особых высоких конической формы головных уборов, которые обычно носили в

Персии, хлопковое сырье и т.д. Персия ввозила основные товары из Левантии и поэтому в Бухаре закупала только то, что не могла привезти оттуда.

¹¹³ Аргамакские, или туркменские лошади, скрещенные с арабскими скакунами, всегда были известны в Центральной Азии. Лошади этой породы отправлялись русским царям и китайским императорам, как, впрочем, и до сих пор отправляются. Герберштейн упоминает о том, что видел их в Москве. Это высокие красивые животные с длинной шеей, тонкими изящными ногами и благородно осанкой. Их недостатками являлись узкая грудь, скудная грива и хвост, кроме того, их утонченность, хрупкость и предрасположенность к болезненной чувствительной спине, делали их непригодными для длительных походов по местности. Однако высоко ценились их скорость и выносливость. - Meyendorff, p.209; Khanikof, p.155; Schuyler, i, 129, 183, 333.

¹¹⁴ Рынок рабов в Бухаре был самым большим в Центральной Азии и сохранялся буквально до последнего времени. Обычно рабами являлись пленные, захваченные во время войны с Персией, а также во время набегов туркмен на эту страну. Среди несчастных жертв этого невольничьего рынка были афганцы, иногда русские и люди других национальностей. Каждый богатый бухарец имел рабов, которые обрабатывали его земли. Во время визита Мейендорфа в 1820 г. стоимость здорового мужчины доходила от 640 до 800 франков, но ремесленник стоил вдвое дороже. Женщины, не считая молодых и красивых, имели низкую рыночную цену. Их судьба была особенно ужасна, поскольку их хозяева часто обращались с ними с величайшей жестокостью. - Meyendorff, pp. 178, 285, 286.

¹¹⁵ Российская торговля с Бухарой велась практически с самого начала и имела более важное значение, чем с другими странами. Бухарский хлопок в основном покупали русские мануфактуры, в то время как российские ситцы и кустарные изделия обеспечивали потребности этого города и прилегающих к нему окрестностей Центральной Азии, более того, караваны с русскими товарами проходили через Бухару в Афганистан и Индию. Говорят, что в начале VIII века торговый путь из Индии в прибалтийские страны проходил через Бухару, а арабы сделали этот город своим *entrepot** в торговых сделках с Хорезмом. Купцы из Бухары прибывали в Тару, Томск и Тобольск до того времени, пока Ермак не завоевал Сибирь, а в XV веке их видели в Москве. Торговые пути во время путешествия Пеголотти (XIV век) из Тана (Азов) в Пекин проходили через Астрахань, Сарай, Сарайчик, Ургенч, Бухару, Самарканд и Отрар. То, что русские великие князья придавали большое значение процветанию торговых связей с центральноазиатскими ханами, очевидно из переговоров, которые проводил Василий Иванович с известным Бабером, и из того интереса, который проявил его сын и преемник миссии Дженкинсона. О большом интересе, проявляемом к торговле с Бухарой, ее состоянию и перспективах можно обнаружить в записках М. Петровского, представленных в работе Шуллера. — См. также Meyendorff, pp. 227-252; Khanikof, pp. 165-172.

¹¹⁶ Ташкент.

¹¹⁷ Кашгар — название этого города, а также страны, как она называется и в наши дни, — Кашгария, или Восточный Туркестан.

¹¹⁸ Cassaks (Kazzaks), ошибочно названные киргизами «kirghiz», составляют большую часть полукочевого населения Центральной Азии наших дней. О них впервые услышали как об узбеках-казаках («Uzbek Kazzaks») примерно в середине XV века, когда они составили часть наследства потомков Чингиса и приняли участие в войнах, которые происходили между этими князьями и преемниками Абулхаира из династии Шейбанидов. Их численность быстро

* фр. — склад, хранилище.

возрастала, kazzaks (казахи) стали державой в Центральной Азии. Говоря об их хане Касыме, Бабек отмечает, что в его орде порядок был лучше, чем у любого другого хана, и что его войска насчитывали примерно 300 000 человек. Их разбили ногайцы, но при Назар — хане (Ak (Nak) Nazar — khan), который подчинил себе Могулистан, или Кашгарию, и совершал набеги на Туркестан, они снова возродились. Примерно в середине XVI века они заняли оба берега Таласа, захватили города Туркестан (Хазрет) и Сабран и угрожали Бухаре. Данило Губин, русский посланник, докладывал в 1535 г., что казахи (kazzaks) стали очень могущественными и взяли Ташкент. Название «kazzak» означало «пират, флибустьер, разбойник, корсар», «независимый, свободный», или «мародер». - Howorth, pt. II, pp.627-634; В.Зернов, ч.П, стр. 330.

¹¹⁹ Вероятно, опечатка: не «Kings», а «Kirghis» (см. карту). Но люди, которые упоминаются, были калмыками, которые исповедовали буддизм, что являлось причиной того, что их называли идолопоклонниками. Их могущественная империя Джунгария, когда-то составлявшая наследие Чагатая, лежит к северу от Кашгарии, занимая почти ту же территорию, что сейчас является китайской провинцией Или, или Кульджа. В XVI-XVII веках калмыков, или джунгар, довольно часто привлекали соперничавшие князья для борьбы друг с другом. После смерти султана Саида Кашгарского, самого известного из монгольских ханов, происходивших от Тоглука Тимура (Toghluq), в 1534 г. его старший сын Рашид захватил столицу и объединил всю страну, возглавив ее. Но после его смерти из-за разногласий среди его сыновей несколько государств, составляющих ее, распались. Нарушенный мирный уклад жизни Кашгарии вследствие этих раздоров и религиозные войны святых (Hojas), которые подразделялись на две секты, серьезно препятствовали торговле, отбрасывая ее с обычных проторенных путей и заставляя искать новые. В 1678 г. джунгары, которые при хане Галдане (Galdan) сформировали мощную конфедерацию, захватили город Кашгар и правили страной в течение 78 лет до тех пор, пока их не изгнали китайцы. — Bellew, Kashmir and Kashgar, p.25; Куропаткина, Кашгария, стр. 83-86.

¹²⁰ Следующие расстояния, покрываемые путешественниками по торговому пути в Пекин и выраженные в днях, представлены Пегалотти во время его визита в регион:

Из Organci (Ургенч) до Ottrage(Оттрап) ... 35-40 дней

-//- Ottrage...-//-Armalec (Алмалык)...-//-45-//-

-//- Armalec.....-//- Самехи (Kamchu) ... -//-70-//-

-//- Самехи -//-Cassai (Kingszi, hod. Nanchau-fu)...-//-45-//-

-//- Cassai.....-//-Cambalu (Khanbalik, hod. Peking) ...-//-40-//-230-//-,

или семь с половиной месяцев. Торговый путь идет из Бухары и по дороге не предусматривает ничего, кроме остановок на отдых, путешествия на кораблях вниз по реке Хань до ее слияния с Янцзы около Nanchan-fu или случайных задержек. Поэтому Дженкинсон не преувеличивал, когда утверждал, что расстояние от Бухары до Cathay, т.е. Пекина, покрывается за девять месяцев. — Cathay, p. 288.

¹²¹ Т.е. походы Абдуллы против Хорасана.

¹²² В то время духовные лица Бухары были всемогущими и использовали свою власть таким образом, как они не смели делать этого в более поздние времена, когда ислам перестал оказывать столь сильное влияние в Центральной Азии.

¹²³ Царь Самарканда, о котором здесь упоминается, должно быть, был одним из сыновей Навруза Ахмед — хана, или же известного как Бирак (Birak), или Борах (Bohak), который провозгласил себя верховным ханом Ма-

вераннахра после смерти Абдулатифа, но ему пришлось бороться со своими соперниками, сыновьями Джанибека. Навруз был ханом Самарканда, когда Сиди Али посетил тот город в 1554 г., а умер в 1556 г. Его сын Баба-султан, вероятно, унаследовал права отца и попытался лишить Абдуллу власти, но потерпел поражение. — Howorth, pt. II, div. II. 72. seqq.

¹²⁴ См. выше.

¹²⁵ См. выше.

¹²⁶ Здесь, кажется, Дженкинсон ошибается, ибо послы из Хивы прибывали в Россию в 1557 г. и в октябре 1558 г. О последнем из упомянутых выше визитов Лаврентьевская MS (ч, 267-8) дает имя посла — Тениш Ази (Tenish Azi), хотя, может быть, что летописец перепутал это посольство с тем, что сопровождало Дженкинсона в 1559 г. В любом случае, после падения Казани и Астрахани, как записано в летописи, цари Хивы и Бухары отправили высокопоставленных особ в Москву с дарами для того, чтобы завоевать расположение Ивана и получить привилегии в торговле с Русью. Возможно, в результате путешествий Дженкинсона в 1563, 1566 и 1583 гг. на Русь из Центральной Азии прибывали послы, их основная цель — способствовать торговым взаимоотношениям, в которых они весьма преуспели. — Веселовский, стр. 122, 123, примечания; Карамзин, viii, 252.

¹²⁷ «Cocke», т.е. привязанная шлюпка. Сравни: Шекспир —

«... you tall anchoring bark,
Diminish'd to her cock; her cock a buoy
Almost too small for sight...»

King Lear, iv, sc. 6. — С.

¹²⁸ Это первая документально зафиксированная успешная операция по освобождению русских рабов в Центральной Азии. В текущем столетии капитан (теперь уже генерал) Джеймс Аботт предпринял попытку переговоров между ханом Хивы и генералом Перовским на обмен пленниками, а чуть позже полковник Ричмонд Шекспир добился освобождения большого числа несчастных пленных в Хиве и благополучно доставил их обратно в Россию. (см.: Abott's Herat to Khiva, vol. I, passim). Многие русские рабы женились на киргизских женщинах и селились на окраинах городов, где их потомки известны как кахар-казаки (Chahar-Kazzaks).

¹²⁹ Т.е. туркмены, выше.

¹³⁰ Шторм — нетипичное явление на Каспии, и опасность для навигации возникала от непригодных к плаванию судов, которые использовались в то время, и от мелководий. Люди, знакомые с Каспием, не могут согласиться с Горацием:

«Non semper imbres nubibus hispidos
Manant in agros; aut mare Caspium
Vexant iniquales procellae
Usque».

Book II, Ode ix.

¹³¹ В XVI веке персы и узбекские татары постоянно находились в состоянии войны, их вражда усугублялась религиозными разногласиями.

¹³² В примечании к Halcluyt Дженкинсон имел в виду английский флаг, хотя он, безусловно, был осведомлен о том факте, что Русь переняла знаки отличия Святого Георгия у греков, которые представляли, что этот святой был облачен в доспехи (См.: Herberstein, frontispiece, and vol. ii, 139).

¹³³ Каспийское море имеет 750 миль в длину с севера на юг и 350 — в ширину, в самой своей широкой части с востока на запад. Поэтому Дженкинсон занижает его длину на 150 миль и преувеличивает его ширину на 100 миль. В других отношениях его описание моря довольно точно, даже о предполагаемых подземных течениях, которые иногда являются причиной периоди-

¹⁵⁰ Бухара, см. выше.

¹⁵¹ Кашгар.

¹⁵² Этот второй маршрут того же автора позволяет только за 10 дней совершить путешествие из Астрахани в Туркмению (предположительно, полуостров Мангышлак или бухта Туюк-Караган – любимая якорная стоянка на этом побережье и отправной пункт для караванов). Дженкинсон потратил 28 дней на это путешествие, а Аботт в 1840 г. 10 дней плыл из форта Ново-Александровска до устья Урала. Из Каспия до Ургенча уходило от 20 до 25 дней для груженых верблюдов, а не 10, как указано в отчете.

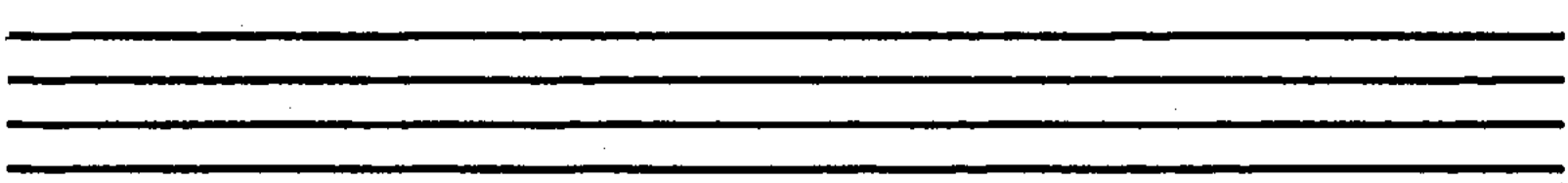
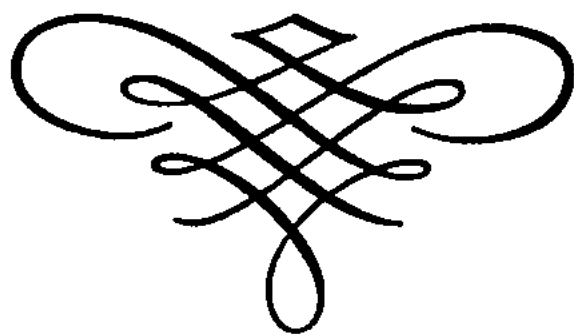

ВОСТОЧНАЯ
И
ЗАПАДНАЯ
СИБИРЬ

Томас Витлам Аткинсон

Повествование о семилетних исследованиях и приключениях в Сибири, Монголии, киргизских степях, Китайской Татарию и части Центральной Азии

Oriental and Western Siberia: A Narrative of Seven Years' Explorations and Adventures in Siberia, Mongolia, The Kirghis Steppers, Chinese Tartary, and Part of Central Asia by Thomas Witlam Atkinson. — London, 1858. — Pp. 156-579.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда было предпринято путешествие, о котором повествуют следующие страницы, у меня не было даже мысли об издании книги или чего-то в этом роде. Моей единственной целью были красоты природы Сибири, едва ли знакомой европейцам, которые я мечтал зарисовать. Таким образом, проводя время за этим занятием, я успешно прошел через азиатские владения России, предварительно за получив специальный паспорт по высочайшему распоряжению Его Императорского Высочества Николая Первого, который предоставил мне возможность не только пересекать границу империи, но также снова вступать на ее территорию в любом месте, куда бы не занесли меня мои странствия.

Я привез с собой точное, детально правдивое изображение пейзажей, не позволив себе никаких художественных фантазий или вольностей, предпочитая природу в ее собственном очаровании, пытаюсь уловить ее изящество и утонченность в пределах, позволяемых искусством.

Неиссякаемым источником моего вдохновения было обширное пространство, протянувшееся от Коканда на западе до восточной оконечности Байкала, на юге — до китайского города Чин-ши, включая удивительно красивую горную цепь Тянь-Шаня, которую никогда не видел ни один европеец, а также большую часть западной оконечности Гоби, через которую Чингисхан вел свои дикие орды на запад, — пейзажи, которые еще не отобразил карандаш художника, в общей сложности составляющие расстояние, пройденное за семь лет, — в повозках и экипажах, — около 32.000 верст, на лодках — 7100 и на лошадях — 20 300: всего 59 400 верст (около 39 500 миль).

Ни ранние венецианские, ни иезуитские священники не

смогли посетить эти регионы — их путь проходил далеко на юге, и, насколько я знаю, они не привезли с собой никаких зарисовок пейзажей, мимо которых они проследовали. Даже более поздние путешественники Хук и Габет, которые посетили «страну травы» (юг великой пустыни Гоби), не проникли в страну Калкас, а иллюстрации к их трудам были сфабрикованы в Париже.

Моя работа — простое изложение фактов, скрупулезно записываемых в дневниках, которые я вел в течение всего путешествия, часто валясь с ног от усталости и находясь в сложных ситуациях, испытывая многочисленные перипетии своего подчас опасного путешествия. Я часто страдал от голода и жажды, я рисовал и оказывался в самых критических ситуациях, когда приходилось жить среди племен Центральной Азии — особенно тогда, когда находился среди заключенных, сбежавших из китайских штрафных колоний, отъявленных личностей, для которых человеческая жизнь ничего не стоила. Много раз я смотрел в лицо неизбежной смерти и находился на волосок от смерти, когда проезжал по краю пропастей, отвесно уходивших вниз на глубину 1500 футов, или рисовал, находясь где-нибудь на скале или балансируя на краю обрыва, выискивая нужный мне ракурс.

В таких условиях я прошел по неисследованным ранее регионам Центральной Азии и сделал 560 набросков пейзажей, выполненных акварельными красками (в тюбиках), изобретенными Винзором и Ньютоном, — бесценными для художника, работающего при таких обстоятельствах. Я использовал их на песчаных равнинах Центральной Азии при температуре 50° по Реомюру (144° по Фаренгейту), а в Сибири они не замерзали, как обычные краски, и не становились такими же твердыми, как железо, когда я мог скатывать их в шарики в своей форме для отливки пуль. Некоторые из моих работ были написаны красками, которые противостояли этим суровым испытаниям, а по глубине и чистоте тонов их не могли превзойти те краски, которые были произведены в наше время. С затвердевшими красками все мои усилия были бы бесполезны.

Я глубоко признателен покойному императору России, поскольку без его паспорта меня могли бы задерживать в каждой губернии, и на своем пути мне пришлось бы пройти через невероятные испытания. Этот листок бумаги оказался для меня талисманом: повсюду, в какой бы части его владений я не предъявлял его, он сметал с пути любое препятствие, мешавшее моему продвижению. Также я благодарен Её Императорскому Высочеству Великой княгине Елене за ее бесконечную

доброту и покровительство. Я глубоко признателен баронессе Рахдек и мисс Эйлер, достойному потомку математика. Графу Несельроде я выражаю свою признательность за его неоднократно любезно оказанное мне содействие. От мистера Бучанана, ныне покойного министра Дании, я получал огромную помощь в содействии получению разрешения императора, за которое я имею эту возможность выразить свою признательность. Князь Горчаков, генерал-губернатор Западной Сибири, оказал мне неоценимую услугу, пересылая мои рисовальные принадлежности, материалы на отдаленные казачьи посты, за что я выражаю ему свою глубокую признательность. Я не буду пытаться перечислить служащих шахт и рудников Алтая, которые все без исключения оказывали мне всяческое содействие и внимание. В равной степени я выражаю свою благодарность крестьянам, которые делились со мной куском черного хлеба, когда я мучительно страдал от голода, и моим попутчикам-казакам, которые добровольно делили со мной все тяготы и опасности путешествия, смелым, мужественным калмыкам, которые вели меня через труднодоступные горные перевалы и также страдали от голода и жажды, находясь у меня на службе, с перспективой неизбежного пленения в случае, если бы мы оказались в руках превосходящих нас по численности разбойников. Генералу Муравьеву, генерал-губернатору Восточной Сибири, я хочу выразить свою сердечную признательность. Он — один из самых преданных слуг Его Императорского Высочества — сделал много для своего Отечества и мог сделать еще больше для блага своей страны, если бы ему позволили. С самыми добрыми чувствами я вспоминаю своих добрых друзей в Восточной Сибири и искренне надеюсь, что не забыт ими.

Глава XI.

У АЛТАЙСКОЙ ГОРНОЙ ГРЯДЫ

Трус. Солнце село, оставляя грозовые сумерки, которые закончились морозящим дождем; позже вечером раздались несколько сильных раскатов грома, после чего дождь полил, как из ведра, и ночь стала совсем темной. Это сдерживало нашу скорость и заставляло кучера быть осторожным, так как по обеим сторонам дороги часто встречалась глубокая трясина. Молнии продолжали сверкать, освещая озера, находившиеся невдалеке от нас, раскаты грома следовали один за другим, от-

зываясь эхом, терявшимся где-то на равнине. Даже дождливая ночь должна была когда-то закончиться, незадолго до рассвета раздался сильный удар грома, облака постепенно рассеялись, и я увидел признаки наступившего ясного утра. Вскоре после того, как буря утихла, я уснул и проснулся только тогда, когда лошади остановились на станции Турумово. Еще окончательно не рассвело, и я еще какое-то время продолжал дремать, сидя в тарантасе, но когда начали запрягать лошадей, мне пришлось подняться и ускорить приготовления к отъезду. Прежде чем сесть в тарантас, я почувствовал, что что-то произошло с одним из моих слуг — он выглядел необычно бледным. Наконец, он рассказал, что нам предстоит проехать три станции, на которых постоянно совершались грабежи, добавив, что было бы лучше подождать на станции, пока совсем не рассветет, так как там много беглых заключенных, и все они скрываются в лесах. Два или три дня назад, уверял он меня, они в дневное время в лесной части степи в нескольких верстах отсюда ограбили экипаж. Я крикнул ямщику остановиться, лицо моего человека просветлело — по его тону я понял, он подумал, что мы возвращаемся назад, но когда он услышал мой приказ опустить верх тарантаса, выражение его лица заметно изменилось. Я ухватился за рессору экипажа с одной стороны и заставил его толкать с другой стороны, когда низ пошел наверх: в тот момент, когда все было сделано, я крикнул ямщику «Пошел карашинка» (Езжай быстрее), и мы двинулись в путь. Мы сидели с высоко поднятым верхом, что не давало мне возможности хорошего обзора по сторонам; я вытащил свои пистолеты из кобуры, проверил затворы и положил их на колени, полный решимости не дать грабителям безнаказанно напасть на нас.

Прежде чем покинуть Екатеринбург, я, по просьбе моего человека, купил двухствольный пистолет с одиннадцатидюймовыми нарезными стволами — грозное оружие, если правильно использовать его. Теперь я зарядил его, сказав, что нужно только хорошо прицелиться в любого мошенника, который попытается остановить нас. Однако я обнаружил, что у него не хватит мужества на такую неожиданную встречу, мало того, я уверен, что даже при виде одинокого заблудившегося путника, сбившегося с пути, он будет готов бросить свое оружие и с радостью оставить экипаж вместе с его содержимым, чтобы обеспечить свою собственную безопасность. Ямщик гнал лошадей во весь опор, и все время через лес — это, он думал, лучший путь, так грабителям будет очень сложно остановить нас, разве только они смогут ударом свалить или застрелить одну лошадь, когда мы будем проезжать мимо; в таком случае нам придется схва-

титься с ними. Мы выехали из леса, не встретив ни человека, ни зверя, и оказались на большом открытом пространстве степи, где ямщик придержал лошадей и поехал медленней. Где-то через версту нам встретился еще один густой лес, и прежде чем въехать в него, ямщик взглянул на меня, а затем пустил лошадей галопом, давая понять, что необходимо быть бдительным, но мы снова проехали без приключений. Мы проехали еще несколько лесов в состоянии такой же готовности и добрались до станции, проделав 17 верст за 1 час 5 минут.

Колонии заключенных. Пока меняли лошадей, ямщик и мой слуга засыпали меня вопросами и с уверенностью высказали свое мнение, что поскольку мы не встретили грабителей на последней станции, будьте уверены, мы их встретим на этой, однако, к счастью и для них, и для нас, этого не произошло. Не успели мы проехать половину пути, как наступил день. А вот две следующие деревни внушали серьезные опасения, будучи колониями заключенных. Из того, что мы могли разглядеть, я обнаружил, что местность отвратительная, с бесконечными болотами и трясинами, сплошь заросшая кустарниками. Казалось, сам воздух, который я вдыхал, отдавал болотной лихорадкой, что привело меня к мысли выпить чаю на станции в случае, если можно будет достать горячую воду, несмотря на скверный характер народа. В свое время мы прибыли в деревню и, к счастью, обнаружили самовар, но в самом убогом месте. Страшная нищета, убожество, запущенность, грязь. На всех обитателях лежала печать нездорового запустения, а мебель и комнаты казались скопищем грязи. От этой станции до Киянска было еще две остановки; дорога все еще проходила по болотистой местности, которую было бы очень правильно назвать местом пыток, так как все эти болота и топи — источники миллионов москитов, явно самых кровожадных из всех, каких я когда либо встречал прежде.

Наказание за вымогательство. Киянск — относительно большой город в основном с деревянными домами, населенными многими сотнями польских евреев — раса, с которой близкое знакомство для меня было более, чем нежелательно. Вместо того, чтобы подъехать к станции, ямщик направился прямо к дому человека, у которого был подписан контракт с администрацией почтового ведомства на поставку лошадей. Он тоже был евреем и пытался задержать меня, утверждая, что у него нет лошадей; затем он предложил предоставить их мне, если я заплачу двойную цену; согласись я с этим, я бы подвергался такому вымогательству на каждой станции, так как вперед высылался бы сообщник, чтобы известить об этом

всю шайку. Я проследовал до начальника полиции, который, когда я изложил суть дела, тотчас же вызвал одного из своих подчиненных и дал ему какие-то указания, какие я не понял; затем сказал моему слуге, выступавшему в качестве переводчика, передать мне, что дело вскоре решится, и он просит меня остаться. Через несколько минут я увидел как два казака выехали за ворота и вскоре вернулись, ведя преступника. Начальник полиции приказал ему дать мне лошадей немедленно, тот поклялся «ей богу!», что у него нет ни одной, и пока я не заплачу двойную цену, его друг не даст их. Никакие аргументы больше не использовались, полицейский дал приказ казакам, еврея затолкали в соседнюю комнату, и два казака присоединились к ним; его бросили на пол и спустили одежду вниз со спины. Как только розга была готова, он завопил, что уже готов дать лошадей. Тогда начальник полиции заявил, что он все равно должен получить 25 ударов за то, что создал такую проволочку, но я просил освободить его. Когда был отдан приказ отпустить его, казак, однако, в этот момент поднял свою розгу, и она со всей силой опустилась на свою цель. Казаки выпустили его из рук, и старый грешник со страшным воплем вскочил на ноги.

Менее чем через 20 минут тарантас уже стоял у дверей; я выпил стакан чая с начальником полиции, поблагодарил его за любезность, сел в экипаж, и мы снова помчались вперед. Тип, который обеспечил лошадей, дал мне шесть, четырех запрягли в тарантас, двух поставили головными, ведущими. Я с радостью покинул этот город, самый паршивый во всей Сибири.

Всегда, когда бы князь Горчаков, генерал-губернатор Западной Сибири, не путешествовал по этой дороге, лошадей всегда отправляли за город, чтобы встретить его, и с ними он мчался вперед, не останавливаясь в этом воровском гнезде.

Очарование леса. Покинув Киянск, я отправился прямо на юг, решив посетить озера Сартан и Шаны, сохранившиеся свидетельства некогда огромного моря, расположенного внутри этого региона; от озера Шаны расходится ряд озер, протянувшихся на юго-запад почти на 250 верст, в некоторых местах 50-60 верст шириной. Местность в этом направлении все еще болотистая, кое-где слегка поднимающаяся вверх, образуя небольшие островки возвышенностей, покрытых высокой крупнолистной травой и часто с густыми, обширными зарослями березовых и осиновых деревьев, или кустарниковых подлесков. Таковой, в основном, была местность между Киянском и озерами, которые так плотно окружены широким поясом камышей, что в некоторых местах воду разглядеть просто невозможно. Но в них, я видел, водятся тысячи диких птиц. Когда

мы проехали озера, местность стала более привлекательной, местами поросшая густыми лесами, с обширными участками обрабатываемой земли между ними, на которых прекрасный урожай ржи и пшеницы как раз начинал наливаться желтым цветом. Около деревень паслись стада крупного рогатого скота, а люди выглядели здоровыми и обеспеченными, их дома были добротными и чистыми, а женщины и дети не были одеты в отрепье. Что за перемены могли сотворить несколько сотен верст в ландшафте местности и во внешнем облике ее обитателей!

Проследовав вперед, я обнаружил, что в какой-то степени трудно поверить в то, что это являлось частью Барабинской степи — пологие склоны холмов, покрытых лесом, окружавшие равнину, которые, казалось, напоминали границы какого-то огромного парка, и в подтверждение моей иллюзии я увидел несколько групп диких оленей, бегущих по просеке. В некоторых местах равнина была усеяна плантациями крупного промышленного леса, в других — полосами молодых деревьев, простиравшимися вдаль, и именно эти места отобрал специалист-садовник, чтобы придать еще больший эффект пейзажу. Удивительным художником-декоратором является сама матушка-природа, продуманным распределением воды и леса из самой безотрадной однообразно скучной степи она сотворила прекрасный лесной пейзаж. Земля была покрыта огромным разнообразием цветов, среди которых росла герань, два дельфиниума — один бледно-голубой, другой прекрасного темно-голубого цвета, белый, а также темно-малиновый диантус, растущий большими зарослями, темно-красные немахровые пионы и пурпурные крокусы, и много других неизвестных мне цветов. Белые и желтые водяные лилии росли на озерах, вдоль берегов которых на несколько верст вперед петляла дорога, открывая удивительно прекрасные пейзажи. Я часто развлекался тем, что рисовал в своем воображении на одном из таких мест прекрасный большой дом, скромной и массивной архитектуры, в гармонии с широкими и бескрайними равнинами, простирающимися вокруг. Эти грезы здорово помогали мне избавиться от скуки, вызванной десятью днями и ночами сидения в тарантасе. В самом деле, я так истомился, что был бы рад еще одной эмоционально возбуждающей встряске с грабителями.

Тетеревиные выводки. Я часто стрелял дичь, выслеживая выводки тетеревов, которых мы беспокоили, проезжая по степи. Они редко улетали далеко, и я часто бродил по высокой траве, заходя в самый центр выводка, прежде чем они успевали двинуться — фактически наступал на них. В двух случаях я добыл трех птиц с двух выстрелов: я наступил на одну и по одной убил

с каждого ствола, с собакой здесь можно добыть дичи сколько душе угодно.

Загнившее озеро. К вечеру мы добрались до берега озера, называемого Горькое озеро, с тысячами всевозможных уток, плавающих по нему. Невдалеке стояла обгоревшая и расколотая сосна, а на одной из ее голых ветвей сидел большой орел; тарантас иногда останавливался, и я пытался добраться до него на расстояние ружейного выстрела, но прежде, чем я смог достичь цели, он расправил крылья и величаво взмыл вверх. Это было огромное разочарование, и хотя я видел одного, я знал, что в этих местах их должно быть много. Люди на следующей станции были весьма обеспокоены и предлагали остаться на ночь, предупреждая меня, что следующие 38 верст будут проходить по отвратительной дороге. С этим, однако, я не согласился. Они предоставили мне семь лошадей и три человека — верный признак того, что мне готовит предстоящая дорога. За кучером поместили несколько длинных веревок, и мы тронулись. Первые три версты проходили через огороженные пастбища вокруг деревни по твердой и очень хорошей дороге. Выехав из ворот, мы почти тут же въехали в густой лес и здесь уже нас поджидал толкий грунт.

Еще дальше на тропе, по которой мы ехали, были разложены срезанные кусты и камни, поэтому приходилось сбавлять скорость и практически переходить на шаг. Далее я обнаружил, что дорога стала волнообразной, как цепной мост. По обе стороны нас окружал высокий тростник и красивый камыш, который говорил о том, что мы проезжаем через глубокое болото. Так мы пробирались чуть больше версты, когда снова вышли на твердый грунт, но даже теперь наше продвижение вперед было довольно медленным по сравнению с тем, каким оно было до этого. Наступила ночь, окутав все густыми облаками, выплывающими из-за горизонта, — скверная перспектива, а мы все еще продолжали наш путь, и вскоре оказались на дороге, ведущей через болото, покрытой кустарником и камышом. Прежде чем выехать на эту неустойчивую дорогу, кучер вышел и прошел пешком какое-то расстояние, обследовав ее; вернувшись, он сказал: «Очень худо», сел на свое место и осторожно повел тарантас вперед. Лошади наступали на ветки и камыши, уложенные под водой, и когда тарантас проезжал по ним, вдруг провалился по самые оси. Было страшно тащиться по такой дороге, но мы не смели остановиться — мы должны были продолжать двигаться, иначе могли бы быстро увязнуть в трясине. Погоняемые плетью лошади и крики людей добавляли ужас этому загнившему озеру, которое было глубоким с

обеих сторон, хотя и покрытым густыми зарослями камыша; оно не вызывало приятных мыслей. Наконец, мы снова вышли на твердый грунт, тогда ямщик перекрестился и остановился, чтобы дать лошадям возможность передохнуть. Пока мы перебирались через болото, я так беспокоился, что не заметил как пошел дождь, а вскоре он вообще полил, как из ведра, и стало совсем темно. Теперь мы шли шагом, тарантас ужасно бросало из стороны в сторону, трясло, подбрасывало, и я почти начал сожалеть, что не остался на станции, так как люди едва ли могли различать что-то впереди, и, конечно же, они не могли видеть глубоких рытвин, попадающихся на дороге. Иногда нам все же приходилось останавливаться. Час за часом продвигались мы по этой ужасной дороге, но, как сказал ямщик, самое ужасное место ожидало нас впереди. Однако ничто так не испытывает ваше терпение, как мерзкая дорога в темную и дождливую ночь. Наконец, я увидел узкую полоску света на горизонте; сначала я подумал, что это где-то далеко что-то горит, но когда она начала увеличиваться, я с радостью обнаружил, что начинается рассвет, и серый утренний свет уже постепенно поднимается над лесом и степью; теперь я убедился, что мы находимся на абсолютно ровной дороге.

Примерно через полчаса мы подъехали к очень высоким зарослям камыша, и это был последний сложный участок пути до следующей станции. Мы снова остановились, два человека вышли вперед обследовать это место; вернувшись, они долго держали совет, и человек, который правил средней парой, сел на ведущих, и мы медленно тронулись в путь. Пройдя около сотни шагов, ведущая лошадь начала сильно спотыкаться, но мы продолжали идти. Поднявшись, я увидел, что мы почти уже прошли. Несколько шагов вперед, и тарантас остановился, лошади тянули изо всех сил, но не смогли сдвинуться ни на дюйм; они увязли в грязи и камышах. Человек со средней лошади спрыгнул и провалился в воду выше колен, он ослабил постромки, ямщик бросил ему длинные веревки, один конец он закрепил за экипаж, а другой — за постромки своих лошадей; проделав это, он снова сел на лошадь, и четыре коня пошли, веревки протянулись до твердого грунта.

Тарантас и коренные лошади остановились на месте: упряжь теперь была осмотрена, веревки снова завязали, люди сели на лошадей, ямщик крикнул, лошади потащили, и мы продвинулись на несколько ярдов, еще немного усилий, и мы надеялись вырваться из этого ужасного места. Наконец, после часа проведенного на болоте, мы стояли на твердой почве, и в начале шестого утра добрались до станции, всю

ночь находясь в пути и проделав за это время 38 верст.

Проход через болото. И опять нам дали семь лошадей, и опять скверная дорога, но только короче — всего лишь 15 верст. Снова потребовались веревки, а значит, впереди ждало болото, однако нам предстояло проехать через него в дневное время, и, таким образом, мы могли видеть все тяготы пути, преодолеваемые нами. Местность вокруг была практически ровной, опять мы проезжали мимо обрабатываемой земли, на которой уже почти вызрела рожь. Проехав мелкой рысью около часа, мы оказались перед болотом, куда перед нами были посланы несколько человек с лошадьми. Они явно боялись, что мы не проедем через это место, хотя оно было в ширину не более 50 ярдов. После долгих консультаций резервные лошади были отправлены на противоположную сторону. Я наблюдал, как они прошли почти 30 ярдов, прошли благополучно, затем вдруг все провалились глубоко в воду. Теперь была наша очередь, мы очень осторожно прошли, пока ведущие лошади тоже не провалились глубоко в воду и грязь. Четыре лошади теперь были выпряжены из экипажа, и несколько длинных веревок были привязаны к ним, концы которых эти лошади протянули на твердый грунт. Затем люди начали привязывать животных к этим веревкам по четыре в ряд; затем четыре другие лошади были запряжены впереди. После долгих консультаций и указаний со стороны кучера люди снова сели на лошадей, ямщик издал свой обычный пронзительный клич, и они пошли. Наши лошади на минуту оказались в глубоком пруду, затем погрузился экипаж, и передние колеса пошли под водой: все ужасно испугались. Вскоре наших коней вытащили на твердую землю, затем ее коснулись колеса, а затем и мы через несколько минут стояли на земле. Если бы у нас было меньше людей и лошадей, мы бы быстро увязли, и тарантас провалился бы глубоко в болото, а все мои вещи могли быть испорчены. Я был несказанно рад и почувствовал огромное облегчение, когда мне сказали, что по дороге в Барнаул это было последнее самое отвратительное место из всех. Я воздал должное людям и поблагодарил их, и через полчаса мы добрались до станции.

Битва с орлом. Мы были теперь только в 20 верстах от Кронтихи на Оби. На этой станции мы вернулись к нашей обычной команде, так как мне сказали, что дорога будет хорошая. Как только мы выехали из деревни, то сразу заметили, что местность стала привлекательней, поднимаясь и образуя круглые холмы, обеспечивая прекрасные пастбища большим стадам крупного рогатого скота и табунам лошадей, которые там паслись. Далее мы приблизились к месту, густо поросшему лесом, и должны были следовать в непосредственной близости от берегов большой си-

бирской реки Оби, верховья которой находятся среди гор в том направлении, куда мы спешили добраться. Начиная подъем по крутому склону холма, я обратил внимание на прекрасного орла, сидевшего высоко на дереве в двух сотнях шагов впереди. Решив про себя выстрелить в него, если удастся, я заставил кучера остановить лошадей и пустить их шагом; затем схватил свою винтовку, которая, к сожалению, была влажной и отсырела, и я опасался стрелять из нее, в конце концов, в таких случаях я не любил рисковать; только один ствол моего пистолета был заряжен, и с ним я намеревался попытаться счастья. Выбравшись из тарантаса на противоположной стороне от того места, где сидел орел, я пошел, крадучись, под сенью деревьев, говоря кучеру ехать потише. Когда оставалось около 50 ярдов, орел поднял голову и приготовился взлететь — я стоял тихо, мимо меня проследовал тарантас, я выпустил заряд. Орел взмахнул крыльями, упал вниз, но не мертвый, так как вскочил на ноги прежде, чем я успел подойти к нему. Он не мог лететь, но развил большую скорость, подпрыгивая и помогая себе одним крылом, другое было перебито. Пробежав примерно 200 ярдов, а я быстро преследовал его, он остановился, перевернулся на спину и втянул ноги, чтобы нанести удар. Я понял, что надо быть очень осторожным, чтобы заполучить свой трофей, поскольку его лапы выглядели устрашающе, я знал, что они представляют опасность, если подойти ближе. Понаблюдав за ним 2-3 минуты, я попытался прикладом ружья прижать его ноги, но он оттолкнул его, вцепившись лапами в ложе, одновременно правой рукой я схватил его за шею, и пока он крепко держался за приклад ружья своими когтями, схватил его за ноги. Ружье упало, а он отчаянно бил крылом. В этот момент подошел человек, мы схватили его крыло, и я, зажав его руками, взял свой трофей. Ямщик перевязал его ноги кожаным ремнем, а затем убил его. Когда мы подъехали к станции, его голова, крылья и ноги были отрублены, и я нес их с собой. Это была очень большая и могучая птица.

Река Обь. Из Кронтихи открывался прекрасный вид на реку Обь.

В этом месте долина имеет ширину 12-15 верст от одного высокого берега до другого, между которыми протекает Обь, извиваясь и поворачивая то в одну сторону, то в другую. Река разделяется на несколько потоков, образуя островки, иногда очень большие, иногда маленькие и довольно многочисленные. Когда стоишь на высоком берегу и смотришь вниз на долину, перед тобой открывается великолепная панорама. В 150 верстах к северу находится Колывань, некогда главный город губернии, центр переместился в Томск — теперь еще на 150 верст дальше в том же направлении. Глядя и на север, и на вос-

ток, видишь абсолютно гладкую равнину, покрытую густыми темными сосновыми лесами. Путешествуя по этим регионам, которые кажутся обширными бескрайними лесами, иногда встречаешь большие участки открытой местности, прекрасно возделанные и засаженные разными культурами.

Переехав через Обь, мы проезжали по долине между богатыми пастбищами, видимо, недавно оказавшимися под водой. Ямщик гнал лошадей по этой ровной местности на большой скорости, и я чувствовал, что мы приближаемся к шахтерским районам, поскольку проезжали мимо тачек с древесным углем. Вечером мы добрались до Сазоновского завода — медеплавильного завода, принадлежавшего Короне: здесь же находился монетный двор для чеканки медных монет. Я не буду описывать эти работы, мое пребывание там ограничилось только тем, чтобы воспользоваться гостеприимством директора. Мы проезжали ночью и не всегда на хорошей скорости, так как временами было очень темно и дороги почти не было видно.

Сереброплавильное производство. Мы все еще ехали по долине Оби верстах в 8-10 от реки и через густой лес темной сосны. Рано утром я обнаружил, что мы находились около Павловского завода — огромного сереброплавильного производства, принадлежащего Алтайским копиям, но никакой руды здесь нет. Директор был чрезвычайно любезен со мной и уговорил остаться на обед. Далее мне предстояло проехать только 50 верст до Барнаула. Отъехав от завода, мы оказались в песчаной местности с густыми сосновыми лесами, протянувшимися на запад, на юге виднелись небольшие, разбросанные друг от друга леса, а местность выглядела скучной и бесплодной. Дорога проходила вдоль высоких участков земли по западной стороне Оби в 10-12 верстах от реки, в некоторых местах даже дальше, и ничто не нарушало однообразия ландшафта.

Хозяин рудников. Проехав последнюю станцию, мы добрались до возвышенности, с которой на юге была видна Обь — в том направлении, где находился Алтай, но гор не было видно, ничего, кроме черного соснового леса. В 5 часов мы въехали в Барнаул, уставшие и изнывающие от желания отдохнуть после столь непрерывной езды в течение 12 дней и ночей. Хозяин копий приготовил для меня комнаты, и казак провел меня в дом. Вскоре мои вещи были выгружены, и я приготовился к ночному отдыху, чтобы восстановить свои силы, проехав 4527 верст из Санкт-Петербурга. Наконец, я в Барнауле, главном городе горнорудного Алтая. Горное правление, или административное управление рудников, находится здесь, и все служащие, связанные с ними, проживают в городе. Я спал около 12 часов, и, желая

воспользоваться каждым днем, так как лето быстро пролетало, в 10 часов я зашел к хозяину рудников, который принял меня с величайшей любезностью. Я протянул ему документы, и он сказал, что получил указания относительно меня от министра из Санкт-Петербурга и был рад оказать мне любое содействие в случае, если мне что-то понадобится. Он дал мне ценнейшую информацию о регионе, который я собирался посетить, а также о маршруте, по которому я мог путешествовать и который пролегал через множество интересных мест, и пригласил меня отобедать с ним. Он говорил немного по-английски, что было мне особенно приятно; затем я был представлен его жене, которую нашел весьма милой и привлекательной женщиной. С самого начала моего знакомства с этим джентльменом и его семьей для меня было абсолютно ясно, что цивилизация самого высокого уровня в сочетании с величайшей приветливостью, доброжелательностью и истинным гостеприимством проникла в эти регионы. Вечером я зашел к офицеру, с которым познакомился на одной станции на Урале, он дал мне свой адрес в Барнауле. Мне было очень приятно видеть человека, с которым познакомился так далеко отсюда, он тоже был рад видеть меня. Он пригласил меня отобедать с ним на следующий день, и я провел два или три приятнейших часа в компании с двумя его друзьями. Перед отъездом я зашел к директору, который дал письмо к некоторым служащим на рудниках Алтая; кроме того, он приказал казаку, который был хорошо знаком с регионом, куда я направлялся, сопровождать меня. Он проехал со мной по серебряному производству и к печи, в которой плавится золото, но она не была запущена.

Наш путь лежал в южном направлении через невысокие холмы, которые протянулись на каком-то расстоянии по одну сторону от города. С одного из них за Обью открывался прекрасный вид в направлении к Томску. Мы проезжали по глубокому мягкому песку, что было чрезвычайно трудно для лошадей; и это продолжалось многие версты, пока мы не добрались до другого холма, откуда уже начиналась хорошая дорога. Кое-где местность была покрыта густыми сосновыми лесами; кроме того, кое-где появлялись маленькие долины или глубокие песчаные лощины, расположенные внизу по направлению к Оби. Во время пути ко второй станции я почувствовал изменения в окружающем ландшафте. Леса остались позади, а местность все еще оставалась холмистой, но было очевидно, что мы приближаемся к степям, простиравшимся к западу от берегов Иртыша. Здесь некогда селились киргизы, пока их не вытеснили назад за реку, а выстроенная линия укреплений протянулась

от Омска вдоль Иртыша до реки Бухтармы. Они обозначили границу с киргизской степью, которая охраняется казаками; общая длина линии, возможно, не менее 2500 верст, проходит далеко по Алтаю и вдоль китайской границы.

Алтайские горы. Мы проследовали через несколько одинаково однообразных станций; мрачные плоские равнины, протянувшиеся во всех направлениях, деревья только около речушек. Местность на отдалении имеет самый неприглядный вид — там растет в основном только полынь. На следующий день около 3-х часов я впервые отчетливо увидел Алтайские горы, очень маленькие, поднимавшиеся над равниной. По мере того как мы продвигались, я с глубоким интересом наблюдал их пока еще неясные очертания. Где-то через час езды на хорошей скорости горная гряда стала видна более отчетливо, особенно когда мы проезжали по берегу маленького озера, возле которого кое-где росли березы, а рядом стояли две засохшие старые ивы, теперь уже разбитые бурями, которые в этих степях часто бушуют с невероятным неистовством.

Сделав набросок открывавшейся вдалеке панорамы, я снова отправился в путь, и каждые 10 верст приносили в поле зрения все новые виды горной цепи.

Ужасная буря. Вдруг я заметил, что над горами собирается буря, которая вскоре абсолютно все скрыла из виду. Мы уже подъезжали к почтовой станции, я предложил выпить чай и только в случае, если погода ухудшится, остаться на ночь; уж очень мне не терпелось поскорее увидеть Алтай, тем более, что мы уже понемногу приближались к нему. Я это объяснил казаку, который возражал против остановки на ночь на маленькой и грязной станции. Он предложил доехать до деревни, находившейся в верстах 20 отсюда ближе к горам, где я мог остановиться в более комфортных условиях, а затем на следующий день мы бы двинулись в путь по холмистой местности. Я согласился с его аргументами, лошадей запрягли, и мы, свернув с дороги, поехали по степи далее на восток. Чем ближе мы подъезжали к горной цепи, тем выше шла на подъем наша дорога. Приблизительно через час мы увидели, что буря быстро приближается, окутывая все своей черной массой тумана. Вскоре она изменила свое направление и двинулась прямо на нас, но никакой деревни, где мы могли бы попросить убежище, не было видно. Казак убеждал ямщика ехать вперед, хотя было очевидно, что, продолжив путь, мы столкнемся с бурей еще раньше и промокнем до нитки.

Проехав несколько верст вперед, мы въехали в долину, где я заметил довольно большую реку, которую они называли Шу-

риш. Гроза двигалась к реке и была недалеко от нас. Гром, до сих пор гремевший где-то вдали, теперь рассыпал мощные раскаты прямо над нами через каждые две-три минуты, а на нас с невероятной скоростью двигалась черная масса.

Грандиозный эффект. Мы добрались до края долины и на расстоянии 5-6 верст заметили деревню, которая из-за сильного дождя была едва видна. На нас еще не упало ни капли, но мы чувствовали, что настала наша очередь. Спустившись в долину, мы ехали по очень ухабистой дороге, когда яркая молния осветила нас, и страшный удар грома разразился над нами, в тот же момент облака порвались и разошлись в разные стороны. Это было похоже на внезапно открывшийся занавес на величественной и ужасной сцене; тяжелые черные массы разошлись по обе стороны, оставляя между собой тонкий слой тумана, свисавшего подобно вуали. Солнце садилось, придавая бледноватый оттенок туманному, быстро испаряющемуся занавесу, который производил потрясающий эффект. Я остановил экипаж, чтобы понаблюдать за происходящими изменениями, и увидел, что открывшийся занавес постепенно разошелся на огромном пространстве, которое становилось все более и более красным по мере того, как занавес расходился все дальше и дальше. Сквозь него смутно проглядывали холмы, кажущиеся гораздо большими, нежели на самом деле, и напоминали горы, багряные от огня, не яркие, а более похожие на раскаленный до красна металл, переходящий от раскаленного до бела в темно-красный.

Туманная дымка постепенно свернулась и рассыпалась. Наконец, в красноватые оттенки окрасилось все пространство под облаками, уходя высоко вверх в небеса, придавая сцене сверхъестественный вид. Солнце уже быстро садилось; облака постепенно блекли, теряли свои краски, и вскоре все исчезло, оставив меня смущенным и восхищенным величием быстро исчезающего мимолетного зрелища. Это была незабываемая сцена. К сожалению, ни один из моих карандашей не в силах изобразить ее, а мое перо описать. Я всего лишь пытаюсь подобрать нужные слова, чтобы как-то передать это необыкновенно восхитительное зрелище. Мы не успели добраться до деревни, как темный сумрак вечера опустился на всю местность, все стихло и успокоилось.

Живописные скалы. На следующий день солнце с трудом пробивалось сквозь густой туман, который, подобно шотландскому туману, вскоре быстро превратился в мелкий моросящий дождь, насквозь промочив нас. Около 9 часов погода прояснилась, и я залюбовался горными отрогами Алтая, четко выделявшимися на фоне равнины. Мы пересекли холмы на западе и вышли в степь. Несколько верст мы спускались к

озеру Колывань, сверкавшему у подножья темных гор с изломанными и скалистыми вершинами. В Барнауле мне подсказали обратить внимание на прекрасные пейзажи этого места. Подойдя ближе, я увидел на его берегах множество забавных объектов, имеющих вид разрушенного города, — груды камней и колонн разнообразных форм стояли довольно изолированно на фоне живописных гор, примыкая к ним и придавая месту весьма необычный эффект. Это был всего лишь мимолетный визит, тем не менее, я сделал несколько набросков. Внимательно ознакомившись с природой этого места, я пешком обошел и обследовал его скалистое побережье и лощины. Это самый любопытный регион из многих: гранит имеет самые невероятные формы, в некоторых местах создается впечатление, что его размягчали или приводили в жидкое состояние, а потом выливали, и он застыл, приняв такой вид, после чего его снова и снова расплавляли, таким образом формируя тонкое ложе с закругленными краями, точно напоминающими жидкие металлические субстанции после того, как их вылили на небольшом расстоянии, и они так и застыли.

В пяти верстах от озера находится деревня Савушкино; почти сразу же после того, как мы проехали ее, дорога пошла на подъем к гранитным скалам, которые оказались очень крутыми, и мне пришлось подниматься пешком. И так, сойдя с дороги, я последовал по тропе, ведущей к ряду высоких скал; поднявшись наверх, я имел возможность оглядеть всю местность, по которой я проехал после отъезда из Барнаула, и степь, простиравшуюся на северо-западе, с ее многочисленными озерами. К югу поднимались еще более высокие хребты, мешающие обзору в том направлении. Пройдя немного дальше, я заметил, что этот отрог Алтая, через который я проезжал, обрывается на равнине на расстоянии примерно 60 верст. В этих горах невероятно живописные скалы, одни напоминают разрушенные замки с круглыми проёмами в гигантских башнях, другие имеют форму человеческой головы гигантских размеров, по сравнению с которыми великий Сфинкс в Египте показался бы младенцем.

Серебряный рудник. Подъехал тарантас, я сел, и мы поехали на скорости, которая вскоре позволила мне взглянуть на другую сторону этих скал. Проехав около часа, мы спустились в долину, на противоположной стороне которой находились другие холмы, гораздо более высокие, а немного на восток от дороги виднелись скалы огромной высоты. Я остановил тарантас и поднялся на вершину, откуда за равниной открылся великолепный вид на Иртыш, который отделял Сибирь от Кир-

гизской степи, в то время как на юге и востоке поднималось несколько гораздо более высоких отрогов Алтайской горной цепи, один лишь вид которых вызывал во мне страстное желание побродить среди их причудливо изломанных перевалов. Через каждые полверсты становилось очевидно, что мы приближались к серебряным рудникам, поскольку телеги с древесным углем встречались нам на их пути в долину. Кроме того, нам повстречались несколько сот маленьких вагонеток с серебряной рудой, направлявшихся в Барнаул. Немного дальше нам предстоял еще один подъем на следующий холм, с которого невядалеке мы увидели дым плавильных печей. Они стояли внизу, в долине, на берегу маленькой речушки, впадающей в Алей. Мы проехали недалеко от них в сторону производства и поднялись на крутой холм, ведущий в Змеиногорск, самый богатый рудник во владении Его Императорского Величества. Мы подъехали к дому директора, который принял меня самым любезным образом, сообщив, что получил указания оказывать мне всяческое содействие в моем путешествии по Алтаю.

Несмотря на то, что последние два-три дня я чувствовал себя не очень хорошо, я решил побороть свое недомогание и начать путешествие на Алтай, посетить часть горной цепи, представляющей для меня наибольший интерес, но проехав около 70 верст, мне пришлось вернуться; я был рад добраться до гостеприимного жилища директора Змеиногорска, и он немедленно вызвал доктора. За мной установили тщательный уход, со мной обращались с величайшей заботой, но кровотечения, снадобья и голодание сделали свое дело, и я был настолько истощен, что ни о каком путешествии по горам не было и речи. Болезнь была так некстати, особенно в то время, и крайне беспокоила меня все восемь дней моего вынужденного пребывания в постели. Но я все же решил для себя рано или поздно посетить этот регион, который вынужден был покинуть так и не исследовав его.

Глава XII.

ВОСХОЖДЕНИЕ НА АЛТАЙ

Покинув завод, я проследовал в Убинскую, куда прибыл на следующее утро. С этого места я начал подниматься по долине, окруженной круглыми холмами небольшой высоты без каких-либо признаков леса, придающими ландшафту однообразный и скучный вид. Проехав Убинскую, я обнаружил реку Убу, широкую и глубокую, кое-где с островками, большая часть

которых покрыта ивой. Быстрым течением она протекала по каменистому дну, в ней водилось много рыбы: в огромных количествах здесь ловят превосходного хариуса. Мы решили пообедать в одной из деревень, казак отослал двух человек с сетью к реке, через полчаса они вернулись, поймав 50-60 таких рыбин весом от полфунта до полутора.

Продолжая наше путешествие по долине, с правой стороны мы заметили вершины Убинских гор, а проехав приличное расстояние — высокие вершины Убинской горной цепи. Отъехав от деревни несколько верст, мы пообедали, выехали из долины Убы, пересекли горы и спустились в долину Ульбы, и этот ландшафт мне показался более привлекательным. Здесь уже встречались березовые рощи, тополь и ива, между которыми протекала река, перепрыгивая через валуны и переливаясь на солнце. Холмы, покрытые сосновыми лесами, протянулись по обе стороны долины, за которыми возвышались гребни скалистых гор, поднимавшихся на три-четыре тысячи футов над ними. А это свидетельствовало о том, что мы приближались к более величественному и живописному региону.

Наш путь пролегал вверх по долине на небольшом расстоянии от реки; иногда через сосновый лес или березовую рощу, часто открывался вид на высокие горы — некоторые я зарисовал. Наконец, через 15 верст дорога уже проходила вдоль берега реки, местами — по скалам, нависавшим над потоком, здесь надо было быть осторожным, размещая крепкие доски под колеса экипажа. В этом месте скалы поднимались на огромную высоту изломанной и живописной глыбой. На противоположной стороне реки — густой сосновый лес и тополя, выше по долине ее окаймляют густые заросли плакучей ивы, березы и маленьких сосен. Чуть дальше над ними поднимается Ивановский Белок, кое-где покрытый снегом.

Серебряная руда. Пройдя немного дальше, мы перешли вброд речку, поднялись несколько верст по долине, а затем подошли к Соколовскому руднику, или Серебряному руднику, недалеко от которого находится Риддерск. Несколько богатых жил серебряной руды были обнаружены в невысоких холмах, разбросанных в этой долине, которую окружают высокие горы. Удивительный факт, но там, где обнаруживалась серебряная руда, обычно никогда не рос никакой лес. Поэтому в Риддерске нет плавильного производства, руду измельчают и отправляют на плавку в Змеиногорск, Барнаул и Павловский, до двух последних производств транспортировка происходит на расстоянии не менее 600-700 верст.

Приблизительно в 15 верстах от Риддерска находится Ива-

новский Белок, гора, на которой снег лежит круглый год, и из долины видно, что масса снега, покрывающая ее — огромна. Здесь находится верховье Громотоки, одной из самых широких рек на Алтае, ее называют Гром — а это означает, что она является поистине оглушающим потоком. Ее грохот слышен на огромном расстоянии, а когда стоишь рядом, невозможно услышать, что тебе говорят. Временами она несет вниз огромные массы камней, сметая все на своем пути, и даже когда вода не поднимается высоко, через нее чрезвычайно опасно переходить. Несколько лет назад один служащий рудника верхом на лошади перебирался через реку, когда обоих — и лошадь, и наездника — стремительный поток мгновенно увлек за собой и потащил вниз. К счастью, человека выбросило на камни около берега, где его выловил один из его людей, но прошло много времени прежде чем он поправился, а лошадь унесло.

Восхитительный мед. За пределами Риддерска мы уже должны были ехать верхом на лошадях, поскольку колесный экипаж не мог пройти по этим долинам. Наняли 20 лошадей и 15 человек, чтобы сопровождать меня, и так как 5 из них были с ружьями, а остальные с топорами, а я тоже был вооружен, все мы очень напоминали бандитов. Мы выехали из Риддерска в 11 часов утра, а нам предстояло проехать только 20 верст до последней деревни в этой части Алтая. Наш путь пролегал по долине у подножья Ивановского Белка, открывая передо мной разнообразие видов горной цепи; в 4 часа мы прибыли в Поперечную, которую должны были проезжать ночью. Добросердечные жители деревни оказали нам самый радушный прием и угостили меня свежим восхитительно вкусным медом с ароматом диких цветов, которым питались пчелы.

Это место находится в прекрасной долине, окруженной со всех сторон высокими горами, и когда стоишь невдалеке от них, кажется, что в них нет места, где могла бы протекать река, которая быстро пробежала мимо. Пока я рисовал деревушку, обращенную на запад, солнце спустилось за горы, заливая сказочно красивым светом это тихое, спокойное, маленькое местечко, где проживало всего лишь 18 семей, которые ведут здесь безмятежную жизнь, и их не волнуют события, потрясающие империю в ее центре. Каждая семья имеет лошадей и коров; вокруг деревни богатые пастбища, достаточные для выпаса большого стада, тогда как на других пастбищах они могут делать запасы сена на зиму. Кроме того, у них есть возможность легко добывать оленей в горах и на холмах, а также ловить рыбу, которая в изобилии водится в реке. Каждый крестьянин имеет многочисленные ульи, которые дают огромное количество вос-

хитительного меда; кроме того, здесь в изобилии дикие фрукты. Мода и украшения еще не проникли в эту мирную долину, и все довольны. У них есть все необходимое, все удовольствия жизни, которые в Европе мог бы себе позволить только человек с хорошим доходом. Однако одного у них нет — «свободы». Несмотря на то, что они живут в этом отдаленном месте, у государства имеются данные о них, их возрасте, составе семьи. Сыновьям приказывают отправляться на рудники, возможно, за тысячу верст от дома, где они должны работать и получать за свой каторжный труд менее трех пенсов в день, возможно, годами не видя ни дома, ни родителей; их судьба, может быть, еще хуже — их могут забрать в солдаты, и тогда, почти наверняка, они никогда снова не увидят ни своих друзей, ни этого мирного местечка.

Деревенская мельница. Летом до моего приезда здесь произошел один инцидент, который будет предметом разговора и для нынешнего поколения, и для будущего. Крошечная речушка Поперечная берет свое начало в Ивановском Белке, откуда она несется стремительным потоком, особенно в начале лета, когда в горах начинает таять снег. Где-то на полверсты выше деревушки в маленькой долине имеется небольшая лощина, и там сельчане решили построить мельницу. Возвели небольшую дамбу, которая поднимала воду настолько, чтобы она могла падать на водяное колесо, а вскоре из бревен было построено само здание мельницы. Весь примитивный механизм был сконструирован крестьянами и установлен на мельнице, водяное колесо вращалось, мельничные жернова мололи зерно. Все шло хорошо, пока однажды летом не случилась жуткая гроза над Ивановским Белком, и дождь, как рассказывали сельчане, не полил рекой. Вдруг сквозь раскаты грома в горах послышался необычный звук. Люди в панике повыскакивали из домов, некоторые побежали к мельнице, человек, работавший на ней, тоже присоединился к ним. Грохот приближался, когда один из них воскликнул: «Это вода!». Кто-то побежал обратно в деревню предупредить семьи, остальные стояли и наблюдали за нарастающим шумом. Наконец появился мощный поток, который тащил деревья и камни, круша все на своем пути. Он стремительно несся, с ужасающей яростью перекатывая камни, пока не достиг запруды у мельницы, насыпь и мельница были сметены этой колоссальной массой, и уже никогда ни один мельничный жернов не был найден. К счастью, дома не пострадали, единственным пострадавшим строением была мельница.

Горный поток. Сделав набросок сцены этого бедствия с на-

громожденной кучей камней и деревьев и Ивановским Белком вдали, я направился к лесу, который проходил по краю подножья гор. Здесь я обнаружил достаточно свидетельств мощной силы наводнения: гигантские каменные глыбы были принесены и брошены по берегам, а другие нагромождены вокруг них. Я измерил некоторые из них, они доходили до 25-30 тонн весом, объем одного из них составлял 470 кубических футов.

Я побыл в гостях у старейшины этой маленькой общины — милого старика, его голова и выражение лица могли бы послужить моделью для изображения одного из апостолов. Седая борода оттенялась ярким румянцем лица, которое свидетельствовало о здоровье и благополучии. Его одежда состояла из простой белой рубахи и синих льняных штанов, повязанных красным кушаком, его штаны были заправлены в валенки, которые доходили почти до колен: это была его летняя одежда. Зимой он бы добавил волчий или овчинный тулуп, и это завершило бы его костюм. Одному из его сыновей, прекрасному молодому человеку, было приказано присоединиться к моей партии; его жена, представительная и опрятная женщина, содержала дом в идеальном порядке. Стены, лавки, столы и полы были чистыми, их часто скоблили березовой корой и крупным песком, из-за чего дерево становилось как новое. Ее одежду составляли белая льняная рубашка, розовый в полоску сарафан, на голове ярко-красный платок, повязанный в форме головного убора, туфли, но без носок. Все в этой семье дышало спокойствием и уютом.

На следующее утро я встал рано, чтобы немного порисовать, а в 10 часов все мы уже были готовы отправиться в путь. Все жители деревушки пришли проводить нас. Я поблагодарил пожилую пару за их гостеприимство, попрощался с сельчанами и поехал по долине вдоль подножья Ивановского Белка, чьи высокие снежные пики и скалистые обрывы демонстрировали поразительный контраст с лесистыми долинами внизу, представшими во всем своем летнем великолепии листы и цветов. Путешествие было одним из самых приятных по местности, где встречались заросли с восхитительными березовыми рошицами и небольшими сосновыми лесами, живописными группами разбросанными по всей долине.

Сцена «ограбления». Среди этих пейзажей высокогорных долин каждые несколько верст открывают что-то новое для моего этюдника. В самом деле, так многое в этих пейзажах привлекало меня, что я, не замечая времени, рисовал до самой ночи и задерживал всех в тех местах долины, где не было воды. Но сейчас мы были вынуждены продолжить наш путь и под-

няться по ущелью. Поздно вечером мы добрались до зарослей роскошного кедра, около которого меж камней и валунов стремительно неслась горная речушка. В сотне шагов от нее мы обнаружили траву для лошадей, и я решил разбить здесь лагерь, под большим кедром мне была постлана постель. Каждый занимался своим делом: кто-то разгружал лошадей, складывая багаж под деревьями, кто-то рубил дрова и разжигал костры, которые вскоре ярко запылали. Казак и мой человек готовили все для чая и вскоре дымящийся напиток уже стоял передо мной. Выпив хорошую порцию чая, я пошел побродить не вдалеке от лагеря. Передо мной лежали огромные гранитные глыбы, принесенные сюда водой и разбросанные повсюду в удивительном и прекрасном беспорядке, а между ними росли деревья и кустарники. Ярко горели костры, окрашивая деревья и скалы красным заревом; в то время как темные мелькающие фигуры людей, оружие, свисающее с веток, и тюки с вещами, сложенные под деревьями, казались сценой, изображавшей разбойников, празднующих свою удачную вылазку.

Изучив место нашего ночлега и наш довольно непривлекательный вид со стороны, я вернулся, закутался в свой плащ и вскоре крепко уснул, убаюканный журчанием воды и шепотом ветра в ветвях. Проснувшись утром, я обнаружил, что все покрыто белым инеем, что являлось свидетельством того, что мы уже поднялись достаточно высоко в горы.

Гигантские кедры. Почти сразу после того, как наша партия покинула стоянку, мы вошли в густой кедровый лес, очевидно, покрывающий гору, по которой нам предстояло пройти, и вскоре оказались в непроходимом подлеске, через который мы пробирались с величайшим трудом. Огромные стволы деревьев, лежащие на земле, были покрыты мхом и травой: некоторые уже настолько прогнили, что рассыпались в труху, когда на них ступала лошадь, другие были более крепкими, и об них спотыкались лошади. Выбравшись из подлеска, мы вошли в потрясающе красивый кедровый лес, где земля была покрыта травой и другой растительностью, свободной от кустарников. Это был великолепный лесной пейзаж с гигантскими деревьями, растущими со всех сторон: их сучковатые переплетающиеся ветви образуют крону, сквозь которую едва могло проникать солнце. Я и раньше видел кедры на Урале, но в сравнении с этими те были слишком маленькими. Здесь я обнаружил их высоко в горах, в их естественных условиях, где дерево растет во всем своем великолепии и красоте. Чтобы дать лошадям передохнуть, мы остановились в одном месте, которое я считаю одним из самых прекрасных, какие я когда-либо встречал в своей жизни. Я зарисовал

этот пейзаж; затем мы сели на лошадей, продолжая восхождение, и через полчаса добрались до вершины. Две или три версты мы ехали вдоль этого горного хребта, а затем начали спускаться с южной стороны горы. В глаза бросались поразительные перемены. Сначала в ущелье нам встретилось несколько деревьев, а потом больше их нигде уже не было. Это производило странное впечатление, но позже я обнаружил, что это было практически всеобщим явлением, поскольку на южных склонах горной цепи леса не росли. После спуска, длившегося около часа, и перехода через другой хребет перед нами открылся прекрасный вид на долину Коксу и горы Кайер Кумин, виднеющиеся вдали.

Озеро Коксу. Было уже 3 часа, а река Карагуй, на которой мы должны были разбить лагерь, все еще была далеко впереди. Это заставило меня взять с собой двух человек и спуститься в долину Коксу, а всю партию отправить вперед ближайшей дорогой к месту нашей стоянки. Их путь лежал на юго-восток, наш — почти прямо на север. Менее чем через час я добрался до озера Коксу, которое находится в верховьях реки Коксу. Она пробивалась через груды камней в нижней части долины, сейчас — это небольшая речушка, но когда-то очень давно она была огромной. В горах я обнаружил несколько восхитительных разновидностей яшмы и порфира, но они находятся слишком высоко, чтобы их добывать. Я сделал набросок, и мы пересекли долину, чтобы присоединиться к нашей компании. Нам предстояло перейти через невысокую гору; поднявшись на вершину, я увидел, что вечер уже окутывает долину своими темными покровами, в то время как высокие пики вокруг все еще сверкают на фоне голубого неба. Но когда мы спустились в долину, все стало едва различимым в темноте; мы не обнаружили никаких признаков появления нашей группы. Тогда мы пустили лошадей рысью, следуя по обнаруженной тропе, ведущей в долину. Где-то через час мы обогнули скалы и на расстоянии нескольких верст от нас увидели ярко горевший огонь. Не тратя времени, мы быстро добрались до места, где я мог, наконец, отдохнуть и напиться своего любимого бодрящего напитка, и закутавшись в свой плащ, быстро заснул.

Еще до рассвета я искупался в реке Карагуй, утренний воздух был довольно прохладным, а землю слегка подморозило, и я шел по траве, которая хрустела под ногами. Но вскоре лучи солнца коснулись вершущек гор, и это произвело свой ободряющий эффект, свет постепенно залил всю долину, в траве, подобно россыпи бриллиантов, сверкнули кристаллики снега и растаяли, и вся окружающая природа сразу изменила свой вид.

Оглянувшись вокруг, я обнаружил каркасы нескольких

калмыцких зимних жилищ; березовая кора была снята с конусообразных домов, и стояли только голые столбы.

В это время года жители поднимаются вверх в горы, где в изобилии растет трава для скота, и где они избавлены от страшных извергов-москитов.

Осенью они вернутся в эти места, покроют свои юрты кошмой и через несколько дней их зимние жилища будут готовы. Местные жители мне рассказывали, что в таких высоко расположенных долинах Алтая зима особенно мягкая, сильные снегопады случаются редко. Домашний скот и дикие животные легко находят здесь себе корм в этот безотрадный сезон. В конце октября или первой неделе ноября три семьи, живущих в этом месте, становятся пленниками зимы, так как из-за глубокого снега перейти через горы невозможно.

Природные плантации. С двумя спутниками я отправился к реке Аракым, дав распоряжение остальным людям остаться паковать вещи, грузить их на лошадей и следовать за нами. Я перешел реку вброд, свернул на юго-запад в узкую долину и около часа ехал вдоль берега маленькой горной речушки, затем пересек долину и с восточной стороны начал подниматься в горы. Они представляли собой небольшую горную грядку, которая отделяла долины Карагуя и Аракыма. Наш путь пролегал через березовые рощицы, сосновые и лиственные леса, но растущие не густо и без подлесков; во многих местах казалось, что деревья посажены и участки разбиты рукой садовника, с небольшими прогалинами между плантациями, вдоль которых мы проезжали, держа путь вверх. Достигнув открытого пространства, я увидел, что мы находимся на низкой гряде между горами, которые с обеих сторон поднимались на огромную высоту, завершаясь неприступными скалами и утесами, на которых росли кедры, пробиваясь сквозь трещины в них. Далее мы проезжали по прекрасному ровному месту, поросшему травой, по которому кое-где были разбросаны валуны, скатившиеся сверху.

Черные белки. Пока мы ехали по этому прекрасному месту, я впервые увидел множество прыгавших в ветвях черных белок; они оживляли пейзаж, эти ловкие прелестные создания выглядывали из-за листвы. мех у них темно-серого цвета, и калмыки убивают их только зимой, а летом мех не годится. Последние полчаса я тихо ехал, наблюдая как они скачут в траве, а затем быстро пробегают по деревьям вверх. Когда мы подъехали ближе, увидели как они носятся по ветвям, прыгая с дерева на дерево, иногда две или три одновременно, словно состязаясь в скорости. Пока я не отрываясь смотрел на белок, моя лошадь

внезапно остановилась на краю скалистого обрыва, открывающего вид на долину Аракыма.

Эта долина — знаменитые охотничьи угодья калмыков и, как они утверждают, великое поле битвы горных козлов во время сезона спаривания. Оленей, козлов в горах множество, их отстреливают, когда они спускаются к озеру на водопой. Во время спуска я обнаружил пару огромных рогов, которые сбросило одно из этих прекрасных и грациозных животных. Один из моих людей, старый охотник, сказал, что сейчас мы здесь не найдем ни одного козла, так как они все находятся гораздо выше, ближе к снегу, куда не добираются москиты и мухи. Даже медведи с их мохнатой грубой шерстью не могут летом оставаться в долине, где этих насекомых чрезвычайно много. Две морозные ночи удивительным образом почти избавили от них, только в теплых местах под солнцем и в укромных уголках москиты еще причиняли беспокойство; через три или четыре еще более холодных ночи этот источник раздражения исчез до следующего года.

Река Аракым. Спустившись на дно ущелья, я обнаружил, что оно густо усеяно маленькими пихтовыми деревьями и высокой травой, весной это место сильно заливадается водой. Проехав около 10 верст, мы подъехали к притоку реки Аракым, бегущему с юга, где долина простирается в сторону Чолсунской гряды. Мы остановились, чтобы подождать остальных, иначе мы могли бы потеряться, так как от гор отходило несколько узких лощин, а в верхней части долины река разделялась на два рукава. Поэтому мы остановились у подножья высоких скалистых гор, где было много травы, и пустили туда своих лошадей, затем разожгли большой костер и присели отдохнуть и выпить чаю. Где-то через полчаса подошли наши люди.

Мы снова начали готовиться в путь; вдоль берега маленькой речушки мы проследовали две или три версты и подошли к скалистым горам, пересекавшим долину и образующим озеро. Вода проделала русло в 50-60 футов глубиной, по которому она мощным потоком стремительно несется вниз, хоть и небольшая речка, но чрезвычайно живописная. В расщелинах растет береза и пихта, а река образует несколько великолепных каскадов. Сделав наброски, я отправился в сторону широкой долины и пересёк ее в направлении небольшой полосы леса, добравшись до которой, я очутился на берегу Аракыма. Это широкая и быстрая река, с оглушительным ревом стремительно несущаяся вниз через огромные валуны и камни. Я хотел перебраться на другой берег, но здесь это было невозможно, так как ни одна лошадь не могла устоять в стремительном потоке

воды. Мы быстро подъехали к огромной лощине на горе, через которую, я полагал, река входит в долину. Хотя она казалась недалеко, мы два часа добирались до нее. Здесь река разделялась живописно нагроможденными скальными глыбами, омываемыми в течение столетий, и сейчас на них буйно росли деревья и кустарники. С обеих сторон этого узкого прохода вверх на огромную высоту возносились скалы, изрезанные утесами, в их расщелинах росли карликовые кедры, а на вершине практически не было никакой растительности, и это доказательство того, что мы уже проникли далеко на Алтай.

Скалистое ущелье. И даже сейчас, когда воды не так много, невозможно услышать говорящего, когда стоишь у реки. Что будет, если во время бури поток воды устремится вниз? Тогда, безусловно, бушующий поток должно быть огромен, а его рёв ужасен. Пока я закончил свой рисунок, быстро опустился вечер, один из моих спутников поднялся выше на скалы взглянуть, в какой стороне дым нашего лагеря, но ничего не было видно. Я решил проехать в ущелье и посмотреть, что бы напомнило то место, по которому мы пришли сюда, а также удостовериться, могли ли мы пройти здесь, потому что иначе мы должны искать другой путь и пересечь горы с западной стороны. Мы сели на лошадей и по долине проехали около версты, добрались до входа в долину, подъехали к ведущей в нее тропе, а затем быстро поднялись выше по реке. Проехав вдоль этого выступа какое-то расстояние, мы увидели, что можем перебраться через ущелье. Было жутко смотреть вниз в пропасть и видеть воду, стремительным потоком несущуюся на огромной глубине под нашими ногами.

Рискованное приключение. Скалы стояли почти отвесно, кустарники, растения и цветы росли на крошечных выступах и в расщелинах, добавляя очарования этому скалистому месту. Пока я пристально рассматривал этот пейзаж, один из моих людей спросил меня, который час, вероятно, полагая, что я не замечаю, как быстро наступает ночь. Как только я достал часы из кармана жилета, они сорвались с цепочки, покатались по краю скалы и остановились, зацепившись за густые ветки маленького кустика в нескольких ярдах ниже выступа. Я взглянул на цепочку и обнаружил, что во время езды верхом кольцо, соединявшее цепочку с часами, выскользнуло из зажима, и это явилось причиной несчастья. Все соскочили с лошадей и свесились над пропастью. Добраться до часов было невозможно. Достать их с помощью тех средств, которые имелись в нашем распоряжении, тоже было безнадежным делом. Так как у каждого имелись длинные поводья большой прочности, с помо-

щью которых удерживают лошадей, я связал вместе трое поводьев, один конец привязал к своей руке, а два других держали два человека, затем я быстро спустился вниз. Поскольку безделушка была моим старым другом, кроме того, имела определенную ценность, я не был расположен отказаться от них, не сделав попытки достать их. Все было готово, я понял, что необходимо отойти по тропе на несколько шагов, затем я полез вниз, крепко цепляясь за края расщелины, а мои люди держали поводья, сильно их натягивая. Я не мог сразу дотянуться до выступа, но люди постепенно отпускали поводья, а я спускался. Наконец я добрался до куста. Теперь сложность состояла в том, чтобы дотянуться до часов, не задев ветки, иначе они могли провалиться сквозь них и упасть в ревущий поток внизу. Люди наверху крепко держали меня, затаив дыхание, с обеспокоенными лицами наблюдая за мной, не осмеливаясь сказать ни слова. Твердо закрепив ногу в расщелине, я крикнул им дать мне возможность чуть нагнуться; они осторожно следовали моим указаниям и я смог добраться до часов, не потревожив ни один листик, мгновенно схватив часы, я благополучно опустил их в карман. Затем по моему сигналу меня со вздохом облегчения потянули вверх, я вскарабкался на вершину, без приключений поднялся и вылез наверх к радости своих попутчиков. Мы спокойно спустились в долину в поисках нашего лагеря, а я, подумав, как я рисковал доставая часы, в ужасе содрогнулся. Этот инцидент, казалось, произвел сильное впечатление на моих людей, он стал темой разговора на весь вечер и вызвал немалый интерес.

Наш лагерь пришел в движение, как только начало светать, еще до того, как свет озарил горные пики, когда все вокруг было еще серым и мрачным, я совершил мое утреннее омовение в гранитной ложбине 10 футов в диаметре и около 5 глубиной, выдолбленной в скале; в ней резвились мелкие рыбешки, вода в ней была проточной и поэтому настолько холодной, что бросало в дрожь.

Когда солнце поднялось достаточно высоко, чтобы направлять свои лучи в долину, двое моих спутников и наши лошади были готовы отправиться по нашим следам, оставив всю группу упаковывать вещи и следовать за нами. Мы ехали неспеша по новому курсу, поднимаясь по отрогу горы, который выдавался в долину. Это мешало мне взглянуть на лощину на противоположной стороне реки, до которой было совершенно невозможно добраться, поскольку перейти через стремительный горный поток было также невозможно. Сделав набросок пейзажа, я поехал дальше и вскоре оказался на месте нашего

вчерашнего приключения. Мы остановились, и я с чувством благодарности взглянул вниз на своего друга, на тот куст, который, сочувствуя мне своими ветвями, задержал мой верный хронометр. Мои спутники закрепили ветки как указатель для нашей остальной компании, когда те будут проходить здесь.

Нагромождение скальных пород. Поскольку мы поднимались по узкой седловине, с каждым шагом дорога становилась все трудней, а пейзажи все более грубыми. На противоположной стороне стремительного горного потока в своем самом фантастическом великолепии высоко вверх устремились скалистые утесы. Время изваяло их своей щедрой и в тоже время беспощадно безжалостной рукой, придав им разнообразные формы: одни были похожи на зубчатые стены с башенками и громадными башнями, другие напоминали опоры, поддерживающие горы. Проехав примерно полверсты, мы выбрались из этих скальных нагромождений и вышли в небольшую долину, которая, должно быть, была когда-то очень глубоким озером, до того, как в горе образовалось узкое ущелье.

Я пересек этот регион дважды и принес с собой с этих гор прекрасные образцы порфира и яшмы. Сделав набросок маленькой долины, по которой лениво бежит река, я повернул и поехал дальше, и вскоре заметил колоссальные изменения в ландшафте местности — число и размеры деревьев уменьшились, как, впрочем и остальной растительности. Низкая болотистая трава вперемешку с более пышной травой была разбросана редкими кустиками в расщелинах и между камней, которые кое-где обвивали своими ветвями карликовый можжевельник.

Водопад. Услышав звук падающей воды с противоположной стороны долины, я поехал в этом направлении и обнаружил маленькую каменистую лощину, в которую невозможно было въехать. Оставив с лошадьми одного из наших людей, я с другими своими спутниками пошел вдоль маленькой речушки через густые заросли кедра и груды камней, покрытых зеленым и желтым мхом, по которому было чрезвычайно скользко и трудно идти. Несколько раз я упал, пока добрался до объекта своих поисков; наконец, я стоял перед удивительно красивым водопадом, который, низвергаясь, образовывал три каскада общей высотой около 60 футов. Вода казалась белой и сверкающей, поскольку она устремлялась вниз по темно-багровому обрыву; нижний каскад был значительно шире других и казался висящим над камнями облаком газа.

Я решил взобраться на вершину обрыва, формирующего это крошечное ущелье, и мне это удалось, затем я прошел шагов триста вверх по течению и обнаружил, что речка вытека-

ет из маленького карстового озера, очевидно, очень глубокого. Вода была темно-зеленого цвета, но кристально чистая, а скалы, окружающие его, стояли почти отвесно. Мы вернулись к лошадям по высокой груде яшмы и высоко на горе увидели трех козлов, смотревших оттуда на нас, очевидно, с огромным удивлением; но они находились так высоко, что стрелять было бесполезно. Пройдя небольшое расстояние, где-то в версте от нас мы увидели своих друзей, поднимающихся в гору с южной стороны. Мы закричали, надеясь, что они услышат нас, но напрасно; наконец, я выстрелил из обоих стволов своего пистолета, тогда они услышали и тотчас остановились.

Наши лошади хорошо отдохнули, поскольку я несколько раз останавливался, чтобы сделать наброски, поэтому мы вскоре воссоединились со своей партией. После небольшого привала, достаточно восстановив силы, я приготовился к восхождению на вершину Кулсуна. Последние чахлые кедры остались позади, когда я и два моих попутчика оказались на горе, богатой растительностью и цветами. Наши лошади топтали прекрасные заросли аквилегии (*Aquilegia*) — растений, доходивших высотой до седел и находившихся в полном цвету; цветы были разных оттенков — голубые и белые, темно-пурпурные и пурпурные с белым ободком. Мне повезло, я набрал много зрелых семян. Здесь же я встретил киприпедум гуттатум (*Cypripedium guttatum*) с белыми и розовыми цветами. (Его я встречал и на Урале,). Также было много прекрасной примулы (*Primulae*) темно-красного цвета, цветущей большими ветками. Все эти цветы в сочетании со стелющимся ковром представляли что-то вроде маленького садика среди грубых скал, обрывов и башен, устремленных в небо. Как только мы покинули его, мы оказались на краю скалистого обрыва и взглянули на озеро, оно лежало в глубокой чашеобразной котловине — тихое и спокойное, в обрамлении растущей по берегам травы. Я спустился ближе к берегу в нескольких шагах от озера, оно было неглубоким, затем, казалось, берег уходил перпендикулярно вниз, вероятно, на большую глубину, поскольку вода была очень темной. Нам пришлось вернуться по той же дороге, поскольку противоположная сторона этой чаши была невероятно крутой.

Подъем на Холзун. Подъем на Холзун с северной стороны не обрывистый, хотя последние полверсты крутой и каменистый, тем не менее, мы поднимались на вершину или, скорее, к подножью огромных скалистых пиков, которые высоко возвышались над круглыми верхушками гор. В основном это были гранитные образования без каких либо признаков растительности, не представляющие собой сплошной горный хребет или

ребень горы, поднимаясь изолированными нагромождениями на значительном расстоянии друг от друга. С трудом поднявшись на вершину одного из таких пиков, я заметил небольшой караван людей, которых я оставил следовать другой дорогой, обходя гору внизу. Я знал, что они пересекут вершину в 7-8 верстах на востоке, пойдут прямо к озеру Холзун и спустятся в долину с юга, где я запланировал остановку на ночь.

Наброски пейзажа. Вид горной цепи с этого места, которое не назовешь самым высоким — просто великолепный. По одну сторону природа как бы экспонирует свои самые грубые формы — пики и гребни разных очертаний, высоко поднимающиеся в ясный голубой свод неба, тогда как с другой стороны гора возвышается над горой, постепенно исчезая вдаль и смешиваясь с тонкими серыми облаками, уходящими за горизонт. Невозможно было тратить много времени, переходя с места на место, глядя на север, юг, запад, решая, какой пейзаж следует нарисовать первым. Часть гряды на севере красиво выделялась в лучах яркого солнечного света, другая в это время оставалась в тени, производя удивительный эффект расстояния и пространства. И это заставило меня сесть и серьезно приступить к работе. Вскоре я был так поглощен своим занятием, что забыл о времени, расстоянии, местности, через которую предстояло проехать. Лошади пощипывали траву, а мои спутники увлеченно наблюдали за моей работой, пока, наконец, я полагаю, им это не надоело. Сначала отошел один из них и направился к южной стороне скал, под которыми я рисовал. Вскоре после того, как он вернулся, ушел другой, не сказав при этом ни слова. Я продолжал работать уже более двух часов, и это хождение туда-сюда продолжалось какое то время. Наконец, я почувствовал, что они хотят поговорить со мной. В ожидании я взглянул на них. Тогда один из них сказал: «Гром скоро будет» и знаком показал следовать за ним. Я убрал свой набросок и поспешил на другую сторону пика и увидел причину их беспокойства — определенно, в нашу сторону приближалась страшная гроза, так как высокие пики с западной стороны уже были окутаны ужасными черными облаками. Нельзя было терять ни минуты. Ребята побежали за лошадьми, а я пока быстро собрал свой этюдник, рисунки и прочее. Это было делом нескольких минут. Мы быстро вскочили на лошадей и подъехали к утесу, взглянуть насколько близко к нам подошла гроза. Некоторые пики были уже едва видны, а вокруг самой высокой вершины клубились темные облака, я думаю, на расстоянии 8, самое большее 10 верст. В такую грозу быть застигнутым на этой вершине было довольно опасно, и люди действительно были

напуганы. На южной стороне было только одно место, по которому мы могли спуститься, это был проход к озеру Холзун, и он, возможно, находился не менее чем в восьми верстах от нас. Мы слышали отдаленный раскат грома, было очевидно, что борьба стихий уже началась.

Гроза в горах. Не произнеся ни слова, мы развернулись и помчались во весь опор. Мы направлялись к проходу, так как это было единственное место в этом ущелье, где мы могли рассчитывать на убежище. Через каждые несколько минут раскаты грома раздавались все ближе и ближе, мы неслись с бешеной скоростью, лошади, инстинктивно чуя приближение грозы, в страхе мчались изо всех сил вперед, хоть их никто не прищипывал и не понукал. Не было ни дороги, ни тропы, только несколько горных пиков указывали моим попутчикам на верхнюю часть прохода. Наш путь лежал прямо по направлению к ним: иногда по прекрасному болотному торфу, иногда по грубому каменистому грунту, который при любых других обстоятельствах заставил бы и лошадей, и людей колебаться прежде, чем нестись на такой скорости вперед. Гроза все еще была где-то за нами, так как мы пока еще видели вспышки, а не потоки молний, которые обнаруживались за нами каждые две-три минуты, за ними следовали раскаты грома, который разносился по горам, и отдаленное эхо его терялось в следующем оглушающем ударе. На небольшом расстоянии впереди нас я заметил огромные скальные блоки высотой футов 50-60, которые напоминали Стоунхендж, но в самых гигантских масштабах. Мои люди свернули налево, чтобы избежать каменного лабиринта. Я взглянул на это место с величайшим интересом, решив на следующий день приехать сюда, если будет возможно.

Ужасный ураган. Мы были в двух верстах от входа в ущелье, когда позади нас слышали звук страшного порыва ветра. Мы тут же обернулись и увидели ветки кедра, вырванного с корнем в долине, перенесенного через скалы и унесенного потоком, который кружился в воздухе. Это был мощный шквал ветра перед грозой, который с невероятной силой сметал все на своем пути. К счастью для нас каменные столбы ослабили неистовство бури, иначе бы нас вместе с лошадьми, наверняка, сбросило бы на землю, поскольку по обе стороны недалеко от нас карликовые кедры, растущие на скалах, вырвало с корнем и несло ураганом. Мы поняли, что сидеть на лошадях было невозможно, так как они шарахались из стороны в сторону и сбивались с пути каждый раз, когда обрушивался очередной шквал ветра.

Буря догоняла нас, но за последние несколько минут не

было ни одной вспышки молнии. Это было гораздо ужаснее, чем сильный удар грома. Я повернул голову и увидел как мощный ярко-красный сноп молнии ударил в скалы, которые мы только что проехали, в тот же миг над нашими головами раздалось как бы три взрыва, подобно стрельбе из гигантского мушкета, затем последовал грохот, от которого вздрогнули наши лошади, хотя и продолжали нестись с прежней скоростью. Теперь пошел град, да такой крупный, что на мгновение почти ослепил нас, молнии сверкали одна за другой, а гром гремел, не переставая.

Пропасть. Мы добрались до седловины и въехали в ее скалистый узкий проход с чувством восторга, которое известно только моряку, когда он благодарит небеса за спасение, за то, что ему удалось избежать погружения после столкновения корабля с подводными рифами. Почти через 10 минут мы спокойно стояли под укрытием гостеприимных скал, а наши уставшие лошади дрожали от страха. Люди крестились, а я неустанно возносил молитвы за наше чудесное спасение. Буря все еще бушевала над нами с потрясающим неистовством, внушая благоговейный страх, но укрывавшая нас нависавшая масса давала нам абсолютную защиту. Я прислушивался к жуткой бушующей стихии со смешанным чувством благоговейного страха, трепета и радости. Буквально через несколько минут земля покрылась толстым слоем града, придавая ландшафту, который всего лишь часа два назад был таким спокойным и прекрасным, зимний вид. Буря стихала, уходя все дальше; примерно через час мы слышали только отголоски грозы, звучащие где то вдали. Вскоре тучи рассеялись, во всем своем великолелии засверкало солнце, еще более ослепительное на фоне интенсивно черной массы облаков, которые окутывали отдаленные утесы. Теперь мои спутники обнаружили, что мы находимся не в Кулсунской седловине, а в маленькой долине, по которой дальше нельзя было идти даже пешком, так как чуть ниже нашего убежища на большую глубину отвесно уходил обрыв, по меньшей мере, футов на 300, в который падал маленький горный поток, рассеиваясь на мелкие брызги, прежде чем достигал дна. И эти разбрызгиваемые капли воды привлекли мое внимание: снизу, вне всякого сомнения, они, должно быть, смотрелись невероятно красиво.

Пришло время спускаться, так как наши люди где-то внизу в долине уже разбили лагерь. Один из ребят обнаружил, что мы прошли мимо прохода и во время бури ушли от него на приличное расстояние. Поэтому мы вернулись назад и повернули в долину, которая, как он сказал, чуть ниже выведет нас на нуж-

ную тропу. Так и произошло, где-то через два часа мы спокойно сидели около костра в нашем лагере под сенью огромных роскошных кедров, на берегу, под рёв потока, который весьма увеличился в объеме во время бури. Наши люди слышали гром на расстоянии и на них даже упало несколько капель дождя, которые даже не намочили землю. Вокруг нашего лагеря стоял такой густой лес, что они не видели горы, и только гром и поднявшаяся в речке вода говорили о том, что происходило там.

Хорошо отдохнув и набравшись сил, я записал все в свой дневник при свете яркого пламени костра и, расположившись под величественным кедром, завернулся в плащ и крепко заснул до самого утра.

Поездка по лесу. Я с восторгом наблюдал как сквозь толщу веток пробивались солнечные лучи и слушал щебетанье птиц. Все предвещало прекрасный день для моего запланированного возвращения на Холзун. Зная, что необходимо, по меньшей мере, часа четыре, чтобы добраться до каменных столбов, которые мы проехали во время бури, я ускорил отъезд, и в шесть часов мы отправились, решив, что наш маленький караван следует вдоль речки к долине Кайры-Кумин, а часа через три, самое большее четыре, разобьет лагерь, а я со своими друзьями присоединюсь к ним вечером. Наш путь через лес не был приятным, так как ветки и буйно разросшиеся травы во многих местах были выше головы лошади и были покрыты большими каплями росы, сверкающей, подобно бриллиантам, и с каждым шагом окатывающей нас холодным душем. Мы не прошли и половины пути через лес, как уже промокли до нитки, а вскоре прохладный горный воздух пробрал нас до костей. Выехав из леса, я заметил, что верхняя часть Холзуна окутана густыми облаками, опустившимися довольно низко на его скалистые берега. Немного ниже, в седловине, туман клубами вился вверх — это хороший знак, и я предвосхищал прекрасный день. Мы дрожали в своей промокшей одежде, а иногда холодный пронизывающий ветер, обрушивавшийся на долину, заставлял нас клацать зубами, но это ни в коей мере не влияло на мое восприятие живописности ландшафта. Подъехав к одному месту седловины, представляющему особенно потрясающий вид, я сел на большую гранитную глыбу и зарисовал пейзаж с видом на Кайры-Кумин и горы на юге.

Величественное место. Увлеченный рисованием, я часто поглядывал на вершину Кулсуна, надеясь, что туман уже исчез. Наконец, я заметил, что он медленно поднимается, и это дало мне надежду на прекрасный день. Мы немедленно оседлали лошадей и поскакали, но не успели мы подняться вверх,

как солнце прорвало клубы пара и обдало нас своим благодатным теплом. Через час мы были на вершине перевала под ослепительно ярким солнцем, однако туман все еще висел над вершинами. Хотя огромные каменные столбы были окутаны легкой дымкой, я, зная ведущую к ним дорогу, свернул прямо на нее. Вскоре мы подъехали к груде упавших камней, через которые пришлось с трудом пробираться. Теперь туман повернул в нашу сторону, а мы все еще ехали медленно. Но менее, чем через час, он стал таким плотным, что мы были вынуждены остановиться на краю нескольких обрывов. Здесь мы слезли с лошадей и сели в полной уверенности, что будем сидеть, пока не рассеется туман. Прошел час без каких-либо изменений к лучшему, быстро пролетел еще один, мы начали волноваться. Если в ближайшее время не прояснится, нам придется задержаться здесь на ночь, и тогда к холоду прибавится голод. Наконец, с западной стороны с легким ветерком мимо нас начали двигаться тучи. Вдруг один из ребят, внимательно прислушавшись, воскликнул: «Здесь водопад!» Я вытащил компас и выяснил, что звук раздавался с юго-запада. Это навело меня на мысль, что мы все время ехали прямо к ужасной пропасти, которую я видел за день до того. Если так, то мы находимся очень близко к краю и слышим воду, обрушивающуюся вниз в долину, и любая попытка двигаться сейчас была бы безумием. Второй час был почти на исходе, когда к нашей бесконечной радости перед нами стали проступать какие-то неясные очертания, через несколько минут мы уже более отчетливо увидели гигантскую массу, уходившую высоко вверх, ее вершина терялась в проплывавших облаках; чуть дальше под нами смутно виднелись изломанные очертания скал. Наконец, испаряющаяся влага исчезла, и перед нами, как по волшебству, возникла глубокая пропасть, а за ней виднелись скалистые горы. Было очевидно, что мы проезжали в четырех-пяти сотнях шагов параллельно этому обрыву и не более чем в двадцати ярдах от его жуткого края. Облака поднялись вверх, словно огромный занавес открыл величавые горные хребты. Мы просидели слишком долго промокшими и дрожащими от холода, поэтому невозможно выразить восторг, с которым я наблюдал, как солнце пробивалось сквозь тучи, заливая ярким светом горные пики и долину.

На юго-востоке возвышалась Белуха, гордо поднимая свою надменную двойную голову, украшенную вечными снегами и ледниками, затмевая все вокруг, хотя рядом стояли и другие горы, покрытые такими же вечными снегами. Под ними было много других вершин со снежными шапками, указывающими

на то, что они также находились выше линии вечной мерзлоты. Чуть ниже раскинулось целое море гребней, окружавших этих исполинов Алтая: некоторые находились так далеко, что казались каким-то эфемерным туманом, исчезающим за горизонтом, другие, с их пиками и утесами, выделялись отчетливей, ярко сверкая на солнце. Чуть ближе расположилась гряда гор пониже, простиравшаяся на большом расстоянии, с множеством темно-багровых пиков и горных хребтов, окаймляющих долины и ущелья, в которых столетие назад намывали благородный металл. Еще ближе — коричневые, серые и зеленые кряжи Холзуна с их сбившимися в кучу скалами и каскадами, стремительно уходившими вниз по своим скалистым и изломанным сторонам. Гигантские гранитные пики на переднем плане, вздымавшиеся высоко в небо, в основном были окрашены в болотный цвет, низкорослые кедры вились по их причудливым формам, болотный торф расстелился вокруг основания, маленькие группы зарослей темно-красной примулы разбросались по траве, все это вызывало какой-то неповторимый, особый эффект одной из восхитительнейших панорам природы. Такие пейзажи, а также много других, виденных мной в пути, предлагают множество самых удивительных занятий для любителей природы, обладающих достаточным мужеством, чтобы найти ее в этих высокогорных регионах, когда она предстает перед вами в своем фантастическом и великолепно убранстве.

Где-то через полчаса езды от места, где я делал наброски, стоял лабиринт из скальных столбов, мимо которых мы проехали в грозу. Гранит в виде столбов разнообразных форм, причудливо сгруппировавшихся вокруг огромной груды в центре, издали напоминает Стоунхендж, приблизившись к ним я обнаружил, что они были громадными удивительными глыбами, и об их размерах можно было судить только на близком расстоянии. Недалеко от них к западу я заметил гигантские обрывы, возможно, эти глыбы когда-то являлись частью более высоких отвесных скал, которые с высоты смотрели вниз на темную долину. Трудно вообразить, как эти отдельно стоящие глыбы могли оказаться здесь, если только какие-то промежуточные части их не разрушились и не распались на маленькие частицы и в таком состоянии не скатились в долину, но упавшие глыбы значительных размеров и скоплений нигде рядом не обнаруживаются.

Девственный пейзаж. Сделав наброски этого необычного ландшафта, я отметил, что пора спускаться в долину и искать свой лагерь. Обследовав местность в течение нескольких ми-

нут, я подумал, что мы можем значительно сократить расстояние, если пойдем через горный кряж, расположенный чуть ниже. Единственным препятствием могли оказаться скалистые обрывы на западе; если бы мы могли спуститься там или найти какую-то дорогу к реке в долине, мы бы вскоре добрались до места. Мы повернули свои стопы в западном направлении, туда, где мы смогли бы пройти через лощину, нам удалось спуститься по ней пешком, ведя лошадей под уздцы, ибо спускаться верхом было невозможно. Преодолев все препятствия, мы добрались до долины и обогнули ее со стороны крутого места над рекой; оно вывело нас на ущелье, определенно более грандиозное, чем Холзун. Внизу этого девственного пейзажа мы нашли нашу дорогу; по одну сторону от нее была узкая расселина со скальными образованиями колоссальной высоты по обе стороны. Сзади виднелась очень высокая конической формы гора с изломанными, почти отвесными скалами, образующими прелестную картину, представшую в своем естественном обрамлении.

Бивак без ужина. Однако голод начал занимать наше внимание. Поэтому мы поспешили и в 6 часов добрались до нашего старого лагеря, сэкономив по крайней мере 2 часа. Ярко горел огонь, из чего мы заключили, что наши друзья не так давно ушли, и это, в свою очередь, вселяло надежду, что мы вскоре найдем их; и мы как можно быстрее двинулись вперед по их следам. Проехав еще час и перейдя вброд речушку с одного берега на другой несколько раз, мы вдруг обнаружили, что ночь начала опускаться на эту узкую долину, усложняя поиски пути. Нам снова пришлось перейти реку, которая в этом месте была глубокой и быстрой, но мы не обнаружили никаких следов. Мои люди стали уже возражать против перехода через речку в очередной раз, так как в темноте это стало слишком опасно. В этих обстоятельствах не было другой альтернативы, как лечь спать на голодный желудок, и чем быстрее, тем лучше. Поэтому было решено разместиться здесь, если вообще было возможно спать в таком месте. С этим намерением мы углубились в лес к большим деревьям, где нашли небольшое открытое пространство; вскоре зажгли костер: сначала содрали и подожгли березовую кору, потом подбросили веток и сучьев, и огонь разгорелся во всю. Пока люди распрягали лошадей, я занимался костром, который вскоре превосходно разгорелся. Мы расстелили попоны, вместо подушек разложили седла, подбросили побольше дров: получился такой огромный костер, что на нем можно было жарить овцу. Насколько бы неприятно не сложились обстоятельства, мы находились в теплом и удобном ме-

сте, по сравнению с нашей вынужденной задержкой среди скал на Холзуне, где мы должны были оставаться, пока не рассеялся туман. И хотя мы были голодны, знали, что могло быть и гораздо хуже. У наших лошадей дела обстояли лучше, они обедали и здесь отыскали себе на ужин что-то. Мои спутники вскоре уже крепко спали. Я лежал какое-то время, вспоминая горные пейзажи, пока усталость не овладела мной окончательно, и я не последовал их примеру.

Признаки зимы. Около трех часов утра меня разбудил один из ребят, который подбрасывал дрова в костер. Стало очень прохладно и было просто необходимо подбросить еще дров. Вскоре после того, как костер разгорелся с новой силой, я снова растянулся на своем ложе и проспал до самого утра. Проснувшись, мы быстро оседлали лошадей, перешли через реку и обнаружили следы нашей партии, и где-то часа через два нашли наших друзей крепко спавшими. Мы их подняли, быстро приготовили чай, и щедрое возлияние подготовило нас к новым приключениям. Сильный заморозок этим утром был верным предвестником приближающейся зимы, и это положило конец путешествиям по горам. Свежий снег уже выпал в горах повыше Холзуна, и эти безошибочные признаки зимы заставили меня поспешить вперед.

Глава XIII.

ГРАНИЦА КИТАЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В это утро я дал указание еще одному человеку присоединиться к моей партии, так как мы могли столкнуться с некоторыми трудностями, переходя речку вброд, я думал, что нам будет необходимо это сделать. Мы ехали вниз по долине Кайры-Кумин, оставив остальных следовать за нами. Местность начала терять свой однообразный вид: долина красиво поросла лесом и была покрыта густой травой. Сильно петлявшая река представляла собой быстрый горный поток, несущийся между берегов, густо поросших лесом; проезжая вдоль него, мы любовались, глядя на резвящиеся косяки хариуса и тайменя — некоторые рыбы не менее трех-четырех футов в длину. Казалось, что они уверены, что находятся в безопасности, и их никто не побеспокоит, поэтому они медленно проплывали почти у самого берега прямо под ногами наших лошадей. Соскочив с лошади, я попытался напугать их выстрелом, они взмахнули хвостами и на мгновение ушли на дно. Вскоре нам пришлось переплывать

реку вместе с лошадьми, и мы обнаружили, что она глубокая и очень быстрая.

Солнце, наконец, прорвалось сквозь закрывавший его туман, и тучи, спустившись на горы, рассеялись. И мы ощутили на себе благотворный эффект его ободряющего света и тепла; люди приветствовали его появление русскими песнями, огласив долину, по которой мы проезжали; их мелодии, хоть и несколько монотонные, были приятны и поднимали настроение. В одном месте долины было очаровательное эхо; мы остановились напротив скал, от которых оно исходило, и люди, во весь голос напевая свои песни, заставили его отражать их голоса.

Русские крестьяне. Русские крестьяне — отличные ребята; те кто был со мной, даже не вспоминали о неприятностях вчерашнего дня, когда мы сидели голодные и дрожащие от холода на Холзуне, ни слова недовольства, ни ропота.

Проехав около двух часов, я заметил ущелье, уходившее в горы на север, и решил обследовать его, подъехав поближе. Мы свернули в него и перед моими глазами предстала картина, достойная моего карандаша. Я сделал несколько набросков, потом мы вернулись и понеслись во весь опор вниз по долине, так как обнаружили следы нашего каравана, который уже прошел вперед, мы догнали их через несколько верст и застали за приготовлением обеда. Они тоже заметили в ущелье наши следы и решили отправиться пораньше.

Переправа. Горы стали гораздо ниже, и мы, очевидно, приближались к более теплому региону. Наше путешествие было в высшей степени приятным, поскольку мы проезжали по прекрасному травянистому ковру, часто петляя и сворачивая, переходя через леса и заросли деревьев. В четыре часа мы добрались до северного берега Бухтармы — очень широкой и глубокой реки; в ответ на громкие крики людей с противоположного берега отчалили две небольшие лодки. Тем временем с лошадей сняли седла, поскольку им предстояло переплывать реку. Когда перевозчик подплыл к берегу, я обратил внимание, что лодки были выдолблены из цельного куска дерева без всяких претензий на кораблестроение. В одно из этих каноэ сложили все мои рисовальные и охотничьи принадлежности. Я и еще двое сели в него, человек перевез нас через реку, затем вернулся помочь переправиться лошадям. Каждое каноэ одновременно переправляло по шесть лошадей, при этом два человека держали их за поводья. Меньше чем через час вся наша партия, лошади и багаж благополучно выгрузились на берег. С этой переправы открывался прекраснейший вид на северную часть Холзунского хребта, через который мы прошли, южная

сторона была окутана массой темных облаков — большая вероятность того, что это другая версия бури, в которую мы попали несколько дней тому назад.

Быстрой рысью по хорошей дороге мы направились в Зыряновск, но степь была очень непривлекательной, с невысокими горами, расположенными по обе стороны. Менее чем через час мы свернули на запад и остановились в месте, открывавшем обзор на Зыряновск и Орлиную гору, находившуюся за ним. Солнце скрылось за эту живописную гору где-то за полчаса до этого, и сейчас это зрелище производило просто потрясающий эффект. Нижняя часть неба окрасилась в темно-золотистые тона, незаметно переходящие кверху в серебристо-серые; нежные кудрявые облака темно-малинового цвета красиво рассыпались над горизонтом, резко выделяясь на фоне пурпурных тонов Орлиной горы. Огромная тень протянулось над степью от подножья горы, накрывая завод своими мрачными красками. Передний план был окрашен в интенсивные красно-коричневые и темно-серые цвета, окаймляющие небольшой пруд, в котором во всем своем великолепии отражалось небо.

Директор рудников. Уже совсем стемнело, когда мы подъехали к заводу. Мой казак выехал вперед нас узнать, где нам можно было расположиться, и прислал человека провести нас в дом, пока сам готовил все для нашего ужина. Наше передвижение по улице сопровождалось лаем многочисленного собачьего племени, явно сильно раздраженного нашим вторжением, они пытались отомстить, хватая лошадей за ноги. Некоторые из них испытали на себе эффект наших плеток, которые заставили их визжать, они подняли концерт собачьей музыки, достаточный для того, чтобы все население взялось за оружие. Дом, предназначенный для нашего приема, располагался в самом конце улицы, в нем я обнаружил славную комнатку, в которую внесли мой багаж, и вскоре я уже устроился в своем новом обиталище. Воздав должное внимание отдыху и подкрепившись, я лег на свежее сено, завернулся в свой плащ и вскоре очутился в царстве грез.

Зыряновск. На следующее утро, когда мы завтракали, вошел директор рудников — молодой горный инженер-механик — и сказал, что губернатор Алтая проинформировал его о моем намерении посетить эти места и высказал свою готовность оказать мне любое содействие и внимание. После обеда, на который в 1 час дня я был приглашен, он предложил проехать с ним по красивым местам, которые могли бы привлечь мое внимание своими прекрасными пейзажами, т.е. в Зыряновскую и прилегающую к ней округу. В итоге, завершив трапезу, мы сначала отправились вверх по долине вдоль дороги на

Нарым около 6-7 верст, затем вернулись той же дорогой. Приближаясь к Зыряновской с этой стороны, я увидел множество прелестнейших пейзажей, обращенных в сторону деревни. По правую руку над равниной футов на 800 возвышается Ревневая гора, в то же время на расстоянии от нее видны изломанные гребни Холзунской гряды, ярко сияющие на солнце, поскольку сегодня даже над ними не висело ни единого облака. Впереди на западе, недалеко от реки Бухтармы, — гряда высоких гор, а слева, вдали, возвышается Орлиная гора в окружении других более низких гор, меж которых протекает Иртыш. Огромная равнина простирается до подножья гор на западе и переправы на Бухтарме, на ней кое-где растут березы и цветущий кустарник; но, в целом, это была однообразная местность, а в горах практически не росло ни одного дерева.

Зыряновская стоит на возвышенности на северо-западной стороне равнины, почти окруженная с запада горами; примерно в 6-7 верстах от нее поднимается Орлиная гора, скалистая и очень живописная. Все пространство от деревни до подножья этой горы покрыто глубоким болотом, из-за которого эта местность считается нездоровой; к тому же вода здесь просто отвратительная. Во время моего визита в этот регион в больнице было огромное число больных, здесь умирает много людей и кого-то постоянно переселяют сюда из других деревень на Алтае.

Серебряные рудники в Зыряновской — самые ценные (в настоящее время) на Алтае. Руду, которая, надо сказать, чрезвычайно богата, добывают на глубине 280, а в некоторых местах 490 футов. Серьезнейшая проблема, с которой шахтерам приходится постоянно сталкиваться, — это огромное количество воды, затапливающей шахты; в момент моего визита ее выкачивали помпами, работающими на водной энергии, сам механизм находился на расстоянии более 700 ярдов от шахты. Он работал с огромным трением, вызванным длинной серией деревянных штоков, протянувшихся от водяных колес к шахте, и это примитивное оборудование, заставляя помпы качать воду, сводило все усилия почти к нулю.

Дорогой завод. Паровой двигатель в 100 или 150 лошадиных сил поддерживал бы эти шахты совершенно сухими, и люди могли бы работать в нормальных условиях; безусловно, здоровье шахтеров и сохранение человеческих жизней, конечно, проблемы, требующие своего рассмотрения в таком регионе, как Сибирь. Его Императорское Высочество имеет в Екатеринбурге машинопроизводящее производство почти равнозначное любому производству в Европе, на котором паровой двигатель мог быть изготовлен относительно недорого и транспортирован

по реке Иртыш, и который, если использовать его здесь, мог бы не только улучшить продуктивность выработки на шахте, но и сохранить жизнь сотням людей, работавших здесь. Это только один пример того, как применение такого оборудования, производимого на предприятиях Его Императорского Высочества, могло быть использовано с целью увеличения экономической выгоды и прибыльности любого производства; в районах горных разработок имеется много других производств, где можно было бы воспользоваться преимуществами такого технического оборудования и извлечь из этого огромную пользу. В противном случае, такое производство, подобное тому, что я только что видел, погубило бы любую менее богатую фирму, чем у Его Высочества, ибо оно, в общем то, ничего не производит, я сказал бы меньше, чем ничего. Мог бы он подсчитать те расходы, которые он несет, когда один из его генералов артиллерии шествует два или три раза в месяц при полном параде с наградами и знаками отличия по этим производствам меж солдат, выстроившихся с фуражками в руке по обе стороны и кричащими ему «Здравия желаю», я предвижу, что Его Императорское Высочество пришел бы в негодование от такого бессмысленного представления.

В транспортировке руды с этих рудников к плавильному производству используется более двух тысяч лошадей. Сначала ее везут на небольших телегах с одной лошадейю в каждой к верхней пристани на Иртыше — расстояние более сотни верст, отсюда ее направляют вниз по реке на пароходах на Усть-Каменогорскую пристань, оттуда ее снова везут на телегах в Барнаул, Павловск и другие заводы, проделывая 900 верст от рудников к плавильным заводам.

Первый день после моего приезда был посвящен рудникам и окрестностям Зыряновской; следующий день я предложил посвятить рисованию. Каково было мое огорчение, когда я услышал, что льет дождь. А утром, выйдя на улицу, увидел, что все горы покрыты снегом. Директор сказал, что теперь снег останется на вершинах гор на всю зиму и с каждым дождем в долине он будет опускаться все ниже и ниже. Хотя он считал, что 4-го сентября было еще с лишком рано для облачения гор в зимний наряд, днем уже пошел проливной дождь с сильным ветром, свистящий сквозь все разбитые окна и щели, но даже тогда я считал, что моя комната в этом доме — это дворец в сравнении с моим каменным убежищем на Холзуне.

Холзунская гряда. На следующее утро погода немного наладилась, дождь прекратился, но тучи все еще клубились над верхушками гор. Я наблюдал за их передвижением с величайшим интересом и заметил, что они, наконец, начали постепенно

уходить вверх. Поторопив своих людей приготовить лошадей, что было быстро исполнено, мы отправились на переправу на Бухтарме. Подъезжая туда, я обнаружил, что горы на западе уже очистились от облаков и над Кулсуном тучи тоже явно рассеивались. Не теряя времени, я начал рисовать, обратив свой взор на реку, и прежде чем я закончил свои рисунки, северная часть гор полностью очистилась. Отсюда открывалась величественная панорама, и я с восторгом приступил к работе. День быстро клонился к закату, когда я закончил, а южная часть горы по-прежнему была таинственно недоступной для меня.

Величественная панорама. Прежде чем мы добрались до Зырянской, небо стало внезапно покрываться облаками, и холодный резкий ветер подул со снежных горных вершин, вскоре полил сильный дождь. При возвращении по улице нас приветствовал все тот же собачий концерт, как и при первом нашем приезде сюда. Когда ставнями закрыли мои разбитые окна, я почувствовал себя совершенно счастливым, мне было уютно, ибо я слышал как за окном выл ветер. Вечером пришел казак и сообщил, что идет сильный снег. Это меня обеспокоило, так как у меня были все основания опасаться, что моя творческая работа на этот год вскоре закончится, если уже не закончилась, а я еще не достиг Иртыша. Выйдя на улицу, я обнаружил, что ночью ударил мороз, земля промерзла, дул холодный ветер, но небо было ясным, и это давало надежду на теплую погоду. Поскольку это был последний день, который я мог посвятить рисованию, я, не теряя времени, выехал на дорогу на Нарым к тому месту, откуда я намеревался сделать наброски Зырянской. Сидя в укромном месте под скалами, я начал свою работу. Сначала было очень холодно, но как только солнце поднялось выше, стало тепло и приятно; мне удалось сделать наброски серебряных рудников Его Императорского Высочества, расположенных недалеко от китайской границы. Днем я проехал на запад 10 или 12 верст, и передо мной предстал удивительный вид на Бухтарму и местность вокруг нее. Эффект от этого зрелища был восхитителен, так как солнце внезапно скрылось за одной из высоких гор, имевшей коническую форму, я любовался как огромный огненно-красный шар опускался ровно по центру этого конуса, постепенно исчезая и представляя собой необычную картину. Вскоре его длинная широкая тень незаметно подкралась к холмам пониже и протянулась далеко на равнину, до тех пор, пока место, на котором я стоял, не окрасилось в холодные серые тона. Горы справа и слева все еще сверкали в его золотистом свете, а снежные пики Холзуна были похожи на замерзшее серебро, прорезавшее глубокое

голубое небо. Постепенно тени наступавшего вечера наползли на горные склоны; одно яркое пятно исчезало за другим, пока, наконец, все, за исключением снежных пиков, не погрузилось в темно-серые сумерки. Так как солнце опустилось еще ниже, бледно-розовый свет окрасил их снежные мантии, постепенно переходя в светло-малиновый, затем стал еще темнее, пока вершины не засияли, подобно рубинам и, наконец, на какое то мгновение они вспыхнули как рубиновые звезды.

Когда закончились эти волшебные превращения, меня начало трясти от холода, я вскочил на лошадь и понесся галопом. Мой казак сказал, что промерз до костей, но час такой езды согрел нашу кровь и, когда мы добрались до своего жилья и выпили горячего чая, мне стало совсем тепло и уютно. Поздно вечером пошел сильный дождь, но я завершил свою работу, мне удалось зарисовать окрестности и все, что планировал, и теперь меня волновало только мое будущее продвижение вперед. Два последующих дня были просто отвратительными, шел дождь и мокрый снег. Директор настоятельно просил меня остаться, уверяя, что местность, по которой я должен последовать дальше, была высокогорной, а рисовать в такую погоду было невозможно.

Снежные вершины. На третий день утро оказалось ясным и солнечным, но очень морозным, в шесть часов мы уже были в пути, сидя на телегах. Первые 8 верст проходили по очень неинтересной местности, в основном по невысоким холмам без каких либо признаков растительности. Проехав несколько деревень, жители которых казались бедными и несчастными, мы добрались до большой деревни Мурзинской, откуда, я был уверен, невозможно пересечь горы, поскольку снег уже выпал на 3-4 фута. Вместе с тем это не помешало нам попытаться, так как за ночь могло навалить еще больше снега, и тогда нам бы пришлось остановиться надолго. Через несколько верст от деревни мы начали подъем; справа возвышалась высокая гряда гор, покрытых свежевывпавшим снегом, который завалил все вокруг, слева также возвышались снежные вершины, и наш путь пролегал через несколько высоких холмов, находящихся как раз между этими двумя горными хребтами. Проехав немногим больше часа, мы начали быстро подниматься вверх и вскоре добрались до снега, по которому было довольно легко идти. К 4 часам мы были на вершине недалеко от гораздо более высокой гряды, называемой Чесночной горой. За ней на востоке виднелись снежные пики Холзуна, а прямо на юге высились горы Курчум, которые проходили по китайской границе. Мне рассказывали, что они, подобно стене, образуют единую цепь, протянувшуюся до долины Иртыша, где они поворачивают на

юг и подходят к Нор-Зайсану. Эти горы кажутся предназначенными самой природой служить границей между двумя империями. Они покрыты снегом, и в это время года наше продвижение в том направлении было невозможно.

Китайская граница. Обследовав какое-то время местность, мы продолжили наше путешествие и начали быстро спускаться к югу, через 2 часа добрались до Малого Нарыма, небольшой казачьей заставы, расположенной на равнине в нескольких верстах от китайской границы. Теперь мы находились на военной дороге, которая протянулось всего лишь на 20 верст дальше на восток до последней заставы от Западной Сибири. Несколько верст, и наша дорога будет проходить на запад, обращенная в сторону моей родины. Симпатичный старый казак обеспечил нас лошадьми, двумя телегами и извозчиками-казаками, которые гнали лошадей на бешеной скорости. Теперь мы путешествовали параллельно Курчумским горам в 5 верстах от их подножья. Они не возносятся до высоких пиков; их очертания едва изломаны, но многие отроги выступают из цепи, очень резко выдаваясь в долину, подобно опорам, поддерживающим находящиеся наверху массы.

Река Нарым течет по этой долине и впадает в Иртыш в 60 верстах отсюда. Наши извозчики-казаки неслись на большой скорости. Солнце садилось, его желтоватые оттенки постепенно блекли, переходя в темно-серые, пока совсем не стемнело и не высыпали звезды, ярко сияя, подобно россыпи бриллиантов, на ночном небосклоне. Наступила прекрасная тихая ночь, которая дала нам почувствовать, что мы оказались в другом климате, поскольку подъезжали к Большому Нарыму. Меня устроили в доме казачьего офицера, он сказал, что я не смогу перейти границу без разрешения его начальника, который живет в 60 верстах. Это было крайне досадно, так как предстояло еще одно долгое путешествие. Я выпил чай в чистой теплой комнате и принял решение не торопиться, так как было абсолютно невозможно ехать в темноте. Я бросился на деревянную софу и уснул как убитый до 5 часов следующего утра.

Древние памятники. В 6 часов я выехал из Нарыма и проехал по долине около 10 верст, где сделал наброски двух прекрасных пейзажей, один — китайской границы и долины Нарыма, другой — очень живописных гор на севере с красиво изломанными очертаниями, и гранитных скал, лишенных какой-либо растительности. К северу от Нарыма на равнине возвышаются гранитные скалы, совершенно голые, без единого стебелька на них растительности. Когда-то они были объектом величайшего поклонения: на них высечены разные фигуры народом, о кото-

ром не сохранилось никаких записей или следов, которые рассказали бы, кто они, кем они были или в какие времена жили. Это самое необычное место. В одной из небольших долин находится множество нагроможденных столбов или блоков, стоящих в гряде гранита, который, кажется, когда-то был жидкой массой, подобно лаве растекшейся вокруг их основания.

Обследовав скалы и закончив свои наброски, я вернулся и зарисовал другой вид — часть Большого Нарыма и несколько киргизских юрт на переднем плане.

Пока я был занят пейзажем, офицер прислал казака уведомить меня, что полковник, в чьем ведении находится район, прибудет с инспекцией в Нарым в 12 часов. Я поспешил закончить свой набросок и вернулся, когда полковник уже инспектировал казаков. Поскольку офицер уже проинформировал его о моем желании пересечь границу, я протянул ему свой паспорт. Просмотрев его, он сказал, что я могу переходить границу и рисовать везде, где пожелаю, но абсолютно невозможно идти в Нор-Зайсан по предполагаемому мной пути через Курчумский горный хребет, потому что в горах выпал настолько глубокий снег, что мы непременно заблудимся там или замерзнем насмерть. Он посоветовал мне идти через Киргизские степи и продвигаться от одного казачьего поста к другому, пока не доберусь до крепости Кочбукта. Я принял его предложение, и мы договорились встретиться с ним в Усть-Каменогорске. Мы вместе пообедали, после обеда он уехал по своим инспекционным делам, а я вернулся к своему пейзажу. Все разрешилось как нельзя лучше, и я решил как можно быстрее отправиться в Верхнюю пристань на Иртыше, куда был отослан приказ обеспечить меня лодкой и людьми, чтобы я мог спускаться по реке и останавливаться, где мне потребуется.

Большой Нарым. Большой Нарым — это крепость, обитатели деревни — все казаки и, надо сказать, все прекрасного телосложения. Я увидел полнощеких маленьких ребятишек, которым суждено стать в будущем гвардейцами на границах Его Императорского Высочества, многим, возможно, далеко на юге этого региона. Местность вокруг просто прелестная, долина Нарыма обеспечивает жителей сеном для скота и лошадей, кругом обилие летних пастбищ, где на воле пасутся их стада. На невысоких холмах они выращивают пшеницу и рожь, в реке в изобилии водится рыба, а в горах полно дичи; овощи, огурцы, дыни и арбузы самого лучшего качества выращиваются в огромных количествах, а пчелы производят много отличного меда. Казаки имеют исключительное право рыбной ловли в Нор-Зайсане, на Иртыше и других реках, впадающих в него,

кроме того, они могут торговать. Таким образом, они находятся в хороших условиях, живя в благополучии и владея разной роскошью. Их жилища чисты и удобны, многие люди богаты. Я знал казаков, которые владели пятью сотнями лошадей. Около Нарыма в своих юртах живут несколько киргизов: они пасут свои отары и стада на равнинах, здесь же и зимуют.

Мы выехали из Большого Нарыма после обеда, проезжая по очень красивой долине. Проехав около часа, мы увидели Иртыш, петляя протекавший по территории Китайской империи у подножья Курчумского хребта, который здесь возвращается и течет прямо на юг по направлению к Нор-Зайсану. Вечером мы выехали в долину Иртыша около того места, где в него впадает Нарым. Здешний пейзаж был настолько привлекателен, что я не мог противостоять искушению запечатлеть его. Горы на противоположной стороне Иртыша были тоже очень живописны и поражали своими красками, меняясь от темно-оранжевого, желтого и красного до серого и интенсивно багрового. Это разнообразие тонов вызвано не только растительностью: красный, серый и багровый — цвета скал, а оранжевый, желтый и зеленый придают растущие на них лишайники. Степь у подножья гор выгорает под солнцем до темно-коричневого, а берега реки — ярко-зеленые. По Иртышу разбросаны острова, большинство из них покрыты ивняком, но деревьев нет. Когда-то река проходила по границе Российской империи; противоположный берег — это Киргизская степь, которая постепенно присоединилась к ней.

Глава XIV.

СПУСК ПО ИРТЫШУ

Я прибыл в Черемшанку почти в сумерки и, посоветовавшись с казаками, решил спускаться по реке на каноэ, поскольку, согласно этому плану, я добрался бы в Верхнюю пристань до рассвета. Выпив чаю с ржаным хлебом и медом, мы отправились в свое путешествие по Иртышу в двух каноэ, которые должны были, я в этом уверен, довести нас до Верхней пристани через пять часов. Я сидел и наблюдал как сгущаются сумерки над снежными пиками Алтая, а ночь окутывает холмы и долины внизу, с волнением ожидая появления луны, которая должна была осветить мой водный путь. Задолго до того, как она проникла в глубокую долину, скрывавшую меня во мраке, я заметил ее появление по тому, как на снежные вершины высоко надо

мною пролился холодный серебристый свет. Потом где-то высоко над степью стали бледнеть скалистые пики, а вскоре над этими неприступными скалами, которые отбрасывали свою тень далеко в степь, величественно взошла луна. Скоро поток света залил скалы и воду, создавая мягкий успокаивающий эффект. Это послужило сигналом к нашему отправлению, мы забрались в каноэ, казаки усердно заработали веслами, и мы плавно двинулись вниз по течению. Была прекрасная тихая ночь даже без малейшего легкого ветерка, от которого шла бы рябь по воде, ни звука, кроме плеска весел, казалось, вся природа спала.

Дичь. До сих пор наш путь пролегал по середине реки, проходя мимо нескольких островков, которые разделяли ее на разные потоки. Казаки налегали на весла, не было не слышно ни звука, мы тихо проскользнули в узкий канал между длинным островом и густыми зарослями камыша. Наши каноэ плыли со скоростью не более 50 ярдов, вдруг один из казаков ударил веслом по камышам, и одновременно все они громко закричали. В тот же миг раздался пронзительный крик, как будто взбудоражили целый легион демонов. За ним со всех сторон последовали звуки хлопанья крыльев, затем дикий концерт переместился вверх и повторился где-то далеко в вышине, оглашая всю округу. Мы внезапно натолкнулись на убежище тысяч диких птиц. После этого гвалта казаки выбрались на середину реки и быстро проследовали мимо удивительно величественного пейзажа.

Я не мог спать, находясь в окружении такой красоты; я бы даже сказал, что в этих пейзажах было какое-то волшебное очарование, которому я не мог противостоять, и снова, и снова напрягал глаза, силясь рассмотреть что-нибудь в кромешной тьме в тени гор.

Где-то часа через два мы добрались до Верхней пристани, наши казаки разбудили офицера, который распорядился поставить самовар, и, как всегда, чай вскоре был готов. Я чувствовал глубокое сожаление, что наше путешествие в лунном свете окончилось, на самом деле я был готов плыть до рассвета, однако мои попутчики не были художниками и были рады, когда наше путешествие завершилось. После чая я лег на деревянную скамью и вскоре буквально оказался в плену залитых лунным светом восхитительных пейзажей и чудовищного концерта пернатого племени.

За путешествием в лунную ночь последовало яркое солнечное утро. После завтрака офицер сообщил, что получил распоряжение в отношении меня и все мои нужды будут удовлетворены.

Мне предоставили людей и лошадей, и я поехал вдоль бе-

рега реки. Проехав небольшое расстояние в этом направлении, мы пересекли степь напрямик, отрезая огромную часть излучины Иртыша, и я оказался в таком полном очарования месте, где нашел много интересного для себя и моего карандаша, поэтому я провел здесь несколько часов, после чего вернулся на пристань и сделал набросок другого пейзажа.

Необычная барка. Намереваясь продолжить свое путешествие, я поехал обследовать «барку» (так это называлось), подготовленную для перевозки моей партии, теперь насчитывающей 9 человек, включая лодочника, вниз по Иртышу. Велико было мое удивление, когда вместо хорошей крепкой лодки обнаружил два маленьких каноэ, скрепленных вместе на расстоянии пяти футов друг от друга, с балками поперек, сверху обшитыми досками, т.е. получалось что-то вроде платформы в 15 на 10 футов — безусловно, огромное пространство. Все это сооружение выглядит достаточно хорошо, когда пришвартовано у пристани, но я решительно возражал против него. В этот момент объявили обед, и мой хозяин уверил меня, что, пока я обедаю, все необходимые переделки будут завершены.

Это место, куда из Зырянновска на телегах привозят серебряную руду, отсюда ее отправляют вниз по Иртышу примерно на расстояние в 220 верст до Усть-Каменогорска. Река очень быстро несется через узкие долины и глубокие проходы на восток, пока не достигает Киргизской степи чуть ниже Усть-Каменогорска, где она превращается в широкую реку, усеянную многочисленными большими и маленькими островками. Лодка прошла это расстояние за 11 часов, поскольку в некоторых местах река несется с ужасной скоростью.

Вещи разместили на борту, все надежно закрепили. Мой хозяин проводил меня до барки, которую я нашел в том же состоянии, единственной переделкой была замена нескольких сломанных досок на платформе; и офицер, и рабочие настаивали, что это абсолютно безопасно. Больше не возражая, я ступил на борт, но удовлетворения не чувствовал. Я не имел претензий к палубе: на ней места было более чем достаточно; у меня были опасения относительно каркаса нашего судна. Но, видя, что провололочкой ничего не добьешься, я попрощался со всеми, получил приободряющие напутствия, и наша барка снялась с якоря.

Чудом избежавшие опасности. На носу и корме каждого каноэ сели по одному человеку — четверо сильных, здоровых мужчин, хорошо знающих реку; у каждого было небольшое весло, чуть больше чем детская садовая лопатка, единственной их обязанностью было направлять судно, т.к. течение несло нас

достаточно быстро. Перед отправлением они получили указание останавливаться всюду по моему желанию и выполнять все мои требования. Вскоре барку вывели на середину реки, которая в этом месте была более тысячи ярдов в ширину, и, попав в поток, мы очень быстро поплыли. Я наблюдал как менялся пейзаж: одни горные пики следовали за другими, когда внезапно и без каких-либо предварительных разговоров или намеков два человека заявили, что их каноэ быстро заполняется водой и необходимо без минуты промедления подойти к берегу! Мы не успели пройти и полпути к берегу, а оно было почти полно воды, и когда мы находились где-то в ста ярдах от берега, люди закричали, что лодка тонет. Наша палуба с одной стороны скрылась под водой. Люди гребли изо всех сил, и, наконец, мы добрались до густых зарослей камыша, который помогал нам удерживаться на поверхности, пока нам не удалось подобраться достаточно близко к берегу, выбросить багаж и затем высадиться самим.

Тогда я велел своим слугам следовать за мной обратно до пристани, где после некоторых препирательств я заполучил добротную лодку, в которой перевозили руду, и четырех человек, хоть директор и пытался меня убедить, что и трех было бы достаточно. Как раз в тот момент, когда я выходил от него, прибежал мальчик сказать, что двоих из выделенных мне людей увезли тяжело больными, так как они слишком долго находились в холодной воде. Я вернулся к своим несчастным каноэ, и по дороге встретил обоих лодочников, которых везли обратно на телеге. Зная, что пройдет какое-то время, пока придет лодка, я взял этюдник и взобрался на берег, на красиво очерченные скалы, с которых открывался восхитительный вид на долину, часть степи и Курчумскую гряду.

Дезертир. Примерно часа через два я увидел плывущую вниз по реке лодку. Она добралась до места нашего несчастья до моего прихода, ребята уже погрузили на борт весь багаж, и мы были готовы тронуться в путь, когда казак сказал, что один из лодочников сбежал сразу же, как только багаж был размещен на лодке; его нигде не могли найти, и это здорово разозлило меня. В это время несколько человек из деревни пришли посмотреть на наше затонувшее суденышко и стояли вокруг, явно довольные нашими неприятностями. Я подозвал одного казака на берег, предварительно выделив одного человека из группы, наблюдавшей за нами, которая, как я понял, способствовала побегу нашего бродяги. Когда он подошел, я высказал ему свои предположения и указал на человека, как мне казалось, виновного в этом. Все было очевидно; казак мгновенно

все понял и схватил его. И прежде, чем тот пришел в себя от удивления, он был уже в лодке, откуда его толкнули в глубокую воду. Он начал кричать, взывая к своим друзьям о помощи. Они спустились на берег, но мы были далеко от них, однако они стали в остервенении орать нам требование вернуть его на берег. Видя, что их угрозы на нас не действуют, двое из них отошли недалеко в камыши и привели пропавшего человека, предлагая обменять его. Я немедленно согласился, побеспокоившись, однако, чтобы гарантировать одного, прежде чем отказать от другого. Такие условия удовлетворяли обе стороны, кроме дезертира, которому казак пообещал хорошую взбучку, если тот еще раз попытается сбежать.

Из-за всех этих неприятностей мы надолго задержались; солнце уже скрылось за видневшимися вдали холмами, а у нас на многие версты не было ни места, где прислонить голову, ни дров для костра. Высокие горы были покрыты снегом, и теперь резкий пронизывающий ветер начал дуть с реки, заставляя нас дрожать от холода. Мы плыли, а ночные тени начали быстро окутывать долину, постепенно поднимаясь вверх в сторону гор. Не было никаких признаков того, что мы найдем место для отдыха, а пейзаж становился все мрачнее и мрачнее. Вскоре мы обогнули высокую скалистую местность и заметили где-то очень далеко мерцающий свет, но был ли это костер на берегу реки или жилище, понять было невозможно. Наши лодочники изо всех сил налегли на весла, и мы понеслись быстрее; приблизившись, мы увидели, что в одном укромном местечке горел огонь, до которого мы вскоре добрались. Эта оказалась жалкая станция для нескольких казаков. Войдя, я увидел, в каком ужасно грязном помещении бедняги готовили свой ужин. Мой казак быстро договорился с ними, и они ушли в сарайчик.

Прогулка в одиночестве. Азия — это земля чая. Человек научился ценить эту траву во всей полноте ее ценных качеств. Напившись чаю, я совершил длительную прогулку вдоль берега Иртыша. Вид на реку в этом месте просто великолепен. К тому же отсюда я наблюдал особый эффект, создаваемый необычно красивым лунным светом, который набрасывал густые тени на невысокие горы, в то время как высокие снежные вершины были залиты серебристым светом, оттенявшим спустившийся в долину густой мрак. Каким же ничтожно малым чувствовал я себя, когда в одиночестве бродил по берегу Иртыша на фоне зрелища этих величественных творений природы! Кроме меня, здесь не было ни единой живой души, и было тихо, как в склепе. Я прошел мимо высоких скал, скрывавших казачий пост из

поля моего зрения, и вошел в уходящую в горы долину, которая лежала окутанная сумеречной тенью. Два белоснежных пика возносились далеко вверх в холодное серое небо, яркий свет луны заливал один из них и придавал невероятную грандиозность и величественность мрачной картине. Мое воображение начало заселять это место призраками, привидениями и гоблинами отвратительного вида. Не хватало только воя волков и пронзительных криков прошлой ночи, чтобы придать реальность плодам моего воображения.

Казаки. По возвращению я обнаружил, что казаки настелили сухой папоротник для моей постели, которая выглядела вполне заманчиво, несмотря на полчища пруссаков (маленькая разновидность семейства тараканьих), ползавших по стенам и потолку. Едва опустившись на постель, я провалился в глубокий сон, ни разу не проснувшись до утра. Покинув свое травяное ложе и выйдя на улицу, я увидел, как во всем великолепии всходит солнце, но над окружающей нас красотой с триумфом наплывали тучи, а это был явный признак, что до обеда наша одежда наверняка промокнет до нитки. Не теряя времени, я зарисовал картины природы, которые особенно привлекли мое внимание. По обеим сторонам реки возвышались очень живописные горы с резко очерченными гранитными скалами, увенчанными высокими снежными пиками, а у их основания лежала степь, по которой меж невысоких берегов, густо поросших камышом и осокой, бежала река, довольно широкая, с тремя небольшими островками, поросшими ивой. В этих камышах водились дикие утки и другие водоплавающие птицы, некоторые удивительно вкусные, как я мог заметить во время обеда. Утром мы покинули этих великодушных казаков и их жалкое жилище. Они уверяли меня, что будет плохая погода, и просили остаться, но я должен был ехать. Лодку направили по течению, которое понесло нас на огромной скорости, и вскоре вынесло нас за крутые скалистые массивы, из-за которых уже не было видно даже дыма, поднимавшегося над казачьим жилищем, и открывался обзор новых пейзажей. Как мы и ожидали, погода, похоже, начинала портиться, с гор подул шквальный ветер, темные облака стали собираться на вершинах, что предвещало сильную бурю. Наши лодочники с беспокойством следили за приближающейся непогодой, так как знали, чем это может закончиться, и энергично налегали на весла, надеясь добраться до более укромного места на реке.

Верблюды. Вскоре черные тучи окутали белые вершины и начали опускаться на горные склоны, давая мне прекрасную возможность наблюдать за развитием бури в горах. Оторвав-

шись от общей массы, лохматые тучи быстро проносились над ними, и теперь плотная масса нарастающим потоком разошлась по всей долине. Затем мы услышали как ветер с воем пронесся по узким горным ущельям и вскоре обрушился на реку, обдав нас ледяным потоком. Ветер дул против течения, и нашим лодочникам приходилось с трудом тащить судно по воде. В горах уже пошел сильный снег, а вскоре и до нас добрался дождь с мокрым снегом, промочив нас насквозь и окатив ледяным душем. К сожалению, мы находились в той части реки, которая протекает по широкой долине, где для нас не было даже мало-мальски подходящего убежища. С киргизской стороны примерно в миле от нас мы заметили несколько юрт и 12 верблюдов, пасущихся возле них. Я подумал, что довольно странно увидеть этих животных в таком холодном регионе. Но скоро они двинутся на юг в более теплые долины, зима слишком рано застала их здесь.

Древний нож. День уже клонился к вечеру, когда мы прибыли в устье реки Бухтармы, где широкое и быстрое течение значительно увеличивалось за счет многочисленных маленьких речушек, впадающих в нее между устьем и переправой близ Зырянновска.

Одноименный с рекой город и крепость стояли на берегах Бухтармы на версты три выше ее слияния с Иртышем. Прежде это место имело более важное значение, нежели в настоящее время. В городе есть несколько больших зданий, которые в этом диком регионе придают ему более внушительный вид. Простирающаяся на север очень высокая горная цепь и несколько горных кряжей пониже густо заросли лесом. Степь, или долина, вокруг Бухтармы раскинулась на значительное расстояние и является прекрасным пастбищем для огромных стад лошадей и домашнего скота. С северной стороны города находится конусообразный холм довольно необычной формы и чрезвычайно живописный. По соседству расположено много древних курганов, некоторые уже раскопаны, и в них были обнаружены золотые украшения и военное снаряжение. У меня есть обломок медного ножа, или кинжала, из одного кургана. Когда его раскопали, казаки решили, что он золотой и разломали его на две части. Этот инструмент, должно быть, был изготовлен в один из ранних периодов.

Мне захотелось подняться по реке Бухтарме до города, но мои люди заявили, что подняться туда на лодке совершенно невозможно, т.к. вода слишком высокая. В этих обстоятельствах мы были вынуждены продолжить наше путешествие вниз по Иртышу вопреки нашему желанию в такую погоду. Немного

ниже устья Бухтармы открывается восхитительный вид на Иртыш: первое, что сразу бросается в глаза, это красивое мощное нагромождение черных скал, мимо которых мы прошли с величайшим трудом, так как ветер и течение тащили нас прямо на них с ужасной скоростью, создавая опасную ситуацию. Если бы нас вынесло на барке на это место, ничто не могло бы спасти нас. Вода бросалась на скалы с ужасающей яростью, а шторм усиливал эту опасность в десять раз: барку разбило бы на куски в том момент, когда она коснулась бы скал; не думаю, что кто-то смог бы выплыть из такого бурлящего потока. Дождь с мокрым снегом продолжал лить, как из ведра, делая невидимыми горы с обеих сторон. Наконец, вдали показался дымок, и люди напрягали все силы, стараясь грести против неистовых порывов ветра. Через какое-то время мы добрались до высокого берега, где смогли найти небольшое убежище, плыть стало легче, что подстегнуло ребят грести еще быстрее. Около трех часов мы добрались до Булошни, первой зимней станции на Иртыше, где отдыхают караваны, везущие руду по льду из Зыряновска до Усть-Каменогорска. Такая быстрая река, каковой является Иртыш, зимой — с ноября до марта — полностью замерзает.

Жалкая хибара. Лодка остановилась в футе от крутого берега, куда мы выпрыгнули, радуясь при виде дыма. Взобравшись наверх, я увидел крошечную деревянную лачугу с навесом с задней стороны, самое малообещающее место для приюта на ночь. Однако мы решили остаться, ибо даже навес с охапкой соломы был бы лучше, чем открытая лодка или берег, где нет ни деревца, чтобы в такую ночь развести костер. Среди нас не было ни одного человека, не промокшего до нитки. Не входя в лачугу, чтобы разузнать обстановку, казак распорядился поднять весь багаж. Затем мы вошли в маленький домик, более жалкого места я не видел в своей жизни. Комнатка — размером около 15 на 12 футов, в ней находилось 5 человек — 2 женщины и 3 детей. Два маленьких оконца закрыты ситцевыми занавесками, что придавало особенно мрачный вид; вода капала с плоской крыши, и на полу едва ли можно было найти сухое место. Только тот, кто побывал в таком помещении, полном людей, в мокрой одежде, от которой валит пар, потому что жарко горит русская печка, может полностью оценить дух, ласкающий твои органы обоняния, когдаходишь туда. Даже мой казак на мгновение повернул голову к двери, затем он переговорил с одной из женщин, которая тотчас же открыла маленькую низенькую дверь и прошла в другую комнату, мы последовали за ней. Эта маленькая горница была 12 на 5 футов с русской печкой, занимавшей более одной трети пространства. В дру-

гом конце находилось небольшое окно с ситцевой занавеской, здесь тоже дождь пробивался сквозь щели в потолке. Деревянная скамья, более широкая с одного конца, стояла вдоль стены: очевидно, одна должна была служить ложем. Был бы поблизости лес, мы могли бы быстро соорудить шалаш, который укрыл бы нас от дождя, а большой костер согрел бы нас. Казак велел принести дров, и печка вскоре запылала, и маленькая каморка стала выглядеть веселее, чем другая примыкающая к ней, в которой теперь, кроме ее собственных обитателей, находились все наши люди.

Рев ветра, бушевавшего в глубокой долине, дождь, барабанивший в окно, заставляли смириться с любыми неудобствами. Каждые 10-15 минут я выходил на улицу глотнуть свежего воздуха и взглянуть, не стихла ли буря. Надо мной все было черно. Лил дождь, ветер выл с нарастающей яростью, а люди говорили, что ночью будет еще хуже.

Несчастные женщины и дети. Теперь я попросил разжечь печь в большой комнате. По крайней мере, это позволило бы проветрить все помещение, и вскоре я почувствовал движение воздуха. Если бы печь продолжала оставаться закрытой, в доме стало бы так же отвратительно, как в Черной дыре в Калькутте. Мужчины казались сильными и закаленными, всеми своими делами они занимались на улице, где у них было много физических упражнений на свежем воздухе. Но женщины казались поистине жалкими существами: на одной были какого-то жуткого вида лохмотья, которые с трудом можно назвать одеждой, единственно, чем она могла похвастать — это небольшой кусок сплетенной пеньки, повязанный вокруг талии. Другая одета аналогично, разве что на ней был грубый сарафан. У каждой на голове повязан голубой платок, но ни чулок, ни обуви на ногах не было. Их нездорового цвета лица выглядели бесцветными, закопченными и изможденными, все черты лица носили на себе печать недомогания и страдания. Двое детей тоже одеты в какие-то жалкие лохмотья, кое-как чем-то подпоясанные. Одному было около четырех лет: слабенький и худенький, его лицо уже носило печать страдания и тоски. Другому было чуть больше двух лет: немного упитаннее, круглолицый, с пухлыми щеками, очень грязный и крайне болезненный. Вид этих несчастных созданий произвел на меня такое впечатление, что я вряд ли когда-нибудь забуду этот день. Я хорошо осведомлен, что в нашей стране мы тоже сталкиваемся с картинами нищеты и страданий, но даже самая отвратительная каморка в самом ничтожном ночлежном доме, которую приходилось видеть у нас, не идет ни в какое сравнение с этой.

Русская лачуга. Люди были, конечно, правы в своем прогнозе погоды, так как буря бушевала с неослабевающей яростью, временами заставляя маленькую лачугу качаться на своем фундаменте, но она, должно быть, выдержала ни один мощный порыв ветра, так как он часто случается в этом регионе, особенно в это время года. Эта лачуга построена из бревен, смыкающихся в конце каждого, проконопачена мхом, не дающим доступа ветру. Она имеет плоскую крышу, покрытую досками и сверху, примерно на 6 дюймов, присыпанную землей, на которой быстро прорастает трава или другие растения; этого обычно достаточно, чтобы предохранить дом от попадания влаги, но в этот день дождь был просто ужасен. Зимой крыша покрывается толстым слоем снега, который удерживает тепло. Из нескольких камней была сложена труба, а сверху помещен старый бочонок без дна, крепко прикрепленный к камням сплетенными ивовыми прутьями. С западной стороны дома находился навес, а хилый забор окружал небольшой двор, где содержался скот, защищая его от волков, которых здесь зимой бесчисленное множество.

Таков был мой приют на Иртыше в течение ужасного дня и ночи. Но каким бы отвратительным он и был, каждый член моей партии, я уверен, чувствовал благодарность даже за это убежище, когда слышал завывание ветра в долине. Наступила темная и гнетущая ночь. Невозможно было держать свечу зажженной, т.к. на нее могла упасть большая капля, или ветер, задувающий сквозь щели, мог мгновенно погасить ее. Несмотря на несколько тщетных попыток не дать загаснуть свече, она снова и снова гасла; я сдался и лег на деревянную скамью, укутавшись в пальто и накидку, а перед этим я вставил две палки в зазор между бревнами на расстоянии примерно 2 футов и 6 дюймов и повесил на них полотенце, чтобы капли воды не падали мне на лицо. В таком положении я проводил час за часом, прислушиваясь к дисгармонии звуков музыки бури. Наконец, Морфей сморил меня, и я довольно крепко уснул, проспав до следующего утра. Когда я вышел на улицу, обнаружил, что идет сильный снег, но ветер уже почти стих. В течение утра снег прекратился, небо очистилось, и я решил побродить по долине в сопровождении двух человек. Прогулка заняла три четверти часа, пока я не подошел к месту, с которого намеревался сделать набросок долины на фоне нескольких красивых горных пиков, которые величаво поднимались над рекой.

Вид на эту часть Иртыша особенно прекрасен. Несколько уходящих в горы лощин создают эффект дикой природы где не ступала нога человека.

Горная расселина. Гигантские обрывы изборожжены глубокими расселинами, а огромные нагромождения скальных пород и камней, скатившихся с высочайших пиков, являются доказательством того, что не вода явилась причиной этих ужасных обвалов. В одном месте я обнаружил глубокую трещину, прорезавшую гору пополам. Это расселина не более 30 футов шириной и не менее 800 высотой, кое-где даже выше; ее стороны возвышаются практически отвесно, почти примыкая друг к другу, казалось, что они могут даже сомкнуться. Время сбросило в эту бездну множество утесов и скальных пород, образующих горные пики.

Чуть выше долины стоит удивительная гора конической формы, разорванная обрывами, с растущими на каждой террасе маленькими кедрами и молодыми пихтовыми деревцами, некоторые росли даже на ее вершине. С северной стороны она чрезвычайно крутая; вокруг самого конуса стоят горы, расщепленные в пики с изрезанными краями и огромными обрывами. В одном из этих оврагов я обнаружил несколько образцов яшмы, к моему большому сожалению погода не позволила мне продолжить дальнейшее обследование этих великолепных творений природы.

Внезапный шквал ветра. Пока я рисовал, люди криками обратили мое внимание на бурю, движущуюся со стороны гор в западном направлении; они предвещали, что она будет сильной и советовали вернуться как можно быстрее и укрыться в хижине. Я решил закончить рисунок или, во всяком случае, работать до тех пор, пока дождь или снег не заставят меня вернуться в маленькую хибару. Время от времени я бросал взгляд на черные тучи, двигавшиеся явно очень быстро и имевшие весьма зловещий вид. Нарисовав кое-что за час и поздравляя себя в надежде, что мне осталось не более 15 минут, чтобы закончить все, я увлекся своей работой и не смотрел в сторону долины, когда вдруг мою шапку сорвало с головы, а альбом сдуло и унесло на 10-15 шагов. Порыв ветра был настолько неожиданным, что я растерялся, однако быстро пришел в себя, так как пошел такой сильный дождь со снегом, что мне пришлось действовать быстрее. Я бросился спасать свой альбом, а ребята побежали за моей шапкой, которая, я думал, долетит до Иртыша быстрее, чем они поймают ее. Мне удалось собрать и сложить в кожаный чехол все свои рисовальные принадлежности, а в это время ребята вернулись с моей шапкой. Один из них взвалил на плечи мои вещи, сказав, что вскоре буря еще больше усилится. Наше положение было скверным; мы находились высоко на холмах без всякой возможности найти хоть

какое-нибудь убежище. Два человека своим примером показали мне как надо действовать; они изо всех сил помчались вниз в долину. Я последовал за ними, но наш забег был недолгим. Дождь попеременно со снегом был настолько сильным, что слепил глаза; кроме того, мы не могли бежать против ветра, трудно было бежать даже боком. Теперь по своему горькому опыту я хорошо знал, что ждало меня. Ведь они с самого начала советовали мне уйти; теперь же у меня промок жакет и мои рисунки. Безусловно, это была неприятная прогулка, ибо мы добрались до долины только во второй половине дня. Где-то через час буря стихла, багаж погрузили в лодку, и мы покинули это жалкое место.

Яшма. Река здесь протекает по глубокому каналу вдоль предгорий очень крутых гор, в некоторых местах почти отвесно поднимающихся на огромную высоту над водой, поэтому взобраться на них практически невозможно. Во многих местах ни с одной стороны невозможно подойти к берегу, а вода между скалами несется с огромной скоростью. Некоторые скалы — это яшма темно-красно-коричневого цвета, другие — темно-багровая, красиво выделявшаяся на фоне растущего на скалах желтого и зеленого мха. Вершина одной горы была густого интенсивно-розового цвета, что производило потрясающий эффект, поросшие мхом скалы пониже — серого цвета, а под ними красивые мощные массы красного гранита отвесно выступающие из воды. В этой части долины нет леса: около некоторых вершин кое-где на утесах растут только пихтовые деревья.

Однако сравним очень маленький и однообразный ландшафт Рейна с этой частью Иртыша. Построило бы племя, обитающее в этом регионе, подобно рейнским баронам, замки на обрывах, оно могло бы во многом приукрасить этот ландшафт, что, конечно, не прибавило бы ему благородства и знатности.

Зимняя станция. Этот день был и солнечным, и ветреным, и, тем не менее, мне удалось сделать несколько набросков. В сумерках ближе к ночи мы увидели свет Таловского зимовья — второй зимней станции на Иртыше. Подойдя поближе, мы увидели свет в двух окошках, который вывел нас в устье небольшой речки, впадающей в Иртыш. Холодные порывы ветра обрушивались на узкую долину, вдоль которой мы проплывали на лодке, а тяжелые черные тучи собирались по небу, погружая все в такую темень, что мы с трудом могли разглядеть место, где нам высадиться. Как только мы высадились на берег, казак приказал занести багаж в дом, стоявший на высоком берегу не-вдалеке от места нашей высадки. Наши люди громко кричали в надежде, что кто-нибудь выйдет нам посветить, но пришлось

двигаться на ощупь, в темноте, без чьей-либо помощи. Наткнувшись по дороге на несколько каменных глыб, мы, наконец, обнаружили дверь и вошли в квадратное помещение (15 на 15 футов), где в печке ярко горел огонь, освещающий его обитателей и жуткую грязь повсюду. Через несколько минут мои глаза привыкли к свету, и я разглядел группу, стоявшую передо мной. Она состояла из четырех женщин, трех детей и восьми мужчин — всего 15 человек — слишком много для такого пространства. Но когда вошла моя партия из 9 человек, горница была буквально набита до отказа. О том, чтобы остаться на ночь в таком помещении, не было и речи. Шел дождь, дул порывистый ветер, но я решил искать себе ночлег в нашей открытой лодке.

Жалкие обитатели. Пока готовилась моя вечерняя еда, у меня было время рассмотреть каждого человека в отдельности и комнату, в которой мы находились. В одном углу ярко горела печка, в которую после нашего прихода подбросили дров, отчего стало еще теплее и усилило вентиляцию помещения. Надо быть гораздо более талантливым писателем, чем я, чтобы описать эту сцену запустения, мерзости и нищеты. Пол покрывал толстый слой влажной травы, которую топтали неделями, не меняя ее; от нее исходило зловоние, смешанное с нездоровым запахом испарений; воздух был почти невыносим, даже при наличии такого ветра, который сейчас свистел за окном. Чтобы мне было удобнее, одна из женщин принесла огромную охапку влажной травы и разбросала под моими ногами. Вдоль стен комнаты стояла скамья, на которой ее обитатели сидели и спали. Кто-то спал на печи, и полати были предложены мне, поскольку там было сухо и тепло, но я был вынужден отказаться от этого знака любезности. Стены и потолок почернели от копоти и дыма, постоянно проникавшего в комнату, когда очередной шквал ветра задувал трубу. Две женщины, недавно обосновавшиеся в этом убогом жилище, были сильными и здоровыми бабами, две другие — жалкими, изможденными созданиями, хилыми и болезненными, выглядевшими старухами, хотя в действительности были совсем молодыми. Маленькая девочка лет пяти напоминала скелет, выражение ее лица носило печать боли и страдания, две другие были чуть помладше, и жалкие лохмотья едва прикрывали их болезненные тельца. Двое мужчин казались больными, полуголодными и сломленными болезнями и невзгодами. Остальные мужчины — лодочники — цветущего здоровья, их пребывание здесь было временным. Они даже не страдали от зловонного воздуха в помещении, их работа и свежий речной воздух закалили их и поддерживали их здоровье.

Основательно согревшись, я отправился к лодке, на ее дно настелил влажной травы, сверху положил войлок (фетр, изготовленный из верблюжьих волос), это и была моя постель. Я натянул меховые сапоги и теплую шапку, завернулся в плащ и лег спать. Ветер был холодным, но небо — ясным и звездным. Казак спал в лодке, а остальные люди остались в хижине. Усталость заставит человека спать где угодно, и я вскоре оказался во власти сновидений, убаюканный лодкой, покачивающейся на водах Иртыша. Я проснулся от холода задолго до рассвета; луна ярко светила, и все вокруг меня покрылось белым инеем. Я вновь закутался и спал до утра; когда снова проснулся, я выпрыгнул на берег и начал быстро двигаться, чтобы согреться. Вскоре показались лодочки; спустившись на берег, они разожгли костер и приготовили себе завтрак. Пора была побеспокоиться о моих людях. Я направился к хибаре и нашел разжигавшего самовар казака. Когда я открыл дверь в комнату, мне показалось, что все крепко спали, так оно и было, но это был тяжелый нездоровый сон в таком мерзком зловонном месте. Я закрыл дверь, так как почувствовал, что мне стало нехорошо и закружилась голова. После завтрака на берегу я зарисовал эту местность, и мы отправились дальше.

Геологическая дезинтеграция. Ландшафт местности ниже Таловского зимовья, где протекает река, значительно отличается от мест, которые мы проплывали вчера. Вместо величественных гор появились невысокие круглые холмы: ни дерева, ни даже кустарника не росло на них, они покрыты лишь мшистым дерном. Образующие берега скалы часто отличаются по форме даже на расстоянии нескольких сот ярдов. Здесь вдоль всей этой долины имеет место огромная дезинтеграция пород. Геологические слои нарушены и разрушены, изломаны в необычных процессах складкообразования и изгибах пластов, представляют широкое поле деятельности для геологических исследований. В путешествии в тот день для художника не было ничего интересного, особенно после потрясающе-грандиозного ландшафта в верховьях реки.

Серебряная руда. Иртыш очень протянут в ширину. Приближаясь к степи, он проложил себе более широкое русло и течет медленнее. Это ленивое течение и ветер, который тоже был против нас, часто дую с величайшим неистовством, задерживали нас. Был уже вечер, когда мы высадились в Усть-Каменогорске и сразу прошли в дом директора пристани.

Серебряная руда из Зырянской выгружается здесь, а затем на маленьких тележках доставляется в Барнаул и на другие плавильные заводы на расстояние шестисот верст. Разгрузка

руды с лодок, взвешивание и погрузка на тележки для ее дальнейшей транспортировки — сцена чрезвычайно оживленная и суетливо деловая. Люди, сопровождающие караваны с грузом, несут ответственность за каждый пуд руды; ее снова тщательно взвешивают по прибытии на завод. Около трех тысяч лошадей заняты в транспортировке руды. Инструкции в отношении меня были посланы здешнему директору и, как обычно, меня любезно приняли и обошлись с величайшим радушием. Чистая и удобная комната была приятным дополнением к моему комфорту. К тому времени, когда я переоделся, сменив мокрую одежду, на столе уже стоял прекрасный обед, надо признать, довольно обильный, который я ел с величайшим удовольствием. Затем я узнал, что два дня назад полковник, в чьем подчинении находились казаки этого региона, расспрашивал директора обо мне и очень просил ему сообщить, когда я прибуду.

На следующее утро я ожидал полковника. Он принял меня с величайшей сердечностью и сказал, что если у меня все еще есть желание продолжить свое путешествие по степи, то казаки будут сопровождать меня от станции к станции. Но он был очень обеспокоен, что время года не самое подходящее для рисования, скоро наступит зима. К тому же он опасался, что я столкнусь с определенными трудностями, поскольку все киргизы уже ушли в южном направлении.

Глава XV.

КИРГИЗСКАЯ СТЕПЬ

На следующий день в 2 часа дня полковник ко мне прислал двух казаков сообщить, что сопровождение готово, и они проинструктированы переправить меня через Иртыш. Прибыв на противоположный берег, я нашел двух крепкого вида казаков верхом на лошадях, вооруженных ружьями, пистолетами и длинными пиками, у них был довольно угрожающий вид. Кроме них, был также кучер-казак без оружия и три лошади, запряженные в маленькую легкую телегу. Их вместе с моим казак из Барнаула и моим собственным оружием было вполне достаточно для защиты от киргизов, на случай, если те нападут на нас, чтобы поддержать свою репутацию грабителей, и даже если их будет в 10 раз больше нас. Плоская равнина до протянулась от Иртыша до первой гряды холмов примерно верст на 8. Поднявшись на нее, мы увидели новый пейзаж, раскинувшийся перед нами: высокие гранитные скалы самых причудливых

и живописных форм, во многих местах насыпи и возвышенности, которые, скорее, можно было бы назвать кварцевыми холмами, сверкающими подобно снегу. Кроме того, было много киргизских захоронений, очевидно, очень древних, так как современные обитатели этих мест только опускают тело в неглубокую могилу, засыпают землей и закладывают небольшими каменными глыбами.

Эти гробницы возведены из необтесанного камня и имеют квадратный фундамент с основанием 1-12 и 8 футов высотой, на верху которых возвышается небольшая пирамида. Вокруг них расположены другие, гораздо меньших размеров, которые натолкнули меня на мысль, что в каждой группе могил захоронены вождь и его соплеменники. За ними в западном направлении виднелась Монастырская гора, ее еще нечетко выделяющиеся контуры поднимались над степью на расстоянии 30-40 верст.

Потухший вулкан. Дорога, по которой мы проезжали, была просто отвратительной, и телега постоянно застревала в торчащих из земли грубых острых глыбах гранита. Часа через два мы добрались до казачьего пикета; через 10 минут новый эскорт оседлал лошадей, а телега уже стояла у двери, багаж был уложен, и мы во весь опор понеслись по степи. Теперь мы поднимались на высокую горную гряду и вскоре оказались на седловине гранитной горы, совершенно лишенной травяного покрова — между скалами пробивались едва заметные тоненькие стебельки травы. Последние 3-4 версты дорога резко уходила вверх, затем мы начали спускаться в самое необычное место. Наш путь пролегал, как мне казалось, по краю кратера, из центра которого лучами расходились гранитные глыбы и расщелины. Чуть дальше мы проследовали через место, заполненное породами, которые, видимо, в расплавленном состоянии вытекали из кратера и застывали, не доходя до низа, образуя пологий откос. Многочисленные волны, или пласты, этих пород наплывали друг на друга, каждый из них останавливался в нескольких ярдах от конца другого, расположенного ниже. У меня не было сомнений, что этот гранит когда-то стекал, подобно лаве или расплавленному металлу. Далее наш путь проходил вверх по небольшому ущелью, а затем мы начали довольно опасный спуск вниз в степь.

По мере продвижения на юг местность становилась менее интересной; она в основном состояла из круглых холмов и волнообразной, слегка холмистой однообразной равнины.

Сыльный. Проехав немногим более 2-х часов, мы добрались до прииска (золотодобывающего рудника), расположен-

ного неподалеку от нашей дороги, и остановились взглянуть на работы. Я принял приглашение директора остаться на ночь; перед его небольшим жилищем установили юрту и почти сразу подали обед. Когда я упомянул о своем желании посетить Нор-Зайсан, он предложил мне дать лошадей и киргизов-проводников, чтобы пересечь горы, так как в данном случае путешествие по этому маршруту заняло бы только 2 дня. После обеда он послал на стоянку кочевников, находившуюся недалеко, за двумя киргизами, которые могли выступить в роли моих проводников. По их прибытии им объяснили суть дела. Они оба воскликнули, что по горам пройти невозможно: слишком много снега в это время года. Единственный путь, по которому я мог бы пройти, как мне сказали, пролегал по степи и занял бы 5 дней верхом на лошадях.

Никакие доводы моего хозяина не могли убедить киргизов попытаться пройти через горы. По их лицам я понял, что не только страх был одним из аргументов, ибо у них были совершенно разбойничьи лица, которые явно свидетельствовали, что бы они сделали при первой же благоприятной возможности. Мой хозяин был хорошо осведомленным человеком и истинным джентльменом. Он был сослан в Сибирь из своих родных мест, несколько лет учился в Киевском университете, и, подобно многим его соотечественникам, был более предан мечу, чем перу. Я искренне надеюсь, что ему разрешили вернуться в его родную Польшу.

Мыльный пузырь. Мы прошлись вдоль небольшого ручья, где производилась горная выработка, в надежде найти богатые залежи драгоценной руды, но, подобно сотням другим, она оказалась пустой. Человек, открывший эту шахту, прибыл в Санкт-Петербург, привезя с собой образцы золота, заявив, что они обнаружены в этом месте, предполагая сколько золотников драгоценного металла могло быть получено из сотни пудов песка; он также описывал масштабы ценного месторождения. Искушение было слишком велико, чтобы ему не поверить; многие хотели владеть акциями такого рудника, который мог бы стать источником богатства. Ему охотно выплатили деньги, и он вернулся в Сибирь не с одной тысячей рублей в кармане, которые он разделил со своими сообщниками. Бедному ссыльному предложили возглавить эти шахты, и убогая жизнь, которую он вел здесь, окончательно отдалили его от людей. Необходимо было зарабатывать на хлеб, но эти деньги едва ли покрывали его собственные расходы. Его послали в эти места за 18 месяцев до моего приезда, заверив, что золото здесь лежит в огромных количествах, но не было обнаружено ни единого

фунта руды. Вскоре после моего отъезда купцы из Сибири начали против него судебное дело, поскольку они по его приказу обеспечивали эту кампанию товарами. Это способствовало кредиту двух высокопоставленных особ из Сибири. Когда им стали известны все обстоятельства, дело приостановили, а его даже в ссылке вскоре лишили свободы. Какое-то время спустя мы встретились далеко от мнимых золотых рудников в Восточной Сибири, и я, к счастью, мог отблагодарить его за гостеприимство. С этим джентльменом, который ведет здесь уединенную жизнь, я провел день и ночь; его единственный сосед жил на другом золотом руднике в 35 верстах от него. Казачий пикет находится в 3-х верстах от его дома, но там нет офицеров, только 8 казаков.

Барымта. Он рассказал мне о нескольких ужасных «барымтах», которые буквально недавно произошли по соседству с ним. В степи постоянно создавались многочисленные банды грабителей, которые занимались разбоем с невероятной наглостью и дерзостью. За два месяца до моего приезда в одной из долин на востоке около Иртыша проживало племя киргизов. Однажды несколько человек, пасших лошадей на приличном расстоянии от аула, заметили, что какие-то всадники производят разведку местности с одного из высоких хребтов. Это вызвало их подозрение, и они погнались на лошадей по направлению к своей стоянке еще рано вечером и сообщили о виденном своим соплеменникам. Вождь собрал совет, на котором решили ночью установить бдительное наблюдение и сделать соответствующие приготовления для защиты своих жилищ. В том направлении, где были замечены подозрительные люди, отправили разведчиков, но они вернулись, ничего не заметив. Ночь была темная, и каждый, кто дорожил своим имуществом, зорко его охранял. Где-то за полночь собаки стали беспокоиться, все чаще слышался их лай, но это отнесли за счет волков, т.к. люди не слышали ни звука, даже прикладывая ухо к земле. Собачий лай усилился, люди все внимательнее вглядывались по сторонам. Вскоре послышался отдаленный конский топот, он медленно приближался издали, но в темноте ничего не было видно. Наконец, лай собак стал таким яростным, что поднялись все жители аула, стало очевидно, что им грозит опасность.

Ночная атака. Едва различимые в темноте фигуры приближались к аулу, киргизы, вооруженные боевыми топорами, вскочили на лошадей, готовые защитить свои жилища и имущество. Но едва они успели приготовиться, как бандиты ворвались в аул. Противники бились отчаянно и несколько человек с

каждой стороны были убиты. В самый разгар битвы раздались пронзительные крики женщин и детей: часть бандитов незаметно приблизилась с другой стороны и увела лошадей и верблюдов. Когда наступил день, стало очевидно, что маленькая община разорена, четыре человека убиты, две женщины и трое детей захвачены разбойниками, которые увели 300 лошадей и 42 верблюда, несколько мужчин и две женщины были ранены. Но не всем грабителям удалось скрыться, пятеро из них остались на поле боя — трое убиты, а двое серьезно ранены, но и они умерли на следующий день. Предположительно, аул подвергся нападению шайки численностью в 50 человек. Людям, живущим в степи, приходится вести бесконечную борьбу с разбойниками, которые часто значительно превосходят их в числе.

Вечером налетел сильный порыв ветра, который раскачивал жилища до основания и завывал как будто бы зимой, которая, как я боялся, могла наступить так быстро, что не успеешь и глазом моргнуть.

В 7 часов утра я покинул своего гостеприимного хозяина. Более чем на 40 верст дорога не представляла никакого интереса для описания: круглые холмы, поросшие мелкой травой, кое-где в лощинах росли чахлые березки. Затем мы поднялись на небольшую горную грядку, которая тянулась по направлению к Нор-Зайсану. Одна вершина имела весьма необычную форму, напоминающую голову монаха с бритой макушкой, скалы, стоящие торчком по сторонам, были похожи на седые пучки волос. Она поднималась выше других гор этой цепи и была видна в степи на большом расстоянии и называлась Колмак-Тологуй. У киргизов есть связанная с ней любопытная легенда. Когда мы добрались до гребня этой горы, через которую проходил наш путь, перед нами раскинулась бескрайняя степь. Вид был завораживающий. Небольшая цепь высоких гранитных скал протянулась на запад; на юге простиралась одна бесконечная равнина: ни города, ни других объектов, по которым можно было определить ее масштабы. Я зарисовал этот пейзаж, пока солнце быстро опускалось за западную сторону гряды, окрашивая небо в яркие золотисто-желтые тона. Розоватые горы, едва различимые в туманной дымке, отбрасывали свои тени далеко над равниной. Полоса темно-розового цвета проходила по степи, где маленькое озеро сверкало, словно отполированное золото, тогда как внизу степь уже скрылась во мраке. Каменные пучки волос и бритый затылок Тологуя окрасились в золотистые тона, а передний план, там, где я стоял, с его причудливо изломанными линиями скал цвета красноватого порфира и по-

было растительности. Проехав 2 часа, мы оказались достаточно близко, чтобы видеть, что не камыши, а степь охвачена огнем. Наш путь на много верст проходил вдоль предгорий невысоких поросших травой холмов, где наш проводник надеялся найти стоянку. Мы обнаружили это место, но киргизы оставили его за несколько дней до нас. Один из казаков разбавил пейзаж с видом на холм, проехав немного вдоль вершины; затем он вернулся и доложил, что видел одну юрту, и мы не найдем другой на расстоянии 30-40 верст. Повернув лошадей к холму, мы скоро добрались до вершины, рядом с которой находилась прекрасная старая гробница, гребни этих холмов усеяны ими, некоторые сохранились с глубокой древности. С этой высоты я увидел, что огонь быстро распространяется по степи. Как раз с наступлением сумерек мы добрались до юрты и в этом бедном жалком месте нашли грязную киргизскую женщину и четверых маленьких детей, трое из которых были очень больны. Она подкинула дров в огонь, мы вскипятили свой чай, я предложил чай ей и ее детям, которые лежали на войлоке, накрытые шкурами. Когда женщина поила их чаем, я обратил внимание, что они раздеты, на их маленьких тельцах не было никакой одежды. Трудно представить, в какой крайней нищете живут некоторые люди и, более всего, женщины. Единственным предметом одежды этой женщины, указывающей на ее пол, был кусок грязной хлопчатобумажной тряпки, наброшенной на голову в виде шапки. На ней была пара старых кожаных шимбар (широкие брюки), обувь с очень высокими задниками и старое пальто из овечьей шкуры с множеством прорех, сквозь которые было заметно, что, без всякого сомнения, под ним не было и намека на нижнее белье. Это бедное создание было оставлено с больными детьми, а аул ушел на свежие пастбища за много верст отсюда.

Большой пожар. Пока мы пили чай, я видел отблеск пожара в степи, который очень быстро продвигался вперед. Так как мы находились в получасе езды от старой гробницы на холме, я решил проехать туда, т.к. оттуда открывался обзор на всю территорию, охваченную огнем. Трое моих людей сопровождали меня; а когда мы добрались до нужного места — о, что за картина предстала перед нами! Огонь распространялся примерно верст на 10 на восток вдоль нашей дороги, охватывая в ширину, вероятно, 25-30 верст. Пламя бежало по земле, с невероятной скоростью слизывая длинную траву своим раздвоенным языком, создавая ужасное зарево. Мы больше часа лицезрели эту величественную и ужасную картину, затем вернулись в свое жилище. Я долго сидел в юрте, наблюдая, как женщина подбра-

сывала в огонь сухие ветки и верблюжий навоз; ее можно было принять за ведьму, раздувающую огонь для какого-то нечестивого обряда. Место было необычное и грязное, но я закутался в свою накидку и крепко заснул.

Рано утром мы были готовы в дорогу, женщина тоже приготовилась в путь. Я дал ей чай и сахар, дети пили его с огромным удовольствием. Их должны были укутать в войлок и посадить на спину верблюда. Мы отправились на юг по невысоким холмам, и с вершины одного из них перед нами, насколько мог видеть глаз, открывался вид на степь. Огонь продвинулся еще на 15-20 верст, и продолжал страшно бушевать. Несколько часов мы ехали по густой мелкой траве, которая, должно быть, какую-то часть лета являлась прекрасным пастбищем для лошадей и домашнего скота. Незадолго до обеда мы прибыли в большой аул. В это время люди вытаскивали воду из колодца глубиной футов 10, чтобы напоить свои стада и отары овец. Первыми в огромных количествах приближались козы и овцы. Было довольно интересно наблюдать как они поочередно группами в 50-60 голов подходили к поилке, толкая друг друга, чтобы добраться до длинного деревянного корыта; одновременно пили штук 20, а затем они отходили в другую сторону. Одна группа сменяла другую, пили и мелкой рысцей отбегали, не создавая никакой толчеи. Когда овцы закончили пить, фыркая и лягаясь, пошли лошади, но люди сразу отводили в сторону каждого упрянца и наказывали его, не разрешая пить до тех пор, пока не напьются все. Я видел нескольких, подвергшихся такому воспитательному приему. Верблюдов поили на некотором расстоянии от других, они не подходили к колодцу. Люди были раздеты, на них не было ничего, кроме их чимбар и обуви; как же атлетически прекрасно они были сложены!

Киргизский банкет. Почти сразу же после нашего прибытия в аул забили овцу. Два киргиза сели разделывать ее, и через невероятно короткое время она была порезана на куски; их сложили в большой железный котел с деревянной крышкой, его поставили на разведенный на земле огонь. Один мальчик постоянно подкладывал маленькие комочки шерсти под железную посудину для поддержания сильного пламени. Мужчины, которые разделывали овцу, стояли у кипящего котла; у каждого был деревянный черпак, и время от времени они поднимали крышку и снимали пену с кипящего бульона. Казаки обедали вместе с киргизами, я отказался, увидев, что в кастрюлю положили внутренности, кишки, которые были едва обработаны. Поэтому я попросил только чай, который, я уверен, был чист. Я даже не входил в юрту во время обеда. Закончив с трапезой, мы отправи-

лись в Нор-Зайсан и вскоре подошли к зарослям камыша выше человеческого роста, растущего на песчаной равнине, но воды поблизости не было видно. Без сомнения, это место временами покрывалось водой, поскольку восточный ветер доносил запах озера, расположенного в 10-15 милях отсюда. Далее мы проезжали по песчаной равнине через и между зарослями камышей, не проявляя интереса к чему-нибудь. Наконец, поздним вечером мы прибыли в другой аул, подходя к юрте, я заметил озеро через небольшой проем в камышах. 50 шагов, и я на берегу, велико же было мое разочарование. Я не видел ничего, кроме камышей, образующих границу озера и полосу песчаного берега не более одного фута. Не было ни одного каноэ, в котором можно было выйти в открытое озеро. Я проехал на лошади 5 или 6 верст вдоль берега через заросли высокой травы, часто заставляя свою лошадь войти в воду почти по седло, но ничего, чтобы привлекало мое внимание в озере, не увидел.

Богатые киргизы. Во время своей поездки я обнаружил много мест со следами пребывания диких кабанов, где они роют рылом и лежат, но я не видел ни одного, тем не менее, их здесь большое количество, особенно их много на западном берегу. Прогулявшись, я вернулся в аул крайне разочарованным. Моим пристанищем служила юрта вождя; в ней были постелены ковры, чай подавали в китайских чашках с «кишмишем» (мелкий сушеный виноград) и сухими абрикосами — самая восхитительная еда вечером. Киргизы этого аула богаты; у вождя более 3000 лошадей, около 300 верблюдов и множество быков и овец. Мой хозяин был весьма невысокого роста, очень обходительный человек, одетый в черный бархатный халат с малиновым платком вокруг пояса, с красиво расшитой шапкой на голове и в паре маленьких красных кожаных туфель с высокой пяткой на ногах. На его жене был шелковый халат в желтую, красную и зеленую полоску, придававший ей весьма нарядный вид. Белый ситцевый платок, надетый в форме шапочки, нависал на плечи, зеленый платок вокруг талии, и красные туфли на ногах. У них было четверо детей, которые бегали голышом. В этом ауле насчитывалось 18 юрт, его население было многочисленным, я это заметил, когда они все вышли посмотреть на незнакомцев. Вечером закололи еще одну овцу и приготовили так же, как и днем. Поскольку казаки сварили немного мяса отдельно для меня, то оно было чисто приготовлено. Когда мясо было готово, весь аул собрался на пир — мужчины, женщины, дети, включая даже собак. По каким-то причинам овца была съедена не в юрте вождя, они все собрались чуть дальше, в другой, оставив меня в одиночестве в его жилище. Я подумал,

что они могли стесняться меня, а мне не хотелось обременять их, и я в тишине и одиночестве съел свой ужин.

Кара-Тас. Мой хозяин сообщил мне, что от его аула всего 2 часа езды до Иртыша. Я подумал, что с того места мог бы получить более обзорный вид, и решил проехать туда. Мы отправились сразу после завтрака, более часа пробираясь сквозь камыши в надежде найти дикого кабана, но безуспешно. Мы продолжали ехать по степи, иногда по участкам, поросшим роскошной травой, иногда по песку и гравию. Уровень воды находится чуть ниже уровня грунта, поэтому вода часто выходит из берегов и затапливает степь на многие мили. Часа через два с половиной мы добрались до Кара-Таса, или Черного камня, — казачьей рыболовецкой станции на Нор-Зайсане, недалеко от Иртыша. Невысокий остров протянулся с устья Иртыша на значительное расстояние в глубь озера и покрыт очень высоким камышом и мелким кустарником. Вдоль берега перед рыболовецким бараком примерно на 400 ярдов протянулись галька и песок. Ветер сдувал песок в холмики и формировал небольшие горки, уходящие далеко в степь.

Ночная поездка. И хотя я был разочарован этим визитом, я почувствовал огромное желание обследовать местность восточнее Нор-Зайсана. Я видел неясные очертания гор, но очень далеко; кроме того, мне посоветовали проследовать по Иртышу до его истоков. Эта река является основным источником, питающим Нор-Зайсан, и единственной рекой, вытекающей из него.

Было слишком поздно, чтобы посетить Черный Иртыш в этом году, а кроме того, отсюда это невозможно было осуществить. При этих обстоятельствах, желая без промедления направить свои стопы в Кок-букту, мы повернули обратно в Клии, аул моего хозяина, и, выпив чаю, тронулись в обратный путь. Он отправил своего киргиза сопровождать меня до следующего аула, находившегося, предположительно, в 30 верстах в западном направлении. Без сомнения, мы выглядели как банда диких разбойников, состоящая из 19 человек и 27 лошадей. Поскольку быстро приближалась ночь, а аул был еще далеко, мой новый эскорт понесся галопом, и в таком темпе мы около часа мчались по степи, кое-где каменистой, пока не стало совсем темно. После чего мы сбавили скорость; мы не знали, когда, наконец, доберемся до стоянки. Два или три киргиза выехали вперед по разные стороны нашей дороги в надежде увидеть свет или что-нибудь еще, что могло бы вывести нас к юрте. Проехав более часа в этом направлении, человек, находившийся по правую сторону дороги, сказал, что аул недалеко

в этом направлении. Он поскакал вернуть парня, ехавшего по левую сторону, и мы повернули по направлению к аулу, пересекая холмистую местность. Вскоре, подъезжая к юртам, мы были встречены лаем и рычанием множества собак. Было около 3 часов. Киргизская юрта никогда не освещается ночью, за исключением небольшого огня, разжигаемого на середине, который дает только красноватые отблески, поскольку верблюжий навоз не горит ярким пламенем. Несколько минут было достаточно, чтобы расстелить ковры и приготовиться ко сну.

Песни. Мы покинули эту стоянку вскоре после рассвета и менее чем через час выехали на нашу старую дорогу и ехали весь день. С наступлением сумерек въехали в Кок-Букту, мой хозяин был рад моему возвращению в целости и сохранности. Вскоре был накрыт стол с чаем и множеством вкусных блюд, что после долгой дороги было как нельзя кстати. Несколько казачьих офицеров пришли провести с нами вечер, они принесли водку и другие напитки. Мои друзья пели русские песни, а я попытался спеть несколько английских. Таким образом, мы провели приятный вечер на границах империи Его Поднебесного Величества.

Далеко за полночь на седьмой день после того, как я покинул моего друга на золотом руднике, его собаки заметили мое возвращение. Я был с радостью принят, и мы провели несколько часов, мило беседуя в его крошечной комнатке. Он подарил мне одну из своих великолепных собак, которая всегда была мне верным другом и превосходным охранником во время моего пребывания в Китайской Татарии.

Глава XVI.

СРЕДИ КИРГИЗОВ

Сегодня, в субботу 9 октября по новому стилю, произошло солнечное затмение, которое началось без 8 минут 12 и закончилось в 6 минут пятого. Я наблюдал за ним с большим интересом: мы как раз проезжали по степи и знали, что оно будет видно в Европе. Местность была не особенно интересной: низкие холмы, протянувшиеся по степи, многочисленные маленькие долины, в каждой из которых, как мне рассказывали мои спутники, можно было найти золото. Мы проехали мимо огромных стай диких индеек, но к ним невозможно приблизиться даже на расстояние ружейного выстрела. Наступила ночь, а мы все еще были далеко от рудника. Примерно часа через два мы

заметили свет и вскоре подъехали к небольшому дому. Супруга моего хозяина приняла меня очень любезно, она оказалась очень приятным собеседником. И хозяин, и хозяйка делали все, чтобы я чувствовал себя как дома, и, что мне было особенно приятно, я мог говорить с ними по-немецки без переводчика. Мы роскошно поужинали, затем я лег спать в уютной и теплой комнате.

Утром в воскресенье был такой густой туман, что ничего не было видно на расстоянии 10 шагов, на улице невозможно было заниматься чем-либо, даже мытье золота было остановлено. Все утро я провел в приятном общении с бароном и его доктором, интеллигентным человеком, от которого я получил много информации о местности. Он был офицером медицинской службы в одной из казачьих крепостей в Малой орде киргизов. Разговор с этими джентльменами убедил меня путешествовать по разным ордам степи.

Киргизский разбойник. Барон проинформировал меня о том, что киргизы, населяющие степь вокруг этой местности и к западу, большей частью разбойники. Они бесконечно занимаются барымтой, и буквально 8 дней назад они ограбили двух казаков, которые везли сумки с письмами и 700 рублей золотом и серебром, — немного больше 100 фунтов, — забрав их оружие и все, что у них было. Это произошло днем, неподалеку, в горном ущелье. Казаков мгновенно окружили 15 киргизов, один из казаков выстрелил из пистолета, но бесполезно, их тотчас же связали. У двух человек не было шансов против шайки бандитов. Пока мы сидели за обедом, прибыли 5 казаков; они привезли с собой одного разбойника из банды, которого они поймали. Это был сильный дерзкого вида негодяй, который, вероятно, ни перед чем не остановится в своих грабительских вылазках. Когда ему сказали, что его узнал ограбленный, он ответил, что он больше не будет этим заниматься, но все слышавшие и видевшие его поняли, что это далеко не так.

Опять был дождливый день с холодным пронизывающим ветром, который дул прямо с северо-востока, со степных вершин Алтая, казалось, что еще один день придется провести в доме. Но после обеда погода прояснилась, и я сделал набросок золотого рудника. Мой хозяин подарил мне еще одну собаку, киргизскую, одной из самых лучших пород в степи; за нее было отдано две лошади, ее зовут по-киргизски «Митабан» («пружинающий шаг»). Другую мою собаку зовут «Ятиер» («тот, кто может ловить»). Они — прекрасная пара. Я уверяю вас, что Митабан за это лето загнал и поймал не менее 13 лис.

Киргизские золотоискатели. Сегодня землю сильно под-

морозило, а это свидетельство того, что зима уже близко. После завтрака я зарисовал долину в 2-х верстах от рудника. Это была очень оживленная деловая сцена: золотодобыча на этот год была завершена, и людей рассчитывали, большую часть их составляли киргизы. Их юрты размещались в долине, повсюду, где только могла подсказать их фантазия, некоторые — в укромных теплых уголках среди скал, другие — на склонах, поросших травой, а некоторые — даже на холмах. Лошади и верблюды стояли небольшими группами, люди занимались упаковкой багажа и сбором скота, женщины разбирали свои войлочные жилища. Меньше, чем через час, все имущество было погружено на верблюдов, и женщины оседлали и повели своих терпеливых горбатых спутников. Мужчины спрятали свои тяжким трудом заработанные деньги в пояса, туго перетягивавшие талии; проверили острое лезвие своих боевых топоров, надели плети на запястья, вскочили на коней и поехали. Кто-то, издав громкий пронзительный крик, пустил своих коней галопом, угрожающе размахивая боевыми топорами, предупреждая бандитов, которые, по их мнению, могли скрываться в засаде, чтобы ограбить их и забрать все, что у них есть. Многим, помимо заработанных денег, удалось увезти с собой немного золота. В этом случае их предосторожность была крайне необходима, так как хорошо известно, что большие банды грабителей охотились на них. Их набралось 83 человека, и, тем не менее, им могли встретиться банды в три раза больше.

Этим вечером была ужасная буря с дождем и снегом: в двадцати шагах ничего не было видно.

Дикие козлы. За ночью с бурей и снегом последовало прекрасное спокойное утро, что вдохновило меня предпринять поездку с целью порисовать немного. Долина Исилксу, как мне говорили, очень красивая, и я уже собирался отправиться туда, когда барон приказал оседлать двух прекрасных лошадей, а киргизу сопровождать меня до места, расположенного примерно в двух часах езды. Мы выехали с рудника еще до 9 часов, направляясь на северо-запад по невысоким холмам, часто проезжая мимо больших скоплений кварца. Где-то через версту на западе показались скалистые пики, мой сопровождающий указал на стадо диких козлов, пасущихся среди скал. Мы подъехали ближе, где я надеялся, укрывшись за скалами, подойти незаметно и выстрелить. Я слез с лошади, потихоньку пробираясь со скалы на скалу, наконец, к своему удовольствию, почти подобрался к ним. Я видел их с утеса, они стояли в полумверсте от меня, а долина Исилксу находилась прямо подо мной. Эти скалы имеют неровные изрезанные стороны: в одних местах

— обрывы 500-600 футов высотой, в других — лощины, овраги и небольшие ущелья, уходящие вверх в горы, на которых мы стояли. Долина была около 2-х верст в ширину, река Исилксу протекала посередине, петляя и извиваясь, подобно кольцам какой-то огромной змеи.

На противоположной стороне темной массой возвышались скалы, но гораздо более высокие и живописные. Я сел на лошадь и поехал в поисках ущелья, по которому мы могли бы спуститься к реке. Наконец, мы обнаружили тропу, протоптанную козлами и другими животными, спускавшимся на водопад. Я повернул вниз по ущелью, но этому воспротивился киргиз и остановил мою лошадь. Решив, что он считает невозможным добраться до долины этой дорогой, хотя тропинка казалась удобной для спуска, я продолжил свой путь без особых трудностей, громко сообщив об этом человеку. Подойдя внизу к труднопроходимому месту, я слез с лошади, и мне пришлось вести ее вдоль очень каменистой тропинки через ущелье. Как раз в этот момент появился киргиз и что-то прокричал, как я полагал, призывая меня вернуться. Я не видел никаких препятствий и продолжал свой путь. Добравшись до дна ущелья и оглянувшись, я заметил, что киргиз медленно спускается. Долина была прекрасна, но она была еще прекраснее с противоположной стороны. Это заставило меня двигаться дальше, я проехал по густому травянистому дерну, и, пересекая долину, направился к реке. Человек несся ко мне галопом, крича что-то по-киргизски, что — я не понял. Я пустил лошадь быстрой рысцой и вскоре добрался до реки, которая с дикой скоростью несла свои воды по каменистому руслу, но была неглубокой, не более 50 ярдов шириной. Мы переправились через нее, и вскоре добрались до обрыва, расщепленного на отдельные в высшей степени живописные утесы с едва заметной растительностью. Они были темно-бордово-фиолетового цвета, почти черные; некоторые состояли из базальтовых пород, в других местах просматривались толстые прожилки кварца, рассекающие их.

Потрясающий вид. Я повернул на восток и поехал к киргизским захоронениям, откуда открывался отличный вид на долину, который я зарисовал. Это было одно из самое романтических и прекрасных мест, и я глубоко сожалел, что поздний сезон не дает мне возможности провести несколько дней среди этих живописных пейзажей. Что бы ни было объектом внимания киргиза, теперь он сидел тихо и наблюдал за моей работой с явным интересом. И только когда я вновь двинулся в путь вниз по реке, он снова стал возражать, указывая на другую сторону долины, очевидно, чтобы сказать, что там вид лучше. Недале-

ко на востоке я заметил несколько грандиозных групп скал и, направившись к ним, заметил восхитительный вид. Огромные глыбы темного базальта на тысячи футов поднимались над долиной. Я слез с лошади и взобрался на величественно красивые скалы красной яшмы, поднимающиеся на 50-60 футов вверх. Добравшись до вершины, я посмотрел вниз. Это было похоже на кратер, в середине которого возвышалась эта колоссальная масса базальта. Вся панорама имела черный и ужасный вид, и, казалось, что какая-то неведомая гигантская сила породила это жуткое место.

Подозрительные незнакомцы. Пока я рисовал этот пейзаж, киргиз подошел ко мне и указал на двух всадников, быстро скачущих по долине в полуверсте от нас, словно намереваясь пересечь реку в 2-3 верстах выше нас, так как они ехали прямо по направлению к большой излучине. Мы с нашими лошадьми находились достаточно высоко, и они, должно быть, видели нас. Человек снова начал что-то говорить, указывая на нижнюю часть долины, явно желая покинуть это место. Теперь я уловил слово «барымта» и сразу все понял. Он все это время был против спуска в долину, опасаясь, что мы могли встретиться с флибустьерами, которые бродили где-то недалеко.

Я взглянул на двух человек, которые на дикой скорости неслись к реке, затем оставил киргиза наблюдать за ними, а сам продолжал свой рисунок. Где-то через четверть часа он коснулся моего плеча и показал в сторону долины: они в этот момент пересекали реку, затем взобрались на противоположный берег и повернули лошадей, обернувшись на нас. Постояв несколько минут, они снова помчались галопом и исчезли за скалами. Мой рисунок был завершен и вещи сложены, когда мы были крайне удивлены раскатами грома, из чего следовало, что где-то далеко собирается гроза, но с нашего места ничто не предвещало бури — небо было чистым и ясным. Киргиз повел наших лошадей вниз, но не добравшись до подножья холмов, остановился и указал на стоящего на камнях человека, там, где мы в последний раз видели двух всадников. Не было никаких сомнений, что он наблюдал за нашим передвижением. Проверив подпруги своих сёдел, мы отправились по долине на юг к большому ущелью, я тем временем посматривал в противоположную сторону.

Было что-то настораживающее в этих людях, и мой человек бдительно следил за долиной.

Погоня. Я думал, что он ожидает, что бандиты поедут нам наперерез, пока мы доберемся до золотого рудника. Но это было лишь предположение. Нам пришлось проскакать какое-

то расстояние до реки прежде, чем мы смогли спуститься к берегу и найти место пригодное для переправы вброд. Наконец, проехав почти версту, мы подъехали к месту, где сегодня утром проходило много лошадей. Поскольку следы были довольно свежими, мы были уверены, что их оставили после дождя, это, вне всякого сомнения, доказывало, что в долине повсюду много людей. Мой спутник немного растерялся, какой выбрать путь. Он следовал по тропе, пока мы не обнаружили, что следы вели по долине прямо туда, где скрылись те двое.

Проехав немного, мы натолкнулись на следы двух людей, которые вели из того ущелья, куда мы как раз и направлялись. Киргиз внезапно остановился, пристально всматриваясь в долину, и указал на место выше по реке на расстоянии 4-5 верст от нас, где мы отчетливо увидели трех человек, гнавших табун лошадей к высокому обрыву, проходившему по краю долины. Мы поймали взгляд человека, который все еще стоял на камнях и наблюдал за нами. Все это выглядело подозрительно, а лошади, которых мы видели, были также совсем рядом с нашими друзьями на золотом руднике, как и наши.

Теперь мы помчались галопом к перевалу, не зная, сможем ли мы подняться по нему. Я не чувствовал страха. Надо было спешить, и мои мысли были заняты этим, поскольку бандиты были, по всей вероятности, дальше, где-то в долине. Для нас было огромным счастьем то, что я свернул вниз, чтобы зарисовать пейзаж; поднимись я вверх, мы бы угодили в их логово и у нас не было бы шанса уйти от них. Я взял в руки ружье, а киргиз свой нож, но это вряд ли помогло нам в обстоятельствах, когда перевес был не в наше пользу. Прежде чем добраться до перевала, мы остановились на небольшом возвышении, осмотреться и обследовать долину, когда увидели 7 человек: 4 переходили реку, 3 следовали вниз к берегу. Киргиз что-то сказал и плюнул в их сторону, и я понял, что мы должны как можно быстрее уносить ноги. Я проверил ружье, вставил новый ниппель в капсюль и обнаружил, что оставил пороховницу на столе на руднике. Заряд в ружье, это все, что у меня было, и это я решил припасти для главаря банды.

Киргизские бандиты. Мы увидели, что наши подозрительные знакомые скачут вверх по берегу, когда они остановились, глядя на нас. Несомненно, за нами наблюдали, ибо как только мы двинулись в путь, они сделали то же самое. Через 10 минут мы были уже в ущелье и нашли тропу, чрезвычайно крутую в некоторых местах. Соскочив с лошадей, мы повели их настолько быстро, насколько они могли идти. Чуть менее чем через полчаса мы с лошадьми были на вершине, где они мог-

ли чуть передохнуть. Затем вскочили на них, покрыли рысью небольшое расстояние, киргиз пустил свою лошадь галопом, я последовал за ним, и вскоре мы уже неслись в сторону рудника. Еще мгновение, и мы уже на гребне первого холма, оттуда мы могли видеть место, откуда спустились в долину, никого не было видно. Ждать этих грабителей было бы безрассудством, поэтому мы ринулись вперед по холмистой степи ко второму хребту, с которого менее чем через час мы могли добраться до рудника.

Теперь мы снова остановились, чтобы оглядеть местность вокруг, когда вдруг заметили двух человек, подъезжавших к первому хребту, очевидно, высматривая нас, но они были по крайней мере в трех верстах от нас, к ним тут же присоединились еще трое. В этот момент мы проезжали через высокий курган, и они прекрасно видели нас наверху. Наши лошади не были загнаны, и я почувствовал огромное желание, чтобы главарь этой банды оказался на расстоянии выстрела от меня. Несколько минут мы стояли, глядя друг на друга, затем мы повернули своих лошадей, пустились галопом вниз по холму и добрались до своих друзей на руднике, не заметив больше никого из бандитов, которые, без сомнения, надеялись поймать нас.

Приготовления к бою. Я рассказал своему хозяину, где мы были, и он пришел в ужас, воскликнув: «Знал бы я, что вы спустились в долину Исилку, я бы считал вас погибшим, так как это одно из тех ущелий, где ограбили казаков!» Затем я рассказал ему все, что произошло со мной и моим спутником. Мой друг сказал, что бедняга знал, что это скверное место, и мы очень рисковали, кроме того, он получил инструкции быть осторожными. Я признался, что это моя вина, так как я заставил его следовать за собой в долину, а он честно ехал за мной позади. За ним послали, и он дал абсолютно искренний отчет обо всех обстоятельствах дела, сказав, что сделал все, что мог, чтобы прикрывать меня. Он дал барону и другую информацию, которая, как я заметил, взволновала его. Вечером мне все разъяснили. Дело в том, что мы должны были выехать с рудника на следующее утро, и вместе с нами должны были отправить все золото, добытое в течение лета. Наш путь проходил через долину Исилксу немного дальше вниз, и наш киргиз предполагал, что бандиты, вероятно, ждали случая завладеть сокровищем.

В течение вечера доктор чистил собственное оружие и оружие барона, состоявшее из двух дуствольных ружей и двух пистолетов; последние он зарядил двадцатью маленькими ружейными патронами в каждый ствол. Так как мое пребывание здесь могло принести какую-то пользу моему доброму хозяину,

имевшему 7 стволов в своем распоряжении, я последовал примеру доктора и принялся за работу, почистив все свое оружие, привел его в отличное боевое состояние. Вместе мы проверили 15 стволов, мы должны были оказаться довольно внушительной силой, тем более, что нападение должно было иметь место в дневное время, если оно произойдет по дороге. Но оба моих друга опасались, что грабители могли бы нанести нам визит и ночью, поэтому все собаки были спущены с привязи, чтобы охранять дом. Эти киргизские собаки чрезвычайно чуткие и сразу бы заметили их приближение. После ужина мы до позднего часа сидели и разговаривали. Барон и доктор рассказывали много историй об ограблениях экспедиций этими дикими киргизами.

Долина разбойников. Задолго до рассвета началась буря, от которой качалось наше небольшое деревянное строение, а когда я встал, то увидел, что мы обречены еще один день просидеть дома. Ибо завывал ветер, и шел такой сильный дождь с мокрым снегом, что ехать было невозможно. Такая погода продолжалась почти целый день и продержала нас дома. Ночью она снова ухудшилась, но на следующее утро было уже значительно лучше, и мы все начали активно готовиться к путешествию. План был такой: барон, его жена, дочь и золото должны находиться на одной телеге, двое детей и прислуга — на другой, доктор и я — на третьей, и в каждой — по три лошади. У нас было 6 человек на лошадях и 3 кучера. Порядок следования был такой: два человека на лошадях немного впереди, затем я и доктор, за нами следует барон с семьей, затем дети с женщиной, и четыре всадника заключали нашу группу.

Мы отправились на хорошей скорости в сторону разбойничьей долины и, примерно, часа через полтора были у входа в ущелье, внизу которого мы должны были спускаться: здесь было узкое и каменистое место — отличное место для нападения. Мы откинули ковер, сброшенный на нас и наше оружие, мои пистолеты лежали на коленях, а ружье по правую сторону. У доктора пистолеты лежали на коленях, ружье — в руках; я тоже держал свое ружье наготове. Спускаться приходилось очень медленно, мы прибыли в долину, не видно было ни людей, ни животных. Теперь под нами была твердая почва, и нас не могли застигнуть врасплох. Мы пересекли долину, перешли вброд реку и начали подъем в то самое ущелье, в котором в последнее время происходили ограбления.

Дамы и сопровождающие их женщины испугались как только мы вошли в проход между темными базальтовыми утесами, среди которых могли прятаться сотни человек, а барон начал

тревожиться в отношении своего золота. Доктор тоже имел при себе ценные вещи, у меня, однако, было мало чего ценного, но я совсем не хотел стать рабом. Ущелье было крутым с неровной поверхностью, что затрудняло наше продвижение. За каждым поворотом скал мы ожидали увидеть шапки этих бродяг, но никто не появился, и мы благополучно добрались до верха. Теперь мы ехали по открытой холмистой местности — ни деревца, ни куста. Прожилки кварца пробегали по горам абсолютно прямыми линиями, протянувшись на несколько верст, некоторые были фута 2 в ширину, другие более 3 футов толщиной. В каждом маленьком ущелье и маленькой долине можно было обнаружить золото, но в основном оно встречалось в незначительных количествах, что не было смысла начинать работы по его добыче.

Цепь гранитных скал. Гранитная гряда, через которую мы проезжали, в некоторых местах состоит из нагромождения голых скал, абсолютно лишенных растительности, за исключением мха. Кое-где в скалах встречались необычно глубокие ложбины, часть из них заполнена водой, другие — совсем сухие, а некоторые наполнены крупными камнями, точно такими, как валуны, обнаруженные в горных потоках. По мере приближения к вершине, их хребты становились все более неровными, изломанными на многочисленные утесы, часто принимающими формы прекрасных древних руин с парапетными стенками, с бойницами и осадными башнями гигантских размеров. Спускаясь на север, мы пересекли высохшее русло громадной реки, покрытое большими и маленькими каменными глыбами, круглыми под длительным воздействием воды. В ее настоящем состоянии никакой объем воды не может скопиться в ней. Когда-то это было русло реки, находившееся гораздо выше, т.е. тогда, когда эта горная гряда возвышалась над степью. По одну сторону от этого канала совершенно отвесно уходит вверх футов на 600-800 гранитный обрыв. При продвижении еще ниже в направлении степи становится заметно, что ландшафт изменился, среди скал тянулись поросшие травой склоны и небольшие горные речки, стремительно несущиеся вниз, прокладывая свои довольно глубокие русла. Временами вода похожа на водяной пар во время легкого ветерка, и сквозь нее были видны все скалы и те причудливые формы, которые они образуют. Затем она снова несется дальше, бурля и вспениваясь, перескакивая со скалы на скалу, в других местах она совсем исчезает в скалах, окружающих ее со всех сторон, потом она вырывается из проема между ними и устремляется в большой гранитный бассейн, расположенный на 50-60 футов ниже. Оттуда она вырывается мощным

кипящим потоком и теряется под горами упавшего гранита на дне маленького узкого ущелья. До сих пор горы на Иртыше и вдали на Алтае были окутаны облаками, но как раз в тот момент, когда мы подъехали к подножью гранитной гряды, туман начал постепенно подниматься над степью, сначала открывая озеро в долине верстах в 6 от нас.

Гигантский сфинкс. Как только он поднялся еще выше, перед нами возникла маленькая гранитная гряда удивительных и причудливых форм, подобно той, через которую мы только что проехали. На противоположном берегу озера возвышалась гора гранита, которая с этого расстояния была похожа на громадного Сфинкса — не менее 300 футов высотой. Как только туманный занавес поднялся вверх перед нами представили другие горные образования, те, что находились на Иртыше, за ними ниже — горная цепь. Облака поднимались еще выше, открыв, наконец, снежные хребты и высокие вершины Алтая, стоявшие перед нами во всем своем великолепии. С этого места, бесспорно, открывается самый прекрасный вид на Алтай. Бескрайняя степь, усеянная небольшими озерами, невысокая гранитная гряда, резко поднимающаяся над равниной, круглая по своей форме и яркая по своим краскам самых прекрасных и фантастических тонов. По мере их удаления они теряются в голубоватой дымке, в то время как вверху видны снежные вершины и сверкающие на солнце ледники Алтая.

Обед в степи. Мы добрались до степи, где планировалась остановка нашей партии, пока я с 3-4 мужчинами отправлюсь на Монастырские горы, расположенные примерно в 10 верстах от того места. Но барон опасался, что блуждающие банды грабителей рыщут по степи и с багажом золота благоразумнее будет продвигаться вперед как можно быстрее. Свежие лошади ждали нас. В укромном месте под скалами мы расстелили ковры, достали еду, вино, и русское бренди полилось рекой, а вскоре бы готов самовар, и мы выпили чай. На этом наша трапеза в далекой степи завершилась, трапеза, которой могли бы позавидовать многие, пикантности добавляла долгая тряска на телегах, а свежий горный воздух придавал особую прелесть.

Наш обед закончился, далее мы ехали на огромной скорости по ровной травянистой степной дороге; до наступления темноты нам предстояло пересечь небольшую горную гряду. Ночь, однако, застала нас прежде, чем мы добрались до нее, и нам пришлось ехать медленнее, что было весьма утомительно. Вскоре стало так темно, что ничего не было видно в шагах десяти. Наконец мы проехали вершину и начали спускаться, почти через час езды вдали показались огни Усть-Каменогорска.

Когда мы прибыли на берег Иртыша, лодочники отказались нас перевозить, т.к. ночь была слишком темной и ветреной. К счастью, за полчаса до этого мы проезжали киргизский аул. Поэтому мы вернулись назад и получили приют в их временных юртах, которые никогда не бывают ни теплыми, ни чистыми, ни удобными. Однако мы устроились лучшим образом и спали всю ночь.

Казаки. Как только рассвело, я со своими двумя людьми отправился на реку подготовить лодки. Дул штормовой ветер, который чрезвычайно мешал переправе. Остальные прибыли на телегах. Барон с дамами расположился в большом каноэ, в другое сел я с детьми и доктор с двумя женщинами. Мы благополучно переправились через реку и прибыли в комфортабельное жилище, все страшно замерзшие и ужасно голодные. Вскоре ветер усилился и полил сильный дождь, который не прекращался в течение последующих двух дней, продержав меня в помещении, как пленника. В воскресенье небо прояснилось, и все предвещало прекрасную погоду. Полковник, командовавший здесь, предоставил в мое распоряжение эскорт из 3-х казаков. Они вместе с моими сибирскими казаками, слугой и мною составляли группу из 6 хорошо вооруженных людей. В час я попрощался с бароном и его семьей, которые пожелали мне благополучного возвращения из этого бандитского региона.

Дул сильный ветер, из-за которого мы целый час переплывали Иртыш. Мы высадились на киргизской стороне. Там я обнаружил свой эскорт, трех лошадей, доставленных туда перед нами, а также человека, который привел обратно животных из первого аула. Три казака, малые с военной выправкой, я уверен, были людьми, которые никогда не отступят ни при каких обстоятельствах. Немного замешкавшись, мы оседлали лошадей и поехали по степи к горам, на запад. Когда мы добрались до горной гряды, солнце уже быстро садилось. Мы обследовали степь в надежде обнаружить хоть какие-то признаки аула, где мы могли бы остановиться на ночь, но ничего не было видно, что могло бы свидетельствовать о присутствии человеческих существ в этой части равнины. Казаки были в растерянности: какой путь выбрать, куда направиться, в какую сторону. Мы были вынуждены медленно ехать вдоль крутых гор, время от времени посматривая по сторонам, когда один из казаков на юго-востоке на значительном расстоянии от нас заметил дымок. Хоть это было и далеко от нашей дороги, но другого выхода не было, и мы решили заночевать там.

Собачьи голоса. Пока мы добрались до равнины, солнце уже

село, быстро приближалась ночь, но дымок был еще виден, а я ориентировался по компасу. Теперь мы ехали, не обращая внимания на дорогу, не было ничего, что могло бы нас как-то воодушевить, а менее чем через час станет совсем темно. Один казак сказал, что нам следует ехать быстрее, иначе будет очень трудно найти аул, так как с наступлением темноты мы не сможем разглядеть дым или свет, указывающие на это место. Мы помчались во весь опор, проехав с полчаса, но дым был едва различим. Я сверил наш путь по компасу, и мы снова понеслись галопом через степь, покрытую дерном. Мы проехали какое-то время, когда мой слуга начал отставать, умоляя подождать его; наконец, он остался далеко позади нас, и мы тоже были вынуждены остановиться, иначе могли его потерять. Вокруг не было видно ни одного ориентира, а я с трудом мог рассмотреть что-либо на своем компасе. Отставший был уверен, что если бы мы его не подождали, он остался бы в степи и попал бы в руки одной из шаек, которые рыщут, чтобы ограбить любого, кто встретится на их пути; его это страшно напугало. Стало уже совсем темно, мы мчались галопом еще более получаса, когда один казак предложил остановиться. Мы так и поступили, прислушиваясь, в надежде услышать собачий лай.

Один из моих людей слез с лошади, прошел немного вперед, опустился на землю и прислушался, но ничего не услышал. Мы медленно проехали еще вперед, прислушиваясь к каждому звуку, когда казак призвал нас остановиться, и тогда мы отчетливо услышали лай собак где-то очень далеко слева от нас. Мы почувствовали облегчение, ибо было уже недалеко. Повернувшись в нужном направлении, мы поехали на ободряющий нас звук их голосов. Только усталый путник, часами блуждающий ночью по степям в кромешной тьме, может оценить эти собачьи голоса, для него они нежнее соловьиной песни.

Киргизский аул. Наконец, они совсем прекратили лаять. Какое-то время мы ехали, не слыша ничего, что бы вело нас. Тогда один казак остановился и отправил двух других вперед, остальные тихо ждали. Примерно через четверть часа они вернулись, обнаружив берег озера, но ничего не найдя. Это было скверно, и тогда мы решили повернуть немного правее. Проехав в этом направлении небольшое расстояние, мы снова услышали собак, уже более отчетливо, очевидно, прямо перед нами. Два человека поехали вперед на звук, тут же раздался лай, мы рванули вперед и через несколько минут добрались до большого аула. Казаки отыскали старшину и устроили меня в его юрте. Буквально через несколько минут был готов плиточный чай для моих спутников и копченая конина для меня. Я отказался

от нее, не рискуя есть, считая ее грубой едой, и довольствовался чаем, который пил с величайшим удовольствием после холодной и утомительной поездки.

Мы вызвали ужасный переполох, приехав в аул в такой поздний час, все спали, кроме сторожей. Когда все проснулись, то услышали яростный лай собак и громкий крик людей, и решили, что на них напали бандиты. Юрта скоро наполнилась киргизами, горящими желанием взглянуть на людей, вызвавших такую огромную тревогу. Я подал старому старшине чай с куском сахара, к его удовольствию, и настоял на том, чтобы он сел со мной на ковер, который был постелен напротив двери — почетное место в его юрте.

Был страшный холод с сильным ветром, дующим с северо-востока, который проникал в юрту, и у меня зуб на зуб не попадал.

Мой хозяин был милым пожилым человеком с редкой седой бородкой и глубокими шрамами на левой щеке, полученными во время одной из его грабительских вылазок много лет назад. На нем было пальто из коричневой лошадиной шкуры с гривой, достигающей до середины спины, подпоясанное ярко-красным платком, на голове шапка из лисьей шкуры, закрывающая уши и поднимающаяся конусом кверху, обшитая изнутри малиновой тканью, пара крашеных мареной ботинок завершала его костюм. Его жена выглядела старой и грязной, она была в черном бархатном халате, доходившем до полу, повязанном белым шарфом вокруг талии. Белый ситцевый головной убор был повязан в форме тюрбана, а часть его ниспадала на плечи, окутывая шею. На ней была такая же обувь, как и на муже. Дети, одетые в коричневые мерлушковые пальто, сидели около огня, внимательно наблюдая за каждым моим движением.

Киргизская юрта. Казаки решили, что пора немного поспать и отправили из юрты всех, кроме старшины и его семьи. Возле меня был постелен войлок, на который я лег, укутавшись в мех, и мне стало тепло и уютно. Юрта была примерно 24 футов в диаметре и 10 футов высотой в центре. Рядом со мной лежали несколько богатых свернутых ковров и 4-5 ящичков, в которых находилось все богатство старого человека. По другую сторону от этих ценностей спали мой хозяин с женой и детьми. Мой сибирский казак и другой, командовавший моим эскортом, расстелили войлок и тоже спали в этой же юрте. Не знаю, может это был акт предосторожности, предпринятый ради меня. На рассвете к юрте привели лошадей. Искупавшись в озере, я сел за завтрак. Казак принес мне вареной баранины, другого барана уже зарезали и почти приготовили в железном котле для утренней еды. В юрту с несчастным видом вошел мой

слуга, и я вообразил, что причиной его состояния была напряженная поездка вчерашнего дня, но нет. Он слышал историю одного киргиза о нападении грабителей предыдущей ночью, которую ему казаки перевели на русский язык, и испугался. Тогда я сказал, что ему следует вернуться с лошадьми в Усть-Каменогорск и ожидать меня там, эффект был удивительным: через 10 минут он энергично занимался сбором моих вещей и давал казаку инструкции, что он должен будет делать для меня. Мое желание отправить его назад почти полностью совпадало с его собственным, так как я видел, как он трясется от страха, оказавшись среди киргизов.

Глава XVII.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В СТЕПИ

Пожилой старшина приказал двум своим киргизам сопровождать меня и привести обратно лошадей. Необходимо было полностью подготовиться к довольно трудному и достаточно быстрому путешествию; казаки уложили минимальное количество моего багажа в кожаные сумки, обычно используемые киргизами, нагрузив ими двух самых сильных коней. Имея такой весьма легкий груз, они смогут нестись галопом, когда это будет необходимо. Итак, все дела были завершены, и мы покинули пожилого старшину и отправились в путь, взяв курс на юго-запад. Утро было спокойным и прекрасным, больше похожее на лето, чем на позднюю осень, на этой степной равнине не было ничего интересного, что привлекло бы внимание: цветов уже не было, траву съели. Через несколько часов мы подъехали к месту, почти лишенному какой-либо растительности, вся поверхность этого участка степи была покрыта крупнозернистым красноватым гравием, кое-где валялись разбросанные грудками небольшие круглые камни. Чуть левее от нашей дороги, очевидно, на расстоянии около 10 верст мы заметили стоянку. Два киргиза предложили заехать туда, так как мы уже не встретим ни одного аула до самых Монастырских гор. Мы повернули лошадей и помчались галопом в том направлении, так как мне хотелось добраться до аула как можно раньше и тем самым оказаться ближе к горам. Перед полуднем мы поменяли лошадей, и пока все были заняты этой процедурой, я сделал набросок местности на Иртыше, обращенной в сторону китайской границы, надо сказать, что природа в этом регионе просто восхитительна. Завершив все дела, мы снова отправи-

лись в путь, с нами были еще два киргиза и лошади для багажа. Проехав по степи на хорошей скорости, часа через полтора мы прибыли в местность, с которой открывался удивительно красивый вид на Монастырские горы. Я сделал зарисовку, и мы снова тронулись в поисках аула Махомеда, знаменитого старшины, имевшего репутацию очень богатого человека. Киргизы говорили, что мы найдем его возле Мантилских скал, которые находятся далеко на юге. Глядя на расплывчатые тона их красок, я был уверен, что они находятся в верстах 30 по крайней мере, но требовался хороший опыт, прежде чем глаз может измерить расстояния с определенной степенью точности на этих безграничных степных просторах. Если мы не рванем вперед на дикой скорости, нам, вероятнее всего, придется заночевать в степи без какого-либо пристанища. У нас были хорошие сильные лошади, а наши киргизы, как и мы, тоже хотели быстрее добраться до аула, поэтому они основательно закрепили на лошадях сумки с багажом, чтобы исключить их тряску, затем мы помчались во весь опор по хорошей ровной дороге прямо в сторону скрытых в туманной дымке гор.

Более часа мы ехали, глядя направо и налево, но ни одного жилого объекта не было видно, никаких значительных изменений в окружающем ландшафте и Мантилских горах не происходило: ничто не указывало на то, что мы приближаемся к нашему аулу. Добравшись до оконечности небольшой ложбины, или очень широкой волнообразной низины, мы остановились, чтобы обследовать местность: но ни верблюдов, ни лошадей, ни юрт не было видно. Солнце быстро садилось за горизонт, еще час, и оно скроется за горной грядой на западе. Нельзя было терять ни минуты, поездки под луной в этой местности были крайне опасны, по крайней мере, так думали наши киргизы, и они не давали лошадям передохнуть. Проехав очередную степную ложину, мы снова оказались на холмистой местности и стояли несколько минут, осматривая ее, казаки и киргизы заявили, что не видно ни верблюдов, ни юрт. Я думал иначе, и указал на темную массу, спускавшуюся за холмистую равнину по направлению к Мантилским скалам. Но они ничего не видели, а я был уверен, что это был табун лошадей, который гнали в аул. Это было не в первый раз, когда я замечал объекты далеко за пределами видимости других. Казаки и киргизы ни на что не надеялись, но полчаса быстрой езды убедили их в том, что я был прав; они теперь разглядели, что там что-то двигалось в нашу сторону. Киргиз сразу понял, в чем дело, и повернул свою лошадь на юго-восток.

Стадо верблюдов. Мы, проехав не более 5-6 верст, добра-

лись до еще одной широкой лощины. С этой банки мы видели большой аул на берегу небольшого озера, огромные стада лошадей и верблюдов медленно направлялись к нему. Для нас это было самое восхитительное зрелище из всех. Мы поскакали вниз по банке и вскоре проследовали через огромное стадо верблюдов, которых гнали с нескольких сторон, а уже вокруг стоянки мы увидели огромное число овец. Когда мы проезжали мимо, киргизы, жители аула, не спускали с меня глаз, без сомнения зорко наблюдая за нами — кто мы, и что мы здесь делаем. Одного казака отправили вперед, оповестить старшину о нашем прибытии. Когда мы подъехали ближе, нас громким лаем приветствовали собаки; это была стая свирепого вида плутишек, которые при первой возможности могли не только облаять, но и укусить. Они держались недалеко от нас, сопровождая своей музыкой, пока мы не приблизились к аулу, и тогда они вынуждены были отступить под ударами плеток киргизов, которые выехали встретить нас. Они провели меня в большую юрту, перед входом в которую стояло длинное копье с пучком конских волос на верхушке. Приятный пожилой человек взял поводья моей лошади и протянул мне руку, помогая мне слезть; не воспользоваться его помощью было бы не учтиво. Затем он провел меня в юрту. Там был расстелен прекрасный бухарский ковер, он усадил меня на него, а сам сел рядом на войлок. Я пригласил его сесть на ковер, и это явно доставило удовольствие всем собравшимся в юрте.

Махомед. Это был Махомед, а три киргиза, встретившие нас, являлись его сыновьями, их посадили рядом с нами. Мое оружие вызвало у них огромный интерес, когда казак занес мое седло и вытащил мои пистолеты из кобуры. Старый человек и его сыновья горели желанием обследовать их; я вытащил капсули, чтобы избежать несчастного случая, и они тщательно исследовали их. Они не могли понять, почему я извлек капсули, решили, что в них кроется какой-то секрет, а я не хочу, чтобы они его раскусили. Чтобы удовлетворить их любопытство, я выстрелил из обоих стволов ружья: их удивлению не было предела. Затем я поставил капсуль на один ниппель, убрав остальные, взвел обе чеки и вышел из юрты, за мной последовали все собравшиеся. Я спустил курок и дал возможность ударнику затвора ударить ниппель без капсуля, они хотели, чтобы я спустил курок еще раз. Теперь я спустил другой курок, они все вздрогнули от звука выстрела. Затем я поставил капсуль на первый ниппель, взвел курок и вложил ружье в руки одного из сыновей. Он приложил его к плечу, коснулся курка и был просто потрясен, когда выстрел прозвучал в ушах. Все были не-

вероятно довольны демонстрацией оружия. Когда я вернулся в юрту, мой чай был уже готов, я налил его и протянул старому вождю чашку напитка с куском сахара, а также его жене, которая, казалось, была невероятно удивлена. Тогда я не мог понять почему, через день или два я стал мудрее.

Когда мы от души напились чаю, мой казак добавил воды в чайник и приготовил чай для сыновей, к их бесконечному удовольствию достав для них из ящика сахар. Было уже совсем темно, и огонь едва освещал юрту. Вскоре вошел киргиз с большой охапкой веток, положил их на пол, сел возле огня, взял немного веток, сунул их в горячую золу и дунул в последние тлеющие красные угольки, и яркое пламя вспыхнуло снова. Эти хворостинки ярко горели какое-то время; как только пламя начинало угасать, он подбрасывал другую порцию и, таким образом, поддерживал негаснущий яркий свет, который давал мне возможность рассмотреть старшину, его семью и их жилище.

Махомед и его сыновья. Ему было больше 60 лет. Крепкий коренастый человек с крупными чертами лица, симпатичной гладкой седой бородкой, парой маленьких пронизательных глаз и приятным выражением лица. На голове он носил плотно сидящую шелковую шапочку, красиво расшитую серебром; его одежда состояла из широкой накидки, или халата, в розовую и желтую полоску, подпоясанного белым платком, его обувь была сшита из красновато-коричневой кожи, маленькая, но с очень высокими задниками, которые, как я думаю, создавали определенные неудобства при ходьбе. Его жена была гораздо моложе его, полагаю, ей было не более 30, самое большее 35 лет. На ней был черный халат из канфы (китайский сатин) с красным платком, повязанным вокруг талии. Обувь такого же цвета, пошитая так же, как и у мужа; белая муслиновая шапочка, чуть остроконечная, со складками, свисающими по обе стороны до самой талии, красиво отделанными красным шелком. У нее было широкоскулое лицо, маленькие сверкающие глазки, маленький носик и широкий рот: в ее внешности не было ничего приятного или привлекательного. Изучая ее черты лица, я не мог избавиться от мысли, как русская баня могла бы оживить краски ее желтоватой кожи и улучшить цвет лица. У них было трое детей: один мальчик лет пяти, одетый в халат с желто-красными полосками, это было все, что было на нем; двое других — маленькие здоровенькие сорванцы — были помладше, совершенно голыми катались на войлоке и играли с маленьким козленком, который время от времени пятился назад, потом прыгал на одного из них и сбивал с ног.

Их жилище. Около двери на насесте, вбитом в землю, на цепочке сидел роскошный сокол. Юрта представляла собой решетчатую конструкцию, основой которой служили ивовые колья, соединенные между собой полосками недубленой кожи, образуя складывающиеся отсеки. Это был круг 34 футов в диаметре, 5 футов высотой до купола свода и 12 футов в центре. Купол состоит из согнутых ивовых прутьев, 1 дюйм с четвертью в диаметре, вложенных в пазы — отверстия, проделанные в основном круге, примерно 4 фута в поперечнике, который надежно закрепляет верхушку купола, пропускает свет и выводит наружу дым. Нижние концы ивовых прутьев связаны кожаными ремнями до верха решетчатой конструкции со всех сторон, что позволяет ей быть достаточно прочной и надежно закрепленной. Далее сверху она покрыта листами войлока, изготовленного из верблюжьей шерсти и волос, плотно подогнанных друг к другу, что предохраняет жилище от попадания влаги и сохраняет тепло. Небольшое отверстие в конструкции выполнено в форме дверного проема, поверх которого нависает полоса войлока и закрывает его, но дном его сворачивают и закрепляют наверху юрты. Таково жилище одного из самых известных и богатых киргизов в степи и старшины этого аула.

Киргизская мебель. Мебель и хозяйственные принадлежности в этом жилище чрезвычайно просты. Огонь зажигают прямо на земле в центре юрты, как раз прямо напротив двери постелены куски войлока, на них стоят разные ящики, в которых находятся различные вещи, одежда, отрезки китайского шелка, чай, сушеные продукты, амбасы серебра (маленькие, квадратные, примерно двух с половиной дюймов в длину, полтора дюйма в ширину и примерно 3/10 дюйма толщиной пластинки). Некоторые киргизы владеют большим количеством амбасов, которые тщательно копят. Поверх этих ящиков рулонами сложены бухарские и персидские ковры, некоторые восхитительной красоты и большой ценности. В другой части юрты находится большой кожаный мешок для кумыса, он со всех сторон плотно закрыт войлоком, чтобы сохранять тепло, необходимое для процесса брожения. Это самый важный предмет обстановки в киргизском хозяйстве. Я видел один 5 футов 8 дюймов длиной и 4 фута 5 дюймов шириной, с кожаной трубкой в одном углу около 4 дюймов в диаметре, через которую они заливают молоко в мешок и выливают оттуда кумыс. Деревянный инструмент вводится в мешок, ручкой проводится по трубке, похожей на сбивалку, им кумыс часто взбалтывают. Это мешок никогда не моют, этим его можно испортить.

Около кумысного мешка стоит большой кожаный сосуд,

иногда вмещающий 4 галлона, часто красиво украшенный орнаментом; имеются также маленькие сосуды, специально предназначенные для перевозки в седле. В другом месте стоит большой железный котел и подставка, на которую его помещают, когда еду готовят в юрте. Кроме того, обычно имеется полдюжины китайских деревянных чашек, красиво раскрашенных и лакированных; из них обычно пьют кумыс: в некоторые входит 3 пинты, в другие — больше. Каждому гостю, который летом входит в юрту, подают одну из китайских чашек полную кумыса. Считается невежливым вернуть сосуд, не выпив его до дна, и добропорядочного киргиза никогда не обвинят в таком нарушении правил приличия.

Кумыс. Киргизы начинают готовить кумыс в апреле. Кобылиц доят в большие кожаные ведра в 5 часов утра и в это же время вечером, которые тут же заносят в юрту, молоко заливают в кумысный мешок. Первые 14 дней после того, как начали готовить напиток, его почти не пьют, но после процесса брожения и взбалтывания считается, что он готов, и тогда богатые киргизы его пьют в огромные количества; человек должен иметь большую конюшню племенных кобыл, чтобы позволить себе потребления такого количества напитка. Почти у каждого киргиза летом к седлу привязана бутылка с кумысом, которую он может снова заполнить в каждом ауле, куда бы ни прибыл.

Седла лежат на рулонах ковров. Богатые киргизы высоко ценят дорогие роскошные конские сбруи, у многих невероятно красивые седла. Если седла изготовлены киргизскими мастерами, они украшены серебряной инкрустацией по железу простым декоративным узором или орнаментом, имеют бархатную подстилку-подушечку; уздечки и другие детали покрыты маленькими железными пластинками, инкрустированными в такой же манере. Я видел один полный набор конской сбруи изумительной работы, стоивший владельцу 50 лошадей.

Боевой топор тоже богато инкрустирован серебром, и железные кольца вокруг топорища украшены в аналогичном стиле. Это действительно грозное оружие. Обух топора в меру тяжелый и острый; топорище около 4 футов 6 дюймов длиной закреплено кожаным ремнем вокруг запястья. Киргизы — отличные знатоки такого оружия и владеют им в совершенстве.

Кожаные ремни и веревки, сплетенные из верблюжьих волос, висят на решетчатой конструкции, там же находятся повседневные седла, потники и кожаные шымбары. Этот элемент киргизского костюма часто шьют из черного бархата, великолепно расшитого шелком, особенно сзади. Их шьют такими широкими, что во время езды верхом киргиз может заправить

в них полы своих 3 или 4 халатов; они завязываются вокруг пояса кожаными завязками, таким образом, придавая центральной части его персоны шарообразную форму, из которой торчат очень небольшая голова и ноги; и, в целом, вся фигура выглядит громоздкой и неуклюжей.

Вечер с вождем. Описав киргиза и его жилище, я должен рассказать о моем первом вечере, проведенном с пожилым вождем. Когда мы прибыли в его аул, он тотчас же приказал зарезать овцу и приготовиться к празднику. Пока все это готовилось, мы проводили время, попивая чай и рассматривая оружие. Затем вошел один из его сыновей и доложил, что все готово. Мой казак сказал им, что я не буду есть еще раз после уже выпитого чая. Старый вождь распорядился, чтобы мне принесли что-нибудь. Но когда казак заверил его, что часть овцы будет приготовлена мне на завтрак, он был удовлетворен, и все ушли на пиршество, даже самые маленькие дети. Для меня были расстелены ковры, на которых мне предстояло спать; казак положил мое меховое пальто, в которое мне сразу захотелось завернуться. Я сидел какое-то время, наблюдая за угасающим огнем небольшого костра, понемногу подкладывая хворост, пока он не закончился, тогда я решил готовиться ко сну, положив под голову свои пистолеты, накрыв их шапкой, а сверху положив вещи, служившие мне подушкой. Затем я вернулся в свое меховое пальто. Примерно через час все вернулись. Огонь снова запылал и горел около 10 минут; детей укутали в войлок, старый вождь лег на свое меховое пальто, а его жена укуталась и заняла свое место возле детей. Оба казака тоже устроили себе постель и тоже легли, положив рядом с собой оружие. Затем киргиз отпустил войлок на дверной проем, и мы приготовились ко сну.

Старейшина. Все покинули юрту на рассвете, и началась обычная сцена сельской жизни, чрезвычайно интересная для меня. Я выше из юрты, огляделся вокруг, любуясь во все стороны двигавшимися животными. Все стада пригоняют в аул ночью, где их самым тщательным образом охраняют сторожа и собаки, окружив их со всех сторон, поэтому проникнуть на территорию любого аула незамеченным невозможно. В детстве я жил в районах, где было много лошадей и домашних животных, и я всегда считал огромным стадо из 500-600 овец, но сейчас я был удивлен увиденным количеством животных. Поначалу шум был почти нестерпимым: резкий крик верблюдов, ржание лошадей, мычание коров и рев быков, блеяние овец и коз, лай собак, крики людей, ужасный шум и гам. Я насчитал 106 верблюдов, включая верблюжат, более 2000 лошадей, 1000

быков и коров, 600 овец и коз. Даже такое количество может показаться огромным, но это было далеко не все стадо, принадлежавшее старому главе семейства, у него было еще 2 аула и в каждом из них было по 1000 лошадей и множество другого скота. Женщины были заняты дойкой коров, а мужчины готовились гнать эти обширные стада на пастбища. Лошадей и верблюдов гнали на самые дальние, — а это довольно далеко, около 10-15 верст, — затем гнали коров и быков, ближе всех к аулу паслись овцы, но и эта прогулка проходила на расстояние не менее 5-6 верст. Это было поистине удивительное зрелище, когда они расходились по разным направлениям, растекаясь живописными потоками, медленно движущимися по степи.

Я основательно позавтракал вареной бараниной, напился чаю, это было крайне необходимо, поскольку мне предстояла долгая дорога. Лошади уже стояли около юрты, мои рисовальные принадлежности передали одному киргизу, который должен был меня сопровождать, ружье — другому, я перекинул через плечо свою винтовку, и мы отправились в сторону Монастырских гор.

Изумительный вид. В этих бескрайних степях с их чистым прозрачным воздухом было сложно определить расстояние. Мы проехали более часа, но я никак не мог найти место с прекрасным обзором. Казалось, что мы всего лишь чуть-чуть приблизились к горам и находимся все еще ближе к аулу, чем к горам. Я закончил работу над рисунком, мы снова двинулись в путь в западном направлении по холмистой местности; еще несколько верст, и мы натолкнулись на многочисленные нагромождения гранитных глыб, формирующих верхнюю часть скалистых образований самых причудливых форм, часто стоявших практически перпендикулярно. А сразу за ними грунт как бы проваливается, образуя пещеры и лощины. Отсюда мы устремились к южной оконечности Монастырских гор и достигли того места, где степь начинала идти на подъем. Через 7-8 верст нам встретилась восхитительная группа гранитных глыб, которые я посчитал необходимым посетить прежде всего, так это избавляло меня от поездки через это место еще раз. Мы повернули лошадей и направились к этим горным кряжам, но, подъехав ближе, я обнаружил, что, то, что на расстоянии казалось скалистой горой, в действительности оказалось огромным числом изолированных глыб. Некоторые были самых необычных и живописных форм; отсюда все они напоминали руины какого-то огромного города — разрушенные замки, церкви, крепости и другие здания. Приближаясь к ним, мы заметили, что вблизи они кажутся еще более удивительными; в самом деле, трудно было поверить, что

они не являются творением рук человеческих, словно какой-то таинственный древний народ возвел эти огромные величественные сооружения с удивительно цельным и живописным эффектом. Кое-где большие глыбы скальных пород стояли на очень маленьком основании, возвышаясь над ним на довольно значительном расстоянии, в других местах площадки, или база, поддерживали подобия разрушенных колонн гигантских размеров.

Далее стояли разрушенные башни и мощные зубчатые стены с осадными башнями, уходящими высоко вверх, на которых я воображал, даже можно сказать, отчетливо представлял мрачных стражей, зорко осматривающих бескрайние равнины. Если бы все это было во времена джиннов, то, конечно, на этом месте их можно было бы обнаружить. Что-то сдерживало меня и не пускало к этим необычным гигантским образованиям. Хотя я знал, что при более близком рассмотрении иллюзии исчезнут и мне пригодится воображение, чтобы описать эту картину на бумаге, но, закончив рисунок, я решил обследовать все при более близком расстоянии. Я въехал туда, что издалика казалось улицами, но гранит пересекали глубокие лощины, грубо изломанные, во многих местах образуя ступени в 20-30 футов высотой. Я слез с лошади и в сопровождении казака и киргиза начал пробираться по тем местам, которые эти дети степи считают обителью «шайтана». Многие, если не все люди, пасущие скот поблизости от этих мест, не отважились бы остаться здесь со своим стадом до ночи.

Гористый ландшафт. Пролазив по лабиринтам около 2 часов, мы спустились в степь на значительном расстоянии от того места, откуда вошли. Я выстрелил из ружья, подавая сигнал, и вскоре оба других моих спутника галопом примчались к нам. День уже клонился к вечеру и ехать дальше на запад не было смысла, поэтому я решил продолжить путь вдоль предгорий этой небольшой гряды. Мы проехали совсем недалеко, когда я надумал сделать другой рисунок — несколько высоких пиков, виднеющихся вдали сквозь широкую расщелину.

Прежде, чем я закончил рисунок, солнце уже начало быстро садиться, и мы повернули лошадей в сторону дома. В лучах уходящего солнца виднелись снежные вершины Курчумских гор, протянувшихся далеко на юг, в то время как вершины более высоких Алтайских гор сверкали, словно расплавленное золото, постепенно приобретая красноватые оттенки, по мере того, как все ниже и ниже опускалось солнце. Самый потрясающий эффект производил контраст между темно-голубыми и пурпурными оттенками более низких горных кряжей с коричневыми тонами степи. Проезжая, я наблюдал за тем, как меня-

ются краски до тех пор, пока незаметно не подкралась ночь и не окутала мраком скалы и равнины, и не заставила нас прищпорить коней и пустить их галопом. Через час с небольшим мы добрались до аула.

За рюмкой рома. С тех пор, как утром покинул юрту, я много часов провел в седле, ходил пешком, забирался на скалы, сделал несколько набросков, и все это время не имел даже крошки во рту или глотка воды, поэтому теперь я был готов приступить к своей вечерней трапезе, которую вскоре казак поставил передо мной; она состояла исключительно из вареной баранины и чая. Старый вождь со своей семьей собрались посмотреть, как я ем. Кроме того, многие киргизы тоже сидели вокруг юрты, также заинтересованные моим приемом пищи. А поскольку в свое время барон, наряду с другими полезными вещами, передал мне бутылку рома, я распорядился казаку подать ее мне. Я вытащил пробку, намереваясь налить немного в чай. Однако прежде я налил немного в серебряную чашечку и протянул ее своему хозяину, надеясь, что это доставит ему большое удовольствие, но он посмотрел на нее какое-то время, затем вернул мне, даже не пригубив и не попробовав ни капли. Я отдал ее своему спутнику казаку, тот выпил, не спеша, смакуя напиток. Я сам попробовал немного и нашел его весьма вкусным. Мои зрители смотрели на нас с ужасом, очевидно, ожидая, что «шайтан» явится собственной персоной и предъявит на меня свои права. Я выпил вторую и третью чашку чая с небольшим количеством крепкого напитка к еще большему ужасу присутствующих. Стало совсем темно, мой ужин закончился, все вышли из юрты, кроме старого вождя и его жены, которая укутывала своих детей, готовя ко сну. Махоммед отпустил наших кочегаров, а затем сделал мне знак дать ему чашку, я подал, и он захотел попробовать ром. Я взял бутылку и наполнил чашечку, он оглянулся, удостоверившись, что все покинули юрту, затем выпил. В присутствии своих сыновей и соплеменников он даже не прикоснулся к чашке губами, теперь же он попросил вторую, я налил еще немного и подал ему воды, но он не стал запивать. Казак приготовил мне постель, расстелив войлок и положив под подушку пистолеты, затем укрыл меня мехом, уютно устроив на ночь. Вскоре все стихло в юрте, и я крепко заснул.

Примитивное строение. Прежде, чем стада покинули аул, мы уже были в пути, направляясь далеко на север по нашим вчерашним следам меж нагроможденных глыб, планируя подняться выше над степью. Это не были глыбы, скатившиеся вниз с высоты, эти камни лежали на своем естественном

ложе. Я обнаружил несколько прекрасных пластов кварца, залежавших абсолютно прямыми линиями в сторону гор. Далее местность пошла на подъем, стали появляться курганы или небольшие холмы с каменными гребнями, поднимавшимися все выше над нами, по мере нашего приближения к подножью крутых гор. Теперь мы повернули на юг, проезжая в версте от подножья высоких скал, и не успели проехать далеко, когда натолкнулись на большое замкнутое пространство, окруженное толстой стеной, выстроенной из очень больших глыб, между которыми были подогнаны камни поменьше. Эта стена огораживала пространство почти в одну версту длиной и полверсты шириной, протянувшись до подножья нескольких отвесных скал. Это была работа, в которую был вложен колоссальный труд, и, должно быть, была построена каким-то народом, жившим здесь в древности, и дошедшая до нашего времени, которое с удивлением взирало на все это. В некоторых местах она достигает 6 футов в высоту, в других — немного меньше, и 7 футов в толщину. Ни один из блоков не был вырезан.

Мы повернули и поехали в направлении гор, где обнаружили часть стены не более 2 футов над землей. Моя лошадь легко перепрыгнула через нее, за мной последовали оба казака, но ничто не могло заставить киргизов войти в это ограждение, они повернули назад и объехали стену с другой стороны. Продолжая наш путь к верхнему концу, где-то около центра я увидел огромную кучу камней с группой колонн, понимающихся из нее. На расстоянии это было похоже на руины. Подъехав поближе, я слез с лошади и вскарабкался по упавшим глыбам на столбы. Я обнаружил, что они состояли из базальтовых пород, формирующих обрыв, обращенный к горам, более 100 футов высотой. Я проехал по другим большим скоплениям скальных пород, но никаких признаков каких-либо строений внутри этих стен я больше не увидел. Обследовав еще одну грудку базальта, мы вернулись к киргизам, стоявшим у подхода к южной стене. Возможно, эти стены были возведены, чтобы огородить место для храма, но война или какая-то другая причина приостановили запланированную работу над объектом прежде, чем заложили фундамент и возвели над ним какую-то часть здания.

Причуды природы. Мы ехали на юго-запад, поднимаясь на высокую гряду, покрытую кое-где желто-зеленым дерном, в других местах были только голые камни. Добравшись до вершины, мы имели возможность обширного обзора степи, протянувшейся на 40-50 верст в сторону другой небольшой горной цепи, круто поднимавшейся над равниной. Проехав около часа, мы спустились в степь с западной стороны Монастырских

гор, а затем повернули на север. Отсюда сегодня я буду делать зарисовки. Мне уже не нужно было долго выбирать необходимый вид или пейзаж, это место было так похоже на старый замок, что, не подъехав к нему, я не допускал мысли, что это еще одно из величайших творений природы.

Наш путь пролегал к уходившему в степь небольшому горному участку, подъехав к которому мы увидели необычную великолепную картину. Здесь природа-матушка явно была в самом своем игривом настроении, собрав вместе самое необычное разнообразие причудливых форм. С одной стороны она воздвигла руины прекрасного древнего нормандского замка, стоящего в степи, как будто охраняя другие свои сокровища. Примерно в 3 верстах от него она соорудила пирамиду из красного и серого порфира более 700 футов высотой. В отдалении с равнины отвесно вверх поднимались обрывы, увенчанные горами и живописными пиками. Покрытая коричневой травой степь расположилась вокруг пирамиды, полностью изолируя ее от всех других объектов, предоставляя возможность полного обзора великолепия ее изящных пропорций; тогда как около ее основания были рассыпаны многочисленные маленькие холмики красного порфира. На некотором расстоянии от этих объектов раскинулось небольшое соленое озеро, поросшее оранжевыми и малиновыми растениями, образующими прекрасное обрамление сверкающей на его поверхности корке. И я, и казаки пытались взобраться на пирамиду и с южной, и с восточной стороны, но после многочисленных попыток обнаружили, что это невозможно. С южной стороны мне удалось взобраться только примерно на $2/3$ высоты, но спуститься оказалось куда более трудной задачей.

Побережье древнего моря. Затем мы подъехали к западной стороне, еще более крутой, и проследовали дальше на север; эта сторона казалась менее труднодоступной, хотя у меня были какие-то сомнения, будет ли возможным осуществить подъем без помощи крепкой прочной веревки. На южной и западной стороне кое-где росла еле заметная трава, на северной и восточной — скудная растительность едва пробивалась в расщелинах. В 6 верстах обнаруживался огромный пролом, или расщелина, к которой мы направились. Проезжая по степи вдоль высоких обрывов, я не мог избавиться от мысли, как сильно они напоминали утесы на морском побережье. Не хватало только морских водорослей на камнях и гравии, чтобы окончательно придать этому месту вид морского побережья в период отлива. Дальше мы проезжали мимо мысов и маленьких бухт, часть которых углубилась в высокую гряду, через которую мы

проследовали утром. Теперь мы добрались до невероятно высоких обрывов, за которыми я надеялся найти доступ к огромной расщелине, но понял, что добраться до нее с этого места невозможно даже пешком, поскольку утесы поднимались почти отвесно футов на 200.

Опасное путешествие. Мы мчались галопом в надежде найти какое-нибудь небольшое ущелье, чтобы добраться до верха. Проехав некоторое расстояние, я остановился и сделал еще один набросок этого забавного места, пока казаки и киргизы держали совет как нам двигаться дальше. Когда я закончил пейзаж и был готов следовать дальше, казаки сказали: «Сегодня нельзя». Оказывается, дальше местность имеет скверную репутацию. Если мы продолжим путешествие в этом направлении, стемнеет раньше, чем мы сможем отыскать проход через Монастырские горы. Единственным вариантом было вернуться и попытаться пересечь западную оконечность гряды. Если бы нам удалось это сделать, мы смогли бы добраться до аула через три часа, в худшем случае — через пять. Лошади были бодрыми и отдохнувшими, мы их сильно не гнали, они отдыхали каждый раз, пока я рисовал. Было уже 4 часа, скоро наступал вечер, поэтому нельзя было терять время. Мы быстро помчались по степи к небольшой бухте, уходившей в горы и окруженной довольно высокими утесами, один из киргизов был нашим проводником, я не видел выхода из этого места, но киргиз продолжал ехать вперед, наша небольшая партия следовала за ним. Проехав около 2 верст, он повернул за высокие скалы, и мы очутились у входа в каменную лощину.

Наш проводник спешился, мы последовали его примеру, тогда он взял поводья моей лошади и начал подъем, ведя за собой двух лошадей. Я двигался вперед и вскоре обнаружил, что для двуногих тропа не была легкой, а тем более для четвероногих. Только киргизские лошади имели дело с такой изломанной и каменистой тропой, ни одна другая лошадь не могла бы подняться вверх. Мы поднимались медленно, и, наконец, добрались без приключений до верха. Больше всего я боялся, что какая-нибудь из наших лошадей оступится и поломает ноги. Мы дали им 10 минут передохнуть, а затем сели в седла и дальше двигались по густой желто-зеленой траве, растущей на горном склоне. Менее чем через полчаса мы вышли на нашу дорогу, по которой проезжали утром, затем почти 3 версты пришлось спускаться по осыпающимся камням, на что ушло много времени. Ночь быстро приближалась. Мы добрались до степи, здесь дорога была хорошая и ровная, лошади по ней шли легко к огромной радости одного из наших киргизов, который размахивал кнутом

и кричал от восторга, когда мы быстро неслись по равнине.

Чертов ликер. Было уже совсем темно, когда мы добрались до аула; верблюды, лошади и другой скот уже вернулись с пастбищ. Когда появилась бутылка рома, я заметил, как старик подмигнул мне. Я снова протянул ему чашечку с ромом, уверенный, что он отвергнет ее; и был прав, она едва коснулась его губ. Но в тот момент, когда его сыновья и другие киргизы покинули юрту, он сделал мне знак вернуть ему чашку. Первой чашки было недостаточно: ее он осушил мгновенно и протянул за второй порцией. Я боялся, что это могло довести до греха. Тогда я достал кусок стеариновой свечи, зажег ее и поставил рядом. Затем я налил немного рома в чашку, поставил на мой чайный ящик и поставил его перед стариком. Он заглянул в чашку и был ужасно недоволен налитым количеством, желая, чтобы ему налили побольше. Я чуть капнул в чайную ложку и протянул ее над свечой, не давая ему заметить, что я делаю. Когда спирт вспыхнул, я вылил в чашку с ромом горящую жидкость и поставил перед ним. Как только голубое пламя взметнулось над чашкой, его буквально охватил ужас, он начал бормотать что-то про шайтана. Когда пламя потухло, я предложил ему другую чашку, но уже ничто не могло его заставить прикоснуться к ней даже пальцем. Я провел еще две ночи в этом ауле, так больше и не склонив его выпить чашку чая с ромом.

Нападение в ночи. Около 2 часов утра весь аул превратился в сцену глубокой тревоги и смятения. Когда спишь на земле, то все звуки слышны более отчетливо, чем когда спишь чуть выше. Я был разбужен страшным шумом, который, казалось, исходил из какой-то подземной пещеры или карстовой каверны. Сначала я подумал, что началось землетрясение, и тут же вскочил. А звук нарастал, раздаваясь все ближе и ближе, наконец, он пролетел рядом, задрожала земля: это оказался табун лошадей, несущихся на бешеной скорости. Теперь слышались визг и крики людей, и я понял, что аул захватили грабители. Делом одной секунды было для меня схватить ружье, стоящее у изголовья, и выскочить из юрты. Я увидел киргизов с боевыми топорами в руках, которые, вскочив на лошадей, бросились к тому месту, откуда раздавались крики. Лошади бешено носились вокруг аула. Казаки тоже были здесь со своими мушкетами. Короче, это была сцена ужасной суматохи. Старый Мохаммед кричал, что было мочи, женщины и дети визжали и бегали из юрты в юрту. Но ничего не было видно, что происходило на расстоянии. Тут мы слышали звук несущихся в нашу сторону лошадей, но кто их гнал, друзья или враги, мы не знали. Уже через две минуты в шагах в двадцати от нас темная масса на

дикой скорости пронеслась мимо, слышались наглые дерзкие выкрики, явно угрожавшие и бросающие вызов. Во мраке я мог разглядеть только головы людей, а женщины закричали «грабители!», тут же им вслед просвистели 5 пуль, слышался крик боли раненой лошади, но они продолжали нестись дальше. В этот момент наши киргизы пустились за ними в погоню, два казака вскочили на лошадей и бросились им вслед.

Не менее 20 человек преследовали грабителей, которым, в какой-то степени, мешали захваченные лошади. Проехав около версты, киргизы догнали их, но обнаружили, что бандитов было в 3 раза больше, и они готовы защищать свою добычу. Наши друзья были вынуждены пойти на попятный, не имея шанса против превосходящего числа бандитов. Наше оружие напугало этих мерзавцев, но они, без сомнения, могут вернуться и предпринять другую атаку на аул. Я глубоко сожалел, что была ночь. Если бы было светло, некоторые из этих отъявленных негодяев свалились бы замертво, так как были бы встречены градом пулевыми выстрелами, а ружья заставили бы их по-дальше уносить ноги. После всего случившегося никто уже не спал, все находилось в ожидании новой атаки и были начеку, а женщины и дети были сильно напуганы. Предположительно, бандиты угнали более сотни лошадей. Когда рассвело, мы увидели несколько лошадей, несущихся по степи в 6-7 верстах: они в темноте отбились от табуна или когда киргизы гнались за ними. Двоих мужчин отправили на поиски других животных, которые тоже могли остаться там; через пару часов они вернулись, ведя за собой 17 лошадей, грабители увели с собой 100.

Первыми их обнаружил мальчик, охранявший скот, и собаки. Ворвавшись в табун лошадей, они попытались разделить его, намереваясь убить сторожа. В результате возникла паника, животные начали метаться, и все проснулись. Без сомнения, банда разбойников скрывалась где-то в горах на западе; они, вероятно, наблюдали за нашим продвижением, когда я делал зарисовки за день до этого. Мы были достаточно далеко, чтобы они могли захватить нас. Раз им это не удалось, они решили захватить врасплох Махоммеда. Определенно, они совершали разбой в этих местах.

Рядом с грабителями. Несмотря на случившееся, я все же решил продолжить свои исследования живописных и причудливых творений природы, которые я надеялся обнаружить в районе за тем местом, где побывал вчера; три казака и два киргиза сопровождали меня. Мы проверили наше оружие, чтобы убедиться все ли в порядке. Сегодня я не стал убирать свои пистолеты в кобуры, а заткнул их за пояс не из-за страха

столкновения с большой бандой, посетившей нас ночью. Они с лошадьми должны быть далеко, но мы могли повстречаться с шайкой из 10-15 человек, рыщущей по степи в поисках оставших или убежавших лошадей, или следившей за любой группой людей, пытавшихся их преследовать или сбить с пути.

Когда мы покинули аул, было около 8 часов, взяв курс прямо к тому месту в горах, которое мы пересекли прошлым вечером, что значительно сократило бы наш путь. Мы спокойно проехали какую-то часть пути, когда вдруг киргиз указал нам на дорогу, по которой прошли грабители. А когда мы проехали самое отдаленное место, где паслись лошади, нам не составляло труда установить путь следования бандитов: слишком много следов они оставили в степи. Добравшись до гор, один из киргизов сказал, что он может провести нас к большому глубокому ущелью, куда я пытался добраться вчера, а затем вывести нас обратно. Мы свернули на север вдоль западных склонов горы и проехали 2 версты, может, чуть больше, когда наш проводник неожиданно свернул в довольно крутое место, чтобы обойти глубокую расселину, поскольку пересечь ее было невозможно. Вскоре мы вышли к большим глыбам гранита, лежащими крутом в хаотическом беспорядке. Немного дальше мы натолкнулись на базальтовые образования, изогнутые и скрученные какой-то гигантской силой и поднимающиеся на огромную высоту, здесь же стояли скалы с горизонтально выступающими базальтовыми слоями.

Тропой страха. Чуть дальше за этим местом наш путь проходил вдоль склона одной горы, состоящей из голых камней, настолько невероятно крутой, что наш проводник слез с лошади и осторожно повел ее; мы все последовали его примеру. Оступиться и для лошади, и для человека было бы смертельно опасно, ничто не смогло бы спасти, оба разбились бы вдребезги, скатившись по гранитной поверхности. Чтобы пройти по этой страшной тропе, нам пришлось проделать примерно 500 шагов. Затем последовал менее крутой участок, вверх по которому мы поднимались по косо́й и, наконец, добрались до вершины. Мы пересекли хребет и обнаружили, что противоположная сторона также очень крутая, вогнута вовнутрь, подобно гигантскому лунному серпу. Вниз по этой не менее опасной горе мы начали спускаться, двигаясь зигзагом, но даже это требовало огромной осторожности. Менее чем через полчаса мы завершили этот последний опасный спуск и стояли у подножья гигантской расселины — гора была разорвана на две половины какой-то колоссальной силой. Я сел и зарисовал этот удивительный пейзаж с его гигантскими базальтовыми колоннами.

Страшная бездна. С этого места мы спустились в сторону уте-

сов и перед нами на северо-западе открылся великолепный вид на степь, которая протянулось верст на 50-60. Небольшие участки степи мелькали между холмов, но нигде не было никакого признака грабителей с их трофеем. Вероятнее всего, до вечера они укрывались в узких степных проходах, чтобы затем продолжить свой путь или, возможно, попытать счастья в другом ауле. На расстоянии чуть более 3 верст наш путь пролегал параллельно утесам до того места, где начиналась глубокая лощина, через которую киргиз намеревался вывести нас в степь. Когда мы добрались до этого места, оказалось, что спускаться здесь невозможно. Мы стояли на верху обрыва, практически отвесно уходившего вниз, кое-где нависающего над пропастью высотой не менее 500 футов. Это было непреодолимое препятствие, тем не менее, киргиз стоял на своем, доказывая, что спуститься можно. Он повернул лошадь и поехал в сторону гор, я тем временем изучал удивительно прекрасный пейзаж внизу: с коричневой степью и пурпурно-багровыми горами вдали. Весной на несколько недель эти степи покрываются сочной травой и огромным многообразием цветов. Большие стада лошадей, верблюдов, коров и овец пасутся на них, перебираясь с одного места на другое, а сейчас это было унылое пустынное пространство: ни одной живой души, кроме нашей маленькой партии. Спустя некоторое время, наш киргиз что-то прокричал нам, мы подъехали к нему и обнаружили тропу, по которой он предлагал спуститься в жуткую бездну. Мы смотрели вниз и думали, что спуститься туда невозможно, пока не увидели как человек и лошадь, спускаясь, буквально прилепились к скалам, подобно мухам. Киргизы и казаки, посоветовавшись, решили оставить лошадей наверху, пока мы не убедимся, что их возможно спустить вниз. Наш проводник, два казака и я прошли по краю обрыва; киргиз вел нас по дороге вниз по голым камням, по которым, мы видели, в некоторых местах трудно пройти. Наконец, мы добрались до дна пропасти, А киргиз медленно поднялся, чтобы спустить лошадей. Тем временем я прошел по ущелью и недалеко обнаружил теплый источник, бывший ключом в небольшом каменном бассейне: вода переливалась через края и бежала на небольшом расстоянии, затем исчезала в груде скатившихся скальных пород.

Розовый кварц. Чуть дальше я обнаружил большие прожилки розового кварца 7 дюймов толщиной — этот оттенок розового цвета просто восхитителен; некоторые виды кварцы прозрачны, а когда ты смотришь на них на солнце, они демонстрируют великолепные призматические оттенки. Без соответствующих инструментов отбить большой цельный кусок было невозможно, в результате я собрал образцы, содержащие мно-

го трещин. Обследуя скалы в течение часа, я кое-где заметил маленькие зеленоватые кристаллики хризолита, которые мне не удалось добыть. К этому времени лошади закончили свой рискованный спуск. Мы все еще очень рисковали, пока не выбрались в степь, так как во многих местах дно ущелья было покрыто упавшими глыбами, что затрудняло наше продвижение. Более часа ушло на спуск по этой скалистой тропе, хотя в длину этот путь составлял менее версты. Когда до степи оставалось около 200 ярдов, мы обнаружили явные доказательства того, что несколько человек пытались подняться по этой ложине несколько часов назад. Они вернулись в степь и продолжили свой путь на юг, вероятнее всего, к той расселине, по которой мы поднимались прошлым вечером. Наш киргиз сказал, что их было 8-9 человек, не больше, а другие, вероятно, находились среди холмов недалеко отсюда; пройди они по ущелью, мы, несомненно, встретились бы где-то среди этих скальных нагромождений, к величайшему удивлению обоих отрядов.

Гора порфира. Теперь мы ехали на север, намереваясь добраться до Кызыл-таса, или Красного камня, расположенного около северной оконечности этих высоких скалистых пиков. Наш путь пролегал через степь, по которой мы ехали около трех часов, не находя ничего интересного, затем начали подниматься на невысокую гряду, которая привела меня к объекту моих поисков — Кызыл-тасу. Я увидел его еще на расстоянии и не мог сначала рассмотреть из-за его ослепительно яркого красного цвета. Это гора красно-коричневого порфира с белыми прожилками и вкраплениями, игра красок которых создает удивительно красивый контраст, поднимается высоко над степью, когда-то бывшей большим озером: сейчас в центре этой равнины сохранилось небольшое озерко, часть ее образует нынешнюю степь, находясь немного выше уровня воды.

Сделав наброски этих необычных и прекрасных по своим краскам скал, я увидел, что пора подумать о возвращении домой, так как нам предстояла долгая дорога: часть ее пройдет по холмистой местности, а затем по прекрасной ровной степи. Пока я был занят рисованием, с погодой произошли большие перемены: подул холодный ветер, переходивший иногда в шквальный. Над вершинами Алтая собирались мрачные тучи, а вскоре горная гряда и некоторые хребты поближе стали совсем неразличимыми, почти невидимыми, окутанные облаками. Киргиз сказал, что скоро начнется буря и предложил как можно быстрее вернуться в аул.

Попавшие в ураган. Где-то через час с небольшим мы пересекли холмы и ехали по степи, когда шквальные порывы ве-

тра стали более частыми и сильными — верный признак приближавшейся бури. Мы с подозрением взглянули в сторону Алтая и заметили: все хребты, поднимающиеся со степи, уже не были видны, а плотная масса черных туч с севера плыла в нашу сторону. Затем с сожалением взглянули в сторону аула. Мантильские горы еще можно было различить, но они были более чем в 3-х часах езды, а буря быстро продвигалась по степи. Я остановился и убрал свои пистолеты в кобуру, а ружья и винтовку положил в кожаные чехлы; проливной дождь был неизбежен, а кругом ни деревца, ни скалы, где можно было бы укрыться. Мы мчались на хорошей скорости в страхе от того, что видели, и зная, что приближается ночь. Порывы шквального ветра прекратились, и на какое-то время абсолютно все стихло. Взглянув на черную массу, я увидел, что тучи быстро движутся, и от них, клубясь, отрываются облака тумана и их быстро уносит потоком вверх. Вдруг мы услышали какой-то приглушенный звук, постепенно нарастающий и переходящий в рев: это на степь надвигалась буря. Наши лошади были сильно встревожены. Через несколько минут мы заметили как в нескольких сотнях шагов перед нами скручивало и вырывало с корнями траву и мелкие кусты и уносило ветром со страшной скоростью. Внезапно лошади остановились, а затем мы услышали звуки страшного рева ветра и над нами пронесся ураган. К счастью, мы избежали опасности и не попали в его ужасную вихревую воронку. Снова с удвоенным неистовством налетел порыв ветра, затем пошел дождь со снегом, который буквально ослепил нас. Стало темно, и нам было чрезвычайно трудно держаться верного направления и не сбиться с пути.

Критическая ситуация. Киргизы уже расходились во мнениях относительно верной дороги. Монастырские горы и Мантильские скалы совсем скрылись из виду, у нас не было никаких ориентиров, которые помогли бы нам. К тому же я был уверен, что мы слишком отклонились на запад: возможно, штормовой ветер, дующий с востока с таким неистовством, сбил наших лошадей с пути. Каждая капля дождя и огромные хлопья снега хлестали нас и, казалось, мгновенно проникали через одежду; мы были такими мокрыми, словно окунулись в реку. Наконец оба наши киргиза зашли в тупик, в замешательстве не зная, какую дорогу выбрать. Хотя я не видел никаких ориентиров, т.е. вообще ничего не было видно, даже Мантильских скал, но я совершенно определенно знал, благодаря моему компасу, что нам следует повернуть на восток. Поэтому без лишних разговоров я повернул свою лошадь в этом направлении и помчался вперед. Буря усиливалась, усугубляя наше положение, мне было трудно

удерживать лошадь в нужном направлении, на которое указывал компас. Безусловно, кажется странным говорить о поездке на лошади с помощью компаса, но кто путешествует по обширным степям Центральной Азии, может оценить преимущества поиска правильного пути и ориентирования в подобных ситуациях по компасу, а не по каким-то другим ориентирам, в любое время: и днем, и ночью. Прошло более часа, как я взял этот курс. Я знал, какое примерно расстояние на восток мы проехали. Сейчас мы должны были находиться недалеко от Мантильских скал, но ничего не было видно, даже их смутных очертаний. Наше положение становилось критическим: в самом деле, оставаться на ночь в степи в такую бурю означало для нас гибель. Мы прислушивались в надежде услышать лай собак или рев быков, но ничего не было слышно, кроме ураганного ветра и шума дождя, огромные капли которого хлестали нас.

Мы медленно проехали еще небольшое расстояние в надежде что-то услышать, как вдруг один из киргизов узнал какие-то скалы, по которым он сразу определил наше местонахождение, а также соответствующее направление. Теперь он вел нас на восток, прямо на бурю, уверенный, что аул недалеко. Мы проехали еще немного и натолкнулись на стадо верблюдов, и заметили свет в дверном проеме одной из юрт. Наши лошади совсем выбились из сил, и мы тоже почти выдохлись; наша радость была поистине безмерна, когда мы спешили около дверей этих войлочных жилищ. Махомед и казак начали серьезно опасаться за нашу безопасность. Когда через несколько минут из юрты вышли все ее обитатели, я переоделся в сухую одежду, поверх которой закутался в свое меховое пальто и обвязался шарфом, затем натянул пару сухих ботинок и сел пить чай. Но прежде я подал по стакану рома каждому, кто сопровождал меня в такую непогоду. Даже бедняга киргиз выпил его без всякого страха перед шайтаном, как это произошло со старым вождем.

Страшная буря. Когда добрый старик вернулся в юрту, он приказал подбросить больше хвороста и поддерживать хороший огонь. Мою одежду повесили сушиться. Казак проверил, протер, просушил оружие и убрал подальше от случайных капель влаги, которые могли бы проникнуть через войлок этой ночью. Ветер со страшной силой бушевал по степи, мужчины и женщины были заняты укреплением юрты с помощью веревок и кольев. Несмотря на то, что юрта была полна дыма, и мокрый снег проникал внутрь, я закутался в свое меховое пальто и был искренне благодарен приюту и комфорту, которые я нашел в киргизской юрте. В такую ночь нас не беспокоили бы никакие грабители, в самом деле, рев бури настолько ужасен, что

моментами я думал, что нашу юрту унесет. Человек у огня долго поддерживал ярко горящее пламя, а я слушал стон ветра. Наконец, старый хозяин приказал закрыть верх юрты и закрепить его на ночь. И вскоре все обитатели юрты погрузились в сон.

Глава XVIII.

ПРОГУЛКИ СРЕДИ КИРГИЗОВ

На следующее утро погода была сырой, холодной и ветреной, на вершинах гор клубились тучи, все выглядело мрачным и жалким. Я намеревался этим утром рано на рассвете покинуть своего друга Махомеда, но дождь задержал нас. Он заверил меня, что после обеда будет прекрасная погода, и был совершенно прав: еще до 12 часов туман и облака рассеялись, и во всем своем величии сквозь облака прорвалось солнце, придав степи теплый осенний вид.

Я попрощался со своим хозяином и его семьей, сел на лошадь и отправился в путь, сопровождаемый своим эскортом и тремя киргизами, которых старый вождь отправил проводить меня до следующего аула. С определенной степенью уверенности невозможно было знать, где мы его еще встретим, киргизы настолько непредсказуемы в своих передвижениях и редко остаются на одном месте дольше 8-10 дней.

Мы надеялись найти стоянку в предгорьях одного из небольших горных кряжей, примерно в 6 часах езды от моего последнего пристанища. Вскоре после 12 часов мы были уже в пути, следуя в юго-восточном направлении. Киргиз показал в сторону отдаленной горы и сказал, что аул находится там. Наш путь пролегал по степи верст на 50-60; ничто не нарушало однообразия этого путешествия — ни холмы, ни лоцины; час за часом мы продвигались вперед, а нас окружал все тот же ландшафт. Часов через пять мы уже рассчитывали встретить стоянку, но так ничего и не было видно. Прошло еще около часа, когда на востоке я заметил большой табун лошадей, а затем мы повстречали киргиза-пастуха, гнавшего свой стада домой, и он сказал нам, что аул находится между двумя невысокими холмами в 6-7 верстах от нас.

Стоянки. Казак и киргиз были посланы сообщить о нашем прибытии, а мы не спеша следовали за ними и рассматривали окружающую местность, на которой, как я заметил, стали появляться многочисленные невысокие горные кряжи, постепенно поднимающиеся в сторону Алтая. На юге снова — гра-

нитные образования, венчающие холмы, подобно древним замкам. Мы находились в версте от нашего места назначения, когда нас встретили три киргиза и проводили в юрту, приготовленную для моего пребывания, а рядом другую, для казаков, это и было местом нашего ночлега.

Этот аул принадлежал богатому киргизу, который был в это время с визитом на одной из своих стоянок примерно в 50 верстах к югу, куда в течение трех дней должен был откочевать и этот аул. Утро было сырое и холодное, тяжелые облака нависали над холмами. Все еще намереваясь пересечь Алтай на своем пути в Сибирь, я считал неблагоприятным задерживаться дольше в степи. Киргизы утверждали, что в 8-10 часах езды на север находится другой аул, который откочует через день или два, и так как он находился на нашем пути в Усть-Каменогорск, было решено переночевать там. Эту стоянку тоже посетили бандиты и увели 70 лошадей и 5 верблюдов за ночь до того, как они напали на Махоммеда.

У киргизов. Один из пастухов вчера после обеда видел небольшую шайку грабителей в холмах на севере, что заставило его погнать лошадей в сторону дома; и киргизы думали, что мы можем столкнуться с ними. Возможно, они даже желали этого и надеялись, что мы сможем сократить число бандитов, которые держали их в постоянном страхе. Наши проводники в течение нескольких часов вели нас вдоль низких холмов, пока мы не спустились в степь, по которой проехали еще несколько часов. Наконец, мы добрались до гранитной гряды со множеством живописных групп на вершине, но было уже слишком поздно, чтобы пытаться зарисовать их. С вершины киргизы надеялись увидеть аул, но его нигде не было видно. Затем они решили, что он мог находиться среди холмов, и торопили нас, опасаясь, что в темноте отыскать его будет крайне сложно. А так как никто из нас не горел желанием провести ночь на этих холмах без пищи и крова, не требовалось никаких дальнейших аргументов, и мы пришпорили коней. Мы проезжали один холм за другим, но никаких признаков пребывания живой души не обнаруживали. Киргизы были крайне растеряны, они думали, что аул откочевал. Приятная перспектива ожидала нас в такую ночь и в такую погоду! Мы проехали уже 7 часов, и ехали вперед, рискуя жизнью. Может быть, с вершины следующего холма мы увидим следы, которые приведут нас к оставшимся юртам, хотя большая часть аула могла уже уйти. Мы не успели добраться до вершины, когда один киргиз обратил наше внимание на табун лошадей, возвращавшийся к стоянке, именно там, куда мы направлялись.

Человек пустил свою лошадь галопом, добрался до гряды, и знаками показал, что в долине нас ожидал кров. Менее чем через полчаса мы добрались до стоянки, к величайшему удивлению ее обитателей. Хозяин аула отсутствовал, тем не менее, для нас зарезали овцу и устроили пир, к огромному удовольствию и киргизов, и казаков. Когда мы уже находились в юрте, пошел такой сильный дождь со снегом, что в 10 шагах ничего не было видно. В юрту принесли огромную охапку веток и хвороста. За огнем присматривали две женщины, поскольку, по всей вероятности, в тот момент ни одного мужчину нельзя было оторвать от дымящихся тарелок с вареной бараниной. Я хорошо знал, что после пиршества от еды мало что останется, если вообще что-нибудь останется, поэтому решил, что женщины тоже должны перекусить. Самовар все еще кипел, я заварил чай и дал им по куску сахара и хлеба. На их лицах я увидел выражение подлинного удивления и удовольствия. Первая чашка была выпита, я протянул им по второй и третьей, к их величайшему восторгу. Мой огонь пылал вовсю и приходилось несколько раз открывать верх юрты, чтобы дать выход скопившемуся дыму. Они отлично управлялись, поддерживая хороший огонь; и не было никаких признаков досады или раздражения, несмотря на то, что ночь была просто ужасной.

Новые женские украшения. Я сел заполнять свой дневник, а мои компаньонки были немало удивлены моим занятием, так как в их племенах, за исключением муллы, никто не умел ни читать, ни писать. Книга для них была источником какого-то чуда; они смотрели на меня, как на богатого муллу, обладавшего, как они считали, большой книгой полной амулетов. Мулла продавал им амулеты на клочках бумаги с несколькими характерными особенностями, увиденными в них. Мое кольцо подверглось обследованию, мой нож тоже, а кусок красного сургуча вообще произвел на них потрясающее впечатление. Я достал свечу, поставил печать на куске толстой бумаги из своего альбома и отдал одной из них. Когда я стал убирать сургуч, не сделав печати для второй, та выглядела совсем несчастной; заметив ее разочарование, я поставил еще одну печать, и она была счастлива. Эти печати, я нисколько не сомневаюсь, украсят их головные уборы и станут предметом зависти в душах многих киргизских девиц.

Киргизское любопытство. Когда пиршество закончилось, особы обоего пола вошли в юрту и сели вокруг, наблюдая за всем, чем я занимался. Так как я заметил, как они внимательно следили за мной, когда я заводил часы, я приставил их к уху сидевшей рядом женщины. Она, очевидно, подумала, что они жи-

вые и говорящие, и сказала об этом своим друзьям: они все захотели услышать, как они разговаривают. Киргизская юрта — это не место, где любой захотевший может поздно лечь спать, тем более в такую ночь. Пока горит огонь, отверстие наверху юрты должно быть открыто, чтобы через него мог выходить дым, но в то же время через него проникает и снег, и ветер, и дождь, что создает определенный дискомфорт. Наконец, казаки отправили всех посетителей по их жилищам, распорядились закрыть и закрепить верх юрты, и сразу произошло чудесное превращение: в помещении стало тепло и уютно, особенно когда ты лежишь и слышишь как беснуется ветер, а по юрте барабанит дождь. Под эту музыку я вскоре уснул, и уже ничто не беспокоило меня до самого утра. Сразу после завтрака я снова был в пути.

Со мной были 3 киргиза и 5 свободных лошадей, чтобы при необходимости поменять их и ехать быстрее. Утро было ветреным и холодным, по небу быстро проносились тяжелые темные тучи, похоже, собирался дождь с порывистым ветром. Вскоре после того, как покинули юрты, мы спустились в сторону степи, и все мы, медленно проезжая по склону холма, бросали подозрительные взгляды на черные массы облаков, нависавших и окутывавших пики Алтая; они выглядели чернее и ужаснее, контрастируя с белым чистым снегом внизу. Через час мы уже ехали быстрее по местности, которую почти можно было назвать морем травы. Дороги не было, наш путь пролегал на северо-восток, мы теперь покидали холмы и проезжали по широкой равнине. Это самое неинтересное время года для поездки по степи: трава вся съедена, низкорослые кусты объедены или стоят с пожухлой листвой, цветов нет, а сильные заморозки побили цвет и все листья.

Волки. Проехав чуть более 2 часов, мы сменили лошадей, и имели возможность ехать быстрее, а лошадям дать время передохнуть: киргизы часто так поступают, когда отправляются в длительное путешествие. День близился к вечеру, а ветер становился все холоднее и порывистее, временами начинал валить сильный снег, придавая окружающему ландшафту и без того мрачный вид. В какой-то момент один из киргизов указал на 5 волков, бегущих своей дорогой по степи в южном направлении, не более, чем в версте от нас. Зима согнала их с гор, и они, очевидно, искали место, где можно найти корм. Горе той бедной лошади, на которую они нападут, так как они преследуют ее, не оставляя никакого шанса уйти от них! Мне рассказывали, какое коварство они проявляют во время охоты. Если поблизости есть болото, они придерживаются противоположной стороны от жертвы, гоня ее потихоньку до тех пор,

пока, наконец, не заведут на неустойчивый грунт, где она проваливается, барахтается и гибнет.

Мы перешли несколько маленьких ручьев, которые из-за дождей, идущих в горах, достигли 25-30 ярдов в ширину и неслись в глубоких каналах, проделанных в песке и гравии. Трудно было найти спуск к воде, но нам, наконец, это удалось. Мы продолжали какое-то время ехать вверх по течению, которое не было глубоким, к выбранному месту на противоположной стороне, где была возможность подняться на берег. Киргиз вел нас, я следовал за ним. Но в какой-то момент моя лошадь, вытаскивая заднюю ногу из воды на берег, оступилась, окунув меня в воду с головой, и начала отчаянно барахтаться, еще больше обдавая меня брызгами так, что я совершенно промок. И это в холодный октябрьский день, когда у меня не было сухой одежды, чтобы переодеться, и не было места, где можно было найти приют. Казаки немедленно проверили мое ружье и пистолеты, они оказались сухими: кожаный чехол защитил одно, кобура — другое. С меня сняли высокие охотничьи сапоги, вылили из них воду и с величайшим трудом помогли их надеть снова. Пока я был занят, достали бутылку рома, к счастью, там набралось почти полчашки — хорошая порция, которую я тут же проглотил. Затем мы сели на лошадей и снова пустились в путь, благодаря чему я быстро согрелся.

Снежная буря. Чтобы как-то меня утешить, один из казаков сказал, что, чтобы добраться до Иртыша, нам потребуется 6-7 часов: так как помощи ждать было неоткуда, то единственным шансом добраться скорее до реки была необходимость набрать скорость. Проехав около 4 часов, мы добрались до подножия холмов, отделявших нас от долины, по которой протекала река. Но они были такие крутые, что о быстрой езде не могло быть и речи, поэтому мы поднимались медленно, и я начал чувствовать последствия купания в ледяной воде. Стало смеркаться прежде, чем мы добрались до гребня; пока мы его пересекали, практически наступила ночь, а совсем темно стало еще и от черных туч, быстро проплывавших по небу. Внезапно подул сильный порыв ветра, который вскоре превратился в ураганный. Наш путь в темноте был медленным, но огней Усть-Каменогорска все еще не было видно, что казалось странным. Вскоре секрет прояснился: мы попали в сильную снежную бурю, настолько сильную, что в двух шагах ничего не было видно. Пока мы добирались до равнины, буря закончилась, но ветер был ужасный.

Сильный жар. Казаки сказали, что в такую ночь никто не сможет переправиться через Иртыш. Поэтому они предложили

искать какой-нибудь аул, который, как они считали, мог находиться всего лишь в нескольких верстах у подножья горы. Поэтому мы рванули туда на бешеной скорости и вскоре нас лаем приветствовали собаки. Я верю, что любой человек знает, что эти звуки заключают в себе что-то божественное, так как в такую непогоду звучат как-то иначе, более мягко, даже ласково, как бы приглашая путника в теплое жилище. Мы очень быстро добрались до юрт: в какие-то из них казаки уже успели забежать, прежде чем я слез с лошади. Наконец, мою лошадь отвели в сторону одной большой юрты, и я обнаружил, что я с трудом могу сойти за землю, так как мне тяжело двигаться. В юрте было тепло и уютно. С меня немедленно сняли мокрую одежду и укутали в меховое пальто, в огонь подбросили еще больше хвороста, приготовили чай, которого я много выпил, но ночью я почувствовал приступ лихорадки. Как только рассвело, одного из мужчин отправили узнать насчет лодок. Мы последовали за ним, но без посторонней помощи я не мог взобраться на лошадь. Меня усадили в лодку, мы поплыли как можно быстрее и вскоре меня доставили к моим добрым друзьям. Они тут же послали за доктором, и я снова прошел через тяжкие испытания русской баней и кровопусканием.

Необычный наряд. На одиннадцатый день я начал приходить в себя и быстро поправляться. Пока я болел, в долине все время шли дожди, а в горах снег, который я мог видеть из своих окон — более неприятной картины для меня нельзя представить, поскольку я должен был проехать по тем местам, пока доберусь до своей зимней квартиры. Барон и его жена делали все, чтобы я выздоровел. Если питание и питье помогут этому, то вскоре я окрепну и встану на ноги. Они приняли приглашение на бал и намеревались взять меня с собой. Поскольку меня пригласили тоже и никакие отказы не принимались, то доктор разрешил мне пойти туда на все посмотреть, но не участвовать. В Усть-Каменогорске они не знали, что значит ложиться спать поздно, и в 7 часов все уже собрались. Бал давал купец, и все общество этого маленького городка собралось, чтобы оказать ему честь. На балу присутствовало около 50 человек, причем дам было в 3-4 раза больше, чем джентльменов; некоторые были одеты в китайские шелка великолепных расцветок, хотя я не сказал бы, что они были подобраны со вкусом. Когда они стояли все вместе, то выглядели как клумба с тюльпанами. Одна дама лет 60 была одета как двадцатилетняя девушка. Ее голову с одной стороны украшали белые хрустальные бусы, с другой — зеленые хрустальные подвески, вероятно, первоначально предназначенные для люстры. На шее была цепочка,

а с нее свисала большая квадратная брошь, тоже из зеленого хрусталя. На руках были браслеты, усыпанные желтым хрусталем, а вокруг талии пояс, также отделанный такими камнями. Ее розовое шелковое платье, серые перчатки, желтые туфли и украшения представляли самый забавный и необычный наряд, какого я никогда не встречал на дамах. Она была женой городского врача, очевидно, очень respectable человека, носившего несколько наград. Все свои ордена он надевал только по единственному случаю — это именины императора, когда каждый офицер был обязан присутствовать в церкви при полном параде. Слава о ней разошлась далеко за пределы города. Однажды мне случилось разговаривать в обществе особ, по меньшей мере, в 2000 верстах от ее места жительства, и речь зашла о ее необычном наряде, и один офицер, присутствовавший там, узнал оригинал. Я спросил, знает ли он эту даму, и он воскликнул: «Нет, не знаю! Я бы меньше огорчился, если бы поехал в Рим и вернулся, не повидав Папу, чем, будучи в Усть-Каменогорске, не познакомился бы с Марией Ивановной!»

Бал в Сибири. Прибыв на бал, я заметил, что дамы разместились в одной комнате, сидя вдоль стены и не говоря ни слова. Эта была чрезвычайно необычная сцена — общественный феномен, о котором я никогда не слышал. На это я обратил внимание своего друга и поинтересовался, всегда ли они ведут себя таким образом, он ответил: «Нет, нет, только когда дома, их мужья могут подтвердить». Эти джентльмены находились в другой комнате, готовились к танцам, часто прикладываясь к вину и сибирской наливке, и шумели они достаточно! Грянула музыка, леди и джентльмены вышли вперед и красиво исполнили русский танец, изображавший каприз двух влюбленных. После этого последовала кадриль, а затем Мария Ивановна и казачий офицер исполнили казачий танец, в котором оба были неподражаемы. Там было несколько молоденьких девушек, которые своим умением танцевать не смогли превзойти пожилую даму 60 лет — равных ей я не видел. Бал продолжался, многие танцевали хорошо, но никто не мог осмелиться предложить ей танец. Бал завершился превосходным ужином, где наша хозяйка проявила безграничное гостеприимство. Здесь не было никаких церемоний или чопорности: компания собралась, чтобы хорошо провести время, повеселиться, и все казались вполне довольны.

Несколько вечеров спустя, баронесса принимала всех своих друзей в собственном доме. Как обычно, танцевали казачьи танцы и, надо сказать, танцевали прекрасно. На вечере присутствовал церковный хор, который исполнил много очень красивых русских песен и музыкальных произведений для хора,

которые произвели на меня глубокое впечатление. В течение вечера казачий оркестр замечательно исполнял прекрасную музыку; после ужина их командир приказал им пройти в вестибюль, где они спели несколько своих песен. Более дикой музыки я никогда не слышал. Он вел их и пел хорошо, придавая особую силу и колорит их национальной музыке. Несколько казаков, офицеров и даже один полковник присоединились к ним и тоже пели. Эта музыка оказывает весьма необычное воздействие, особенно когда сидишь около бивачного костра где-нибудь в дикой горной или степной глуши.

Картины природы. Еще до обеда врач позволил мне продолжить мой путь, и я выехал в легком экипаже, запряженном 4 лошадьми, которыми управлял казак. Несмотря на то, что выпало много снега, и дороги все еще были хороши, было очевидно, что мне предстоит ужасная поездка. В верстах 4 от Усть-Каменогорска по длинному деревянному мосту я переехал реку Ульбу, которая в этом месте имеет большое и сильное течение. Я переправлялся через нее еще по пути в Риддерск, где она была всего лишь маленькой речушкой. Недалеко от моста открывался прекрасный вид на Холзунскую гряду, которая сейчас сверкала, словно рубины, в лучах заходящего солнца. Мы следовали дальше, когда наши лошади начали вести себя странно, словно их что-то мучило, часто останавливались, как вкопанные, а дорога на нескольких станциях была просто отвратительной и к тому же неинтересной. Я не скоро забуду дорогу между Прапорщиком и Красноярской, расстояние около 75 верст. Спустившись с холмов и направляясь в сторону последней, обнаруживаешь великолепный вид, открывающийся перед тобой через Иртыш на Киргизские степи. Река в этом месте делится маленькими островками на несколько каналов, по которым течет по равнине петляя, а дальше, над степью, круто поднимается небольшая и очень живописная горная гряда.

Отсюда дорога проходит вдоль восточного берега Иртыша по невысоким холмам, вероятно, 300-400 футов над рекой, открывая вид на бескрайнюю степь, протянувшуюся с юга на запад. Здесь я покидаю Иртыш и направляюсь на восток, обходя стороной Алтайскую горную цепь. Как только мы спустились в долину реки Уба, пейзаж стал значительно интересней, и с одной точки, недалеко от деревни Выдриха, я зарисовал прекрасный вид. Река вьется по узкой долине между высокими горами, в некоторых местах пробегая у подножья очень высокого обрыва, откуда она входит в широкую долину, протянувшуюся до Иртыша на 50-60 верст.

В Выдрихе мы сменили лошадей, где нам настойчиво сове-

товали остаться на ночь, поскольку дороги и без того скверные, а тут с гор надвигается снежная буря и проехать будет практически невозможно.

Когда мы добрались до долины, возчики пустили лошадей во весь опор; дул порывистый ветер и шел сильный снег. Было темно, когда мы добрались до переправы. Здесь была другая сложность — в такой ветер паромщики заявили, что переправиться невозможно.

Переправа. Таким образом, мы были обречены сидеть на Убе, возможно, с большим нетерпением ожидая переправы, чем души на другой известной реке, но наши паромщики были более доброжелательны, чем Харон, ибо по-доброму пригласили меня переночевать в их юрте возле хорошего огня. Как раз в это время подошла группа крестьян, тоже желавшая переправиться на ту сторону. Я через казака передал им, что заплачу, если они помогут в переправе через реку. В течение нескольких минут все паромщики и крестьяне держали совет, и, наконец, они решили идти на риск и утонуть за 2 рубля, а у меня появился шанс отправиться с ними. Они немедленно взялись за работу и потащили паром вверх по течению гораздо выше того места, откуда они обычно отправлялись, чтобы нейтрализовать силу ветра, иначе он отнес бы нас далеко от места необходимой высадки, и вообще нас могло бы отнести далеко вниз по течению. Для объяснения своих действий ими было использовано еще много аргументов, наконец, они добрались до нужного места и подтолкнули паром в сторону течения. Как только мы оказались на реке подалее от берега, ветер подхватил нас, лошадей и повозку, действуя как парусник, и мы помчались вниз по течению на бешеной скорости. Люди управляли паромом и так громко кричали, что, казалось, могли перекрыть и заглушить любой ураган, но у того был упрямый и суровый нрав и испугать его или успокоить было просто невозможно: он нес нас со всем своим зловредным неистовством. Когда до места высадки оставалось примерно 30 ярдов, люди напрягли все свои силы, пытаясь остановить паром, направляя его к берегу. К огромной радости всех, нам это удалось, но на переправу через реку у нас ушло более часа. До следующей станции было недалеко, но дальше следовать ночью мы не рискнули.

Молотьба. Как только мы покинули эту станцию, дорога сразу же свернула в сторону холмов, и мы начали долгий крутой подъем. Дул холодный пронизывающий ветер, падал мелкий снег, и снова дорога шла по крутым холмам без какого-либо примечательного пейзажа. Этот участок местности лучше обрабатывался, чем другие, встреченные мной на Алтае. Здесь

имеются обширные площади, засеянные кукурузой, с которых получают очень большие урожаи. Я видел сотни акров со скирдами кукурузы, которые все еще стояли в поле под снегом. Кое-где их уже увезли на гумно, где огромное число крестьян было занят молотьюбой кукурузы, другие — просеиванием зерна, операция, лучше всего выполняемая сильным ветром, и сегодня для этого был великолепный день. Очищенную кукурузу и мякину постоянно уносили с гумна и складывали в одну кучу. С каждой стороны стояли люди с маленькими деревянными лопатками с длинными ручками; этими инструментами более или менее методично они подбрасывали вверх на высоту 12-15 футов небольшое количество зерна, успевая довольно быстро следовать один за другим. Ветер выдувал мякину, песок и семена, а хорошее зерно падало в кучу. Даже при использовании такого примитивного способа зерно сравнительно хорошо очищается. И хотя валил сильный снег, это не мешало их операциям, которые осуществлялись на открытом воздухе.

Добравшись до вершины одного из холмов, я заметил 3 волков, стоявших приблизительно в 500 шагах от дороги. Я вышел из экипажа, надеясь выстрелить. Но прежде, чем я приблизился к ним достаточно близко, чтобы достать одного из них, они убежали длинными великолепными прыжками. Пуля, пущенная мной вслед, ударила рядом с одним, который совершил такой прыжок, что оказался впереди всех, и они быстро унеслись прочь. Вскоре мы спустились в очень широкую долину, где возвышались удивительно красивые скалы. На станции мне показали одного человека, которому исполнилось 102 года. Он был отличного здоровья, сохранив все свои умственные и физические способности. Как раз перед тем, как я его увидел, он совершил прогулку на значительное расстояние.

Сибирский буран. Отъехав от станции, мы вскоре очутились на одном из прекрасных участков дороги, откуда открывались замечательные картины природы, восхитительные пейзажи — горы близ Риддерска, Холзунская гряда, местность вокруг реки Бухтармы. Было очень холодно, но я сделал набросок и сожалел, что у меня не было времени сделать еще. Мы поехали дальше и через несколько верст на последней станции перед Змеиногорском сменили лошадей. От этой станции дорога продолжала идти на подъем и проходила через несколько высоких горных хребтов, поросших лесом. В целом это была весьма унылая местность, а холодный пронизывающий ветер и бьющий в лицо снег только усиливали это впечатление, мой термометр по Ремюору показывал 15 градусов мороза. А поскольку мы поднимались еще выше, погода становилась еще

хуже, нас встретил шквальный ветер с мелким снегом, который чрезвычайно легко проникал даже через одежду. Несмотря на страшную бурю, а она была невероятно ужасной, возчики гнали лошадей на хорошей скорости по основательно замерзшей дороге, отчего нас сильно трясло, тем не менее, они галопом неслись вниз к подножью холмов.

С наступлением темноты мы прибыли в Змеиногорск; через несколько минут я был комфортно устроен в комнате дома директора, который устроил мне самый радушный прием. «Теперь вы имеете представление, что значит «сибирский буран», - заметил он. Я откровенно признался, что ощущения были далеки от приятных, и у меня не было желания глотать все это, т.к. мои глаза, рот, уши — все было забито снегом. Он также сказал, что было бы гораздо хуже, если бы мы ехали ночью, и, вероятнее всего, мое дальнейшее путешествие в Барнаул могло бы просто не состояться. Даже сейчас я не смог бы пересечь холмы на экипаже, который развивает большую скорость, чтобы добраться до завода, сказал он, я всегда спрашиваю, не попытаются ли они вернуться в буран, и мне говорят, что это невозможно — люди и лошади погибнут, даже не проехав и четверти пути.

Ужасные бури. Я провел очень приятный вечер со своим другом и его милой женой, представив им краткий отчет о путешествии среди киргизов, и услышал от них несколько историй об этих страшных снежных бурях. В разговоре я упомянул, что вчера слышал два раската грома, и меня заверили, что это не такое уж редкое явление, такое часто случается, когда погода меняется. Как директор и ожидал, вечером буран начал усиливаться, от ветра дребезжали оконные ставни и двери, а дом сотрясался. Ни один завод на Алтае не подвержен такому сильному воздействию ужасных снежных бурь, как этот в Змеиногорске, так как он стоит на очень высоком месте, как бы сверху обзревая обширную степь, раскинувшуюся на запад, с которого обычно во все стороны дуют шквальные ветры, вызывая сильные степные бураны; они настолько неожиданны, настолько неистовы, что во время них часто гибнут люди. Мой друг упомянул об одном случае, который произошел с ним несколько лет назад. На просторном открытом месте на вершине холма возводили церковь, с одной стороны стоял дом директора, а напротив — дома нескольких офицеров. Вокруг — открытое пространство, протянувшееся на 300-400 ярдов до зданий серебряного рудника. С одного угла более чем на версту протянулась улица прямо до плавильного производства, расположенного в долине, а на восточном углу церкви было большое

открытое пространство, на котором каждое воскресенье утром открывался рынок, куда крестьяне из близлежащих деревень привозили на продажу свою продукцию.

Расстояние от дверей директорского дома до двери церкви не превышало 150 шагов. В одно прекрасное воскресное утро мой друг присутствовал в церкви на службе, которая обычно идет не менее 2 часов. Пока прихожане торжественно исполняли свой религиозный долг, злой дух в департаменте бурь был не менее активно занят тем, что надувал буран, готовя людям пакость, в чем он с успехом преуспел. Когда прихожане вышли из церкви, у входа их встретил ужасный порыв ветра с облаками снега, мелкого, как мука. От ворот церкви мой друг повернул сразу налево к своему дому, когда его закружило, ослепило и потащило с такой силой, что он не мог даже найти здание, которое было не таким уж маленьким. Сначала ветер нес его в одном направлении, потом в другом, наконец, его вынесло на какой-то дом, и ему удалось найти дверь. Войдя, он обнаружил, что находится почти в версте от своего дома, но ему пришлось остаться там, пока ветер не стих. Мне сказали, что это обычное дело.

Путешествие на санях. Относительно своего путешествия по Иртышу я переговорил с казачьими пикетами о дороге, которая пролегает вдоль границы. По ней путешествовали офицеры и простые люди и летом, и зимой, и мой друг тоже часто вынужден был посещать шахты в любое время года. Однажды зимой ему пришлось по делу поехать в Змеиногорскую, он пересек Алтайские горы на санях, направляясь к Бухтарме, путешествуя и меняя лошадей от одной казачьей станции к другой. Однажды вечером еще до наступления ночи его застал буран, и он остался на станции на ночь, в течение которой с ужасной яростью свирепствовала буря. На следующий день она стихла, и он продолжил свое путешествие. Через несколько верст от следующей станции он увидел несколько казаков, стоящих вместе на небольшом расстоянии от дороги. Почувствовав что-то неладное, он остановил свои сани, вышел и подошел к ним. Перед ним предстала печальная картина: это был казак со своей лошадей, замерзшие насмерть, которых они откапывали из снега. Бедняга покинул станцию до бурана, который застал его где-то на полпути, казак поспешил продолжить свой путь, надеясь добраться до дома. Нет сомнения, что лошадь везла его, пока он не замерз, а может быть, какое-то время продолжала его везти уже мертвого, поскольку казак сидел в санях абсолютно прямо, держа поводья в руках, голова поднята и обращена прямо в сторону лошади. Когда он прекратил разговаривать или дергать поводья, лошадь, должно быть, остановилась и вскоре замерзла, окоченев в своей обычной позе — стоя. Мой друг смотрел на них

на расстоянии нескольких шагов: невозможно было поверить, что они неживые, казалось, что в любой момент казак натянет поводья, и лошадь понесет вперед.

Бескрайний сосновый лес. На следующее утро ветер немного стих, и я отправился в Барнаул. Поездка была ужасной, только на третий день после обеда я добрался до берегов Оби. В этом месте на востоке, насколько может видеть глаз, раскинулся огромный темный сосновый лес.

Удивительный феномен. Во время путешествия я был крайне удивлен ярко-малиновому цвету, заливавшему сосновые деревья; сначала, на расстоянии, сосны, казалось, были слегка окрашены, а верхушки деревьев, находившихся ближе к нам, напротив, были темно-пурпурно-багровыми, как ярко горевшее пламя. Эта картина смотрелась как раз напротив солнца, вокруг которого малинового цвета не было видно, наоборот, интенсивно желтый. Я остановил кучера, чтобы понаблюдать за столь необычным явлением. Цвет разливался по деревьям, доходя до берегов Оби, которая казалась городом, созданным волшебником, красиво отражаясь в воде. Даже мои люди стояли зачарованные этим необычным эффектом; было очевидно, что они никогда прежде не видели ничего подобного.

В 6 часов мы добрались до Шадринска, последней станцией перед Барнаулом, где я оставался до половины первого следующего дня, поскольку лошади не были готовы, а дороги — прескверные, поэтому я решил позволить сделать себе небольшую передышку.

Глава XXVIII.

СУЛТАНЫ В СТЕПИ

После быстрого галопа по унылому пустынному пространству на пятый день после обеда, невыносимо страдая от жажды, мы добрались до аула султана Ишунакхана, который устроил мне самый сердечный прием. Это был коренастый мужчина с ярко выраженными калмыцкими чертами; и, поскольку он считал, что его родословная восходит к Чингисхану, на верхней части его головного убора были прикреплены перья совы, костюм был сшит из китайского шелка, красиво и богато расшитый. Около 50 верст в юго-западном направлении от его аула поднимаются Тарлукские горы, лежащие между Тарбагатайскими горами и Алатау, а на востоке от Алаколя — маленькая скалистая гряда, протянувшаяся, примерно, на 60 верст с вос-

тока на запад: ее ширина около 25 верст, высота самой высокой вершины, поднимавшейся за равниной, примерно 3000 футов, на нижних склонах — пастбища, но верхняя часть гор — сплошные голые скалы. Из этого аула мой путь лежал на запад по песчаным участкам степи. Султан предоставил мне лошадей и 8 своих киргизов, чтобы сопровождать меня в Тарбагатай во время моего четырех — возможно, шестидневного путешествия. Вскоре после рассвета я покинул своего хозяина, позади остались его пастбища, а мы вступили в неприветливое пустынное пространство и проезжали по песчаным холмам и долинам, на которых не росло ни единого стебелька травы. Во многих местах лежал солевой налет, коркой покрывавший грунт, который под копытами лошадей поднимался вверх в виде пыли, забивая рот своими горькими частичками и вызывая нестерпимую жажду. Киргизы сказали, что у нас будут большие проблемы с поисками свежей воды, так как все речушки пересохли.

Горькая вода. Киргизы, как ни странно, были снова вооружены, я не мог понять, по какой причине, поскольку мы проезжали по пустыне, где не могла обитать ни одна живая душа. Они сказали, что нам придется проезжать по самому скверному региону во всей степи, так как местность к востоку от Алаколя населена большими бандами грабителей, которых называли «бижагат»: они состояли из киргизов разных орд, бежавших после совершения серьезных преступлений, и китайских заключенных из штрафных колоний на Или. Они жили в безопасности в этом регионе и безнаказанно занимались разбоем. Пока мы ехали, киргизы внимательно следили за дорогой, осматривая ее со всех сторон, очевидно, ожидая увидеть дым или какие-нибудь другие признаки их стоянок. Проходил час за часом, а мы все еще ехали по той же самой солончаковой равнине; наконец, наши лошади стали проявлять признаки испытываемой жажды, но ни капли воды не было видно. Тем временем солнце быстро опускалось за песчаную гряду, находившуюся недалеко от нас. Добравшись до ее вершины, мы были вне себя от радости при виде озера, раскинувшегося на 8-10 верст по степи недалеко от нас. Здесь уже росла трава, было полно воды, и глаза людей и лошадей засияли от радости. Один из казаков соскочил с лошади и, наклонившись над водой, стал пить, но едва влага коснулась его запекшихся губ, как он вскочил и воскликнул: «Горькая!» Это был страшный удар, однако лошади пили воду с огромным удовольствием. Киргизы заявили, что продвигаться дальше невозможно, так как мы сейчас не найдем других пастбищ. Я тоже попробовал воду и нашел ее отвратительно солоноватой, тем не менее, поскольку

ничего другого не было, я распорядился вскипятить немного воды и заварил чай, получилась молочно-белая жидкость, чрезвычайно неприятная для питья.

Чугучак. Мы покинули озеро с первыми проблесками рассвета, направляясь на северо-запад, и все еще по песчаной пустыне, где невозможно было найти свежую воду. На пятый день поздно вечером мы добрались до реки Еремил, к бесконечному удовольствию и людей, и животных, ибо чай, приготовленный из отвратительной солоновато-горькой воды — ужасное испытание после тяжелого изматывающего дня поездки под палящим солнцем. Выспавшись и освежившись, и люди, и лошади снова двинулись в путь и к ночи добрались до Тарбагатая, вдоль которого мы должны были продолжить наше путешествие. Нужно было пройти около 10 верст на север к Чугучаку, китайскому городу, с которым Россия уже установила консульские отношения и теперь вела активную торговлю с подданными его Поднебесного высочества. Мы прошли китайский пикет почти в полдень второго дня и добрались до скалистой долины как раз в тот момент, когда солнце садилось за большой холм, который придавал пейзажу особый, необычно восхитительный эффект. После того, как вброд перешли горный поток, хотя и очень рискуя, мы разбили свой лагерь, выбрав место чуть выше водопада, и устроились на ночь. Красивый водопад приблизительно 150 футов в высоту практически отвесно низвергался вниз. Я взобрался наверх и обнаружил гробницу киргизского султана и множество захоронений его приближенных. Вид, открывшийся передо мной, навеял мысль об этом необычном пейзаже — могильные холмы и курганы были воздвигнуты народом, не оставившем о себе никаких следов; в этой части Азии таких древних захоронений множество.

Многие скалы в этой долине в основном состоят из темно-красной яшмы, а одна гора, расположенная немного дальше на север, имеет необычный ярко-малиновый цвет, который, сверкая под лучами заходящего солнца, создает восхитительный эффект. Рано утром мы направились на юг, пересекая невысокие хребты, которые протянулись далеко в сторону равнины. Еще до наступления сумерек, к нашей огромной радости, мы заметили большое стадо лошадей, пасущихся на поросших травой склонах, а вскоре увидели аул, до которого очень быстро добрались. Как мы выяснили, аул принадлежал султану Ямантуку — самому прекрасному человеку, каким я нахожу его. Он прибыл сюда за три дня до нас и обосновался близ того места, где были похоронены его предки. Высокие конической формы гробницы, сложенные из обожженных под солнцем кирпичей, были воздвигнуты над их

прахом, и каждый год султан со своим племенем посещает это место, останавливаясь на 7-8 дней.

Султан и его семья в значительной степени самые интеллигентные люди из всех, кого я встречал в этой части Азии. Пока я гостил у султана, в свой аул вернулись киргизы из степей Гоби. Я собирался отправиться на Алаколь, и султан в качестве эскорта предоставил мне 8 человек и несколько лошадей. Проведя один день в ауле султана, мы отправились в путь, пересекая равнину в южном направлении. Два часа хорошей езды, и мы покинули пастбища и вступили в песчаные пределы степи. Теперь мы направились прямо к Алатау (Пестрые горы) и увидели снежные вершины Актау (Белая гора), которая образует гребень гряды, несколько пиков которой возвышаются на 14-15 тысяч футов над уровнем моря. Мы прошли через несколько скалистых кряжей, которые поднимались над степью, вдаваясь в нее, некоторые достигали 300 футов в высоту. Почти в полдень я подъехал к вершине одного из них и впервые увидел Алаколь, но до него было еще далеко. В поле нашего зрения не было ни одного аула. Киргизы беспокоились, как ехать дальше, так как ни воды, ни травы невозможно было обнаружить на этой неприветливой мрачной земле. Единственными живыми существами здесь были скорпионы и тарантулы — довольно скверная пища на обед. Мы проследовали несколько групп древних захоронений, это навело меня на мысль, что когда-то этот участок степи являл из себя пастбища, на которых паслись огромные стада лошадей и верблюдов, что это место населяли люди, вероятно, обрабатывавшие землю. Время клонилось к закату, когда мы увидели белый дымок, клубами поднимавшийся из-за невысокого песчаного холма. Поднявшись на него, мы увидели небольшой поток воды и зеленую траву, покрывавшую маленькую долину, на которой паслось много домашней скотины. Через полчаса мы уже были в ауле, где вызвали большой переполох. Мы успокоили киргизов, уверяя их, что мы не грабители; и, как обычно, они зарезали барана, и в честь нас был устроен пир, который каждый из нас оценил по достоинству.

Дорога на Алаколь. Перед отъездом нас предупредили, чтобы добраться до Алаколя, нам потребуется целый день. Там, на месте, нужно будет найти широкие и глубокие места, чтобы проплыть, пересекая большой и малый Алаколь. Желательно было взять с собой двух человек из аула, которые знали дорогу, так как без них в таком лабиринте камышей и тростника путешествие было бы трудным и опасным. Вскоре мы оказались на песчаной равнине, по которой было очень утомительно продвигаться, потому что лошади проваливались глубоко в песок.

Поздно вечером мы обнаружили небольшой аул на берегу маленькой речки, и здесь киргизы предложили остаться на ночь. Рано утром мы были уже в пути, в полдень добрались до Тарсахана — очень глубокой, быстрой и опасной реки, протекающей меж высоких песчаных берегов и несущейся подобно стремительному горному потоку. Огромная опасность подстерегала лошадь: при переправе через реку ее могло потащить течением — и тогда нет никакого шанса на спасение ни у лошади, ни у человека. Так как место, по которому мы могли перейти, было узким, сначала пошел один киргиз, затем казак, и оба благополучно перебрались на другую сторону; за ними последовал я, за мной — остальные, и все обошлось. Киргизы говорят, что здесь часто бывают несчастные случаи, когда оба — и человек, и лошадь — тонут; тем не менее эти люди не сделали даже попытки соорудить какой-нибудь мост.

Облако песка. После переправы через реку мы обошли заросли камыша, разросшегося на несколько верст. Пока мы ехали, я заметил облако песка, поднимающегося высоко в воздухе, но это было настолько обычное явление, что я не обратил на него особого внимания, пока мы не прошли заросли камыша и перед нами не открылся вид на степь, раскинувшуюся верст на 50-60. Тут я заметил, что плотная черная масса жуткого вида катится прямо на нас, растянувшись примерно на версту. Когда киргизы увидели это, они в страшной тревоге повернули своих лошадей и галопом понеслись обратно под укрытие камышей. Мы с казаками несколько минут стоя наблюдали, а затем тоже понеслись в укрытие. Киргизы надежно укрыли своих лошадей и заставили меня лечь. Вскоре мы услышали рев урагана, он быстро надвигался, закрывая солнце и набрасывая мрачную темную тень на окружающую местность. Через несколько минут пронесся страшный порыв ветра, повалив камыши и тростник прямо на нас. Поднять голову было невозможно, мы были буквально окутаны густым облаком пыли. Через 5 минут буря умчалась, а затем я увидел, что нас накрыло только краем облака, так как оно неслось с дикой скоростью. К счастью, буря не застала нас в степи, в противном случае, и люди, и животные могли бы погибнуть. Когда облако ушло на приличное расстояние, оно стало похоже на страшную черную тучу.

Алаколь. Удачно избежав пыльной бури, мы вскоре прибыли на берег Елжин-сагаша, широкой и глубокой речки, через которую мы должны были переправить лошадей. Мы разделись и сняли седла; мою одежду, рисовальные принадлежности и оружие несли киргизы, держа все это над головой, некоторые переплывали реку со своими лошадьми по 4-5 раз. Между озе-

рами было три глубоких реки, через которые нам предстояло переправиться. Преодолев все это, мы добрались до побережья большого Алаколя, который достигает около 60 верст в длину и 25 — в ширину; на расстоянии двух верст от северного побережья имеется небольшой скалистый остров, поднимающийся из воды примерно на 100 футов. Узкий выступ из скал протянулся далеко в озеро и почти соединился с островом. Узкие рифы из скальных пород верст на 10 тянутся от одного побережья до другого, по ним можно пройти. В это озеро впадает 8 рек, а стока нет, вода исчезает в процессе испарения. Здесь летом сильно жарко: когда мы двигались по песчаному участку степи, протянувшемуся вдоль южного берега, было 45°.

Барон Гумбольдт утверждал, что на острове Алаколя находится вулкан; так рассказывали ему татарские купцы, пересекающие степь со своими караванами. Но никакого действующего вулкана в этом регионе нет, ближе всего к этому месту находится вулкан в пустыне Гоби, он указан на моей карте, и Пешан — в Синьцзяне. Во время моих странствий в Каратау, Алатау и Актау я не обнаружил ни одного кратера.

Султан Бек. Теперь мы свернули на запад в поисках аула султана Бека — самого большого человека и самого богатого киргиза в степи. У него 10 000 лошадей, верблюды, быки и овцы соразмерно такому огромному стаду. Был уже поздний вечер, когда мы нашли его: возможно, мы потревожили его сон и этим вывели его из себя, так как он был чрезвычайно груб, и послал нам паршивую овцу. Она вернулась к нему с моими комментариями и посланием, что мы не едим подобной пищи и нам от него ничего не нужно. Я горел желанием, чтобы казак передал ему, что он был первым султаном, который вел себя так не поджентельменски по отношению ко мне, и, несмотря на большое тело, у него сердце мыши. Это привело его в ярость, он велел нам убираться вон, угрожая, что если мы не двинемся немедленно, его люди сбросят нас в озеро. Казак ответил, что если он или кто-то из его людей подойдет близко к нашему лагерю, мы будем стрелять; сказав все это, он вышел из юрты и рассказал о разговоре нам. Прошло какое-то время, и вдруг мы увидели двух девушек, направляющихся к нам и ведущих барана, которого прислал султан, с мольбой принять его, так как он был самым лучшим в его стаде. Они уверяли меня, что султан хочет нанести мне визит, предлагает остаться настолько, насколько я захочу, и обещает дать мне людей и лошадей, когда я буду уезжать.

Его баран был принят, и послание вернулось с ответом, что я буду рад принять его. Вскоре мы увидели как к нашему лагерю приближается его огромная масса. Он приветствовал меня в

обычной манере, коснувшись своей груди рукой, после чего мы сели и стали друзьями. Он выпил со мною чаю и остался, чтобы отведать мясо своего собственного барана. Пока все готовилось, он приказал своему поэту спеть для нас. Человек повиновался и спел песни, описывавшие и воспевавшие доблесть и славные грабительские рейды моего хозяина и его предков, что вызвало гром аплодисментов его соплеменников. Проведя более 2 часов в компании султана и его барда, мы расстались, рассыпаясь друг перед другом в самых изысканных выражениях. На следующее утро, прежде чем отправиться в путь, я нарисовал султана Бека и его семью. Он кормит своего беркута — охота с королем птиц является его любимым видом спорта. Еще до обеда я сказал «аман бул» и покинул аул в сопровождении десяти людей султана, кроме того, мне были предоставлены хорошие лошади.

Из аула наш путь пролегал в юго-западном направлении примерно в 20 верстах от подножья Каратау, горной гряды, круто поднимавшейся над степью. Она состоит главным образом из скал темно-пурпурного сланца, лишенных растительности и поднимающихся не более чем на 600 футов. Но здесь имеются несколько великолепных узких ущелий, по которым небольшие речушки проложили свой путь в степь. Нам опять пришлось проехать по песчаной равнине, протянувшейся до побережья озера Тенгиз. После двух дней путешествия мы обнаружили, что киргизов стало гораздо больше. Их аулы и жилища так похожи друг на друга, что нет необходимости повторяться, описывая их.

Султан Булания. На четвертый день после того, как мы покинули аул султана Бека, мы начали искать стоянку султана Булания. Если первый был самым крупным человеком в степи, то султан, которого мы сейчас искали, был самым просвещенным и талантливым среди киргизов. Переночевав в ауле на реке Лепсы, мы узнали от его обитателей, что аул султана мы найдем вверх по реке примерно за два дня путешествия; и вскоре после рассвета мы покинули этих людей и поехали в указанном направлении. Лепсы — большая речка, бегущая между высоких песчаных берегов; в некоторых местах она разливается в широкие мелководные заводи, покрытые тростником и камышом, хотя кое-где имеет довольно быстрое течение. Вскоре мы добрались до волнообразных песчаных холмов, в них с каждым шагом все глубже увязали наши лошади, и это существенно замедляло наше продвижение. К полудню мы прошли не более 20 верст, а когда вышли на равнину, усыпанную сотнями песчаных курганов, то обнаружили, что попали в настоящий лабиринт. Когда мы, петляя, пробирались через эти бугры, встретили вооруженных ружьями киргизов — авангард султана, следовавший на не-

большом расстоянии от нас. Вскоре мы встретили и его самого, и он пригласил меня сопровождать его в аул.

За несколько лет до этого султан посетил генерал-губернатора Западной Сибири, который во время моего пребывания в том регионе, от души желая мне помочь, написал султану письмо, поручая меня его заботам. Оно было написано на татарском языке, на котором мулла умел читать. Когда содержание письма было передано Булание, он приказал мулле выписать паспорт, который был принят в Средней орде и способствовал бы моему путешествию; кроме того, этот документ помог бы мне при встрече с султанами Большой Орды. Будучи в этом ауле, я написал портрет султана.

На рассвете мы тронулись в путь в сопровождении десяти киргизов султана, который приказал эскортировать меня до следующего аула, до которого мы добрались после долгого путешествия, когда уже наступила ночь. Местность, по которой мы проезжали, была покрыта густой травой, и тысячи лошадей паслись на этих бескрайних пастбищах. Во время путешествия я с восхищением смотрел на Алатау, высокие снежные пики Актау, вздымающиеся высоко в небо. Когда смотришь с этих равнин, раскинувшихся подобно морю, горная цепь производит самый потрясающий, самый впечатляющий эффект. Желтовато-зеленая трава и красно-оранжевые оттенки песка вдоль подножья Каратау образуют удивительный контраст с темно-пурпурно-багрово-фиолетовыми скалами, в то время как выше виднеются горные хребты Алатау, а над ними возвышаются едва различимые в туманной дымке неясные очертания вершин Актау с их вечными снегами и ледниками.

Здесь, воспользовавшись случаем, мне, надеюсь, удалось сделать бесценные наброски уникальных горных пейзажей. С гор Алатау в степь бегут семь речек, три из них находят свой путь до озера Тенгиз, остальные теряются в песках, образуя в степи обширные и опасные болота и топи.

Древние гробницы. В степи встречается много древних гробниц и некоторые из них, очень большие, построены в разные периоды времени и разными народами. Огромные могильные холмы и курганы — самые древние, один из них сложен из камня, это — круг, имеющий 364 фута в диаметре, он образует куполообразный курган 34 футов высотой. Камни округлой формы были взяты в реке Лепсы, которая протекает по долине примерно на расстоянии 8 верст. Ни один из них не превышает 12 дюймов в диаметре, но большинство камней еще меньше. Кому принадлежит захоронение, киргизы не знают, никаких сведений в их легендах не сохранилось. Подобные творения

они считают дьявольскими, говорят, что их повелитель — шайтан, главный хозяин всего. На этой равнине находятся и более современные захоронения, тоже округлой формы. Я обследовал одно, которое составляло 25 футов в диаметре с каменными стенами в 4 фута толщиной. Оно поднималась на 50 футов в высоту, приобретая форму домны, с отверстием наверху с одной стороны размером 2 квадратных фута на высоте 4 фута от земли. Через него я смог обследовать внутреннюю часть, где обнаружил две могилы, покрытые большими каменными глыбами, вне всяких сомнений, доказывающие, что верхнее сооружение было возведено над ними. Киргизы уверяли меня, что эти гробницы были построены народом, который населял эту местность до калмыков. Третий тип гробниц, как они говорили, был построен Тимур-ханом и его народом из обожженных на солнце кирпичей, и по своему внешнему виду имеет магометанский стиль.

Недалеко от группы захоронений я нашел аул султана Али Ихолди — знатного человека, который утверждал, что он, как и его предки, ведет свое происхождение от Тимур-хана.

Султан Суюк. Заночевав в ауле султана, люди Булании вернулись домой, а мы последовали вперед с другим эскортом, предоставленным моим хозяином. Через некоторое время мы оказались на безлюдной равнине, протянувшейся до озера Тенгиз. Киргизы заявили, что теперь пастбища мы обнаружим только по берегам речушек. Это была территория Большой Орды, местность имела самый пустынный вид. Мы приближались к западной оконечности Каратау, которая представляла собой множество холмов, спускающихся вниз на равнину. Пройдя эту часть пути, мы продолжили наше путешествие почти прямо на запад и проехали через несколько глубоких, опасных и труднопроходимых болот. Вечером мы разбили лагерь на берегу маленькой речки, где нашли прекрасное пастбище для наших лошадей. За четыре дня мы совершили самое неинтересное путешествие, а на пятый прибыли в аул султана Суюка. Более известного грабителя и разбойника в степи трудно найти. И хотя сейчас ему 80 лет, он может участвовать в барымте; многие разбойничьи вылазки планируются им. В другой раз, когда я останавливался в его ауле, из Средней Орды к нему приходили несколько киргизов, умоляя вернуть их жен и детей, которых увезли с собой его бандиты, они составляли часть его доли награбленного, но старый мерзавец не вернул ни одного человека. Он получал пенсию от Российского императора, продав ему свою землю, и обманывал Его Императорское Высочество. Во время одной барымты боевым топо-

ром ему повредили нос, и он у него был искривлен. Когда я рисовал его, он очень просил не рисовать его теперешний нос, а нарисовать нормальный, который был у него прежде, иначе Император может узнать о его грабительских привычках. На портрете он изображен сидя, одетый в ярко-красное пальто, с золотой медалью и саблей, присланными ему Александром I, чем он чрезвычайно гордился.

Восхождение на Алатау. Покинув аул султана в сопровождении его самого и его людей, мы повернули на юг, поднимаясь на первые хребты Алатау. Сначала, когда приближаешься к ним, они кажутся невысокими холмами, по сравнению с колоссальными массами, возвышающимися над ними и прорезанными многочисленными глубокими и скалистыми ущельями и лощинами, в которых бурлящие горные потоки, вспениваясь, несутся на равнину. Добравшись до первой вершины, я увидел огромный курган, возведенный из грубых камней, на котором стояло много длинных крепких палок, украшенных конскими хвостами, пучками длинных волос и маленькими кусочками шелка, которые развевались на ветру. Киргизы относятся с величайшим почтением к этой гробнице, у них есть легенда, что это могила одного могущественного калмыка, который настолько справедливо правил своим народом, что все были счастливы. Они верили, что он до сих пор наблюдает за теми, кто населяет его царство. Здесь, после очередного пиршества с бараниной, султан Суюк после обычных слов приветствий попрощался со мной и отбыл с визитом к своим друзьям, до которых нужно было добираться два дня по степи. Там его ожидала большая компания, чтобы устроить гонки на лошадях и другие спортивные состязания.

От старой гробницы мы отправились на юг через плоскогорье, с которого поднимались высокие вершины Алатау. Через несколько часов мы прибыли к реке Балыкты, которая пересекает плато в глубоком каменистом ущелье, куда мы спустились с величайшим трудом. Внизу по берегам реки росли огромного размера тополя; кроме того, встречалась береза, осина и кое-где цветущий кустарник. Здесь было полно птиц — некоторые с красивым зеленым оперением на шейке и грудке, переходящим в коричневые тона на спинке и хвосте; другие — с черными головками, темно-малиновыми перьями на шее и горлышке, а все остальные — синевато-голубоватого серого цвета. Голубей здесь множество. Зарисовав вид на ущелье, сквозь которое виднелись снежные пики Алатау, я продолжил свой путь, и еще до вечера мы добрались до большой расселины в горах и разбили лагерь. Ранним утром на следующий день мы начали подь-

ем на Алатау по этому ущелью, в котором протекает Шымбулак (чистый источник, родник). Это было поистине непроходимое место, проехать на лошадях было невозможно, нам часто приходилось выискивать путь вдоль края скалы по выступу в 200-300 футах над стремительным горным потоком. В некоторых местах стояла вода, образуя глубокие озерки, далее она перескакивала с горы на гору, образуя два-три водопада, и неслась с ужасным ревом и грохотом вниз по ущелью.

Десять часов путешествия вывели нас к месту, с которого передо мной открывался прекрасный вид. Скалы по левую сторону состояли из темно-красного порфира, переходящего в коричневый с белыми прожилками и вкраплениями. Их краски, так же, как и многих других, встречавшихся мне во время странствий, были настолько яркими и живыми, что точность их воспроизведения на моих картинах была бы сомнительна без собранных мной образцов. Необычные колонообразные глыбы в центре — базальт, а обрыв справа — сланец и яшма. На большую скалу, нависшую над водопадом, добраться на лошадях было невозможно. Однако мне удалось взобраться на эту ложбину пешком и оттуда добраться до верха высоких бесформенных скал, откуда открывался великолепный вид на Актау. Я перенес этот пейзаж на бумагу, затем мы спустились и направили свои стопы вниз в ущелье. Оказалось, спускаться гораздо труднее, чем подниматься, но, наконец, мы добрались до ущелья на западе, которое облегчило нам подъем на гору, уходящую высоко вверх над ним.

Долина Актау. С этого места мы прошли через высокий хребет и продолжили свой путь на Актау, ступив на одну из высоких богатых травой долин; в ущельях росли низкорослые деревья и прекрасная сочная трава. Эта долина находится так высоко, что киргизам очень сложно добираться до нее со своими стадами. Поэтому только олени, дикие козлы и дикие бараны здесь щиплют траву и объедают кусты. Мы несколько раз встречали их и наблюдали за ними, но на большом расстоянии, ибо к ним чрезвычайно трудно приблизиться. Наш лагерь находился в прекрасном укромном месте под высокой гранитной скалой на толстом ковре из трав с маленьким горным ручьем, который, журча и пенясь, придавал ему особое очарование. А на юге возвышались высокие пики рядом с источником быстрой реки Чадча.

За время путешествия, длившегося 10 дней, в этих горных регионах я сделал множество зарисовок величественных горных пейзажей; и каждый значительно отличается от другого своими какими-то особыми удивительными характеристиками. Сейчас я добрался до западной оконечности Алатау

и повернул на юг, исследуя несколько долин. На Терриксу я обнаружил большое племя киргизов, находившихся на своих летних пастбищах. Долина, широкая и богатая травами, была вся заполнена пасущимися стадами лошадей, верблюдов и другим домашним скотом. Здесь множество могильных холмов, некоторые большие, они в высшей степени почитаются местным населением. Судя по их количеству, я пришел к заключению, что когда-то эта местность была густозаселенной. Я также видел многочисленные каналы, созданные древними народами, которые направляли воду с гор для полива земли, что в значительной степени свидетельствует об их инженерном мастерстве. Но это был не пастушеский народ, подобно современному. Здесь также имеется несколько земляных сооружений, которые когда-то составляли их укрепленные становища и поселения. Киргизы смотрят на них с благоговейным ужасом, веря, что они созданы шайтаном и его легионом.

Успешная барымта. Вскоре после нашего прибытия в аул на Терриксу пришел татарский купец и пригласил меня на чай в свою юрту. Он здесь обменивал свои товары на киргизский скот, который отводит в Китай, откуда снова возвращается с китайскими товарами. Каждый султан и вождь имеет своего купца, так же, как своего муллу, и оба являются очень важными личностями в племени. Люди только что вернулись после успешной барымты и теперь все время пили и праздновали это, очевидно, великое событие. Добыча, должно быть, была невероятно огромной; в самом деле, купец рассказал мне, что они увели около 2000 лошадей, 400 верблюдов, кроме того, много мужчин, женщин и детей, которых они держали за рабов. Однако это стоило им нескольких жизней, и он указал на две юрты, где в тот момент лежали убитые.

Мы без сожаления покинули людей, которые безнаказанно занимаются грабежом, убийством и ведут разгульный образ жизни. Их ожидает возмездие, когда ограбленные ими племена смогут собрать достаточно сил, чтобы отомстить. Таким образом, практически все население постоянно находится в состоянии войны. Покинув аул рано утром, мы почти в полдень прибыли на реку Кора, через которую переправились за полчаса, добрались до Чунжа, где у нас была юрта, установленная в восхитительном месте около воды. После чая я начал рисовать пейзаж, где река прокладывает себе путь сквозь высокую гранитную гору. С величайшим трудом я пролез через этот огромный проем и получил прекрасный обзор снежных гор, поднимающихся на много тысяч футов надо мной, они настолько крутые и скалистые, что на них просто невозможно подняться.

У подножья водится много тигров, во всяком случае, так говорят киргизы, но я не видел ни одного во время своих прогулок. Я видел отпечатки их лап и был бы рад увидеть хоть одного на расстоянии ружейного выстрела.

Легенда. Мы поднялись на гору с северной стороны, которая оказалась каменной, и путь наверх оказался трудным. Проехав около часа, мы наткнулись на скальную глыбу, выступающую почти перпендикулярно реке. Через это место мы должны были проехать, а самое ужасное — было страшно смотреть вниз на ревущий горный поток около 1000 футов внизу под нами. С этого места мы вскоре добрались до вершины, которая предоставила обзор всей равнины Каратала до озера Тенгиз и дальше, пока она не терялась в сизо-голубой дымке. В южном направлении мы видели высокие горы, возвышавшиеся недалеко от китайского города Кульджа и реки Или. Одна высокая вершина в этой цепи называется Угенташ. Существует легенда, что один китайский император потерял здесь свое золотое седло, отсюда это название и произошло. Рано утром, покинув юрту, в которой я ночевал, я поднялся в горы с восточной стороны, они простирались вдоль южной стороны реки Чунжа. С первой вершины я обнаружил великолепный вид на место слияния трех рек, которые образуют Каратал, и равнину, по которой он протекает. Были также видны река Тентек и горы близ Или, я зарисовал их, затем продолжил путь вдоль гребня гряды и через 2 часа перешел линию, за которой даже летом лежал снег, и обнаружил, что там, где снег таял, лошади было очень трудно идти. Я выбрал точку, с которой открывался обзор на долину Чунжа до Актау со стремительным горным потоком, несущимся по скалам с чудовищным шумом. Я находился далеко выше линии вечных снегов: на востоке один за другим поднимались бесконечные горные пики, их белые гребни возносились высоко в небо такого интенсивно голубого цвета, что, глядя на него, казалось, что оно почти черное. Повернувшись на запад, где-то далеко в туманной голубой дымке я увидел озеро Тенгиз, сверкавшее, словно отполированное серебряное блюдо. Проезжая вдоль гребня горы, я обнаружил огромное разнообразие цветов — ирис (белый, пурпурный, желтый, розовый с коричневыми оттенками), пионы, первоцвет и множество других. Завершив работу над рисунком, я начал спускаться к реке Тек-ел-айрик с другой стороны, где обнаружил совершенно необычный восхитительный пейзаж, затем через три часа подъехал к Тек-ел-айрику, быстрому ревущему горному потоку. Я также пересек высохшее русло некогда огромной реки, чье течение можно было проследить по глубокому каналу и круглым камням, которые формировали ее ложе. Но сейчас воды не было, а какие причины вы-

звали изменения ландшафта, сказать невозможно. Скалы, мимо которых я проезжал сегодня, в основном состояли из сланца, в некоторых местах из порфира. В маленькой ложине я нашел заросли кустарника и несколько цветущих кустов, а земля до самых снегов была усыпана цветами: в самом деле, белые крокусы росли повсюду почти рядом со снегом.

Река Кора. Мой дальнейший путь пролегал к реке Коре; ее появление при входе на равнину поистине грандиозно, ибо она бежит через трещину в высокой горе, где скалы поднимаются на высоту нескольких тысяч футов. Поскольку я решил исследовать этот мощный проход или ущелье и зарисовать удивительный пейзаж, мы оставили лошадей в устье глубокой расселины, потому что проехать на них вверх по этому проходу практически невозможно, и никакой тропы тоже невозможно было найти. Нам пришлось взбираться по огромным глыбам нагроможденных скал, под некоторыми иногда приходилось даже проползать, так как они были настолько высокими, что взобраться на них было просто невозможно, в других, словно в тропическом лесу, мы обнаружили буйные заросли кустарника и других растений. Пять часов отчаянного карабка по скалам привели меня к месту, через которое я не мог пройти дальше; отсюда, от бурлящего потока, скалы уходили вверх абсолютно отвесно, делая подъем на вершину невозможным. Взобраться на нее нельзя ни весной, ни летом, а зимой эта расселина глубоко засыпана снегом и на сотни верст не встретишь ни одного аула. Было бы безумием пытаться добраться туда в такое время года; таким образом, эти величественные и дикие пейзажи закрыты для человека, и никто не побеспокоит тигра в его логове, медведя в его берлоге, а маралы и дикие олени спокойно и в безопасности бродят по лесам. Среди этих утесов я застрелил огромного бородатого орла.

Великое плато. Сделав несколько набросков, я вернулся к лошадям и стал подниматься в направлении большого плато между горами, куда я прибыл вечером, уставший и голодный. Темные облака, закрывавшие горы, исчезли, небо очистилось, открыв мне восхитительный вид на Алатау, который простирался в сторону Или — снежные пики, сверкающие словно рубины в лучах заходящего солнца, тогда как ниже их все было окрашено в голубые и пурпурно-багровые тона, на которые медленно наплзали вечерние тени, постепенно скрывая нижние части горной гряды. На переднем плане этой картины стояла моя юрта, возле нее в огромном котле киргиз готовил мясо овцы, а вокруг ходили и лежали лошади и верблюды. Как бы я не устал, я не мог устоять, чтобы не изобразить эту сцену, кото-

рая всегда будет воскрешать в моей памяти эти удивительные картины природы, точно так же, как и потрясающе красивый закат над степью, который я имел удовольствие видеть много раз. К югу от этого плато Алатау возносит свои недоступные и живописные пики, многие из которых покрыты вечными снегами, тогда как само плато покрыто прекрасной сочной травой и служит отличным пастбищем для выпаса скота; и вскоре киргизы переберутся сюда недели на 2-3. Здесь я обнаружил множество могильных курганов, один из них имел 200 футов в диаметре и 40 футов в высоту, со рвом вокруг него 20 футов в ширину и 6 футов в глубину. Круглое углубление наверху 10 футов глубиной. Обследовав этот величественный курган, я пришел к заключению, что это могло быть укреплением или захоронением. С западной стороны близко ко рву находятся 4 груды больших камней, образующих круг; это были, я полагаю, алтари, на которых совершались жертвоприношения. Но кому они принадлежали и когда были поставлены, никто не может сказать. У киргизов существует легенда, что они принадлежали народу, который (по какой причине, они не могут объяснить) решил предать друг друга смерти, а могильные курганы были возведены, чтобы помещать туда тела еще до начала истребления друг друга. Они говорят, что отец убивал жену и детей, за исключением старшего сына, на чью долю выпадало убить отца, а затем себя. Название, которое киргизы дали этому народу, означает «себя убивающие».

Теплый источник. Покинув это место, вызвавшее во мне грустные мысли, мы продолжили свой путь к реке Капал. Этот поток воды предоставил возможность любоваться множеством изумительных картин; мною запечатлен один из пейзажей, где вода удивительным образом пересекает обрыв и обрушивается в глубокое узкое ущелье, откуда она с оглушающим ревом несется дальше. Необычные формы этих скал и их удивительные краски делают это место восхитительно привлекательным. Я сделал несколько попыток добраться до подножья водопада, но оказалось это невозможно из-за скользкой поверхности скал, по которым нужно было взбираться. Недалеко от этого места я обнаружил арасан, или теплый источник, который поднимается в ложине, образованной из желтого и пурпурного мрамора поразительной красоты. С этого места были видны покрытые снегом вершины Алатау, вздымающиеся вверх на невероятную высоту.

Источник бьет из темных мраморных скал примерно на высоте 400 футов над устьем потока, и зимой, и летом и имеет 29 градусов по Ремюору. Много веков назад калмыки соорудили здесь ванну, которую до сих пор посещают татары, киргизы

и китайцы. Для покрытых паршой и больных другими кожными заболеваниями, говорят киргизы, прием нескольких таких ванн производит лечебный эффект, они считают эту землю священной и не позволяют осквернять и засорять ее. Сделав набросок этого скалистого и живописного места, я спустился в ущелье, проходя по свалившимся сверху глыбам и по очаровательной местности, протянувшейся верст на 10.

Романтическое место. Затем мы пересекли горы и с вершины одной из них предо мной предстали несколько восхитительных пейзажей. Долина шириной около 30 верст проходит от подножья Алатау до Каратау, а к востоку поднимается священная гора, которую киргизы называют «Бианжарук» в честь каких-то из своих святых, к которым они относятся с величайшим почтением.

Бианжарук практически со всех сторон окружен степью, а за ним около источника Актау высятся горные пики. Еще дальше виднеются самые высокие вершины горной цепи — груды скальных пород, снег и лед, откуда берет свое начало река Сарканд. Отсюда мы направились к большой расселине в горе, здесь скалы были разорваны на две половины, и голые пласты залегали на колоссальную глубину. Эта глубокая расселина была около 200 ярдов шириной и в некоторых местах более чем в два раза глубиной. С величайшим трудом я спустился на дно, где нашел роскошный ковер из трав, усыпанных цветами, кое-где росли гигантских размеров кедры. Это было романтическое место, где я сделал несколько набросков. Лошадей отправили вниз по горе к устью ущелья, и после многочасовой прогулки я нашел их пасущимися около небольшого горного родничка, где все уже было готово для ночлега.

Рано утром мы пересекли другой отрог цепи и добрались до восточного рукава Капала. Я проследовал по нему вверх, пока он не привел меня к более высокой части Алатау, где я оказался среди удивительно величественных и восхитительных пейзажей, многие из которых пополнили мой альбом. Поздно вечером мы добрались до водопада, который буквально обрушивался из под массы льда, образующего арку, за которой высились покрытые снегом горы. На небольшом расстоянии находится конической формы гряда сланцевых скал, поднимающихся на 800-900 футов выше водопада. В этом регионе растительности почти нет, и только мелкий лишайник все еще пробивается вверх.

Падающий источник. Проведя три дня в этом горном регионе, мы вернулись на равнину по другой дороге и посетили Тамши-Булак, или Падающий источник, — один из самых удивительных и потрясающих воображение. Он находится у

одножды Алатау. Вода появляется, просачиваясь из скал, тысячами тоненьких струй, которые сверкают, подобно россыпи бриллиантов, в то время как скалы, имеющие многообразие ветов и красок, проглядывающих сквозь эти струи, создают впечатление бесчисленных капель жидкого огня. В этих скалах виднеются несколько небольших гротов, а вода падает в большой бассейн, из которого переливается на упавшие груды камней и мощным стремительным потоком несется дальше.

С этого места наш путь пролегал на восток, и после многодневного путешествия мы добрались до Аксу. Мы ступили в узкое ущелье в горах и обнаружили, что с некоторых высоких скал довольно трудно подняться вверх. Сделав набросок красивого вида на реку, я проследовал дальше пешком и сделал еще один рисунок, после чего прошел небольшое расстояние, но вскоре обнаружил, что дальше пройти совершенно невозможно. Река протекает между отвесными скалами, не оставляя никакого места, где человек мог бы ступить ногой, тогда как внизу несется мощный ревуший поток, перескакивая через огромные скалуны и скалы со страшной скоростью и на своем пути вниз разрывая пополам деревья, словно тонкие прутики. Никто не может подняться выше этого места. Если эту реку когда-нибудь будут исследовать, то это должно происходить зимой, когда поток замерзнет, но тогда ущелье будет забито снегом, делая его, таким образом, совершенно непроходимым. По всей вероятности, человек никогда не увидит всей величественности этого потрясающе красивого глубокого ущелья. Киргизы говорят, что по нему можно перейти за два дня, но места, где можно было бы спуститься к реке, нет. Снег на Актау, включая нижние участки, в это время уже настолько глубок, что нельзя предпринять попытку путешествия на ту сторону, даже совершив самое трудное восхождение на эти горы, где-то в конце июля можно было бы подняться в горы пешком, туда, где Аксу берет свое начало, но даже это сомнительно. Должно быть, когда-то очень давно здесь произошло страшное землетрясение или какой-то другой катаклизм: скалы нагромождены под самыми разными углами наклона, тем не менее, я не нашел никаких следов вулканической активности. Землетрясения случаются довольно часто в этом регионе, последствие двух я уже ощутил на себе. В тот вечер я сделал набросок Аксу, на фоне которой изобразил киргизов, перевозивших через нее свои стада и табуны, что было делом величайшей трудности. Эти люди напоминали греков, когда голыми сидели на своих лошадях, управляя ими с большим мастерством и мужеством, порой бросаясь в воду с риском для собственной жизни, чтобы спасти овцу или козу.

Удивительно красивый водопад. Мы разбили свой лагерь в самом прекрасном месте, откуда открывался великолепный обзор на горы на востоке и западе, а также на долину Гилдерагараги. Но вскоре обнаружили, что сделали все это за счет своего удобства, так как ветер грозился в любой момент унести нашу юрту. Наконец, мы закрепили ее с помощью веревок и кольев, и только потом посчитали, что мы в безопасности. Рано утром я отправился в горы зарисовать Гилдерагараги — красивый водопад в Актау. Где-то около версты наш путь пролегал по равнине, затем мы натолкнулись на гору, резко и круто поднимающуюся вверх, глубокая расселина разрезала ее на две половины. Вдоль одного из хребтов, острых и узких, мы начали подниматься и через три часа добрались до места, но обнаружили, что на него провести наших лошадей было невозможно. Здесь открывался восхитительный вид: было видно, как вода, перескакивая через обрыв одним потоком водопада высотой 800 футов, обрушивается вниз, а когда достигает дна, распыляется на мириады мелких брызг. После чего она снова собирается и несется дальше вниз по узкому ущелью, сбиваясь в бурлящую белую пену. Чтобы сделать хороший рисунок, мне было необходимо спуститься в это великолепное ущелье, что было связано с огромным риском. Казаки сопровождали меня, и мы добрались до дна без приключений. Когда стоишь внизу и смотришь вверх на водопад, он потрясает своей грандиозностью и величием, а рев воды заглушает звук наших голосов, так что услышать что-либо невозможно.

На волоске от смерти. На небольшом расстоянии от водопада в сланцевых скалах виднеется естественная арка, которая перекрывает стремительный поток. За ней вода обрушивается вниз множеством водопадов, которые достигают плато, расположенное ниже, примерно в 5000 футах, и находящееся отсюда примерно в 2 верстах. Дикий девственный вид этого места нужно увидеть своими глазами, чтобы воочию представить его во всем его удивительном великолепии.

Я покинул горы Алатау и Музтау, по которым бродил 123 дня, посещая самые потрясающие воображение места, которые я запечатлел в своем альбоме на 109 рисунках. Много раз в этих регионах я сталкивался лицом к лицу с опасностью, однако провидение хранило меня. Однажды один киргиз выпустил пулю из моей собственной винтовки, которая раздробила камни в трех дюймах выше моей головы. И, тем не менее, я с сожалением покидал эти места, мысленно возвращаясь к пурпурным вершинам и снежным пикам, вспоминая только счастливые дни, которые провел среди этих удивительных пейзажей.

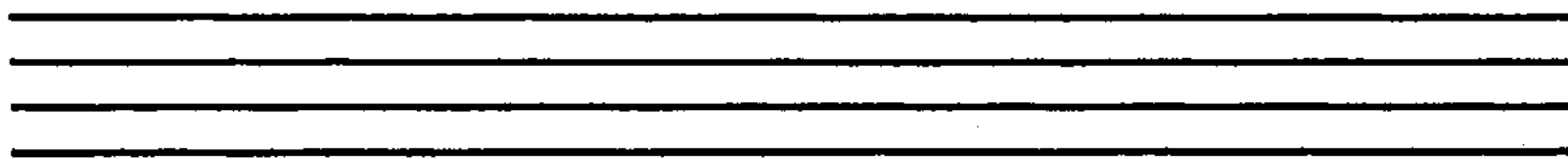
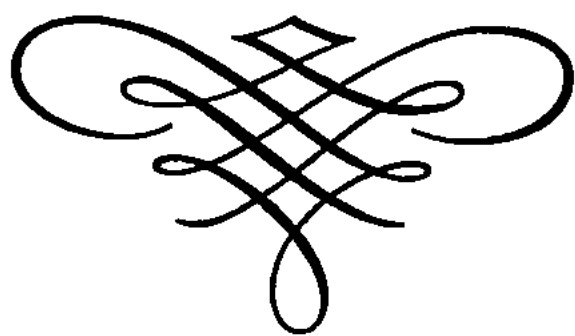

ВОСПОМИНАНИЯ
О
СТЕПЯХ ТАТАРИИ
И ИХ
ОБИТАТЕЛЯХ

С новым вступлением доктора А.Г. Гросса

Atkinson L. Recollections of Tartar Steppes and Their Inhabitants. — London, 1863; 2 edition. — London, 1972

ВСТУПЛЕНИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ. РУКОПИСЬ ЗАБЫТОЙ ЖЕНЫ

В своей повести «Барышня-крестьянка» Александр Пушкин дает яркое, образное описание своей героини гувернантки-англичанки мисс Джексон, «сорокалетней чопорной девицы, которая белилась и сурьмила себе брови, два раз в год перечитывала Памелу и умирала от скуки в этой варварской России». Столетие до этого, в царствование Анны Иоановны, мисс Елизабет Джастис, гувернантка в семье английского купца в российской столице тоже аналогичными словами сетовала на эту страну и коротала время, перечитывая «The Spectator» и занималась написанием писем своему другу, публикация которых превратила ее в первую английскую писательницу, рассказавшую о России. В век Екатерины Великой англomania стала характерной чертой, все же надо признать, небольшой части петербургской аристократии. И к тому времени, когда Пушкин стал признанной фигурой на общественной сцене, английские гувернантки, горничные и экономки были уже довольно популярны в русских семьях. У некоторых друзей Пушкина тоже были гувернантки-англичанки, и вскоре после возвращения из ссылки в Москву в 1826 г. он, вероятно, мог познакомиться с гувернанткой, чье социальное положение значительно отличалось от того, какое занимала мисс Джексон и которую он описал несколько лет спустя. Клэр Клэйрмонт, одно время бывшая любовницей Байрона и мать его дочери Аллегры, весной 1824 г. приехала в Москву с русской семьей, где оставалась до мая 1828 г., записывая в свой журнал, который был издан только недавно, подробности того, что она читала и чем она занималась. Клэр находилась в Москве, когда в конце 1825 г. пришли известия о неудавшемся восстании «декабристов» в Санкт-Петербурге, и в ее дневнике появляются записи об этом событии, а также о годах, проведенных в качестве гувернантки, что в большей степени, нежели схожесть характера или биографии, связывают ее с Люси Аткинсон, автором «Воспоминаний о степях Татари и их обитателях».

Люси, чья девичья фамилия не установлена, прибыла в Россию в конце 1830-х гг. и прожила восемь лет в Санкт-Петербурге в качестве гувернантки единственной дочери генерала Муравьева (родственника Муравьевых или их дальних родственников Муравьевых-Апостолов, которые были ведущими фигурами в Декабрьском восстании), с кем она часто говорила «о тех, кто в ссылке, и с кем я вскоре увижусь, а это является доказательством того, что даже спустя так много времени после изгнания они не забыты» (стр.4). В 1846 г. в Санкт-Петербурге она иногда встречалась с английским архитектором и художником Томасом Витламом Аткинсоном (1799-1861), за которого в конце следующего года вышла замуж; между 1848 и 1853 гг., прежде чем в 1854 г. они вернулись в Англию, она сопровождала своего мужа в длительных путешествиях по Сибири, югу киргизских степей, на восток до Иркутска и китайской границы. Записи о ее путешествиях были опубликованы в 1863г., два года спустя после смерти ее мужа и три года спустя после издания второго отчета о его двух собственных путешествиях. Кроме того факта, что в 1863 г. ей была присуждена пенсия по гражданскому листу в размере 100 фунтов в год, ничего больше неизвестно о ее последующей жизни в Англии. Ей отвели второстепенное место, и, надо сказать, она сама способствовала этому, подписывая свою книгу просто как миссис Аткинсон, жена более известного, но во многом менее привлекательного и, безусловно, менее заслуживающего доверия автора.

Аткинсон, тем не менее, был удивительным и изобретательным человеком. Сирота с раннего возраста и лишенный какого-либо официального образования, он работал рабочим и каменотесом, а в итоге стал скульптором и рисовальщиком-самоучкой. Две его родственные квалификации и интересы привели к первой книге, которая появилась в 1829 г. под названием «Gothic Ornaments selected from different cathedrals and churches in England». К этому времени он уже занимал должность архитектора в Лондоне и в течение последующих 10 лет занимался выполнением заказов в Лондоне и Манчестере, главным образом связанных с церквями и другими общественными зданиями. В 1842 г. он уехал в Германию: сначала в Гамбург, а затем в Берлин. Вероятно, в Берлине он познакомился с известным немецким натуралистом и путешественником Александром фон Гумбольдтом, который рассказал о своей жизни и путешествиях в Сибирь и предложил Аткинсону новое применение его талантам и энергии. Отказавшись от карьеры архитектора, Аткинсон отправился в Россию, чтобы путешествовать по Сибири и рисовать ее пейзажи, «едва

ли известные европейцам». Он понимал, что его запланированное путешествие было бы невозможно, если бы он придерживался обычных паспортных правил, существовавших в России, и его непосредственное обращение к императору Николаю I было вознаграждено: он получил право фактически свободного передвижения, «которое давало мне возможность пересекать границы империи в любой точке, к которой мои странствия могли бы привести меня». В течение семи лет путешествий он проехал около 39 тысяч миль, вел дневники и бесконечно делал наброски и рисовал. Вернувшись в Англию, он стал довольно знаменит, во-первых, благодаря великолепию мастерства и необычности содержания своих акварелей и, во-вторых, публикации своих книг; в обеих содержалось множество иллюстраций. «*Oriental and Western Siberia: a Narrative of Seven Year's Explorations and Adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghis Steppes, Chinese Tartary, and Part of Central Asia*» появилась в 1858 г. и была принята довольно доброжелательно: она имела особенный успех в Америке, где между 1858 и 1881 гг. выдержала семь изданий в разных издательствах, а также была переведена на испанский язык в 1860 г. Он получил особое разрешение посвятить книгу Александру II, и ему удалось осторожно избежать каких-либо полемических намеков на политическую и социальную обстановку в России; его вторая книга была посвящена королеве Виктории и в ней он позволил себе определенную долю суровой критики экспансионистских целей России на Дальнем Востоке, хотя, опять же, они были изложены в самых осторожных тонах. Его «*Travels in the Regions of the Upper and Lower Amoor and Russian Acquisitions on the Confines of India and China*» (1860 г.) отражает к тому же достойное сожаления желание Аткинсона оправдать только что приобретенную «научную» репутацию. В течение предшествующих двух лет он передает в научные общества материалы по различным явлениям, которые он наблюдал во время своих путешествий. В 1858 г. он избирается в Королевское географическое общество, а в 1859 г. — в Геологическое общество. Теперь он рассматривает свою более раннюю работу как «изложение всего происходившего, а также моих наблюдений, как они записывались день ото дня, т.е. таких, как я считал, которые будут достаточны, чтобы объяснить и проиллюстрировать мои рисуночные изображения» и которые контрастировали с его новымopusом, основной целью которого было, в какой-то степени, удовлетворение интересов геологов, ботаников, этнологов и других ученых. В конце, в приложении, он дает обширные каталоги флоры

и фауны Сибири и Монголии, а к своим собственным оригинальным рисункам добавляет «несколько характерных портретов, явившихся копиями из работы недавно изданной российским правительством». Хотя книгу восторженно хвалили в «The Athenaeum», а в год смерти автора она была переиздана, в конце столетия рецензент этого же журнала предположил, что всем известно, что «Аткинсон никогда не путешествовал по Амуру» (№ 3750, 9 сентября 1899, стр. 341), и что российская работа «Journey on the Amur» (Путешествие на Амур, Санкт-Петербург, 1859) Ричарда Карловича Маака обеспечила Аткинсона не только «несколькими характерными портретами», но также огромным количеством заключительных глав текста. Однако эти обвинения в плагиате являются всего лишь частью более сложной проблемы, касающейся того образа, который Аткинсон хотел сам представить. Важные и, возможно, невольные предоставленные факты обнаруживаются в работе его жены Люси.

В предисловии к своей книге миссис Аткинсон ссылается на труды своего мужа, как содержащие научные и художественные результаты его путешествий, но добавляет, что «в них почти нет упоминаний о тех приключениях, с которыми мы сталкивались во время наших путешествий и, особенно, нет упоминаний о неожиданных происшествиях, которые приключались со мной, часто остававшейся одной с ребёнком на руках среди полудиких людей, для которых я была абсолютно чужим человеком». Но этого достаточно читателю, который приходит к книге миссис Аткинсон после внимательного прочтения книги ее мужа, что она совершенно чужой для него человек, ибо нигде на 1200 страницах его двух трудов Аткинсон, действительно, едва ли упоминает о том, что у него есть жена, не говоря уже о ком-то, кто сопровождал его в путешествиях. Сравнение соответствующих книг делает две вещи изобилующе ясными: во-первых, что Аткинсон сознательно замалчивал любые упоминания о своей жене, поскольку он чувствовал, что его собственная значимость и незаурядность совершенных им подвигов была бы таким образом преуменьшена, и, во-вторых, он извратил и даже фальсифицировал хронологию, маршруты и основные факты своих путешествий.

В начале своей книги миссис Аткинсон дает список основных пунктов их путешествия и времени пребывания в них между 13 февраля 1848 г., когда они покинули Петербург, и 24 февраля 1853 г., когда они еще раз побывали в столице. «Oriental and Western Siberia» Аткинсона повествует о 7 годах

путешествия, включая первый год (1847), когда он отправился один. Несмотря на, по-видимому, точные даты — «6-го марта, между 12 и 1 часом, в среду утром» и т.д. — Аткинсон в основном уклоняется от указания года, когда имело место то или иное событие. Тем не менее ясно, что на первых трех сотнях страниц его книги речь идет о том, что в марте — ноябре 1847 г. он путешествовал в одиночку, когда много времени провел на Урале, прежде чем отправился в Барнаул и Нарым. В том месте он писал: «Коротая долгую зиму, я расскажу о Барнауле в весеннее время. Я, вероятно, буду там в начале лета», и в середине 1848г. он возобновляет свои записи. О чем он забывает упомянуть, так это о том, что за это время он вернулся в Петербург, женился на Люси и снова отправился в Сибирь, добравшись до Барнаула со своей женой 3 июня. Остальная часть книги посвящена путешествию на юг в киргизские степи и Алтайские горы, что, согласно хронологии м-ра Аткинсона, имело место между июнем 1848 г. и июлем 1850 г. Имеются ссылки на более поздний период времени (1852-53 гг.), когда Аткинсоны были на заключительном этапе своих путешествий, но из семи лет два года или около того, проведенные около Иркутска, упущены. В некоторых случаях продвижения Аткинсона подтверждаются ссылками на книгу его жены, но часто точного соответствия не прослеживается. Как указывает его жена, Аткинсон часто отправлялся в экспедицию, оставляя ее дома, и в таблице, где она указывает расстояния, покрытые в 1848 г. можно увидеть, что ее муж покрыл на 4000 миль больше тех 6800 миль, которые они проделали вместе.

Аткинсон сам хотел, чтобы его рассматривали как бесстрашного и отважного исследователя; он повсюду подчеркивает, что изучал и рисовал места, куда прежде не проникал ни один европеец, он был наедине с неизведанным, с этюдником и пистолетом в руках, окруженный дикими племенами, огромными медведями, орлами и змеями. В конце книги он пишет: «И с этими рисунками я покинул горы Алатау и Музтау, по которым бродил 123 дня, посещая самые потрясающие воображение места, которые я запечатлел в своем альбоме на 109 рисунках. Много раз в этих регионах я сталкивался лицом к лицу с опасностью; однако провидение хранило меня. Однажды один киргиз выпустил пулю из моей собственной винтовки, которая раздробила камни в трех дюймах выше моей головы. И, тем не менее, я с сожалением покидал эти места, мысленно возвращаясь к пурпурным вершинам и снежным пикам, вспоминая только счастливые дни, которые провел

среди этих удивительных пейзажей». Он пишет: «Я сделал это, я увидел это», а его жена говорит «мы»: «Прошлым летом день за днем верхом на лошадях мы провели 123 дня подряд». Она повсюду воздаст своему мужу должное, подчеркивая его инициативу, находчивость, профессионализм, изобретательность, даже его внимательное отношение к ней, которое изумляло людей тех племен, с которыми они встречались, и которое, к сожалению, он чувствовал невозможным продолжать, когда писал свои книги. В итоге, избранная тактика не способствовала его репутации, ибо несмотря на успех в передаче величественности пейзажа на многих рисунках, а в некоторых местах прозы — опасностей и волнений, пережитых во время путешествий, большее признание получила его жена, и современные читатели обращаются к поистине необычному изложению смелых и рискованных приключений, рассказанных с непритязательной и захватывающей скромностью и правдивостью.

Заключительный раздел первой книги Аткинсона представляет своего рода подтасовку фактов, к которым вынуждала его искусственно созданная репутация. Уехав из степи, он прибывает в Семипалатинск, где говорит, что не будет утомлять читателя описанием путешествий на восток к Иркутску, ибо оно будет проходить по почтовой дороге, а он — рассказчик историй, далеких от проторенных дорог. Далее он продолжает говорить о том, что в Ачинск он решил пойти окольным путем с юга до Саянска и Енисея. Оттуда, как явствует из его описаний, он в конечном счете пошел напрямик через горную цепь, чтобы добраться до оконечности озера Байкал, прежде чем повернуть на север и снова выйти на почтовую дорогу, которая бы привела его к Иркутску. Описания его жены, а, возможно еще в большей степени карта путешествий, сопровождающая его книгу, явно обнаруживают, что его маршрут был несколько иной. Согласно м-ру Аткинсону, они путешествовали из Барнаула до Красноярска по почтовой дороге, где оставили свой основной багаж, прежде чем вернуться той же дорогой в Ачинск и отправиться в южном направлении к Минусинску. Однако они вернулись в Красноярск по Енисею на пароходе и оттуда по почтовой дороге отправились в Иркутск.

Вторая книга Аткинсона «Travels in the Regions of the Upper and Lower Amoor» — любопытная подборка фактов с вводящим в заблуждение названием. Особенно в двух частях; первая повествует о его путешествии на юг из Семипалатинска через Алтайские горы и степи до «Китайской Татарии» в

течение периода времени, охваченного 4 и 5 главами книги его жены. С 272 страницы тон его повествования меняется и он, явно используя имеющийся в наличии готовый материал, описывает маршруты, «по которым проходили караваны, имевшие торговые связи с городами и народами Центральной Азии»; повествование фактографическое и беспристрастное. За этим следует долгая история приключений сына султана Тимура небезызвестной Золотой Орды, которая охватывает около 50 страниц и является излишним и несовместимым дополнением. Следующий раздел повествует о Восточной Сибири и путешествии в Кяхту, которое, согласно хронологии Аткинсона, относится к 1852 г. Аткинсон описывает жизнь в Иркутске и шторм на озере Байкал, которые также обнаруживаются в рассказах его жены, но вряд ли он проникал в такие отдаленные регионы на Амуре. Следует отметить, что в предисловии к своей первой книге он дает окончательность озера Байкал как конечную точку путешествия на восток. Хотя он лично знал генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева-Амурского и обсуждал с ним его грандиозные планы по присоединению земель за Нерчинском, кажется вероятным, что он довольствовался данными, имеющимися в работе Маака и устными рассказами русских, которые действительно посещали «регионы Верхнего и Нижнего Амура». Несмотря на искреннюю убежденность Аткинсона в том, что «вторая книга получилась более ценной, нежели первая», она остается в основном неудовлетворительной и сбивающей с толку работой, не вызывающей интереса и лишенной единства времени и действия «Западной и Восточной Сибири» (якобы действительно побывавшего там автора). Обе книги бледнеют перед свежей и непретенциозной работой его жены.

Работа миссис Аткинсон представляет серию из 19 писем, которые она писала в свое время, и отобранных из тех, «написанных на месте друзьям», «с незначительными пропусками и изменениями». Несмотря на часто ошибочно указанное время в датировке писем, они обеспечивают связанное и последовательное повествование и адресованы не друзьям, а одной хорошей знакомой в Санкт-Петербург. Только в одном случае там имеется искусственное разделение, продиктованное, по видимому, соображениями протяженности во времени и расстояниями. Седьмое письмо (4 глава) начинается так — Барнаул, декабрь 1849 г. — и возвращается к последним месяцам, проведенным с киргизами; за ним следует восьмое письмо, датированное 8 июлем 1849 г., которое фактически является продолжением предыдущего письма и продолжается, чтобы

связать события августа 1849 г. (стр. 193). Одним из основных намерений миссис Аткинсон в издании ее работы было «описать манеры, которые характеризуют мужское общество в среде диких киргизов» (стр. 6), и, придерживаясь своего названия, приблизительно половина книги посвящена году, проведенному в степи (1848-1849 гг.), не считая писем, описывающих места стоянок и приключений в пути, пять писем относятся ко времени пребывания в Иркутске, который стал их штаб-квартирой между сентябрем 1850 и маем 1852 гг., когда они начали свой обратный путь.

В «Reminiscences of Tartar Steppes» присутствует волнующий энтузиазм «Western and Oriental Siberia», но отсутствует неоригинальность «Travels in the Regions of the Upper and Lower Amoor», она только выигрывает в сравнении с этими двумя книгами разнообразием своего содержания, несклонностью автора на каждом шагу твердить об уникальности и необычности ее путешествий, которые в известной степени были уникальны и исключительны, а ее мужа — нет. Европейцы в первой половине 19-го века и даже ранее не в меньшей степени, если не в большей, чем Аткинсон, совершали такие же подвиги, но напрасно вы будете искать в литературе женщину, которая могла бы соперничать с его женой. В 1811 г. мадемуазель Фредерика фон Фрейган с детьми сопровождала своего мужа во время рискованного, но относительно недолгого зимнего путешествия через перевалы Кавказа, и мадемуазель Адель Хоммайер де Хелл провела пять лет между 1838 и 1843 гг. со своим мужем Хавьером в Крыму и на Кавказе, но их описания всего лишь опережают миссис Аткинсон по времени, но не вызывают долговременного и устойчивого интереса. Что характерно для миссис Аткинсон, в первые месяцы своего путешествия и приключений она должна была скрывать свою беременность. В конце своего первого письма из Капала, расположенного в степи, она умоляет свою подругу простить ее за то, что она так долго не могла закончить это письмо и сообщает ей о преждевременном рождении сына, которого назвали Алатау, потому что «он родился в предгорьях горной цепи». Если у миссис Аткинсон сложилось плохое мнение о способностях доктора, которого нашли для нее, читатель, по крайней мере, может принять его вердикт, что «преждевременные роды были вызваны чрезмерной ездой верхом».

Миссис Аткинсон — мать, которая сделала все, чтобы обеспечить условия, при которых бы ее сын выжил, несмотря ни на что, это еще одна роль, которую она исполняет с минималь-

ной суетой и максимальным результатом и дополняет репертуар, который уже включает еще и целиком отдающую себя жену, чей муж ее ценит, но ни разу не упоминает о «незначительных попытках создать условия для нашего удобства»; опытная наездница, преодолевающая опасные горные склоны, метко стрелявшая из винтовки и пистолетов, чья добытая белка вызвала уважение ее спутников-киргизов; отзывчивый и талантливый писатель, способный передать впечатления, которые производили на нее особо потрясающие воображение человека пейзажи, и представить красочное описание людей, с которыми она встречалась.

В этом отношении описание миссис Аткинсон встреч с оставшимися в живых декабристами, разбросанными по всей Сибири, вызывает огромный интерес и имеет большое значение для историков. Так, советский историк академик М.П. Алексеев в статье, опубликованной в 1964 г., рассказывает об англичанах, которые приезжали в Россию и проживали там между 1825 г., годом восстания, и 1856 г., когда Александр II даровал амнистию оставшимся в живых в ссылке, и которые оставили много бесценных данных о встречах с декабристами, их семьями и друзьями. Ирония судьбы, что страницы Томаса Аткинсона, посвященные декабристам, которых он встречал в Иркутске, Баргузине и Селенгинске, в основном были проигнорированы (Алексеевым среди прочих), тогда как более детальные описания его жены получили заслуженное признание. Посвящая свою первую книгу Александру II, Аткинсон, очевидно, был сдержан в описании кого-либо из декабристов, которых он встречал в Центральной Сибири, и практически только его жена оставила нам записи о своих встречах с М.И.Муравьевым-Апостолом, И.Д.Якушкиным и другими, жившими в Ялуторовске, и с П.И.Фаленбергом в деревне Шуш около Минусинска. Тем не менее они оба оставили бесценную информацию об известных семьях Волконских и Трубецких, братьях Борисовых в Иркутске и о Бестужевых в Селенгинске. Особый интерес для английских читателей представляет описание миссис Аткинсон разговора с В.Л.Давыдовым в Красноярске. Давыдов сказал ей, что «для меня всегда было источником сожаления то, что нас предал англичанин». Этим англичанином был Джон Шервуд, молодой офицер гвардии, который, еще будучи ребенком, приехал в Россию со своими родителями во время царствования Павла и выдал тайну общества декабристов в южной России еще до восстания. Аткинсоны придерживались того же мнения в своих рассуждениях о декабристах: Аткинсон был «не из тех, кто порицал этих людей

или думал, что их наказание незаслуженно», но, он выражал недовольство суровостью обращения с ними, его жена также верила, что «эти люди не безупречны» но ее сострадание было глубже и значительно более мотивировано, чем у ее мужа. Она знала лично многих их родственников в Санкт-Петербурге и Москве, и ее интерес к ним вынашивался длительное время. Не колеблясь, она знакомилась с ссыльными, утверждая, что это «несколько умнейших людей России».

Переиздание книги миссис Аткинсон более чем через сто лет после ее первого появления вполне заслуженно и давно ожидалось. Аткинсон, занимавшийся саморекламой, может быть легче предан забвению, чем его державшаяся в тени жена, которая через все испытания пронесла чувство безропотности и благодарности за ту возможность, которую предоставила ей судьба и с которым она завершает свою книгу. «Теперь, оглядываясь назад и вспоминая все эпизоды, часто имевшие место в нашей жизни, я часто говорю, что мы в десять раз охотнее без страха смотрим в лицо опасности и сталкиваемся с тяготами жизни, чем уходим в землю-матушку, не испытав их».

*А.Г.Г.
Норидж.
Сентябрь, 1971*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель, возможно, может пожелать узнать, при каких обстоятельствах были написаны следующие письма и как произошло, что английская женщина могла отправиться в страны, такие, как Сибирь и Татария, столь отдаленные и столь непривлекательные для тех, кто привык жить исключительно в роскоши.

Я родилась в большой семье, потому еще в ранней юности посчитала своим долгом искать средства к существованию своими собственными силами. Поэтому я отправилась в Санкт-Петербург, где в течение восьми лет проживала в семье генерала Муравьева, занимаясь образованием его единственной дочери. В 1846 г. я познакомилась с мистером Аткинсоном, затем чуть не последовала за ним в путешествие по Сибири: через год по его возвращении я вышла за него замуж, и с разрешения семьи генерала Муравьева и губернатора Москвы, родственника генерала, я сопровождала его в

трудных путешествиях, которые продолжались шесть лет.

Научные и художественные результаты этих путешествий представлены в двух томах, которые он опубликовал еще при жизни: но в них практически нет и намека на приключения, которые происходили с нами во время этих путешествий и, особенно, нет никаких упоминаний о необычных происшествиях, которые приключались со мной, часто остававшейся в одиночестве с ребенком на руках среди полудиких людей, для которых я была абсолютной чужестранкой. Мои друзья часто докучали мне просьбами рассказать им о том, что происходило со мной в странах, где английская леди никогда прежде до этого не бывала, и описать нравы, которые характеризуют мужское общество среди киргизов, что я задумала собрать несколько писем, написанных оттуда моим друзьям. И их с незначительными упущениями и изменениями я сейчас осмеливаюсь представить читателю.

Глава IV

Отъезд из Барнаула — Прибытие в Бийск — Семья полковника — Бальное платье — Общество Бийска — Долина Бии — Пески — Замена экипажа на лошадей — Опасности пути — Бивуак — На волоске от смерти — Калмыцкий романс — Самоубийство из-за любви — Отвергнутый поклонник — Дождливая ночь — Переправа через речной порог — Алтынколь, или Золотое озеро — Сила музыки — Шторм на озере — Скучные запасы провианта — Погода — Мудрец — Спорт — Ожидание медведя — Калмыцкие посетители — Верный спутник — Вкусная рыба — Предоставленное благо — Казачья совесть — Величественная сцена — Сообразительность лошадей — Спуск по Катуню — Удивленный крестьянин — Любопытные спутники — Кое-что о нечистоплотности — Обилие фруктов — Досаждающие насекомые — Спуск по реке — набросок священнослужителя — Замечание толмача — Густой туман — Единственный способ приобретения лошадей — Гостеприимный дом — Работы по выплавке серебра — Первобытный обычай — Путь на Семипалатинск — Великая Киргизская степь — Аягуз — Деловая суета — Прощание и новые знакомства — Редкий дар — Странное зрелище — Кулинарные операции — «Отверженная» женщина — Сувенир — Удивительная сцена — Мираж — Страшная жажда — Соленая жидкость — Изысканный напиток — Наши попутчики — Лживый спутник — Пики Алатау — Пронизывающий ветер — Падающие с ног от усталости — Радужный при-

ем — Казачьи могилы — Глубокие пески — Терпение и смирение — Поэтический гений — Остановка в Канале — Преждевременное рождение сына.

Канал, октябрь 7-го, 1848 г.

Я думаю, что мне лучше следует начать с того времени, когда я отправила письмо М., и рассказать вам, насколько я смогу, все, что произошло с тех пор. Итак, в том письме я рассказала о том, что м-р Аткинсон уехал в Мраса вместе с полковником Соколовским. Я ожидала его возвращения, чтобы ответить на ваше письмо, но когда он вернулся, мне пришлось срочно готовиться к отъезду и собираться в путешествие на несколько месяцев, которое должно было начаться через два дня. Имей в виду, это было не то, что в Петербурге, где я должна была беспокоиться о своих собственных «личных вещах»! Прежде всего я должна была отделить то, что было бы необходимо нам в степи, от вещей, которые следовало оставить. Далее, я должна была подумать о запасе сушеных продуктов и купить их, поскольку там, куда мы собирались, ничего невозможно было достать, за исключением овец, и их не всегда; затем все это должно быть упаковано и, по возможности, занимать как можно меньше места. Мне приходилось ложиться спать поздно ночью и вставать рано утром, поверь мне, я была рада, когда все было закончено. Более того, у меня было несколько сумок, в которые я должна была уложить разные вещи, а также пули и дробь разных размеров. Далее следовали прощальные речи и вздохи сожаления по поводу моего отъезда, и разные прогнозы относительно результатов путешествия; и, по правде говоря, я неохотно покидала своих друзей, проведя с ними со всеми столь приятное время.

Наконец, 9-го июля в повозке мы отбыли из Барнаула в Бийск, город в Томской губернии. Был невыносимо жаркий день. Подъехав к Оби, мы обнаружили, что уровень воды значительно упал, было трудно и очень дорого переправиться через нее; переправа заняла у нас почти пять часов. По дороге на другой берег вместо глубокой воды мы обнаружили одну грязь, через которую с трудом тащилась наша повозка.

Алтайские горы. После переправы через Обь дорога оказалась для нас новой и крайне неинтересной; только где-то очень далеко виднелись неясные очертания Алтайских гор. Но прежде чем мы добрались до Бийска, у нас произошла непредвиденная остановка в пути. Было около одиннадцати

ночи, когда мы обнаружили, что потеряли шубу м-ра Аткинсона. Это было огромное несчастье для нас, она была единственной теплой вещью, которой можно было накрываться, к тому же дорогой. Казак взял одну из лошадей, чтобы отправиться на поиски шубы, а мы сели, ожидая его возвращения. Проходил час за часом, но он не появлялся — мы начали беспокоиться, так как ночь была темной, а дорога отвратительной. Четыре часа утра застали нас все еще ожидающими и всматривающимися в даль; в конце концов, мы приняли решение продолжить наш путь до следующей станции и послать кого-нибудь на его поиски. Через час после нашего приезда мы обрадовались, увидев, как он входит; он вернулся на станцию, откуда мы начали свой путь, чтобы убедиться не оставили ли мы ее там, поскольку он искал вдоль дороги, пытаясь найти ее в кромешной тьме и не нашел, увы! Никто не видел ее, и он двинулся в обратный путь, когда в двух верстах от того места, где оставил нас, он нашел шубу, лежащей на обочине.

Общество Бийска. Приехав в Бийск, мы отправились к исправнику, он принял нас в высшей степени любезно и предоставил нам людей, чтобы подготовить все необходимое для нашего дальнейшего путешествия. Например, нам был крайне необходим переводчик, еще один казак, кроме того, мы должны были заготовить водку для людей и сделать другие необходимые приготовления.

Полковник Кейл (офицер, командующий казаками) счел необходимым увидеться с нами и пригласить нас к чаю; это был самый обходительный человек; мы провели с ним несколько часов. Мой муж узнал от него много интересного для себя, но, к сожалению, я была гостьей его жены и, я ручаюсь, никто не добился бы от нее никакой информации ни по какой интересующей вас теме, за исключением, может быть, пустой болтовни, и здесь, я предполагаю, ее информация была бы оригинальной. Войдя во внутренний двор, я увидела няню с двумя очаровательными детьми: один сидел у нее на коленях, в то время как она внимательно рассматривала его волосы и занималась *a la chasse** (поисками), я оставляю вам судить — чего; будьте уверены, мне не очень понравилось это место. Сначала я ни на секунду не допускала, что это дети хозяйки, но потом их привели представить нам.

После того, как мы провели несколько часов с полковником, мы вернулись к исправнику, чтобы подготовиться

---

* *à la chasse* — ловить, охотиться (фр.)

к началу нашего путешествия, но он так искренне умолял нас остаться еще на несколько часов, что мы согласились. Он давал бал в честь именин своей жены. Я чувствовала себя немного смущенной из-за своего костюма, который, хотя и очень симпатичный, по нашим английским понятиям не соответствовал случаю. Я попытаюсь описать его вам. Материал — серый *drapè de dame*, сшитый коротко с турецким «удлинением», облегающий фигуру, с черным кожаным поясом, и пуговицами впереди, маленьким белым воротничком и белыми манжетами, серой шляпкой и коричневой вуалью: в этом костюме, минус шляпа, я вошла в бальную комнату. Здесь мы обнаружили дам, сидящих на стульях, поставленных вплотную друг к другу вдоль стен комнаты, в руках у каждой дамы была тарелка полная кедровых орешков, которыми она была занята, щелкая и съедая их с такой скоростью, насколько это возможно; их рты были в постоянном движении, хотя каждый глаз был обращен на меня — бедняжку, которая с радостью бы сжалась в комочек и спряталась бы в ореховой скорлупе.

Мы стояли, разговаривая с полковником Кейлом: нам было жаль видеть, как столь талантливый человек дошел до такого состояния, чтобы быть вынужденным общаться с людьми такого уровня, каких мы встретили здесь. Он сказал, что редко общается с ними; было время, когда он был обязан посещать эти сборища; тем вечером, по нашему мнению, он был вынужден принять приглашение. «У меня здесь нет ни одного приятеля, — продолжал он — и если вы пойдете со мной, вы увидите, насколько нерационально они проводят свое время». Мы прошли с ним в следующую комнату, где застали джентльменов за картами: кто-то спорил, кто-то много пил, а кто-то уже выпил более чем достаточно. «Пить, — сказал полковник, — я не могу, играть в карты мне не доставляет удовольствия, поэтому я провожу время за книгами или иду один на охоту: так я провожу часы своего досуга». Я поинтересовалась, всегда ли дамы такие молчаливые, какими я нашла их? «Да, когда присутствует кто-нибудь противоположного пола, но когда они ненадолго остаются одни, то шум, который создают эти мужчины, ничто, по сравнению с их шумом. А теперь у них есть тема, которая будет занимать их в течение нескольких месяцев — это ваш визит».

До того, как вся компания села за стол, нас угостили ужином. Поскольку мы были озабочены отъездом, то в 11 часов покинули любезного исправника и отправились в путь к военной станции Сандип.

Подъем по долине Бии немного выше Бийска был трудным, но мы добрались довольно хорошо. Яркие молнии, которая часто сверкали, не давали нам заснуть всю ночь, так что мы имели возможность видеть местность, через которую проезжали. Через какое-то расстояние мы обнаружили небольшие круглые холмы, но ни малейших признаков леса. Затем мы ехали вдоль ряда холмов, сверху обозревая долину реки Бии; отсюда вид был довольно живописным, особенно в предрассветный час. Насколько мог видеть глаз, не было ничего, кроме темных сосновых лесов, а также отчетливо выделяющихся вдали красивых гор.

Настойчивая просьба матери. Было 6 часов утра, когда мы добрались до отдаленной почтовой станции Сандип, которая располагалась в живописной местности в версте от Бии. Как только мы приехали, разразилась ужасная гроза, и нам сказали, что для нашего удобства нам следует отправиться в горы днем. Мы обнаружили, что там никто не живет, кроме казаков со своими семьями. И там мы должны были оставить все, без чего мы могли обойтись до нашего возвращения, поскольку дальнейшее путешествие должно было проходить верхом на лошадях, ни одна повозка не могла бы проехать там. В 5 часов лошади были готовы отправиться в путь. Все женщины собрались проводить меня. Одна пожилая женщина со слезами на глазах умоляла меня остаться, никогда ни одна женщина прежде не пыталась совершить подобное путешествие. Там жили калмыцкие женщины, но они их никогда не видели. Утром она предложила мне позволить своей дочери поехать с нами, чтобы позаботиться обо мне, однако, когда вошла дочь — здоровая, крепкая девушка, лет 35 — она громко отказалась ехать (к моей радости). Мать пыталась убедить ее и сделала для этого все возможное — бесполезно; и меня оставили в покое.

Мы сели на лошадей, я держалась в седле как настоящий всадник. Должна сказать, что из Москвы я привезла с собой прекрасное дамское седло; однажды в Барнауле я была занята тем, что рассматривала его, когда вошел полковник Соколовский. Он поинтересовался, что я собираюсь с ним делать, мой ответ был: «Ездить: я не могу обойтись без него, а у калмыков, я полагаю, нет таких вещей». «Нет! — сказал он с сарказмом, — они будут в восторге от вашего седла, но что доставит им больше всего удовольствия, это вид английской леди, растянувшейся со сломанной ногой в степи или в горах. Говоря серьезно, вы не можете ехать с этим седлом: во-первых, лошади не привыкли к таким, и, во-вторых, в горах его вообще нельзя использовать».

Затем он предложил мне одно из своих, которое я приняла, и оставил мое до возвращения. Я благодарна ему, что поступила так, иначе меня бы здесь не было, и я не рассказывала бы историю того, как мы избежали опасности. Временами, когда мы наталкивались на выступы скал, которые приходилось объезжать, имея дамское седло, мои ноги были бы разбиты вдрызг или вообще оторваны. Временами мне приходилось поднимать ноги на седло, поскольку между высокими нагромождениями скал имелись узкие места, где едва могла пройти только лошадь. Кроме того, там были проходы, образованные гранитными горами, кое-где практически перпендикулярно Бии. Наши лошади часто стояли в таких местах, откуда мы могли видеть кипящую и пенящуюся воду, вероятно, на 1000 футов внизу под нами; только представь меня на одном из таких мест в дамском седле!

Женщины следовали за нами на небольшом расстоянии, желая приятного путешествия. Нам предстояло пройти около 400 верст через горы, леса и реки. В полуверсте от Сандипа мы вступили в большой сосновый лес; час езды через него вынес нас на берега Бии, в этом месте широкий поток и — о! — что за растительность, трава и цветы высоко над нашими головами, когда мы проезжали мимо на лошадях.

Победа над слабостью. Той ночью впервые в жизни мне пришлось спать *a la belle etoile**, когда мои ноги находились в трех шагах от Бии. Сначала войлок (разновидность фетрового полотна) был постелен на землю, на него брошены две медвежьи шкуры, так, чтобы сырость не проникала через них. Конечно, я легла не раздеваясь. Было странное чувство — спать в лесу, когда у твоих ног плещется вода, и ты одна в окружении мужчин.

На следующее утро я проснулась на рассвете и умылась в реке, в 6 часов мы уже тронулись в путь и ехали до обеда, затем мы сделали привал на двухчасовой отдых, пообедали удивительно вкусной рыбой, пойманной в ручье. Около трех мы снова двинулись вперед и продолжали свое путешествие до 8 вечера. Нам удалось соорудить балаган (что-то вроде тента) на эту ночь, так что мы спали гораздо удобнее. Более того, повесив простыню на открытую часть балагана, я имела возможность раздеться. Теперь я обнаружила, что м-р Аткинсон, находясь среди этих кочующих племен, привык спать не раздеваясь. Я сказала ему, что если бы я спала не раздеваясь, я бы не высыпалась и посоветовала ему последовать моему

---

* *à la belle étoile* — под открытым небом (фр.).

примеру, что он и сделал и продолжал делать в дальнейшем, но без особого удовольствия для себя. А я постоянно, даже в повозке, прежде чем лечь спать, развязывала и расстегивала каждую тесемочку и пуговицу. Какое блаженство я испытывала этой ночью, вытянув свои уставшие затекшие руки и ноги! На лошади я совсем не чувствовала себя уставшей, но когда я спускалась с нее, я не могла стоять в течение нескольких минут первые два или три дня. На четвертый, когда я почувствовала, что мне становится хуже, я решила преодолеть эту слабость; таким образом, ставя ноги твердо на землю и отказываясь от чьей-либо помощи, я шла. Признаюсь, я думала, что упаду. Зато потом никогда, разве только однажды, больше не испытывала чувства слабости.

На второе утро, почти сразу же продолжив наше путешествие, покидая наш ночной приют, я чудом избежала несчастья. Мы должны были подняться по ряду гранитных скал. Вдруг около вершины моя лошадь оступилась и соскользнула назад, в результате чего я оказалась в довольно опасном положении, но я удержалась в седле и помогла лошади справиться с собой и подняться выше. Скажу тебе, я достаточно горда тем, что вызвала восхищение калмыков, потому что они великолепные наездники и приятно, когда тебя хвалят те, кто может судить об этом. Пройдя почти 50 верст, мы прибыли в калмыцкую деревню. Здесь юные девушки принесли мне много фруктов, и когда я пошла купаться (что я делала трижды в день, т.е. когда вставала утром, когда мы останавливались на обед и когда располагались биваком на ночь), у меня была целая компания из них, и каждая старалась сделать что-то для меня но, пожалуй, их главной целью было притронуться руками к каждой вещи из одежды, мимо которой они не могли не пройти.

Необычная любовная сцена. В этих тихих калмыцких деревнях, далеко от суеты делового мира, в котором мы существуем, происходят такие же сцены, только в более грубой манере, свидетелями которых мы являемся ежедневно: ревность, любовь и самоубийство присущи этим малокультурным дочерям природы. Должна рассказать вам одну любовную сцену, которая привлекла наше внимание и которая чуть не закончилась трагически.

Мы только что закончили обедать и собрались в путь, когда увидели прелестную молоденькую девушку с черными глазами, бегущую за нами по направлению к Бие, а в этом месте Бия несетя, страшно бурля и вспениваясь около огромных валунов. На ее лице было выражение невыноси-

мого страдания. Затем мы увидели, что за ней на лошади во весь опор скачет мужчина, а за ним еще несколько. Мгновенно она достигла реки и бросилась в бурлящий поток; сняв свой головной убор, она бросила его мужчине на лошади, и в тот же миг река с ужасающей скоростью подхватила ее и понесла вниз.

Были приложены огромные усилия, чтобы спасти ее: какие-то люди, работавшие далеко внизу по реке, бросились за ней в маленькой лодочке, имевшейся у них, но упустили ее; несколько человек повскакивали на лошадей и понеслись за ней вдоль берегов реки настолько быстро, насколько это было возможно, когда один из них смог опередить ее, проскакав какое-то расстояние вперед, прыгнул в поток и ему удалось схватить ее и с величайшим трудом вынести на берег. Затем все объяснилось. Между этой девушкой и юношей из их деревни вспыхнула любовь, но он, будучи бедным, не смел просить ее брата, который являлся опекуном девушки, выдать её за него замуж; таким образом, молодая пара решила ждать более благоприятных дней. Тем временем богатый старик, очарованный ее красотой и отвергнутый ею, обратился к брату и получил его согласие на их союз; узнав обо всем, она бежала из своей деревни и укрылась в другой, где мы и увидели ее. Утром, в день нашего приезда, брат, обнаружив ее местонахождение, приехал забрать ее и насильно выдать замуж за человека, к которому она питала отвращение. Чтобы избежать этого, она предпочла смерть, бросившись в реку. Вскоре она начала подавать признаки жизни, когда я, к сожалению, покинула ее, так как нам предстоял долгий путь. Хотя мы вернулись в этот же день, мы не задержались в деревне, так как должны были спуститься по реке на плоту; мы никогда не смогли узнать судьбу молодой девицы, спасенной таким чудесным образом, никто не ожидал, что ее вытащат из воды живой.

Отвергнутые поклонники. На следующий день в том месте, где мы останавливались на обед, мы явились свидетелями другой сцены. Мы увидели группу мужчин, окруживших пожилую женщину, а недалеко от них — группу девушек, собравшихся вокруг очень хорошенькой юной девочки лет шестнадцати, которая казалась довольно равнодушной и была занята орехами. Как только наша компания приблизилась, они все, увидев меня, бросились к нам, предлагая мне орехи; несколько девушек побежали и собрали чернику; девушка с орехами так и не двинулась с места, но все время следила за группой мужчин и старухой. Потом я поняла, что это была ее мать, а

шесть мужчин, все разных возрастов, были влюблены в нее и являлись кандидатами на ее руку и сердце, один из которых, как думала ее мать, был более всего подходящей парой для нее.

Моего мужа пригласили решить это дело, после чего он сел на камень и стал слушать. Старая женщина и влюбленные окружили его, а толмач встал рядом с ним и приготовился переводить. Каждый убедительно отстаивал свои интересы и явно с величайшим красноречием и пылом, но их слова, казалось, не производили на девицу никакого эффекта, так как она оставалась неподвижной.

Один из влюбленных описал, какое впечатление на него произвела ее красота, другой говорил о своем положении, третий — насколько он искусный охотник, четвертый — о своей силе, в случае, если понадобится защищать ее от людей или животных, пятый — о заботе, которой будет окружать ее и в здравье, и в болезни. Но самым красноречивым из всех был пожилой мужчина: он произнес длинную речь — говорил о своей собственности, о земле, которую он обрабатывал, о своих стадах, о своем положении старшего в деревне и, наконец, о большой любви к девушке; как он день за днем наблюдал за ней с детства, пока она росла и не стала взрослой. Старый влюбленный был крайне взволнован. Когда все закончили говорить, и все речи были переведены м-ру Аткинсону, он приказал девушке подойти и спросил ее через посредничество переводчика, кого из поклонников она предпочитает. После чего она заявила, если ей позволят выбирать, она не согласится выбрать никого из них, так как ни один из присутствующих не нравится ей. Затем м-р Аткинсон предложил, что для нее будет лучше остаться с матерью до тех пор, пока тот, кто сделает ей предложение, будет нравиться ей самой. Влюбленные удалились удовлетворенными, теперь ни один из них не имел преимущества перед другими. Девушка с улыбкой поблагодарила м-ра Аткинсона, но мать выглядела разочарованной, поскольку она отдавала предпочтение старику, который по возрасту больше подходил матери, чем дочери, будучи на много лет старше пожилой женщины.

Далее наш путь лежал через сосновый бор, стояла удушающая жара, ни малейшего дуновения ветерка не проникало сквозь густую крону над нами, а воздух вокруг нас был наэлектризован. Я чувствовала, что не в состоянии держаться; наконец (я уверена, вы не поверите в это), я уснула, увы, и дремала, сидя на лошади, моя голова тяжело падала, и я просыпалась,

так случилось два или три раза, прежде чем я смогла перебороть охватившую меня дремоту.

Через расстояние в 12 верст мы сделали остановку на ночь, это было единственное место отдыха, прежде чем мы добрались до озера и, как обычно, в 9 часов легли спать под нашим тентом. К счастью, я всегда складывала под голову одежду, которую мы снимали, чтобы было удобнее спать, так как у нас были только две маленькие кожаные подушечки. Среди ночи я проснулась от того, что на меня лились потоки воды, и я промокла до нитки. Дождь лил, как из ведра, громыхал гром, ярко сверкала молния; вы должны знать, что верхушка тента покрывалась только травой, так как в этом месте не было березовой коры, которой обычно она покрывается. Я разбудила м-ра Аткинсона, который хотел подняться, но я сказала, какой от этого толк? У нас нет сухого угла, куда можно было бы уйти, и если он оденет свою одежду, она снова промокнет меньше чем через полчаса; таким образом, я убедила его лежать и постараться уснуть, что, могу вам сказать, было делом нелегким под дождем, хлеставшим по нашим лицам, однако я повернулась на свою сторону, натянула на голову одежду и мне удалось вскоре задремать и проспать до утра.

Прекрасный вид. Когда мы проснулись, солнце еще не взошло, но мы чувствовали, что день будет прекрасным. Тогда я встала с постели, но это больше было похоже на выход из паровой ванны. Мне нелегко забыть эту ночь. Случись такие ситуации у меня сейчас, я не стала бы придавать им столько значения, но в то время я была всего лишь новичком в путешествиях и для меня это было ужасно. Где-то в версте от нашего ночного лагеря мы обнаружили скалы настолько высокие и крутые, что мы не смогли подняться вверх; это заставило нас идти в обход этого места, уходящего в реку, которая в этом месте неслась выше валунов, образуя гигантский речной порог. Там имелся узкий выступ, по которому могли перейти лошади, но по воде, доходящей до седла. Требовалась величайшая осторожность, чтобы пройти по нему: одно неосторожное движение, и вы тот час оказываетесь в глубокой воде и несетесь среди камней на верную смерть. Все прошли осторожно, кроме меня, моя лошадь оступилась в глубокую воду, как я говорила. Старая калмычка, которая присоединилась к нашей компании, видя меня в таком положении, ужасно испугалась и стала громко кричать, но оказалось не так глубоко, как она думала, но меня могло отнести к порогу, где я разбилась бы вдребезги. Однако я продолжала крепко держаться в седле до тех пор, пока казак не удалось схватить за уздечку и вытащить мою лошадь. Это

было поистине самое опасное место; мои ботинки, которые, между прочим, были выше колен, были полны воды. Однако мы потихоньку продолжили наш путь. Гора, на которую мы взбирались, в некоторых местах была такой крутой, что наши лошади часто оступались назад, но все же мы добрались до вершины без приключений. О, какой великолепный вид открылся перед нами! Под нашими ногами где-то далеко внизу бежала река Бия, и мы могли видеть, как она текла, извиваясь между гор, подобно серебряной нити. С западной стороны горы возвышались гораздо выше снежной линии, их верхушки красиво выделялись на фоне темно-голубого неба. Ближайшие горы были окутаны пышной листвой утонченно теплых оттенков зелени, постепенно переходящих вдаль в пурпурно-фиолетовый и синий, а то место, где мы стояли, было покрыто папоротником, густым кустарником и высокой травой, не уступающей по своему многообразию и великолепию растениям под солнцем тропиков.

Мы добрались до Алтынколя, или Золотого озера, вечером, как раз в тот момент, когда солнце садилось. Это было одно из самых прекрасных зрелищ, которые можно себе представить. Яркое солнце своим светом заливало озеро и горы, вода была спокойной и сверкала, подобно расплавленному золоту, в котором, как в зеркале, отражались скалы, деревья и горы, усиливая эффект великолепия раскинувшейся перед нами красоты. Мы сидели на лошадях и долго смотрели на озеро пораженные такой красотой. Мы были вознаграждены за все наши труды: после тех резко контрастных грубых пейзажей, мимо которых мы проходили, это было подобно волшебству. Я смотрела вокруг: горы возвышались со всех сторон без явных проходов между ними. Это выглядело так, как будто бы мы спустились с облаков в сказочную страну. Вечером на маленькой лодке мы пересекли озеро по направлению к калмыцкой деревне: несколько домов были выстроены из дерева и покрыты березовой корой. Мы посетили некоторые из них, в них имелась только посуда для приготовления еды и сундук или два, чтобы держать ценные вещи их обитателей, которые явно были бедны. В центре комнаты находился очаг с отверстием в крыше для отвода дыма. Они одарили меня большой связкой дикого лука, какой мы потом в изобилии нашли по берегам озера. Такой лук, а также многие другие луковичные корнеплоды в огромных количествах употребляли в пищу казаки, а также эти дикие племена.

Шторм на Золотом озере. Когда мы возвращались домой в своей лодке, на середине озера м-р Аткинсон, который взял с

собой свою флейту, к великому удивлению, так же, как и к радости наших новых друзей, начал играть. Власть, которую он таким образом приобрел над этими простодушными людьми своей музыкой, была чрезвычайной. Мы путешествовали вокруг озера в маленькой лодке 11 дней и за все это время она ни разу не потеряла своего влияния над ними; подобно Орфею, он завораживал всех, кто слушал его; они безропотно слушались его во всем, хотя часто возникали конфликтные ситуации. Мы потратили значительное время, налаживая прибор для измерения глубины но, к сожалению, он ни разу не был использован по причине непрекращавшейся бури, одну из них я навряд ли забуду. Мы покинули нашу первую стоянку на рассвете и отправились в путь: кроме нас, наша группа состояла из нашего казака, толмача, другого казака, который отправился вперед, чтобы подготовить людей и каноэ, и калмыков, управлявших лодкой, — всего 11 человек, совершенно дикого вида полуодетых людей. Было прекрасное утро, и по мере того, как мы продвигались, со всех сторон перед нашим взором открывались все новые прелестные красоты природы. Я замирала от восхищения. Около полудня м-р Аткинсон, взглянув на запад, почувствовал приближение шторма или, скорее уже нагонявшего нас. Калмыки также почувствовали приближение шторма и начали грести со всей силой, на которую были способны, ибо вы должны понять, что из воды на много верст высоко вверх выступали острые скалы, не давая никакого убежища; им пришлось покрыть расстояние в 10 верст, прежде чем мы смогли высадиться, и они сказали нам, что, если мы попадем в такой сильный шторм среди скал, ничто не сможет спасти нас. Вскоре мы добрались до небольшого горного потока с маленьким выступающим мысом, обогнув который, калмыки вытащили каноэ на берег и поторопили нас оттащить их подальше на сушу, затем все мы поспешили под деревья, думая, что они укроют нас от приближавшегося шторма, но, прежде чем мы добрались до них, мы успели промокнуть до нитки.

Затем мы осмотрелись вокруг, чтобы понять, где мы находимся, и обнаружили, что мы высадились на массе камней и земли, нанесенных потоком, на которой росли кедры огромных размеров, под одним из них мы и стояли; в шагах двадцати от нас уходила вверх высокая скала, вероятно, около двух тысяч футов высотой, с деревьями, растущими на каждом выступе или расщелине, везде, где только они могли пустить свои корни.

На западе открывалась потрясающе величественная кар-

тина: быстро проносились черная масса облаков, накрывая тьмой скалистые вершины около нас, в то время как над ними проплывали и клубились белые облака, подобно пару из огромного котла. Гром громыхал где-то уже далеко, но ветер еще продолжал бушевать, приближаясь с шумом, подобно реву моря во время страшной бури. Поистине грандиозный эффект производил вид озера: вода, которая еще 10 минут назад была спокойной и все отражала в себе, как зеркало, теперь покрылась белыми барашками, несущимися как снег или дождь со снегом.

Шторм концентрировался над нашими головами и тащил нас глубже в лес в поисках убежища, где мы укрылись под большим деревом. Начала сверкать молния, обрушиваясь потоками стрел, повсюду отсвечивая красным светом, почти одновременно недалеко от нас мы услышали треск огромного дерева, разбитого молнией, в то время как над нашими головами гремел гром, сливаясь в одном непрерывном грохоте; эхо одного раската не успевало затихнуть, как накатывал следующий. Я не могла удержаться, чтобы не воскликнуть: «Теперь впервые я понимаю тот отрывок из Байрона, где он говорит:

“Прекрасен блеск зарницы. Гром летучий
Наполнил все: теснины, бездны, кручи.
Горам, как небу, дан живой язык,
Разноречивый, бурный и могучий”.

*/Джордж Гордон Байрон. Паломничество
Чайльда Гарольда./ Перевод В. Левика.
Соб. соч. в 4 т. — Том 2. — М., 1981 г./*

Буря продолжалась более часа, затем все стихло и выглянуло солнце. Никогда в жизни до этого я не видела настоящего шторма. Это было впервые, хотя потом меня заставляли бури, и я повидала их немало, ибо мы сталкивались с ними ежедневно на этом озере, но ни одна больше не произвела на меня такого впечатления: это было невероятно величественное зрелище, которое никогда не забудется.

Скучный запас продуктов. Мы не могли вернуться, не выполнив намеченного на день, но не имели запаса продуктов на поездку по озеру, а в том месте было всего две деревни, и те на другом берегу, но даже в них вряд ли что мы смогли бы достать. Люди, жившие там, были слишком бедны, поэтому мы полностью зависели от того, что можно добыть с нашими ружьями, а дичь в том месте практически не водилась, и мы должны были быть благодарны тому, что смогли добыть

какую-то разновидность ворон, крайне неприятных, и только голод мог заставить нас их есть.

Однажды вечером калмыки сказали, что на противоположном берегу есть деревушка, и мы снарядили казака и еще несколько человек за козами, единственными животными, которых там разводили. И тут я имела возможность судить о расстоянии до того берега. М-р Аткинсон сказал мне, что оно составляло от 12 до 15 верст — факт, в который я с трудом могла поверить. Расстояния из-за чистоты атмосферы очень обманчивы, и я не однажды имела случай убедиться в точности суждений м-ра Аткинсона в подобных вопросах, а также относительно погоды, так как за короткое время он далеко превзошел людей, которые всю свою жизнь жили в этом регионе. Хотя они прекрасно в ней разбираются. Изредка возникал вопрос: «Какая будет погода», и у нашего казака следовал неизменный ответ: «Бог ево знай!» («Бог знает»). Если этот же вопрос ставился перед любым человеком из племен, встречавшихся в этом регионе, они обычно быстро осматривали все вокруг, прежде чем ответить, и их ответы в основном были правильными, но я ни разу не слышала, чтобы мой муж ошибался в своих предсказаниях.

Темнота окутала все вокруг прежде, чем наши люди вернулись, но котлы были уже готовы и висели над ярко горящим пламенем. Мы пошли немного прогуляться вдоль берега, а когда вернулись и проходили мимо нашего бивуака, нашему взору предстала самая дикая сцена, свидетелем которой я когда-либо была. Ярко горели три огромных высоко сложенных костра. Наши калмыки-лодочники и казаки сидели вокруг них, горящее пламя ярко освещало верхушки деревьев и их лица, делая их похожими на свирепых дикарей; на переднем плане виднелось наше маленькое покрытое листьями убежище со спокойно и приветливо горящим перед ним костром.

Ликующий спортсмен. Не могу не рассказать вам, что однажды я убила белку. Я научилась довольно хорошо стрелять, занятие, в котором я должна была практиковаться на случай нападения. У меня была небольшая винтовка, подаренная мистером Тэйтом, и маленькое ружье — мистером Астершоффом, когда я была в Томске, и в своем седле я держала пару пистолетов. Таким образом, как вы видите, я была хорошо вооружена. Белку я увидела на дереве и, поскольку у меня в руках была винтовка, я подняла ее и выстрелила, стоящий рядом со мной калмык был очень доволен, похлопал меня по спине и побежал вниз по берегу принести белку. Я едва могла

поверить своим глазам, когда увидела ее, ибо я представила себе, что белке удалось убежать. Я никогда ни в кого не стреляла прежде, кроме мишени. Бедняга вернулся и стал умолять меня, как о милости, чтобы я позволила ему взять ее для супа, что я и сделала при условии, что шкурка будет моей. Этим людям, казалось, не беспокоило, что они едят. Всегда, когда бы м-р Аткинсон не стрелял рысь, они ее съедали. Я приобрела славу охотницы, застрелив белку; по правде говоря, в душе я ликовала так, что у меня появилась абсурдная мысль убить медведя, который ночью посетил наш лагерь, но, никого не побеспокоив, прошел в четырех футах от того места, где мы спали, что было очевидно по следам, которые он оставил. На следующее утро вся группа, кроме одного, отправилась на поиск чего-нибудь съестного на обед, когда мне в голову пришла мысль, что, возможно, медведь может вернуться, поэтому, взяв винтовку, я расстегнула чехол и положила ее рядом с собой, радуясь при мысли, как все удивятся, увидев по возвращении в лагерь рядом со мной лежащего медведя, но, к моему сожалению, монстр никогда больше не появлялся. Калмык, который оставался со мной, был крайне удивлен, когда, спросив, что я собираюсь делать с винтовкой, получил ответ: «Застрелить медведя, когда он придет».

Путешествуя по озеру, мы встретили свирепого вида людей, хотя это были всего лишь калмыки. Была ночь, когда они прибыли, их было около 20 человек, и когда они расселись вокруг горящего костра с руками, свободными от меховых пальто, полностью оголив верхнюю часть своих грязных, сильных и мускулистых тел, почти черных под воздействием солнца и воздуха, и с косичками, как у китайцев, их вид был ужасно свирепым; но он стал еще более свирепым, когда все они начали спорить из-за нескольких лент и кусков шелка, которые я подарила нашим людям. Они повязывали красные полосы вокруг шеи, но, думаю, я удовлетворила всю компанию, понемногу одарив и незнакомцев. Было очень смешно видеть, как эти величественные сильные мужчины приходили в восторг от вещей, которые могли доставить удовольствие только детям. И я даже не знаю, следовало ли нам с презрением смотреть на то, как они делали это; сколько мужчин в цивилизованном мире чувствуют гордость, украшая свою персону, чтобы выглядеть красиво, и эти простые создания делали то же самое, только в более грубой манере. Спор все еще продолжался, а затем оказалось, что они были пьяны. Нам стоило труда избавиться от них, почти до полуночи они никак не хотели уходить.

Восхитительные фрукты. Эти бедные люди, едва ли имев-

шие что-либо, вынуждены платить дань двум императорам — китайскому и русскому. Они по своей природе добрейшие существа, каждый раз видя, как я пыталась вскарабкаться на скалы в поисках цветов или фруктов, всегда сами взбирались на самые труднодоступные места, чтобы достать их для меня. Однажды, сидя в лодке, я увидела несколько китайских астр, растущих на утесе скалы, куда, как я полагала, невозможно добраться, как вдруг одно каноэ направилось в ту сторону, и человек влез наверх, уцепившись за ветки, растущие в скалах. Было жутко видеть, как он цеплялся за такие тоненькие веточки. Всякий раз, когда м-р Аткинсон был занят, а я отправлялась на поиски цветов и фруктов, наш казак Алексей, гигантского роста мужчина, считал своим долгом, возложенным на него, следовать за мной на почтительном расстоянии, куда бы я ни шла, и когда он не мог идти сам, он посылал за мной кого-нибудь из калмыков.

Однажды м-р Аткинсон был занят тем, что делал наброски удивительно красивого водопада в ущелье горы Каракурум. Стоял прекрасный жаркий день, но здесь мы обнаружили снег и лёд; надо сказать, понимаясь по этой стороне озера, мы находили снег во многих лощинах. Под всей этой грудой скал, снега и льда в озеро стекала вода, а наверху, возможно, в течение столетий там и тут росли кусты красной смородины. Все мужчины, так же, как и я, начали собирать вкусные ягоды. По мере того, как я продвигалась вперед, я видела кусты, где ягоды висели соблазнительными гроздьями, но, чтобы добраться до них, мне пришлось бы перебираться через ужасные островки льда и слякоти. Я стояла, размышляя, следует ли мне переходить и стоит ли мне пачкать ботинки, когда почувствовала, что меня осторожно приподняли и перенесли. Я обернулась, думая, что это мой муж, но нет. В обратном от меня направлении неторопливо брел Алексей. Я невольно почувствовала легкое негодование, ибо я уже высказала своему мужу, что он всегда обращался со мной как с ребенком, а этот поступок был подтверждением моих мыслей.

На обратном пути мы пересекли северную сторону, где была скудная растительность и кое-где виднелись деревья: здесь мы обнаружили несколько карстовых каверн. Наши калмыки рассказали нам, что в одной из них несколько бедняг остались ночевать и их засыпала огромная масса камней и деревьев, и похоронила их там; их товарищи искали их, обследуя каждое место, где они могли бы остановиться, но когда они подошли сюда, у них уже не оставалось больше никаких сомнений о судьбе своих друзей.

Пройдя дальше, мы вошли в одну из них, чтобы пообедать. Это было чудесное место, но после обеда, когда мой муж закончил рисовать его, поднялась буря и продолжалась почти до самых сумерек. Было довольно поздно, и наши люди предложили заночевать здесь, но я категорически воспротивилась: никакие доводы не могли заставить меня остаться здесь. Только несколько часов назад они нагнали на меня страху, когда мы проходили мимо каверн, где их друзья так трагически погибли, и я содрогалась только от мысли остановиться в подобном месте.

Мы провели счастливое время, путешествуя вокруг озера. Спустя годы, если нам суждено долго прожить на этом свете, мы проведем много счастливых минут, воскрешая в памяти это время. Даже сейчас, глядя на эти рисунки, каждый из которых имеет свою историю, у меня перед глазами всплывает эпизод, связанный с какой-то опасной ситуацией, которых было немало, или что-то веселое, забавное, интересное.

Когда мы вернулись на место, с которого отправились в путешествие вокруг озера, нас охватило чувство сожаления: какое-то время мы смотрели на начинающийся шторм, и теперь вместо спокойного золотого озера без ряби, которое радовало нас, когда мы прибыли сюда, мы видели черную, как чернила воду, а волны вздымались на огромную высоту, создавая страшный шум, неистово ударяясь о скалы. Мне было очень жаль, и все же это было грандиозное зрелище — красота несколько иного плана.

Здесь мы ели вкуснейшую рыбу размером с селедку, только более изысканного вкуса: конечно, я не пробовала ничего, что могло бы сравнить с ней. Мы засолили бочонок и отправили полковнику Соколовскому с одним из казаков, который возвращался в Барнаул.

Мы простились с озером, в 40 верстах от него нас ждал плот, на котором мы спустились по Бии до Сандипа, по пути делая остановки, любуясь красотами крутых изгибов прекрасной реки.

Настойчивая просьба. Мой друг, старая женщина из Сандипа, услышав, что мы направляемся в Капал, пришла ко мне и, упав на колени и склонив голову до земли, сказала: «Матушка моя, прости меня, у меня огромная просьба, о которой хочу просить вас». Я подняла ее, но она снова упала. Наконец, со слезами на глазах она рассказала, что у нее в Капале есть сын, рассказала о жалких условиях, в которых он находился: без дома, где можно укрыться, о том, что, кроме хлеба, им нечего есть, в то время как в Сандипе у них имеется все. Она закончила свой рассказ, умоляя меня от-

везти ему гостинцы, «подарок»; я естественно согласилась, но — о, ужас!, — она дала столько, что увезти все мог только верблюд: наконец, мы получили все это, уложенное до размеров посылки, содержащей, я не знаю что, а также бадью с медом и немного воска. Я улыбнулась, когда старая дама попросила меня о том, чтобы казаки не узнали, что продукты не мои, иначе ко времени, когда мы доберемся до Капала, там ничего не останется. Тогда я не могла понять ее, теперь я знаю, что она имела в виду.

У нас работало много казаков, но я всегда находила их старательными, заслуживающими доверия: без спроса они не могли взять даже булавки, принадлежавшей нам; им можно было доверить кучу золота, но это не распространялось на тех, кто не находился под их опекой и защитой, они тогда брали первое, подвернувшееся под руки.

Один казачий офицер рассказывал мне, что их жалованье было неадекватно их нуждам, его, действительно, не хватало на то, чтобы купить униформу, и даже, говорил он, «от нас ожидают, что все это у нас есть, кроме того, мы обязаны иметь лошадь; что нам в таком случае делать? что остается? — только воровство». Одно время мы считали их поведение достойным осуждения, но потом, узнав их поближе, мы стали более снисходительно относиться к ним, обвиняя систему, которая несовершенна.

Солдаты — совсем иная раса людей. Мы никогда не брали солдат, у нас работали два, и оба воровали, им нельзя было ничего доверить, и, кроме того, их внешний вид говорил сам за себя. Они являются низшим классом индивидов, тогда как казак — джентльмен, и большинство из них — образованные люди.

У нас было много проблем с медом старой женщины, он вытекал из бадьи. Мед здесь абсолютно чистый и прозрачный, и может литься, как масло, запах у него бесподобный и привкус почти каждого цветка, который мы встречали на Алтае. В доме, где мы остановились, нам принесли тарелку меда. Пчел держат в каждом доме, а в некоторых местах на Алтае мы встречали диких пчел; казаки часто собирают их мед. Бадья с медом, наконец, добралась до Капала. Когда мы спросили нужного нам человека, пришли трое с одинаковыми именами: одному из них, который был из Сандипа, была вручена посылка. Где-то часа через два появился какой-то казак, совсем запыхавшийся от бега, говоря, что он тот человек, которому принадлежат вещи, он получил письмо, где было сказано, что они ему отправлены; потом я была рада услышать, что он получил все,

кроме меда; его, к сожалению, почти весь съели филистимляне, которые завладели им. Мне все это было очень неприятно, и я волновалась, но бедняга был вполне утешен, услышав новости из дома; у него было много друзей, о которых он хотел узнать и о которых я ничего не знала. Я сделала все возможное, передав ему всю информацию, какую смогла, и он ушел удовлетворенный.

Катунь. Из Сандипа, не отдохнув ни дня, мы отправились в Катунь; почти 1000 верст я снова проехала верхом на лошади. Это путешествие из-за необходимости сделать зарисовки заняло три недели. Местами дорога была поистине ужасной. Я проехала через горы значительно выше линии, где есть растительность. Одна, которую мы проехали возле реки Коксу, произвела на меня потрясающее впечатление. Мы оставили наш лагерь до 6 часов утра, в час остановились пообедать, около 2.30 снова отправились вперед. Дорога была прекрасной, но крайне скалистой, нам приходилось проезжать через многочисленные плато. Каждый раз добираясь до очередного гребня, я думала, что это последний, но за ним снова начинался такой же трудный путь, другое плато и другой гребень, но когда мы все же добрались до верха, что за картина предстала перед нами! Во всем своем великолепии перед нами стоял Белуха, последние лучи закатного солнца освещали этот гигант Алтая, он так гордо выделялся среди окружающих его гор, подобно рубину с рассыпанными вокруг него бриллиантами, в которых слегка отражался его цвет. Я застыла в восхищении перед такой красотой, даже наши люди придержали своих лошадей и стояли в восхищении, восклицая: «Славно!». Мы стояли, наблюдая зрелище, пока нас не окликнул Алексей, говоря, что мы должны идти вперед.

В этот день нам пришлось пройти через место, где могла протиснуться только лошадь. Справа перпендикулярно вверх поднимались скалы, в то время как слева — ужасная пропасть, дно которой было усеяно скальными породами и камнями, один неосторожный шаг лошади, и она сама, и ее седок рухнули бы вниз в ужасающую бездну. Один калмык захотел завязать мне глаза и провести лошадь, держа ее за поводья, но я не согласилась с этим предложением и даже не разрешила кому-нибудь прикасаться к моей лошади. Я не была склонна к экспериментам там, где была опасность. В таких ситуациях лучше довериться сообразительности животных, которые прекрасно знают о всех трудностях, с которыми им приходится сталкиваться. Со временем вы видите, как они ставят ногу и пытаются определить — безопасно ли это место, если нет, они

ищут другое место; что за смелые животные. Ни одно из них не подковано — все здесь естественно.

Опасный спуск. Теперь мы начали спуск, который был гораздо хуже, чем подъем. Камни падали во всех направлениях, затрудняя движение вперед; наконец, почти в сумерках, мы добрались до плато, где люди захотели остановиться на ночь, но так как Алексей сказал, что до подножья горы не слишком большое расстояние, мы согласились пойти дальше, думая, что там будет удобней, хотя я была бы рада остановиться. Мы продолжили спуск, с каждым шагом идти было труднее. Наступила ночь. Но мы все еще шли, поскольку еще не дошли до того места, где можно было разбить лагерь. Более того, проход стал настолько узким, что мы вынуждены были идти гуськом: проводник, потом м-р Аткинсон, затем я и все остальные. Через какое-то время справа мы слышали нарастающий рев воды, он становился все более оглушительным, неся с собой камни и валуны. Наши люди все время кричали нам держаться левой стороны, но из-за ужасного рева водопада мы больше не могли их слышать, поэтому с бьющимся сердцем я спускалась на лошади вниз, пытаюсь пройти в темноте. Увидев слабые очертания белого коня своего мужа, я поняла, что иду в правильном направлении. Я опустила поводья и доверилась лошади. Я поняла, что бесполезно пытаться управлять ею.

После нескольких утомительных часов мы благополучно добрались до дна ущелья и дошли до грунта, но было 11 часов, прежде чем мы добрались до деревни Кокшинская. Я провела на лошади так много часов и прошла по таким ужасно трудным дорогам, что, когда мы остановились, я была вынуждена лечь, ибо не могла стоять, мои конечности онемели. Полежав несколько секунд в доме на скамье, я пришла в себя.

Во время наших путешествий я не могла дать себе возможность почувствовать усталость, у меня было слишком много обязанностей, которые я должна была выполнять. На следующий день, искупавшись, я снова была в форме. Тем летом, главным образом, я купалась каждое утро и вечер, иногда днем; без этого, я думаю, я не смогла бы одолеть и половины пути.

Объекты женского любопытства. На следующее утро, завтракая, я заметила крестьянскую девушку, бежавшую что было сил; запыхавшись, она вошла в комнату посмотреть на диких животных, которые, прибыв накануне вечером, надедали много шума в их мирной долине. Я обратилась к ней, но не получив ответа, продолжала завтракать. После того, как

она простояла полчаса, ничего не говоря, я решила избавиться от нее и дала ей немного бусинок для ожерелья. У меня был хороший запас таких вещей, но бесполезно, она не уходила, критически рассматривая меня, наконец, заговорила: «Мне сказали, что прошлой ночью ты спустилась с той горы, - указывая в направлении, откуда мы пришли, - это правда?». Я ответила: «Да». Снова посмотрев на меня какое-то время, она сказала: «Неужели, правда? Мы смотрим на эту гору с ужасом днем, а вы пришли оттуда ночью!». И снова она уставилась на меня так, что, казалось, ее глаза вылезут из орбит, и с еще большим удивлением, чем прежде, повторяла: «Неужели, правда?».

Здесь я не испытывала недостатка в добровольных помощниках: к ним не заезжали их собственные соотечественницы, а английская женщина была объектом, о котором они не имели вообще представления. Вопросы, которые они задавали мне, заняли бы тома: среди них никогда нескончаемая тема — видела ли я когда-нибудь императора? Да, много раз, но никогда не разговаривала с ним. Далее, Великие княжны, на кого они похожи, были ли они хорошенькими? Восхитительной новостью для них было рассказать, что Великая княжна Ольга была замужем. Я должна была описать, как они одеваются, какие украшения носят, чем украшают свои волосы. Одна из моих новых подруг сказала, что она замужем и на голове носит платок. Я с трудом сдерживалась, чтобы не рассмеяться, но я совершенно шокировала их, говоря, что дочь императора никогда не носила платка на голове: ни до, ни после замужества. Я не уверена, выиграла ли императорская семья от своих поклонниц в результате моего визита. Эти бесхитростные, но добросердечные создания относились к ним с благоговением, как к чему-то святому.

Что меня очень удивило, так это нечистоплотность обитателей одной из самых прекрасных долин, которые можно обнаружить на земле. Они окружены всеми удобствами, какие они могут пожелать; кристально чистые источники воды протекают вблизи их жилищ, а последние кишат паразитами самого омерзительного вида. Я всегда предпочитаю спать на свежем воздухе: животные, которые ползали по мне там, чистые, по сравнению с теми, с которыми мы встречаемся в грязных домах, но внешне они не грязные, наоборот, стены, столы, полы изысканно чистые и белые.

Мы намеревались было направиться к Белухе. Люди, лошади и продукты для этой цели были приготовлены в Уймонии, но на третье утро после недолгой остановки в горах мой

муж с неохотой был вынужден повернуть свою лошадь назад но с решимостью вернуться туда как-нибудь потом. Я бы с радостью сопровождала его, если бы он решил продолжить путь, но я была обрадована, когда он сказал, что мы не должны идти дальше: мы прошли много верст по болотам, наши лошади утопали по самые сёдла, а ночью останавливались на снежных вершинах с холодным пронизывающим до самых костей ветром. Утром мы обнаружили, что выпал такой снег, что людей не было видно: укрывшись шубами, они лежали на земле около костра, который, несмотря на падающий снег, ярко горел. Бедняги выглядели подобно ряду холмов, расположившихся вокруг костра, чтобы его не сдуло ветром. Они рассказывали мне, что под снегом им было тепло, и ветер не мог добраться до них. Тем днем мы выглядели как стаи блуждающих духов, одетых в белоснежные одежды, ехавших на лошадях с черными ногами. Были бы мы здесь месяцем раньше, мы бы успели завершить наше путешествие, но середина августа — это было слишком поздно, даже на полмесяца раньше — мы бы управились, но сейчас, если бы настойчиво продолжали идти, мы все могли погибнуть.

Во время нашего спуска в Катунь мы обнаружили разные виды вкуснейших фруктов. Малина была такая большая, что одна ягодка не могла поместиться во рту, красная и черная смородина были в изобилии, последней — два сорта. Я никогда не могла отличить их по виду, они ничем не различались, но наши люди распознавали их мгновенно; один назывался «кислый» и фактически соответствовал своему названию.

Проворный лодочник. Мы разбили лагерь в прелестном местечке на берегу Катунь. Как после гор изменился окружающий нас пейзаж. Здесь все было залито солнцем, благодатное тепло, казалось, исходило отовсюду.

Нас страшно раздражали москиты, похожие на маленьких мушек, ярко зеленых на солнце, крайне ядовитых, один из них незаметно укусил м-ра Аткинсона за руку и в течение нескольких дней она сильно болела.

По реке мы спускались на лодке; это был довольно опасный эксперимент — спуск по водопадам. С величайшей ловкостью лодкой управлял русский мужчина. Сев в лодку, мы понеслись с ужасающей скоростью, а когда высадились на берег, он с гордостью посмотрел на нас, как бы говоря, что доставил нас целыми и невредимыми. Он сказал что, кроме него, нет другого такого же искусного лодочника, это же подтвердили и люди в деревне. Мы вернулись в Алтайскую волость другим путем, нежели вышли. Там нас ждала повозка. Теперь мы ехали по

красивой спокойной Ябаганской степи. В калмыцком ауле мы сделали остановку, где для нас была принесена жертва. Праздник был уже почти готов, когда м-р Аткинсон, к всеобщей радости, закончил рисовать священнослужителя. Перед отъездом старик взял свой тамбурин и начал громко бить в него, читая молитву, как он сказал нам, чтобы наш обратный путь на родину был благополучным. Я поблагодарила его, сказав, что эта благодарственная молитва поможет нам в пути. Бедняга пришел в ужас, что его нарисовали, думая, что м-р Аткинсон теперь будет иметь над ним власть.

В путешествии по Катуня нас сопровождал старый толмач, который сказал, что мы направляемся к тому месту, где в изобилии водится рыба, и советовал нам сделать остановку раньше, чем мы планировали, но вскоре мы разоблачили старика, когда он заявил, что, пока мы путешествовали, в мире произошли огромные изменения. Чтобы загладить свою вину за досадное недоразумение с рыбой, в тот день он стал собирать цветы и фрукты. Прежде чем мы добрались до Абайской степи, он принес мне огромную ветку смородины, которую я с удовольствием ела, когда подъехал Алексей и прочитал суровую лекцию бедному старому толмачу о его глупости в потворствовании моим капризам, повернулся ко мне и сказал: «Бросьте эту ветку немедленно». Я возмутилась, глядя на мои испачканные щеки, он сказал (полагаю, что он подумал, что я была испорченным ребенком): «Когда мы доберемся до Абайской степи, у вас будет столько ягоды, сколько вы сможете съесть». Я не могла сдержаться от улыбки. Он продолжал: «Мы должны перейти через гору, и если нас застигнет буря, мы все погибнем, так как облака уже низко опустились на горы». Наконец, думая, что он может быть прав, я бросила ветку вкусных ягод, села на лошадь, чтобы присоединиться к своему мужу.

Промокшие насквозь. Мы отправились утром, надеясь, что день будет прекрасным, но дождь, который доставлял нам удовольствие, давая возможность лишний раз искупаться, последние два-три дня лил, как из ведра. Мы поднимались все утро, с каждым шагом дорога становилась трудней, и до верха мы добрались к концу дня, а затем случилось то, что предвидел Алексей, — нас окутали густые облака. Для меня это было необычно, так как я впервые в жизни оказалась в них. Я едва могла видеть голову своей лошади. Они проходили сквозь нас, как густой дым, и я была ужасно рада, когда мы начали спуск и вышли из них; я взглянула назад и увидела как море облаков клубилось над нами. Когда мы прибыли

в уединенное жилище старика в Абайской степи, там все уже было готово к нашему ночлегу, но помня ужасы, с которыми мы столкнулись в Кокшинске, я проявила осмотрительность в этом вопросе, и хотя лил дождь, я бы охотнее расположилась на улице.

Не успела я снять свою шляпу, как в комнате появился Алексей, неся мне большую тарелку супа и деревянную ложку и, поставив передо мной, сказал: «Это тебе, ты можешь покушать». Но я была слишком занята, снимая мокрые вещи — на мне не было сухой нитки. Самым поразительным было то, что я промокала насквозь, но ни разу не простудилась.

Поскольку нам предстояло встать рано, я постелила постель и легла спать около 9 часов. Сон никогда не бывает долгим для утомленных путников. Не знаю, сколько я спала, не могу сказать, я была слишком уставшей, но я была разбужена омерзительным ощущением на теле. Я зажгла свечу увидеть, что это было. О, ужас, моя ночная рубашка и простыни были практически черными от клопов. Сначала я не знала, что делать, однако потом начала стряхивать пришельцев сотнями, я бы сказала тысячами.

Наконец, мы избавились от нарушивших наш сон насекомых. И только я провалилась в сон, как снова проснулась от ощущения жжения, и церемония повторилась снова. Старое пальто, которое лежало в ногах, буквально кишело мерзкими насекомыми, я открыла дверь и в отчаянии вынесла его на улицу. Затем я вынуждена была держать свечу (единственную, которая была у меня) зажженной всю ночь, чтобы иметь возможность продолжать свою войну. Я приветствовала первые проблески рассвета с величайшей радостью, хотя и не выспалась. Когда старый охотник вошел в нашу комнату, он спросил с низким поклоном, как мы провели ночь. Когда я рассказала ему, он тихо сказал: «А они нас никогда не беспокоят. Я думаю, мы привыкли к ним».

Рано утром мы попрощались с нашим старым другом. Он попросил моего мужа передать прошение губернатору Томска, надеясь, что тот может разрешить ему сменить место жительства и построить маленький домик в другой долине, где он хотел бы выращивать кукурузу. Мы были рады оказать маленькую услугу старому человеку за его доброту и внимание, оказанные нам во время приезда и отъезда из Катуня.

Дань императору. В этом путешествии Алексей использовал необычный способ обеспечения лошадьми. Когда возникала необходимость поменять лошадей, он посылал вперед человека к племени, которое он искал, со своей шапкой, во-

друженной на длинную палку или ветку, и держа ее таким образом высоко над собой, тот скакал во весь опор; и мы никогда не оставались без лошадей, и всегда находили их уже приготовленными к нашему приезду. Я спросила, почему он так делал. Ответ был таков, что казаки всегда так ездили, находясь на службе императора или сопровождая тех, кто находился под непосредственным покровительством Его Высочества. Мы часто имели возможность наблюдать преданность этих диких племен Его Высочеству. Но нередко случалось так, что их беззаветной преданностью злоупотребляли.

Самые прекрасные и ценнейшие меха, которые можно было только добыть, отбирались у них в качестве дани, и эти бедные люди представляли себе, что они будут получены лично Его Высочеством, и что он знает, от кого и откуда их привезли. Эти меха проходят через множество рук, и каждый подменяет их другими мехами, передавая следующему чиновнику, и когда меха доходят до места назначения, они уже иного качества и ценности, нежели те, отдаваемые этими бедными людьми, которые считали бы неприемлемым дарить такие жалкие вещи Его Высочеству.

Луна уже стояла высоко в небе, когда мы добрались до гостеприимного татарского поселения в семи верстах от Алтайской волости, где мы пообедали перед нашей дорогой в горы. Был уже одиннадцатый час, добрые люди уже спали, но они быстро поднялись и приготовили нам чай. Когда Алексей принес его нам, я спросила, поели ли наши люди? Он сказал с сожалением, что они все спят, будучи очень уставшими, хотя они ничего не ели с 2-х часов. «Вы, должно быть, тоже очень устали?». Я сказала: «Нет, я действительно не устала». «Хорошо, - сказал он с удивлением, - мы — мужчины и привыкли ездить верхом, а вы нет; вряд ли найдется другая дама, которая бы делала то, что делаете вы! И сейчас, когда это путешествие закончилось, я должен сказать вам, я часто удивлялся, как вы могли пройти через все, это. Это были искренние слова, и я могу заверить вас, что почувствовала огромную гордость, заслужив это.

На следующее утро, 26 августа, мы добрались до Алтайской волости и затем в повозке отправились в Змеиногорск, где мы оставались 4 дня в доме полковника Гернгросса, директора завода по выплавке серебра: он был давним знакомым моего мужа. Впервые с момента моего отъезда из Барнаула я спала в кровати. О, какое это было блаженство!

Путешествие из Алтайской волости было не очень интересным и, более того, обеспечено плохими лошадьми. Мы при-

были на озеро Колывань как раз в тот момент, когда начинался рассвет. Я горела желанием увидеть озеро, слышав так много о нем. Я была крайне разочарована: видела бы я его до Алтынколя, вероятно восхитилась бы им. Озеро было миленьким, особенно окрашенное лучами восходящего солнца, но красивым я его не смогла бы назвать.

Я посетила завод, который м-р Аткинсон изобразил на рисунке, как он сказал, для меня, и который, надеюсь, вы увидите. По дороге на завод я видела дома, в которых жили рабочие завода, на один из которых м-р Гернгрос обратил мое внимание. Он часто бывал на заводе в ночное время, а это последнее дело. Однажды морозным вечером, возвращаясь домой, он услышал слабый стон, который, как ему показалось, доносился из этого дома. Он остановил извозчика и прислушался, но ничего больше не услышав, решил, что это должно быть ветер и поехал домой, но на следующее утро ему сказали, что совершено убийство. Наш друг всегда чувствовал, что это на его совести: если бы он вышел из саней и вошел в дом, он мог бы спасти жизнь бедной женщине, которая закончилась безвременно из-за небольших денег, которые она накопила. Подобные вещи случались не часто. Чтобы вы лучше поняли характер народа, я должна сказать вам, что до тех трагических обстоятельств они всегда держали двери домов практически незапертыми; действительно, даже сейчас в течение дня любой может войти в любое жилище, и только ночью двери закрываются на замок.

В Барнауле точно такая же картина. Полковник Каванка рассказывал мне, что еще совсем недавно у него на всех дверях не было замков, он никогда не терял ни малейшей вещицы в своем доме, люди заходили и выходили, когда бы они не пожелали, но сейчас другое дело, воры — достаточно дерзкие для того, чтобы войти в жилище и выйти с шубами. Одна дама в Барнауле лишилась трех довольно дорогих, пока мы были там. В Петербурге мы были рады иметь пальто, подбитое лисой с собольим воротником, но сибирские дамы имеют их подбитыми соболями; представьте себе стоимость такого пальто — соболя внутри и шелковый вельвет сверху. Очевидно, в Сибири люди не испытывают недостатка в деньгах.

Путь на Семипалатинск. 2 сентября, в четверг, все было готово, мы опять попрощались с нашими добрыми друзьями и отправились в Семипалатинск. Начальник уезда повез нас посмотреть на татарских купцов, они показали нам много прекрасных вещей из Китая. Затем мы посетили татарскую школу для девочек: их было около двадцати, сидящих на крытой ве-

ранде и читающих нараспев. Что меня особенно поразило, так это ногти детей — они были очень длинные и мертвенно-розовые, видимо, их наказывали и били по рукам.

Только что мы пересекли Иртыш *en route** в великую Киргизскую степь, но прежде чем мы это сделали, таможенники проверили наш багаж, а затем вышли проводить нас. Потом мы пересекли остров, затем люди перетащили багаж на паром: на это ушло много времени — в общей сложности два часа. После татарской деревушки нам предстояло путешествие по степи. Теперь у нас были казачьи лошади, казачий извозчик и два казака-охранника: они ехали по обе стороны экипажа. Вскоре мы выехали из деревни, и они помчались во весь опор.

В горах бушевала буря, это было великолепное зрелище — раскаты грома на фоне сверкающей молнии, все это сопровождалось дождем с градом, но мы быстро мчались, оставляя все это позади себя. Потом мы узнали, что град причинил большой ущерб, что он даже побил скот.

Путешествие до Аягуза было довольно трудным, дождь так разбил дороги, что по ним невозможно было ехать, иногда требовалось до 8 лошадей, чтобы вытащить нас из грязи, в которой мы увязли. Прибыв в Аягуз, мы обнаружили, что начальника нет, но мы получили комнату в доме *sessedata**. Аягуз — это крепость, но теперь без орудий, небольшая речушка с таким же названием представляет собой чистый поток воды, несущийся через огромные валуны, по берегам растет трава, камыш, кустарник, но больших деревьев нет.

Мы крепко спали той ночью, а на следующее утро встали рано, чтобы подготовиться для поездки по степи. Из наших окон мы наблюдали сцену деловой суеты — казаки сновали во всех направлениях, а киргизы, которые должны были сопровождать нас и везти наши вещи, с лошадьми и верблюдами ожидали на улице. Они производили впечатление диковатого вида людей, но с выражением величайшего добродушия, их азиатские костюмы были в высшей степени живописны и прекрасны, никоим образом нельзя обойти вниманием платки, повязанные вокруг талии. Походка у этих людей необычная, их тела кажутся слишком тяжелыми для их ног, это происходит из-за халатов, которые каждый индивид носит на себе, иногда на них одновременно надето целых 4 или 5 халатов; обувь также слишком коротка для ног, видно, что пятка выступает сверху над подошвой ботинка. Учитывая все это, у них неуклюжая, покачивающаяся из стороны в сторону походка.

---

* *en route* — по дороге.

* магистрат

Была ужасная суматоха и неразбериха, ибо казаки, которые должны были сопровождать нас в Капал, вошли помочь уложить вещи. Некоторые добрые местные женщины также вошли и советовали, что прежде, чем завершить наши приготовления, мы должны обсудить поездку за чашкой чая, чувствуя себя уверенными, что смогут доказать невозможность продолжения моего путешествия. Они слышали о страшных несчастьях и ужасах, каких натерпелись некоторые жены казаков, которые недавно проезжали по степи, направляясь со своими семьями в новую крепость. Они были уверены, что я умру прежде, чем доеду до места. Я посмеялась над их страхами и заверила что у меня будет больше повода для беспокойства, если я не поеду, но даже несмотря на то, что они рассказывали мне, что смерть будет моей судьбой, если я отправлюсь в путь, все равно я тверда в своем решении. Вы знаете, меня нелегко запугать, если однажды я что-то решила. Я отправилась в это путешествие с намерением сопровождать своего мужа, куда бы он ни поехал, и никакие необоснованные страхи не остановят меня, если он может это осуществить, то я тоже. Я не поддавалась ни на какие уговоры.

До Аягуза мы ехали в повозке, которую мы оставили до своего возвращения на попечение *sessedatal*, так как нам пришлось снова пересесть на лошадей, пока мы не добрались до Капала, где мы сейчас находимся. Это путешествие было очень трудным по сравнению с другими, так как я провела в седле почти все время, пока мы ехали по степи.

Пока наши люди грузили вещи на верблюдов, я должна была пойти попрощаться со своими новыми знакомыми, даже если я провела здесь всего одну ночь. Считалось крайне невежливым уехать, не попрощавшись с каждым в отдельности, с теми, кто проявил по отношению ко мне даже малейшую любовь.

В первом доме, куда я вошла, я нашла двух оживленно беседующих дам, из нескольких слов, которые я услышала, было очевидно, что темой их беседы была я. Хозяйка сразу же поднялась, чтобы принять меня, но другая дама тотчас же убежала приготовить, как я потом поняла, к моему приему. В этом доме чай и кофе уже стояли на столе, последний являлся предметом роскоши: он стоил дорого и его трудно было приобрести.

Каждый приготовил что-то, чтобы мне было удобно ехать через эти негостеприимные степи в случае моей решительности отправиться в путь: у одной была сумка с сухарями (хлеб), порезанными кусочками и сверху посыпанными солью и вы-

сушенными в духовке; у другой — много маленьких мясных пирожков, а *sessedatal*, в чьем доме мы останавливались, подарил мне огромный арбуз — это был редкий дар, он был привезен из далека, не ближе чем из Семипалатинска. К сожаленью, я не любитель этих арбузов, тем не менее, я приняла его, так как я надеялась, что он, вероятно, окажется великим благом для м-ра Аткинсона, который был водохлебом, хотя и равнодушным, тогда как я могла всегда утолить жажду, если в пути встречался любой источник или река, а в кармане я всегда ношу маленькую чашечку для питья.

Киргизский аул. Дамы, так и не уговорив меня остаться, помогли взобраться на лошадь, и, попрощавшись со всеми, мы отправились по равнинной дороге. Когда мы немного отъехали, я остановила свою лошадь и обернулась, чтобы еще раз взглянуть на добрых людей Аягуза: все они махали нам вслед своими шапками и платками. Помахав им в ответ, мы повернули лошадей и быстро поехали. Проехав около 4 часов, мы наткнулись на киргизский аул, на который я смотрела без малейшего удивления. Две татарские женщины, мать и дочь, обе хорошо одетые, вышли из юрты взглянуть на нас. Женщина помоложе была хорошенькой девушкой с большими глазами, она вызвала мой интерес и любопытство. Ее платье было сшито из полосатого шелка разных цветов, по форме напоминавшее халат и повязанное вокруг талии великолепным платком; на ней были надеты черные бархатные штанишки и башмачки; ее волосы были заплетены в множество косичек, каждая из которых была украшена разнообразными монетами — серебряными и медными, были даже золотые; таким образом, молодая дама носила свое состояние при себе; невольно мне пришлось заставить себя покинуть девицу, так как аул, который мы должны были проезжать ночью, был еще далеко.

По прибытии в наше место назначения, что за картина открылась моему взору. Повсюду были видны стада, мужчины и подростки верхом на лошадях были заняты тем, что гнали скот в аул, а еще более странное зрелище — женщины, занятые доением овец. Старшина вышел вперед поприветствовать нас и представить жителям, которые были готовы к нашему приезду. Один из наших казаков выехал заранее, чтобы к нашему прибытию все было готово. Юрта была установлена на чистой траве около ручья, внутри пол, вернее, земля, был покрыт великолепными бухарскими коврами. И здесь я должна была провести ночь: это было совершенной роскошью. Наш багаж был размещен вокруг шатра и пока чай готовился, я разложила

свои медвежьи шкуры и приготовилась ко сну. Силясь приоткрыть глаза от охватившего меня сна, я чувствовала, что войлок вокруг юрты был слегка поднят, а за ним расположилась целая галерея портретов: отовсюду в меня всматривались лица. Видя, что их не гонят, несколько человек с трудом протиснулись и вошли в юрту, прикасаясь и трогая руками все, к чему они могли дотянуться, но в этот самый момент в дверях показался наш казак с самоваром, и все вошедшие со всех сторон ринулись на улицу, устроив ужасную толчею. Эти мужчины внушали женщинам благоговейный страх, но по какой причине, я не могла выяснить.

Чай был готов, мы сели, чтобы отведать бодрящий напиток; у киргизов он не сопровождается хлебом с маслом, как у нас, а сушенными фруктами, разложенными на великолепных китайских блюдах. Пока мы пили чай, диковатого вида парень втащил между ногами несчастного маленького барашка, прежде чем убить животное, его принесли, чтобы узнать, считаем ли мы его внешне вполне подходящим, если нет, его отпустят и выберут другого. В тот момент, когда животное забито, его тут же разделывают для приготовления, так же, как это делают калмыки. Я видела, что котел уже висел над ярко пылающим огнем, чтобы приготовить свежеразделанное животное; множество людей сидело вокруг, созерцая приготовление к скорому пиршеству.

Древняя могила. Тем временем, не желая присутствовать во время этих кулинарных операций, которые, по моему опыту, я знаю, были не самого изысканного описания, мы пошли прогуляться по берегам речушки, прошли чуть больше версты, пока не подошли к холмику, сложенному из маленьких, не больше грецкого ореха, камешков. Вероятно, под этим холмом покоились останки какого-то могущественного вождя. Мы стояли какое-то время, обследуя место, строя предположения, какой смертью мог умереть и кем мог быть человек, лежавший там. Мы постарались разузнать все, что касается захоронения, которое мы только что посетили, и узнали, как мы уже предположили, что это была древняя могила, но что за люди покоились там, они понятия не имели.

Вернувшись в наше временное жилище, мы с удовольствием расположились на ковре со своим походным ящиком с посудой и отведали изысканные нежные кушанья, поставленные перед нами, но мои мысли невольно возвращались к тому прелестному маленькому черному барашку. Многие приходили посмотреть, как мы едим. Наши изящные движения, казалось, интересовали их, они смотрели на нас изучающими

глазами. Оловянные тарелки, ложки, ножи, вилки — ничто не ускользнуло от их внимания, но что поразило и удивило их больше всего — это внимание, оказанное мне м-ром Аткинсоном, так как наш пол рассматривается киргизами гораздо ниже «венца творения». Теперь настала наша очередь выйти и посмотреть на трапезу киргизов. Торжественный обед был накрыт на свежем воздухе; они сидели кружками, в одном сидел вождь и его приближенные. Увы! Жены не было рядом с ним: она, бедная женщина, была среди отверженных. Не было ни тарелок, ни ножей, мясо было разложено на столе и каждый помогал себе сам, в соответствии со своим положением оставшуюся часть передавали отверженным, тем временем внутренний круг начал пить из маленьких чашек бульон, в котором варилось мясо. После этого принесли кумыс, сопровождаемый трубками, а так как нам предстояло вставать рано, а ночь уже быстро набрасывала свои тени, мы отправились в свою юрту. Я нашла юрту предпочтительнее палатки, здесь было и теплее, и удобнее, и огромное наслаждение, что я могла одеться и раздеться, не становясь на колени, как я делала это в балагане. Как вы легко можете представить, я крепко спала после почти двухмесячного путешествия, в основном, верхом на лошади.

Еще до восхода солнца меня разбудили звуки житейской суеты, доносившиеся в юрту. Голоса мужчин и женщин, сопровождаемые лаем собак, ржанием лошадей, мычанием коров и быков, бляением овец, но были и новые для моего уха звуки, поэтому я быстро вскочила на ноги взглянуть украдкой, что там такое, но была рада вернуться в свои меха, так как утро было холодным, был сильный мороз, первый, с которым мы столкнулись. Так как мы не могли тратить время, мне пришлось ускорить свой туалет и сборы вещей, чтобы отправиться в путь сразу после восхода солнца.

Перед отъездом в юрту вошел наш хозяин поблагодарить нас за то, что мы оказали честь его аулу, остановившись в нем на ночь. С ним был один из его людей с большим бухарским ковром, который он подарил мне в память о моем визите в аул. В ответ я подарила ему нож, которому он чрезвычайно обрадовался.

Пустынное место. Затем мы двинулись вперед, наша группа состояла из нас самих, трех казаков и пяти киргизов, а также нашего хозяина и его спутников, которые намеревались проводить нас какую-то часть пути. Меня очень интересовала дорога, один за другим попадались нам такие же холмы, какой мы видели накануне вечером. Через какое-то расстояние ста-

ли появляться камни багрово-серого цвета, но при ближайшем рассмотрении они оказались темно-красно-коричневой охрой, а некоторые темно-зелеными. Вскоре дорога стала уходить вверх, мы приближались к небольшой возвышенности, которая давала нам возможность обзора вокруг проезжаемых мест, чрезвычайно пустынных: ни деревца, ни куста, никакого признака растительной жизни, ничего, кроме бесплодной пустыни. На западе, сверкая как серебро, расстилалось озеро Якши-кызыл-туз. Но наш путь лежал на восток.

Через несколько часов мы подъехали к небольшой одиноко стоящей горе, на которой находилось несколько захоронений, некоторые внушительных размеров, сложенные из камней и имеющие большие камеры. Эти захоронения оказались очень древними, и камень, должно быть, привозили издалека, поскольку поблизости нигде не было видно ни одного.

Мы поехали дальше; прежде чем мы добрались до аула, наступившая ночь скрыла все к кромешной тьме. Днем мы останавливались немного отдохнуть и подкрепиться.

Мы крепко спали и вскоре после рассвета снова были в седле. Направляясь на юго-восток, мы совершили подъем на невысокую гряду холмов. Когда взобрались на вершину, увидели, какая изумительно восхитительная картина раскинулась перед нами. На востоке высоко вверх уходили скалистые горы, а на юге глаз блуждал по степи, которая была похожа на безбрежный океан, и ничего, где мог бы отдохнуть утомленный взор, — все терялось в туманной дали: это был не тот пейзаж, какой мы наблюдали в Барабинской или Ябаганской степи.

Мираж. Пока я стояла, погружившись в созерцание столь необычного для меня зрелища, м-р Аткинсон был занят поисками образцов медной руды, затем он сел на лошадь, и мы начали искать воду. В течение многих часов мы находились в седле под палящими лучами солнца; мы смотрели по сторонам, но, увы, ее нигде не было видно. Я умирала от жажды. Прошло несколько часов, но все еще никакого признака воды, наконец, я увидела прекрасное озеро, сверкающее вдали. Невозможно описать вам радость, которую я испытала, у меня нет слов, чтобы выразить мои чувства.

Я пришпорила коня. Один из казаков подъехал ко мне, говоря, что животное может не выдержать такой скорости. Я показала ему на воду и сказала, что всего лишь хотела добраться туда, и тогда я успокоюсь. Он покачал головой и улыбнулся, говоря, что это была не вода, а просто обман зрения. Я поговорила с м-

ром Аткинсоном: он также был обманут, он тоже думал, что это была вода. Временами она появлялась совсем рядом, потом она оказывалась на огромном расстоянии, этот мираж дразнил нас, мучая бедных, умирающих от жажды, наши губы были черными и солеными. Наконец, один киргиз и мой муж разглядели вдали караван верблюдов: где-то часа через полтора мы подъехали к ним, они шли из Капала за солью.

Я поинтересовалась, есть ли у них немного воды, но, увы, у них не было ни капли; они тоже жаждали хрустальной влаги. Отъехав от каравана, мы сменили наш курс. Позже мы встретили несколько киргизов, которые направили нас в аул. Приободрившись, мы помчались туда, и, наконец, действительно, мы увидели сверкающее на расстоянии озеро. О! Я испытала радость при виде этого зрелища. Я так разволновалась, что, когда оказалась около юрт, потеряла контроль над собой и лошадью, в том момент она, вероятно, увидела что-то, что испугало ее, или она, возможно, наступила на осу в траве, или, возможно, испытала шок, увидев рой ос, но как бы то ни было, она отклонилась в сторону и сбросила меня. Я не ожидала, что упаду, однако я поймала ее за гриву и быстро ухватилась за поводья. Мужчины мгновенно соскочили со своих лошадей, все засмеялись, когда обнаружили, что я не пострадала пока меня несла лошадь. Когда мне помогли снова забраться на нее, мы ускорили шаг. Прежде всего я достала свою кружечку, передала ее одному из мужчин, которые вышли встретить нас, восклицая: «Су, су» (воды, воды), когда, о ужас, мне объяснили, что это прекрасное сверкающее озеро было солью!

Когда мне помогли слезть с лошади, ко мне подошла женщина и подала немного молока, которое я выпила, но этого было слишком мало, чтобы утолить жуткую жажду. Я едва могла поверить в то, что вода была слишком соленой, чтобы пить, и послала одного из людей принести мне немного. Увы! Это была истинная правда, это был настоящий солевой раствор.

С этой соленой жидкостью вскипятили самовар, но это не было похоже на чай. Мы сравнили его с лондонским молоком, он был голубовато-белого цвета. М-р Аткинсон выпил немного, но было бесполезно даже пытаться пить его в каком-либо виде.

У нас было немного жареной баранины на обед и с ней нам принесли большую миску жира, который, к моему отвращению, предложили выпить. Мы оба отказались от предложенного напитка. Мужчина стоял какое-то время, наблюдая за нами, поэтому я спросила, почему он не уносит жир,

тогда он попросил меня разрешить казаку выпить его, если я не буду возражать. Можете вообразить, я с радостью согласилась, и он выпил его весь, с величайшим удовольствием смакуя. Они действительно предпочитают его к мясу. Я заметила, когда бы казак ни убирал посуду, которой мы пользовались, киргиз хватал ее и способом, особым для него, мыл и доводил ее до блеска, как будто бы она была отполирована суконкой. После этого я всегда следила за тем, чтобы она была вымыта, прежде чем будет использована.

Мы отдохнули здесь только час и в 4 часа отправились вперед. Местные жители сказали, что вода находится в 20 верстах. Теперь наш путь лежал на восток, в направлении Алакуля.

Степь была такой ровной и гладкой, что мы неслись во весь опор, но это оказалось намного дальше, чем нам сказали, ибо мы добрались туда только около 9. Воды, пригодной для питья, там не было, ничего, кроме застоявшегося пруда, ужасно грязного. и все же из этой воды нужно было вскипятить чай.

Наши спутники. Я не рассказала вам о наших попутчиках в этом путешествии. В киргизах не было недостатка, они следовали за нами ради собственного удовольствия или ради праздника, который будет, в чем они были уверены, устроен в следующем ауле, до которого они доберутся, так как киргизы всегда забивали жирную овцу, а не теленка, когда приезжали гости. В самом деле, эти люди проводили большую часть своего времени, посещая кого-то. Далее, с нами были три казака, наши постоянные спутники до Капала; один из них служил в качестве толмача и был преданным помощником м-ра Аткинсона. Его звали Петр, я добавляла — Великий, ибо он был одним из самых изощренных лжецов, каких я когда-либо встречала. Мой муж говорил не так. Он называл его поэтом; безусловно, он обладал живым воображением, у него для каждого был ответ и основания для всего. Следующим был высокий мужчина — мой преданный помощник, весьма необычный, его звали Алексей. Это был еще молодой человек, чьей обязанностью было следить за киргизами и верблюдами. Все трое охотно служили нам, делая порою даже то, что было выше их сил.

Далее наш путь лежал через болотистую местность с топкой почвой, поросшую высоким камышом, тростником и крупностебельной травой выше человеческого роста. Мы прошли много верст, прежде чем смогли обнаружить место, где пройти; наконец, мы подумали, что сможем преодолеть болото. М-р Аткинсон и киргиз шли впереди, а затем указы-

вали, где следовать нам: мы рассеялись на, по возможности, большом расстоянии друг от друга, никто не шел по следам другого. Мы утопали в трясины по самые седла, хотя это было немного лучше, чем мы ожидали, затем послали человека за верблюдами, показав ему лучший путь для того, чтобы провести их. Все мы надеялись, что они смогут безопасно перейти, и очень беспокоились. Они шли очень хорошо, пока один из них не улегся невозмутимо на середине, и ничего не могло заставить его двинуться дальше до тех пор, пока вся его поклажа не погрузилась в грязь. М-р Аткинсон ужасно волновался, думая, что там находились его бумаги, рисунки и проч., что могло быть испорчено и свело бы на нет все его труды. Я узнала у Петруши, так ли это, он ответил со своей обычной изобретательностью: «Нет, леди, это наши вещи, были бы они вашими, вы думаете, мы бы позволили верблюду сесть?» Однако это были наши вещи, но не бумаги. Как пример лживости этого человека, я должна обязательно рассказать вам следующее: мы проследовали вперед, когда я потеряла Петрушу, вскоре он подъехал, и я заметила, он был необычно говорлив, далее, подъехал один из киргизов — они постоянно обращались ко мне, когда хотели пожаловаться. Этот человек знаками дал мне понять, что Петруша избил его, его нос был немного поцарапан и, судя по его одежде, он падал на землю. Я повернулась к Петруше и попросила его перевести, что сказал этот человек, мгновение он колебался, а затем сказал: «Видите ли, мадам, он говорит, что из-за этих отвратительных киргизских лошадей мы прошли сегодня не так быстро, как следовало бы! И что если бы у нас были русские лошади, мы бы пронеслись через равнину как дикие люди!» Алексей был удивлен, услышав все это, и не сдерживая себя больше, помчался во весь опор, взорвавшись от смеха, который разнесся далеко по степи. Я сказала: «Петруша, это неправда». Глядя на меня честными глазами, он ответил: «Ей богу, мадам, это правда». Я не знала, что сказать, но вечером его преступление раскрылось, ибо м-р Аткинсон обнаружил, что приклад его ружья, которое нес Петр, был сломан во время потасовки.

Пики Алатау. 13-го числа, поднявшись рано утром, мы впервые увидели снежные пики Алатау, сверкающие, подобно серебру, на фоне темно-голубого неба. Это был день, который я никогда не забуду; в то утро мы отправились в путь в 7 часов. Как обычно, я поинтересовалась расстоянием. Петр сказал — 40 верст, Алексей — 80; 40 или 80 — это не имело большого значения, я была в состоянии пройти и то, и другое, но он сказал, что мы должны обязательно пройти все расстояние.

потому что нигде больше не будет ни капли воды. Итак, мы в пути: едем, едем, никакого признака того, что наше путешествие приближается к концу. Около 4 часов я очень захотела пить, мы остановились ненадолго, поддавшись уговорам м-ра Аткинсона съесть арбуз, который нам подарили в Аягузе. Это был первый раз, когда я попробовала его, я умирала от жажды, и он показался мне самым вкусным из того, что я когда-либо пробовала в своей жизни. Я спросила казака, как далеко до нашего привала, и он сказал — 10 верст; час за часом я слышала один и тот же ответ, мне это надоело, и я сказала: «А теперь я настаиваю, чтобы вы сказали мне правду. Как далеко мы от аула». Его ответ был: «Не знаю». Тогда я велела ему спросить у киргиза. После разговора с ним, он повернулся ко мне и сказал: «Видите вон ту голубую гору?» — «Да!» — «Ну вот, это немного дальше». М-р Аткинсон, будучи отличным определителем расстояния, к моему крайнему ужасу, сказал, что это около 40-50 верст. Жаловаться было бесполезно, поэтому мы приободрились и снова двинулись в путь.

Мы выслали вперед казака и киргиза с наставлениями остановиться около первого же аула и развести большой костер, чтобы мы смогли найти их в темноте.

Солнце быстро садилось, окрашивая все золотистым цветом, в то время как горы терялись в голубой дымке. Здесь сумерки недолгие, поскольку, как только солнце садится, сразу становится темно. Теперь мы начали всматриваться в темноту в поисках нашего маяка, но проходил час за часом, а его все еще не было видно, теперь мы пробирались через песчаные холмы, надуваемые ветром во всех направлениях; люди продолжали двигаться, придерживаясь вершук этих холмов, выглядывая свет, но тщетно.

Около 2-х часов утра я сказала, что не могу больше ехать без отдыха. Я настолько замерзла, что едва могла держать поводья своей лошади, поскольку со снежных гор дул пронизывающий ветер. Я слезла с лошади, дрожа от холода, на мне не было ничего, кроме платья, мой теплый жакет, отстегнувшись от седла, в тот день был потерян. Мне дали медвежью шкуру, я села, а муж накрыл меня своей шубой. У нас было около пинты рома, который мы держали при себе как лекарство. Мой муж настоял, чтобы я выпила немного, я выпила почти полбокала без какого-либо эффекта, не чувствовала, что прихожу в себя. Муж сел рядом; где-то через полчаса я начала согреваться, затем я немного задремала, когда подошел наш проводник и сказал, что мы должны продолжить наш путь или мы все погибнем без воды, после восхода солнца лошади не смогут идти. Я под-

нялась и почувствовала себя отдохнувшей, готовой снова отправиться в путь. Мой муж надел на меня шубу, подпоясал своим ремнем и с трудом посадил на лошадь, так как шуба была слишком громоздкой, затем сам обмотался медвежьей шкурой, и мы поехали уже гораздо веселее, смеясь над нашими необычными костюмами. Прошло более двух часов, и тогда я обнаружила, что силы начали покидать меня. Я слезла с лошади и прошла около ста шагов, снова села на лошадь. Прошел еще час, когда я сказала: «Я не могу больше сидеть на лошади», и умоляла их продолжать путь и оставить меня, если они найдут воду, вернутся и принесут мне немного. Я еще раз слезла и прошла немного, снова села на лошадь. Мой муж теперь держал меня за руку, другой я держала поводья, но это было все, у меня не было сил управлять своей бедной лошадейю. Вдруг мы увидели полосу света, и я поняла, начинался рассвет. Я услышала лай нескольких собак: никогда никакая музыка не ласкала так мой слух. Я взбодрилась, схватила поводья и помчалась что было сил; в пять или около того мы добрались до аула, принадлежавшего бедному мулле. Женщины сняли меня с лошади и фактически внесли в юрту, они начали растирать мои руки и ноги, положив меня на ковер и подушки. Я попросила воды, но Петр сказал, что она непригодна для питья.

Вскоре для нас разожгли костер. В этой части степи нет деревьев, поэтому огонь горит на верблюжьем и конском навозе, и прекрасно горит. Вскоре чай был готов, я попыталась пить его, но не смогла. Просидев с муллой до 7, мы оседлали лошадей и направились к юрте, которую наш казак приготовил для нас. Он подъехал встретить нас и сопроводить туда; она находилась почти в 20 верстах отсюда, но я была очень рада отправиться туда. Я тотчас же приготовила чай и поела немного вареной баранины, затем легла и уснула, когда я проснулась, солнце стояло высоко в небе и было слишком поздно думать о том, чтобы продолжить путешествие в тот день, ибо мы проехали расстояние в 150 верст, не отведав ничего, кроме рома и арбуза, и наши бедные лошади не ели ничего все это время.

В августе партия казаков по дороге в Капал потеряла 5 своих товарищей при переходе этой части степи. Стояла жуткая жара, а воды не было нигде; нам показали могилы этих бедных людей. Это могло произойти и с нами, и, вероятнее всего, вы бы никогда не узнали о нашей судьбе, но наш всемогущий и милосердный создатель распорядился иначе, и мы были спасены.

Если бы нам пришлось возвращаться той же дорогой, я бы тряслась от страха. Дорога везде разная, в зависимости от ме-

ста, где киргизы устраивают свои жилища, а они меняют его в зависимости от сезонов года. Мне все еще хотелось бы увидеть днем те места, которые мы проехали ночью.

Бескрайняя степь. Отдохнув, мы тронулись в путь, нам пришлось преодолевать бесконечные подъемы и спуски по глубокому песку, в который лошади проваливались по колено, верблюды ушли далеко вперед, а мы еле тащились на лошадях, нещадно проклиная свою судьбу. В конце концов, через 6 часов мучений мы въехали на довольно высокий участок степи, откуда все, что находилось внизу, было похоже на карту, без линии, отделяющей горизонт. Было что-то величественное в созерцании степи, раскинувшейся более чем на 3000 верст. Наша небольшая партия была не больше, чем пылинка, в этом бескрайнем пустом пространстве.

Когда-то это место было густо населено, так как недалеко от ряда курганов мы пересекли огромное пространство, которое явно было орошаемым. Каналы существуют до сих пор, в одном мы обнаружили поток прекрасной воды. Мой муж немедленно слез с лошади, чтобы принести мне стакан. Когда он сказал, что там плавают много конских волос, я подумала, что могла бы их вытащить, но это были не конские волосы, это были живые существа, извивающиеся и скручивающиеся, как угри, один, которому удалось выскочить из стакана, имел длину около 2 футов. Я не очень расстроилась, теперь я знала по опыту, что терпение и смирение необходимы в путешествии, подобно нашему.

Наконец, казак обратил наше внимание на реку Лепсы, видневшуюся вдали. Едва услышав об этом, я натянула поводья и помчалась с бешеной скоростью. Я пила столько, сколько хотела, и думала, что это самая вкусная вода, какую я только пила в своей жизни.

М-р Аткинсон сразу начал охотиться в камышах, где застрелил несколько уток; вернувшись, он попросил найти наш запас дробы, но его нигде не было, на следующее утро поиски возобновились с тем же результатом. М-р Аткинсон был очень обеспокоен, переживая, что не сможет больше достать её здесь.

И здесь снова проявился поэтический талант Петра. Я сидела, починяя кое-что из нашей одежды, в то время как м-р Аткинсон снова ушел на охоту. Петр подошел и сел на корточки передо мной, так, как он обычно делал, когда хотел начать разговор. — «А -, начал он, - огромная жалость, что дробь пропала». — «Да, - ответила я, - Петр, это очень легкомысленно с твоей стороны, так как тебе следует знать,

что она стоит». — «Понимаете, - продолжал он, - я признаю свою вину и, тем более, что мне поручили заботиться о ней. Когда хозяин отдал ее мне, он сказал: «Вот, Петруша, это дробь, возьми ее и храни, как золото, или как свою собственную жизнь, ибо она гораздо дороже и того, и другого. Подумать только, и я ее потерял!» Я спросила: «Петруша, неужели хозяин сказал тебе все это, разве он мог так много сказать по-русски?» Без тени смущения, он ответил: «А! Мадам, он только в вашем присутствии не разговаривает, но когда вас нет, он прекрасно говорит, гораздо лучше, чем вы». Притворившись удивленной, я спросила: «Это возможно?» — «Ей-богу, правда!» - воскликнул он.

Когда м-р Аткинсон вернулся, мы от души посмеялись над поэтическим гением Петра, и я думаю, прошло немало времени, прежде чем он смирился со своей потерей.

20 сентября, после 13 дней пути, два из которых были потеряны остановками на отдых, мы добрались до Капала. Сколько мы пробудем здесь, знают только небеса, возможно, всю зиму; если так, мы напишем в Барнаул, чтобы нам переслали нашу корреспонденцию.

Я начала это письмо в октябре, а сейчас 14 ноября: вы, естественно, удивитесь, что помешало мне закончить его; я расскажу вам. Первые две недели — то одно, то другое, я ни разу не смогла выбрать время написать; каждый раз, когда я брала ручку, меня отвлекали, а что касается вечернего времени, об этом не может быть речи, так как здесь ничего невозможно добыть, кроме чая, поэтому мы обязаны экономить наши свечи. И не только мы одни, но и губернатор, барон Врангель, обеспечен не лучше. Но вы уже спрашиваете, какое оправдание я могу найти на последние две недели. Произошла маленькая семейная история, о которой я расскажу сейчас. Вы должны понять, что я была в ожидании новорожденного, который, как я думала, должен был появиться где-то в конце декабря или начале января. Надеюсь вернуться в цивилизацию, я не подумала о том, чтобы подготовить что-либо для него, когда вдруг, подумать только, 4 ноября двадцать минут пятого он появился на свет. Молодой доктор сказал, что он не проживет больше семи дней, но, слава богу, он жив до сих пор и с ним все хорошо. Он очень маленький, но все те подрос с момента рождения. Пусть он подрастет еще немного, тогда я опишу его. Мы его обязательно назовем Алатау, так как он родился в предгорьях этой горной цепи, а его второе имя — Тамшибулак, живительный источник, недалеко от которого он появился. Доктор говорит, что преж-

девременные роды были вызваны чрезмерной ездой верхом.

Конечно, если я говорю о докторе, вы представляете, что у нас здесь компетентный врач. Далеко не так, ему около 23 лет; в теоретическом смысле он умен, но в практике, безусловно, нет. Когда в моем случае мой муж обратился к нему, он заявил, что не имеет ни малейших знаний о чем-то вроде этого.

На следующий день после рождения моего малыша я встала и прошлась по комнате, занимаясь своими мелкими делами по дому, потом снова легла в постель, но еще через день я встала после завтрака и с тех пор на ногах целыми днями. Мне следовало написать вам в прошлое воскресенье, но я была слишком слаба, а почта уходит отсюда только один раз в неделю, в понедельник. Я собираюсь написать к следующей почте, у меня будет больше времени описать тебе это место и то, как мы здесь живем.

Хотя я очень давно получила твое письмо, я только сейчас отвечаю на него. Я писала тебе из Томска, а на почту письмо отвез солдат, работавший у нас, и у меня даже была мысль, что он порвал его, а деньги прикарманил; это меня очень волновало. Из Томска я писала также миссис Тэйт, но также не получила от нее ответа. Письмо я отправила в апреле, а в Барнауле мы находились до июля, т.е. было достаточно времени, чтобы получить ответ. Боюсь, мы слишком полагаемся на честность наших солдат, и ее письмо постигла та же участь, что и твое.

Глава V

Капал — Юрта — Попавшие в бурю — Обстановка нашего дома — Сердечный приём — Кулинарные источники — Веселая вечеринка — Музыкальные вечера — Бал — Поспешный туалет — Необычные гости — Развязанные языки — Эффект китайского духа — Великое событие — Доброе отношение — Благодарение господу — Сонная няня — Умные собаки — Пройденное расстояние.

Капал, 21 ноября, 1848 г.

В своем последнем письме по приезде сюда у меня не было времени дать тебе полное описание всего. Я писала, что обычно мы останавливались на ночлег в жилищах, которые у киргизов называются юртой. Она похожа на круглый шатер, имеющий каркас из ивняка и покрытый разновидностью

суконной ткани, называемой войлоком, ее делают из шерсти и верблюжьих волос. Дверь, или, скорее, то, что служит дверью, так устроена, чтобы сворачивать ее кверху или опускать вниз по желанию. Верхушка юрты поднимается в центре и тоже может быть открыта, когда необходимо, для доступа воздуха или для выхода дыма. Огонь всегда разжигается в центре, и, конечно, на земле, а все вокруг него покрыто войлоком, а сверху еще настилаются ковры. Таким образом, в хорошую погоду юрта является удобным пристанищем, и небеса защищают вас, когда поднимается буря или даже легкий свежий ветерок. Здесь, в Капале, я просыпалась от ветра и каждое мгновение ожидала, что наш шатер разнесет на куски. Больница, которая стоит как раз напротив нашего настоящего жилища, становится невидимой, когда поднимается буря. Эти ветры несут перед собой кирпичи и все, что попадает на пути: лучшее, что необходимо сделать, когда поднимается буря, упасть плашмя на землю.

Ужасное жилище. Однажды утром дул страшный ветер. Я встала пораньше, оделась и быстро позавтракала; мне было так холодно, что я не знала, что делать. О том, чтобы развести костер, нечего было и думать, так как дым мог ослепить (между прочим, киргизы ужасно страдают от офтальмии). Я только выпила чашку чаю, когда вынуждена была немедленно покинуть юрту и поторопиться в губернаторскую: она гораздо больше и надежнее нашей. Порыв ветра ослаб, мы вернулись домой, проглотили свой завтрак и разложили все наше имущество на середине юрты, накрыли и бросили на произвол судьбы. Конечно, она выдержала шторм, но к нашему возвращению находилась уже в другом месте.

Сейчас, я счастлива сказать, у нас есть крыша над головой. Мы находимся в доме уже около месяца, войдя в него до того, как это было закончено, и как раз за неделю до рождения нашего малыша. Сейчас я часто думаю, что было бы со мной, если бы я оставалась в юрте, когда мне пришлось рожать. Я уверена, что и я, и мой ребенок умерли бы. Меня иногда охватывало такое отчаяние, да еще в таком ужасном жилище, что действительно удивляюсь, как оно не убило меня.

Возможно, тебе будет интересно знать, как наш дом обставлен. У нас одно кресло, единственное в Капале, один стул, но мы богаты столами: у нас их даже два; наша постель — это несколько досок, положенных на два деревянных основания, потом постелен войлок, а сверху шкуры вместо матраса. Не думай, что мы хуже других. Нет! Наш дом хорошо, если не лучше,

обставлен, чем губернаторский, так как у него нет ничего, кроме войлока, на котором он спит.

Каждый раз, когда я слышу вой ветра, я от всего сердца благодарю бога, что я не в юрте. Мои две комнаты кажутся мне дворцом, я чувствую себя такой счастливой в них.

Теперь я должна рассказать тебе о том, как нас принимают здесь. Барон Врангель, губернатор, был крайне удивлен при виде входящей дамы, а, возможно, также из-за моего вида, ибо я, по правде говоря, выглядела не лучшим образом. Во время путешествия я ездила верхом на верблюдах и быках, так же, как и на лошадях, а в последний день мне нужно было перебраться через водный поток, чтобы добраться до татарского поселения, и я обнаружила, что там слишком глубоко и вброд не перейти, поскольку вода доходила до пояса. Пока я колебалась, раздумывая, что лучше сделать, киргиз, следовавший за нами по берегу, без церемоний вошел в воду, расположился передо мной, наклонившись вперед, подставляя свою спину и знаками показывая мне сесть на него, что, в конце концов, я и сделала, перебравшись на мужской спине.

Мы нашли барона, сидящим на стуле со скрещенными ногами, с длинной турецкой трубкой во рту, с маленькой татарской шапочкой на голове и в халате *a la Kirghis*. М-р Лойгонофф, офицер-инженер и топограф, был одет почти также. Они устроили нам самый сердечный прием: мы просидели с ними до позднего часа, беседуя о том, о сем. Шатер, где мы все собрались, был очень большим и использовался как общая гостиная: у каждого было свое отдельное помещение, служившее спальней, одно было предназначено дня нас и одно использовалось как кухня, т.е. мы основали небольшую колонию.

Кулинарные возможности. Теперь я расскажу тебе о наших кулинарных возможностях. Первое, нигде не увидишь никаких овощей, ни свежих, ни заготовленных, ни масла, ни яиц, ничего, кроме мяса и риса, нет даже молока, что касается хлеба, то более грубого и черного хлеба никогда не видела. Черный хлеб я научилась есть, и ела много. Это, однако, самое худшее, с чем я когда-либо встречалась. Даже м-р Аткинсон с трудом ел его и гораздо чаще меня, особенно тогда, когда это было актом вежливости: например, однажды мы вошли в татарское жилище, подали чай, но это был плиточный чай. Я пила его меленькими глотками, пила, пила отвратительную смесь, пока не наступил благоприятный момент, когда татарин отвернулся, и я вылила чай на землю, но м-р Аткинсон продолжал пить стакан за стаканом, как будто это доставляло

ему удовольствие. Когда я спросила его, почему он не прекратил пить ужасный напиток, он ответил: «Конечно, ты бы не хотела, чтобы я задел чувства бедного человека!» Я, признаюсь, в таких случаях не настолько любезна.

Если мы проведем здесь зиму, а я полагаю, что так и будет, вы представляете, какие удобства мы будем здесь иметь. Это совсем не то, что Екатеринбург или Барнаул, там мы имели не только все необходимое для жизни, мы даже роскошествовали.

Я уверена, ты все еще не можешь подобрать себе более веселую и счастливую кампанию, как была у нас. В конце сентября — начале октября мы совершали длинные прогулки вокруг Капала, а вечерами собирались в гостиной, где разнообразили свои развлечения. Временами мы вели серьезные беседы, иногда просто болтали; барон был кладезем забавных анекдотов, и тогда мы умирали со смеху. Возможно, следует сказать тебе, что барон, как и Петруша, обладал поэтическим даром.

Кроме того, у нас бывали музыкальные вечера, вокальные и инструментальные, м-р Лойгинофф, капитан Абакумов и я — аудитория, а исполнители — барон и мой муж, который играл на флейте, а барон — на старой гитаре. Вечер обычно завершался английским и русским гимнами.

А сейчас я должна рассказать тебе о бале, который состоялся у нас, бесспорно, первый, из тех, какие имели место в этой части света. Услышав, что прибыли жены некоторых офицеров, я подумала, что мой долг посетить их, как принято в Сибири, но наш хозяин сказал, что это излишне. Он намеревался дать бал, чтобы отметить свое пребывание в качестве губернатора, или пристава, а также в нашу честь, и там я могла бы познакомиться с дамами. С этой целью уже сооружалось временное здание. Я с радостью согласилась на подготовку бала.

Поспешный туалет. Дом, наконец, закончен, приглашения разосланы. Имея всего одно платье, кроме дорожного, я вытащила его и в смятении обнаружила, что оно помято. К счастью, у меня был маленький утюжок, единственный в Капале, и я без конца гоняла нашего казака на кухню, чтобы нагреть его. Таким образом, с фланелевой юбкой вместо одеяла для глажения вещей и ящиком вместо стола мне удалось привести его в порядок, и я начала свой туалет. Гостей просили собраться к 5 часам, но наш хозяин умолял меня быть готовой пораньше, чтобы встретить дам. Когда я была уже наполовину готова, начался буран, мою свечу задуло, я осталась в

кромешной тьме и мне пришлось быстро добраться до другой стороны шатра и опустить его вниз. М-р Аткинсон выбежал на улицу позвать людей, которые, было слышно, громко кричали и бегали во всех направлениях, так как кухню со всеми лакомствами для нашего праздника практически сдуло, наконец, при помощи веревок и палок она была спасена. С трудом я зажгла свечу и продолжила одеваться. За это время я получила три записки с просьбой поторопиться.

Принарядившись настолько, насколько это было в моих возможностях, мы пошли. Это было в трех шагах, так как все наши шатры были сдвинуты поближе к дому. Мы нашли нашего хозяина в полной форме: его едва можно было узнать; он даже засмеялся, взглянув на себя. С ним был его телохранитель, киргиз по имени Ярола, самый большой человек в том месте. Он был одет в великолепный новый халат с роскошным платком, повязанным вокруг талии, в высокой островерхой шелковой шапке и красных ботинках; в целом он выглядел как принц и вел себя с величайшим достоинством.

Удивительные гости. В комнате были деревянные стулья, расставленные полукругом, плотник несколько дней был занят их подготовкой. С двух сторон одного из них в землю были вбиты планки, все это сверху покрыто ковром и служилой софой. Это было почетное место, меня посадили туда ожидать прибывающих гостей, которые не заставили себя долго ждать..

Ярола обычно держался спокойно и с достоинством, но, услышав вопли верблюда, он разволновался и сказал: «А вот и они!», и поспешил вниз. Он вскоре вернулся с двумя дамами, которые шли за ним, выйдя, подобно принцу, на середину апартаментов, он объявил громовым голосом: «Мадам Исмаилофф и мадам Тетчинской». Контраст между ним и нарядно одетыми по торжественному случаю киргизками был поразительным. Первая дама была милостивой старушкой с ярко блестящей кожей, чистое темного цвета хлопчатобумажное платье, белый воротник, доходивший до плеч, белая шапочка с утолщением по краям, сиреневый шелковый платок и коричневые шерстяные перчатки завершали ее наряд; у ее спутницы, невысокой особы, было такое же платье, но вместо платка на нее была наброшена розовая сатиновая накидка, отделанная белыми кружевами. Они подошли ко мне, каждая поцеловала меня трижды и, не издав ни звука, сели по обе стороны от меня. Ярола снова вышел: о следующей госте оповестил рёв быка. Дверь широко распахнулась, и Ярола объявил: «Анна Павловна». Я все время изо всех сил

пыталась сохранять торжественность, но еще сильнее стала делать это, когда взглянула на барона, его лицо было неотразимо, он вышел вперед пожать Анне руку, ее звонкий зычный голос прокатился по комнате.

Это была высокая полная женщина в русском хлопчатобумажном сарафане (крестьянское платье) самых ярких и пестрых цветов, очень коротком и снизу отделанном розовым, шириной приблизительно в два дюйма, на ногах — пара добротных крепких туфель, с маникюром, но без чулок, и вокруг головы повязан красный хлопчатобумажный платок. Вы можете представить, она была без перчаток, но что за руки были у нее? Достаточно большие, чтобы ударом свалить любого, кто бы нелюбезно к ней обратился. Но ее лицо сияло улыбкой и было добрым, она, как и предыдущие дамы, вышла вперед, низко поклонившись, приветствовала меня тремя поцелуями, а затем села.

Конечно, я не ожидала, увидеть дам одетых по последней моде, но я не была готова к тому, что увидела: их мужья были джентльменами. Снова раздался рёв верблюда, возвестивший о прибытии последних двух дам. Эти две были из Бийска и более представительными, чем остальные. Мадам Серебрякова была одета в шерстяное платье, а другая — в выгоревшее зеленое шёлковое с отделкой другого цвета на юбке; последняя дама даже смогла в течение вечера поговорить со мной. Она не ожидала, что бал будет так скоро, иначе у нее был бы готов жакет из прекрасного голубого сатина, подаренного ей в Бийске.

Чай, кофе и шоколад разносил Ярола. Собрались джентльмены, затем пришли музыканты. У нас был барабан, две скрипки и маленькая флейта. Бал был открыт полькой, которую танцевали наш хозяин и я. Потом последовала кадриль, в которой моя подруга Анна была восхитительна, а в русском национальном танце она просто блистала. Ее веселье заставило моего мужа станцевать с ней, танцуя, он, безусловно, оживил вечер. Не смотря на ее странный костюм, она была, за исключением Яролы, явно самой элегантной личностью в комнате.

В начале вечера дамы сидели прямо, вытянувшись в струнку, каждая пыталась выглядеть величественнее, чем ее соседка; их голоса были едва слышны до тех пор, пока дух, к которому они поначалу жеманно едва прикасались, не влил в них жизнь и их языки не развязались. О, как они разговорились. Я корила барона за то, что он предложил это дамам, в ответ он сказал: «Я знаю свою компанию». Джентльмены

не замедлили потягивать свои напитки, те, кто не танцевал, играли в карты, и каждый раз пока их тасовали все, кроме сдающего поднимались, чтобы воздать должное отвратительному духу. Ужин был подан на столы в восемь, а в начале 11-го все начали расходиться, не имея возможности больше оставаться. Мы отметили, что это вина нашего хозяина, который заставлял их пить, но он ответил: «Вы не понимаете общество в этой части света, но я просвещу вас. Завтра, если бы вы смогли войти в жилища этих людей и услышать их приватные разговоры, вы бы услышали, что они говорят о том, какой восхитительный вечер они посетили; тогда как, если бы я обращался с ними, как в более изысканном обществе, они были бы разочарованы. И чем скорее я приведу их в состояние, в котором им нравится быть, тем быстрее я избавлюсь от них; и теперь, - сказал он, - давайте поужинаем сами». Затем он облачился в свой киргизский костюм и, взгромоздившись на стул, начал наигрывать веселую мелодию на гитаре, довольный собой, что так быстро избавился от гостей.

Эффект китайского духа — особой природы. Одна из дам рассказывала мне, что у ее мужа вошло в привычку вставать на рассвете и открывать окно, чтобы увидеть, какое утро, и тогда свежий воздух после вчерашнего выпитого китайского бренди производил такой же эффект, как будто бы он только принял его, так как он начинал танцевать и выделывать разные колена возле открытого окна.

Доброе отношение. Был уже конец октября, когда мы въехали в наше сегодняшнее жилище, и я была занята выделкой шкур ягнят для теплого жакета, поскольку нам еще предстояло проехать по степи. Мы собирались уже вернуться к цивилизованной жизни, когда 4 ноября неожиданное появление малыша положило конец нашим планам. К счастью, мой муж был дома: он вернулся только накануне вечером, пробыв на охоте 2 дня. Рождение нашего ребенка было грандиозным событием, в Капале за последний месяц родилось несколько детей, но все умерли, мой был единственным выжившим.

Я не знаю, что бы я делала без внимания, оказанного мадам Тетчинской. Ночью был такой ужасный буран, что в помещении невозможно было услышать друг друга. Всю ночь я не сомкнула глаз, мое сердце трепетало от благодарности к создателю за его милосердие ко мне. Случись это событие на неделю раньше и в такую ночь, что бы я делала? Ребенок был укутан в меха и положен на кожаный чемодан напротив печ-

ки, чтобы ему было тепло. Женщина расположилась на полу, закутавшись в овечьи шкуры. Я лежала на кровати, прислушиваясь к плачущему младенцу. Когда наступило затишье, я громко попросила женщину дать мне маленького беднягу, но она не слышала ни звука, наконец часа через два мне удалось разбудить ее и заставить понять меня. Она взяла бедного ребенка и наощупь положила его около меня, как пук соломы, и тут же снова легла; ребенок, оказавшись рядом со мной, перестал плакать. Ему в ротик вкладывали завернутый в кусочек муслина размоченный в воде черный хлеб с сахаром, и это все, что он ел в течение 3-х дней, потом он получал естественное питание.

Вы спросите, кто была эта женщина, что лежала у меня в комнате. Ее приговорили к ста ударам плетью за то, что она убила своего младенца прежде, чем он увидел свет, и, вероятно, в тот момент ее уже не было бы в живых, если бы один казак не вышел вперед и не предложил жениться на ней, т.е. до того, как она будет подвергнута наказанию, и получил 15 ударов плетью вместо нее — таков закон. Сейчас они живут вместе очень счастливо. Судя по тому, что я видела, она очень добрая женщина, готовая прийти на помощь, когда нужно.

Собачий любимец. На нашем пути, куда бы мы ни ехали, за нами следовала большая собака — очень красивое создание, коричневого цвета с полосками, как у тигра: у нее были прекрасные уши, длинные и совсем черные. Очевидно, пес переболел, его пасть была в жалком состоянии, его явно привязывали веревкой, т.к. вокруг морды была рана. После многократных попыток, он, наконец, позволил м-ру Аткинсону смазать ее лекарством, что он делал ежедневно по несколько раз. Рана вскоре зажила, и благодарность бедного животного была безмерна. Я никогда не видела животное, которое любило бы своего хозяина так, как он. Кто-то украл его у нас и привязал толстой веревкой, но он порвал ее и вернулся домой с веревкой вокруг шеи. На прошлой неделе утром он отправился в горы, но, однако, не вернулся ночью, как обычно. Три дня мы ждали его возвращения и начали беспокоиться; на третью ночь меня разбудил шум за дверью. Я подняла мужа, сказав, что это собака. Он встал и вышел, подняв страшный грохот. Пса снова украли, но он, бедный, опять сбежал и вернулся домой, волоча за собой невероятно толстую длинную цепь — даже железо недостаточно крепко, чтобы разлучить его с хозяином, но я сожалела и о другой нашей собаке — Джати, которую у нас украли. Ее нет уже две недели.

Что думаешь, как имя нашей собаки? Ее зовут Алатау! И наш казак отличает его от имени нашего малыша, называя последнего господином Алатау.

Поскольку речь идет о собаке, я могу рассказать тебе анекдот об одной из наших собак. У нас есть или, скорее было, пять собак. Мадемуазель Джати — любимица (или была), ей позволялось спать в углу юрты и входить, когда ей хотелось, ее кормили первой, одним словом, она занимала особое положение. Однажды м-р Аткинсон был на охоте, Алатау сопровождал его, это было через несколько дней после нашего приезда в Капал. Задача кормления собак в его отсутствие лежала на мне. Я варила для них суп, когда я его приносила, естественно, сначала кормила Джати. Однажды, когда она не откликнулась на мой зов, я накормила Апполека. Прежде, чем он пообедал, явилась мадемуазель Джати и попыталась отогнать его, но я не разрешила, произошла грандиозная потасовка. После обеда Апполек послушно отошел, и я предложила Джати ее обед, но она дулась и не стала есть. Тогда я позвала Ашару, другую даму, произошла еще одна схватка, но я была тверда. Ашара закончила есть, я снова предложила Джати обед, но, нет, она даже не приблизилась, поэтому я позвала Антигона, она страшно разозлилась, но я стояла на своем. Когда все поели, я еще раз предложила ей обед, но она даже не подошла. Я, жалея ее, налила ей в отдельную миску, но даже тогда она отказалась поесть. Потом, немного позже, когда я сидела со своим вязанием на ковре, в юрту вошла Джати, а так как она не подошла и не легла у моих ног, как обычно, я решила, что это другая из наших собак осмелилась войти, и оглянулась: там, конечно, стояла Джати, но ее невозможно было узнать — она была буквально сплошным комком грязи. Ее черной блестящей шерстки не было видно ни пятнышка, она стояла, виляя хвостом и глядя на меня наглыми глазами. Я рассердилась и, поднимая с пола вещи, сказала: «Ты, грязное создание, как ты посмела войти сюда!» Но прежде, чем я приблизилась к ней, она вылетела как пуля, а когда я вышла из шатра, она неслась уже далеко по степи. Вскоре она вернулась такая же чистая, как всегда, беззвучно вошла и заняла свое обычное место. Я думаю, что она абсолютно точно знала, что я не переносу грязи и специально вывалялась в ней, чтобы досадить мне, потому что я не дождалась ее, чтобы покормить первой. Создание стояло, уставившись на меня, вместо того, чтобы лечь, и когда я взяла веник, а она знала и видела, как я наказывала других собак, но никогда не убегала при этом, спокойно стояла за мной. Я никогда не видела на

ней ни пятнышка грязи, и это было впервые, и она, должно быть, убежала недалеко в степь, так как рядом грязи нигде не было.

Собачья сообразительность. Я приведу вам другой пример их сообразительности. В Бийске полковник Кейл дал м-ру Аткинсону собаку, которая, как он сказал, была отлично натаскана на птиц — ее звали Калипсо — она была великой трусихой, испытывая совершенный ужас от воды, с которой вынуждена была сталкиваться по пути на Алтынколь.

Я уже говорила, Джати пользовалась привилегией и обычно сидела в балагане рядом со своим хозяином, а Калипсо на почтительном расстоянии от нее. Однако однажды случилось так, что Джати чем-то серьезно разозлила своего хозяина, поэтому он задал ей трепку, после чего она посчитала благоразумней не подходить к нему слишком близко. Калипсо, которая наблюдала все это, но сидела абсолютно спокойно, сейчас же осторожно приблизилась к своему хозяину и, видя, что ее приласкали, осмелела, обошла вокруг него и уселась на место Джати. Все поменялось местами — Джати была опозорена. Случайно, во время чая, взглянув на Калипсо, я увидела, что она морщит нос и строит гримасы Джати: я не сомневаюсь, что они прекрасно поняли друг друга. Царствование бедной Калипсо было недолгим, ибо м-р Аткинсон никогда долго не сердился на животных и приласкал свою любимицу. Не успел он сделать это, как она вошла в балаган и задала Калипсо основательную трепку, как будто та была причиной ее немилости, а затем вытащила ее наружу и восстановила свое прежнее положение.

Мое письмо покажется тебе очень странным, все отдельными частями, но ты должна извинить меня за него, потому что я занята такими разными делами, что мне трудно сразу собрать все мысли.

С тех пор, как я уехала от вас в феврале прошлого года, я проехала в экипаже 6267 верст, на лошади — 2040, на лодках и плотах — 760. Это расстояние мы преодолели непосредственно по дороге, но я проехала гораздо больше, так как еще и на лошадях совершила разные экскурсионные поездки, например, по вечерам после приезда сюда мы выезжали на прогулки, а это еще 17 верст.

В этом году мой муж проехал 10705 верст в экипаже, 2290 — на лошади и 1490 — на лодках, не считая различные поездки в 40 или 50 верст, где он делал зарисовки. Таким образом, вы видите, пространство, через которое мы проехали, огромно:

Мой муж во всех направлениях проехал	Версты 14485	Английские мили около 10864
Я, то же самое	9067	около 6800

Глава VI

Довольный дух — Неряшливый повар — Мольба о наказании — Приход весны — Султан Соук — Новое знакомство — Шок от землетрясения — Экскурсии в горы — Пасхальные праздники — Мои часы напрокат — Необходимость аптечки — Забавные обстоятельства — Пейзажи Капала — Падающий родник — Обилие снега — Большое захоронение — Долина Каратала — Почитаемые руины — Религиозная беседа — Визит киргизских друзей — Прислуга — Приворотное зелье — «Путь истинной любви» — Прачка барона — Порка жены — Ужасные змеи.

Капал, май 3, 1849 г.

Читая твое письмо, мы от души повеселились твоему предложению послать в соседний город за матрацем. Кульджа — самый близкий город, китайский, что там у них есть в форме матрацев, я не знаю. Спирт, я знаю, у них есть. Яролу часто посылают за ним, но до российского города 1000 верст в одну сторону и столько же в другую, поэтому мы искренне посмеялись над твоим письмом. Надеюсь, что я никогда больше не буду находиться в более ужасных условиях, чем сейчас. Я привыкла к жесткому ложу и грубой пище, и из этого путешествия я вынесла много хороших уроков, один из них — сколь малым может довольствоваться человек.

Поначалу, когда приехала сюда, я привередничала, но это прошло. Единственное, что не укладывается у меня в голове, как можно есть конину, хотя мы ели ее много раз, не понимая, зачем мы это делаем. Что мне больше всего понравилось, так это рис, от которого я поначалу постоянно отказывалась, считая его грязным, но сейчас, после того, как я его почищу, мы едим его с удовольствием, и ты бы тоже ела, лишенная всяких овощей.

Однажды барон, видя как я выбираю из риса шелуху, спросил, была ли я на кухне, я ответила, нет, тогда он сказал, что думал, возможно, я видела, что произошло сегодня утром. Подойдя к повару (солдату), он увидел на столе хорошо промытый прекрасный белый рис, а рядом — ужасного вида кусок ткани. Он спросил Георгия: «Что это?» — «Тряпка», — от-

ветил тот. «Но что за тряпка?» - спросил барон. — «Чтобы в ней варить рис». Расспрашивая дальше о тряпке, он, наконец, вытянул из него, что это была портянка, буквально, лоскут, которым крестьяне и солдаты обматывают ноги вокруг стопы вместо носков.

После такого объяснения рис стал чище, ибо Георгий под страхом быть высеченным розгами должен был каждое утро приносить чистый кусок ткани, который подвергался тщательному осмотру. Редкий день проходил без того, чтобы бедный парень не получал пару дюжин ударов розгами, и несмотря на то, что он был грязнулей, я всегда очень жалела бедного парня.

В Капале нам рассказали такую историю про него, что бедняга привык после обеда ходить на гауптвахту, чтобы получать розги. (Это был его лучший досуг). Однажды его спросили, что он хочет, он сказал, что пришел получить розги, ему ответили, что на этот счет не было никакого приказа и что ему лучше идти домой, но он не понял и искренне умолял караульных высечь его. Ему твердо отказали, но он сказал со слезами на глазах, что уверен, что заслуживает наказания. Он не хотел иметь неприятностей по возвращении, так как он должен готовить ужин. Он так горячо просил их исполнить его просьбу, что они, чтобы избавиться от его надоедливости, исполнили ее.

Гримасы султана. Я так рада сказать тебе, что зима закончилась и во всей своей красе наступила весна. Природа оживает и ликует. В феврале я уже собирала дикие цветы в степи и укромных уголках в горах. Всю зиму мы были, как пленники, а теперь снова ежедневно отправляемся на прогулки пешком или верхом на лошадях. В отвратительную холодную зимнюю погоду печально было видеть, как много бедных созданий находили свой последний приют. Больница находится как раз напротив наших окон, поэтому мы видим все, что там происходит. Хорошая погода — облегчение для всех. С нею к нам снова приезжают наши киргизские друзья. Среди самых частых посетителей — старый султан Соук. Он проводит много часов в нашем доме, больше всего его привлекает маленькое дорожное зеркальце. Он идет в мою спальню, где оно висит на стене, и стоит час или более того, строя гримасы и громко смеясь, возможно, он впервые за все время видел свое собственное лицо. Он серьезно хотел убедить меня подарить его ему. Он уговорил меня дать ему пару ножниц и отнес их к своему оружейному мастеру, который сделал такие же — первые, когда-либо изготовленные в степи. Их отдали барону, кото-

рый обещал передать их мне, но зная, что мы удивимся при виде их, отказался, полагаю, я никогда не получу их. Другое, что привлекало старого джентльмена, был ребенок: действительно, киргиз ехал издалека, чтобы увидеть его. Однажды султан отправил своего человека за 200 верст за вяленой бараниной для ребенка, когда тому было шесть недель от роду, чтобы тот поел ее.

Всех побывавших в нашем доме представлял Ярола. Когда прибывал кто-то новый, он величаво входил в помещение и, жестами показывая сесть на пол, подавал м-ру Аткинсону его флейту, говоря командным голосом: «Играй!» Он представлял, что оказывает ему огромную услугу, заставляя продемонстрировать свой талант.

Далее следует изучение всех мелких вещей, которые лежат повсюду. Однажды султан был так поражен парой перчаток, принадлежавших м-ру Аткинсону, что он выбежал с ними из комнаты, показать своим спутникам. Когда он вернулся, я, зная, что мой муж не стал бы их носить после того, как они долго прослужили ему, знаками показала, что он может оставить их себе. Он удалился, но вскоре вернулся с Яролой, который перевел, что если я желаю что-то подарить ему, то полотенце подойдет больше. К его удовольствию, я дала ему одно и забрала перчатки обратно, намереваясь подарить их кому-нибудь еще, но выйдя из комнаты на минуту и вернувшись обратно, обнаружила, что султан ушел, и перчатки исчезли.

6-го февраля, в воскресенье, я впервые за всю свою жизнь испытала шок от землетрясения, ничего более необычного я никогда не испытывала. Я быстро поднялась и оделась, когда услышала шум, как будто приближалась тяжелая артиллерия. Сначала мне в голову пришла такая идея, но она тут же испарилась, когда я почувствовала, как качается маленький дом, в котором мы находились.

Поэтический гений барона однажды проявился еще раз, ибо он вскоре влетел к нам в комнату узнать, испытали ли мы шок, заявив, что он крепко спал, но был разбужен, будучи сброшенным со своей кровати.

Поскольку невозможно до мая выехать из Капала и отправиться выше, мы разнообразили монотонное течение нашей жизни короткими экскурсиями в горы, где была установлена юрта, в которой находилось все, что могло нам понадобиться на день. Один раз мы должны были отправиться к минеральному источнику, находившемуся высоко в горах на берегах Капала. Мы обнаружили его в маленьком ущелье на три или четыре фута выше реки среди темных мраморных камней.

Здесь же была сооружена ванна, возможно, сотни лет тому назад, поскольку она была почти засыпана камнями, вода была довольно теплой. Мы в ней искупали ребенка и, удивительное дело, с тех пор корочки, которые были у него на тельце с рождения, теперь исчезли совсем.

Пасхальные праздники. Другое развлечение — Пасха со всеми ее торжествами. В течение многих дней у нас были сплошные развлечения: каждый офицер давал бал, похожий на тот, что я описала.

В пасхальное воскресенье в 9 часов утра все офицеры и молодые дамы навестили нас. Каждый джентльмен нес с собой свой стул, хорошо зная, что у нас всего два стула, кроме того, они несли двигатель веселья (т.е. бренди), так как это была другая вещь, которой, они были уверены, у нас нет. За ними шли музыканты, тотчас же комнату освободили и начали танцевать, хотя был еще ранний час, все тут же весело примкнули к ним, затем они сели и бутылка пошла по кругу. Потом начался другой танец, затем пошли к барону, приглашая нас последовать за ними. Они меня рассмешили, спросив, знаю ли я, как танцевать «рококо».

Накануне Пасхи пришел один казак, умоляя меня дать ему мои часы, чтобы они знали, когда пробьет 12. Я охотно дала их, но раскаялась, когда на следующий день узнала, что они во главе с Исмаиловым соорудили сарайчик, поскольку никакой церкви там не было, в котором и было исполнено богослужение, которое мне следовало бы посетить. Он вернул мне мои часы в целости и сохранности, выражая огромную благодарность за то, что я дала возможность воспользоваться ими. Нам доставило удовольствие оказать такую незначительную услугу этим людям, они всегда были доброжелательны и готовы помочь нам в чем-либо. Едва день закончился и к нам больше никто не приходил, как срочно понадобилась наша дорожная аптечка: люди больше доверяли нам, нежели своему доктору.

Было одно обстоятельство, связанное с медициной, которое рассмешило нас, когда мы обнаружили его. Когда мы уезжали из Змеиногорска, полковник Гернгросс снабдил нас галлоном спирта и стручковым перцем, который по приказу императора в огромных количествах заготавливали на заводе на случай, если начнется холера, чтобы растирать им пациентов. Мы привезли все это в Капал, а так как никто из нашей партии не болел, все оставалось плотно закупоренным. Однажды прачка барона пришла и сказала, что у ее мужа плохо с ногой; они думали, что он простудился и поэтому страдал

от сильной боли. Я посоветовалась с м-ром Аткинсоном, затем сказала женщине, что больной должен сходить в баню, а когда распарится, нужно будет растереть ему ноги спиртом, который и дала ей. После этого конца не было подобным симптомам. Действительно, это лекарство требовалось больше, чем любое другое. Я услышала, что м-р Тетчинский заболел, поэтому отправилась навестить больного. Я нашла его ужасно стонущим и тяжело вздыхающим, его мучили внутренние боли. Я предложила прислать ему немного масла перечной мяты, но он отказался и спросил, нет ли у меня чего-нибудь еще. Я ответила отрицательно. После долгих разговоров он сказал, что слышал, что у меня есть спирт и жгучий перец, и он вообразил, что этим себя вылечит. «Что! — сказала я, — пить это! Зачем, это убьет вас, если вы проглотите его». Тогда он сказал, что пил его много раз без вреда для себя. Теперь я понимаю причину столь частого обращения ко мне с подобной просьбой.

Экспедиции для рисования природы. Несколько раз я сопровождала своего мужа из Капала на экскурсии, целью которых были зарисовки прекрасных пейзажей, которые я оставляла ему описывать самому, кроме источника, в честь которого назван наш сын. Тамшибулак, что на киргизском языке означает «падающий родник», бьет из горы около семи футов ниже поверхности, создав себе ложе из гравия; камни образуют полукруг, и над ними падающая вода кажется россыпью бриллиантов, набрать ее можно на дне этого каменного бассейна, из которого она несется стремительным потоком в Капал, оставляя под собой груды упавших камней. Сверху спускаются большие травянистые растения, нависая над ним живописной массой. Это волшебное место.

Мы отправились в короткое путешествие в горы, расположенные среди величественных скал, большая часть которых покрыта вечными снегами. В одном месте на краю огромного обрыва мы обнаружили перпендикулярно лежащий слой снега не менее тысячи футов высотой. Видимо, он отломился в результате мощного природного катаклизма, так как огромные массы камней беспорядочно громоздились у его основания. Только представь себе, сколько веков прошло с тех пор, когда эта колоссальная масса начала формироваться.

Поскольку путешественников обычно обвиняют в преувеличениях, возможно, мне необходимо сказать тебе, что ничего подобного в моих рассказах о наших путешествиях нет.

В воскресенье 1 мая во время одной из прогулок мы проезжали мимо большого захоронения, приблизительно 25 фу-

тов высотой, сложенного из камней, поверх которых киргизы, которые с большим почтением относились к нему, оставляли конские хвосты, волосы, лоскутки и другие жертвоприношения. Они считали, что это могила могущественного калмыцкого вождя, который справедливо и с величайшей мудростью правил своими подданными, и что ему все еще позволено наблюдать за теми, кто населяет его владения.

Где-то через 50 верст дальше этого места мы спустились в долину Каратала, которая являлась театром великих событий и сценой многочисленных сражений. Во многих местах на равнине мы обнаружили захоронения, в которых могли быть похоронены сотни людей. Они — огромных размеров и дают пищу для множества предположений.

Влиятельный священнослужитель. На запад от неё возвышается небольшой холм, на котором много веков назад пребывал Великий лама. Фундамент его жилища и храма все еще можно обнаружить, хотя они представляют из себя бесформенную грудку камней. Недалеко от этих руин мы встретились со старым муллой, с которым познакомились в Капале и который сносно говорил по-русски. Он отнесся к нам с величайшим радушием и угостил нас чаем и фруктами. М-р Аткинсон говорит, что этот человек имеет больше влияния в степи, чем архиепископ Кентеберийский в своей епархии.

Мы говорили о религии и его идеи о христианстве были довольно любопытны. Он говорит, что наше духовенство — все самозванцы, а доктрины, которые они проповедают, ничто иное, как обман, что все, что они делают, — для наживы, а не ради любви к богу, которого они свели до состояния человека, когда они говорят тебе, что «Он» сотворил этот мир за 6 дней, а затем так устал, что на седьмой день вынужден был лечь спать.

Мулла говорит, что бог может создать все мгновенно. Ему не приходится работать, подобно сапожнику по 10 или 12 часов в день. Что бы сказали наши святые на это?

Когда стало известно, что в конце месяца мы должны покинуть Капал, попрощаться с нами стали приезжать наши киргизские друзья. Среди них самым уважаемым был султан Сук, который ко мне так хорошо относился, что просил меня сказать моему мужу, не утомлять меня сильно, когда возьмет меня в следующую поездку по степи, так как он даст ему столько жен, сколько он захочет; в то же самое время он всегда будет очень рад видеть меня.

Причина, по которой я заслужила такую симпатию старого человека, заключалась в том, что киргизы всегда высо-

ко ценят женщину, умеющую пользоваться иглой, а Ярола разнес по свету мою славу. Я занималась шитьем маленькой шляпки из крошечных кусочков красной мериносовой шерсти для своего малыша. В моей рабочей корзине было немного шелка, так что я украсила ее вышивкой, а спереди пришила орлиные перья и, когда она была готова, то выглядела довольно мило. Ярола был в восторге, особенно от полей шляпки. Думаю потому, что он был очень привязан к ребенку, которого он часто брал на прогулку или показывал всем, кто приезжал, держа его с такой нежностью, как бы это делала я сама. Но что меня удивило, этот большой человек умолял меня отдать ему шляпку. Я отказала. Несколько дней подряд он приходил. Наконец, я попросила мужа отрезать мне другой кусок картона и пообещала сделать ему шляпу, если смогу найти подходящую ткань. Когда Ярола услышал это, его радости не было предела, и он никак не мог уйти от нас. Я сшила совершенно бесподобную шляпу, украсив ее бусинками и монетками, и, когда я вручила ему ее, он побежал к барону, умоляя его разрешить ему носить ее. Его хозяин сказал мне, что я сослужила ему плохую службу, так как теперь Ярола никогда не бывает дома, ибо он добыл лошадь и каждый день разъезжает по всему городу, демонстрируя роскошное приобретение к своему туалету.

Наши сборы к отъезду не заняли много времени, но вся беда была в том, что мы смогли купить только два пуда (72 фунта) муки. Еще пуд нам прислал один офицер, который едва ли мог обойтись без него, более того, он не был богат и не взял никаких денег, кроме того, он прислал несколько свечей, до получения которых мы вынуждены были следовать примеру птиц, т.е. в сумерки усаживаться на насест. Перед отъездом всю муку мы переработали в сухари, но этого слишком мало на 3 месяца путешествия.

Приворотное зелье. Не думаю, что я тебе толком рассказала о нашей прислуге. Женщину найти невозможно. Действительно, столько сложностей, чтобы нанять женщину мыть полы. У мадам Тетчинской служит киргизка, а у барона прислуживает дочь казака, а упомянутую работу выполняют мужчины. По своему опыту я знаю, что за особы женского пола в этой части света. Я не иначе, как благодарна, что не брала их: они ведут себя странно и к тому же опасны в любом случае, с каким имеют дело. Барона чуть не отравила его Абигаль, которая воспылала глубокой страстью к нему, и, будучи дочерью казака, посчитала себя достаточно благородной и достойной мечтать о том, чтобы стать его возлюбленной. Он не ответил на ее лю-

бовь, тогда она приготовила сильнейшее приворотное зелье, выпив которое, он бы настолько был очарован ею, что никогда уже не смог бы жить без нее. К счастью, это обнаружили вовремя — она получила суровый выговор и была изгнана из дома. Ярола пошел дальше, ибо он задал ей хорошую трепку и пригрозил, что если она когда-либо снова придет, ее выпорют.

В молодую киргизскую даму миссис Сундук, горничную мадам Тетчинский, был влюблен киргизский юноша по имени Адиль, который служил у барона. Молодая дама ответила на любовь, и все шло очень хорошо, но говорят «путь истинной любви никогда не проходит гладко». Однажды Адиль нигде не мог найти свои шимбары (широкие брюки), далее были предприняты самые тщательные поиски. Ярола начал волноваться, боясь, что барон мог заподозрить его, тем более, что он первым обнаружил, что Адиль был без шимбар.

Однажды Ярола, будучи в городе, увидел мс-с Сундук, на которой были такие же шимбары. Для него было делом одной минуты соскочить с лошади и схватить ее, она отчаянно сопротивлялась, но он, будучи сильным человеком, после недолгого колебания свалил ее на землю и, сняв их с нее, с триумфом привез их домой. Так случилось, что Адиль оставил штаны у своей возлюбленной как залог любви в будущем, намереваясь забрать их в другой раз. Между любовниками произошла ссора, она думала, что ее суженый пожелал вернуть свой подарок и подкупил Яролу, чтобы забрать их.

Другая персона, о которой я не должна забыть рассказать, — прачка барона. Ее муж казак — красивый молодой человек, будучи очень здоровым, внезапно занемог, и все его друзья, для которых он был любимцем, жалели его, боясь, что он может умереть. Однажды случилось так, что один из работников уснул в помещении, которое они строили в крепости, и его разбудил звук голосов. Он прислушался и услышал, что прачка в связи с одним казаком замыслила дьявольский план, как избавиться от ее мужа, поскольку яд, который она давала ему, действовал слишком медленно. После того, как они ушли, работник, удостоверившись, что его не заметили, осторожно огляделся и, видя, что оба заговорщика исчезли в другом направлении, немедленно побежал к барону, и все ему рассказал. Двух казаков отправили за ними в погоню, ее посадили в тюрьму, выставив вокруг охрану. На следующий день ее допросили и обвинили в попытке отравить ядом, приговорили к наказанию розгами: 50 ударов плетью в присутствии мужа, за которым послали и который присутствовал во время порки. Приговор был приведен в исполнение внутри здания

тюрьмы, при этом два казака держали ее, потом ее посадили на быка и с позором изгнали из крепости, но ее муж взял ее под свою опеку.

Видишь ли, это было не приворотное зелье, а, действительно, случай отравления. Меня неприятно удивило то, что ее сообщник не был допрошен и не понес никакого наказания: это не было беспристрастным правосудием.

Таким образом, мне повезло, что я была окружена особами мужского пола. Фактически, я единственная женщина, которая спит внутри крепости.

Теперь я должна подумать о завершении этого письма, так как надо приступать к подготовке нашего отъезда. Сейчас мы собираемся бродить по величественным горным хребтам, на которые в течение четырех месяцев я смотрю из своих окон. Я не изменю своему обещанию писать о любом происшествии, которое будет иметь место, конечно, если я не попаду в плен к каким-нибудь племенам, с которыми мы можем встретиться. Меня могут принять за киргизку, похищенную из отдаленного аула и переодетую в, — я бы не сказала европейскую — но неизвестную одежду. Я выгляжу такой худой, почти изможденной, как любая их красотка. От меня остались только кожа до кости; едва ли во мне осталось то, что было, ничуть не лучше выглядит мой муж. Я часто думаю, что если бы джин мог бы перенести нас и оставить на улицах Лондона, что бы люди подумали о нас?

Прежде, чем я закончу свое письмо, я расскажу тебе о сегодняшней прогулке по степи к маленькой укромной долине, куда я хожу каждый день собирать нежные дикие цветы. Я ушла более чем на милю от крепости, гуляя в уединении, погрузившись в свои мысли, ребенок дремал у меня на руках, когда внезапно передо мной, буквально в двух ярдах, взмыла кверху огромная змея, заняв вертикальное положение и издавая громкое и продолжительное шипение. Ты можешь себе представить, что я мгновенно отпрянула назад. Если бы рептилия не поднялась сама, она могла бы укусить меня, так как я не видела ее. Я оглянулась вокруг в поисках палки, чтобы убить ее, но ничего не было видно. Я чувствовала, что не могу ей дать свободно уйти, поэтому мои глаза искали кого-нибудь вокруг, когда, к счастью, я увидела всадника. Я закричала так громко, как только могла, напрасно, я могла бы и молчать. Человек направлялся в сторону гор. Я наблюдала за ним какое-то время и, когда он, наконец, посмотрел в мою сторону, я показала ему рукой приблизиться. Он тотчас же помчался, пересекая равнину, это оказался казак. Когда он подъехал достаточно близко, я спросила,

есть ли у него плеть. Он крайне удивленно взглянул на меня и ответил утвердительно, я сказала: «Вы не убьете для меня ту змею?» Он вмиг соскочил с лошади и убил ее, осыпая матом. Я полагаю, что это не звучало слишком неприлично. Однажды мы увидели не менее 5 таких ядовитых созданий, игравших и гревшихся на солнце, когда мы приблизились, они исчезли в норе. Один из казаков соскочил с лошади и выстрелил в нору, без сомнения, убил их. Немного дальше мы встретили змей еще больше, некоторых убили плетками, другим удалось уползти. Их искали по всем направлениям, но не смогли найти. Я не могу сказать, что они — приятное соседство.

Глава VII

Тяжкий труд и путешествие — Изобретение письма — великое благо — Цена почтового отделения — Выносливый малыш — Предрассудок — Изобретение гардероба — Максимы матери — Китайский шелк — Баня — Истинный британец — Предсказатель погоды — Новый подарок — Детский пирог — Чрезвычайная мера — Неизвестные коклюш и корь — Отвратительный транспорт — Священная гора — Традиция — Прибытие в Арасан — Удивительная просьба — Наша ласковая казачья няня — Грустное прощание — Огромные стада — Обрыв — Прекрасный вид — Великодушные природы — Бурный поток — Прибытие в Сарканд — Неустойчивый мост — Потрясающие горные перевалы — Путь на Баскан — Ужасная угроза — Интересный трофей — Священное животное — Изумленный султан — Старые знакомые — Подарки ребенку — Удивление и неверие европейской женщине — Несчастный ребенок — Контраст — Институт мужей — Скромная просьба — Изобретательность русских — Необычное место — Восхитительный пейзаж — Пастушеская земля — Восхождение на Лепсы — Волшебная земля — Еще одна гроза — Болезненный случай — Зеленое озеро — Неожиданный конфликт — Критическое положение — Кровавая схватка — Снисходительное обращение с плутом — Опасное восхождение — Сомнительные попутчики — Всеведущий бог — Дружеский визит — Пир — Раскаивающийся хозяин — Необходимая предосторожность — Необоснованные страхи — Джасылколь — Восхитительный ручей — Верный спутник — Калмыцкая крепость — Долина Лепсы — Москиты — Изнуряющий зной — Возвращение в горы — Рождение нового дня — Костюм Алатау — Воображаемое возвращение в цивилизацию.

Барнаул, декабрь 1849.

Со времени последнего письма тебе я вынесла много тяжелой повседневной работы. Поднималась и спускалась с гор, переплывала реки, голодала, испытывала жажду, переносила жару и холод, страдала и снова оживала. Я еще не мертва, как ты представляла себе. Твоя идея написать полковнику Соколовскому, чтобы узнать, не отправились ли мы в страну духов, позабавила меня. Нет! Мы все еще топчем эту землю, и я не верю, что мы скоро увидимся. Искусство письма — великое благо для нас, и я часто благословляю его изобретателей, так как своим пером мы можем выразить свои мысли и чувства тем, кто от нас далеко. Однако, для сравнения, как мало мы можем сказать обо всем, что с нами происходит. Иногда событий одного дня достаточно, чтобы заполнить целый том, и в то же время для меня гораздо легче говорить, чем писать. Однако, я сделаю все возможное, чтобы постараться ознакомить тебя со всем, что происходило за последние шесть месяцев, пока мы здесь в Барнауле, так как мы остаемся здесь до весны. Мы еще далеки от того, чтобы странствовать; мы поедем в Иркутск и регионы вокруг него, так что пройдет еще какое-то время, прежде чем ты увидишь меня.

Недостатки почтового сообщения. Четыре твои письма дошли до меня одновременно в Змеиногорске, одно — почти год спустя, а мой муж получил одно из Англии, которое также послано давно, но иначе и не могло быть, так как нет писем, которые могли бы догнать нас во время путешествия. До сих пор киргизы не понимают необходимости почтового сообщения, они даже не снизились до того, чтобы писать письма. Все их коммуникации вербальные и передаются тембром голоса, от которого ты бы вздрогнула: чем громче шум, тем больше, считается, он выражает уважения. Я сразу признаю свою вину за то, что не пишу, и постараюсь исправиться этой зимой, но я могу добавить, что летом, действительно, невозможно писать или, скорее, отправлять тебе письма. Тем не менее я не могу признать свою вину на обвинения некоторых моих друзей, что я мало рассказываю про Алатау. Я думаю, мои письма просто затерялись.

Много разных вопросов, касающихся имени моего ребенка, задают мне здешние друзья. Мадам Соколовская говорит, что слова в поговорке поменялись местами: не «гора родила мышь», а «мышь родила гору». Никто из наших друзей не ожидал увидеть его. Пока мы находились в Капале, нам прислали крошечное стеганое одеяло и жакет. Ему также сшили маленькие брючки, зная, что там, где я буду, я ничего не смогу ему обеспечить, но они не думали, что он выживет, и воздержались

исполнять все свои добрые намерения, думая, что эти вещи будут лишь источником боли и сожаления, но, слава создателю!, я благополучно выносила его. Он здоровый ребенок, и трудно найти более здорового, чем он.

Всем интересно знать, как мне удастся одевать его. Сначала было трудно. Когда меня спросили, во что я буду его заворачивать, после минутного размышления я ответила, что возьму рубашку его отца. Мои друзья здесь смеются и говорят, что я не могла бы сделать ничего лучше и мудрее, так как это одно из суеверий, что, если ребенка заворачивают в рубашку его отца, то он будет счастливым, и я, поступив так случайно, знаю, что он будет самым счастливым и много добьется! Я рассказала им, что сшила две маленькие шапочки из куска муслина в первый день, как только встала, — ночную и дневную. На следующий день из своего халата я начала шить две ночные рубашки, которые он носит и днем, а старую рубашку его отца я превратила в маленькие рубашки. Это завершило его гардероб.

Рожденный в Татарии. В 4:30 он был искупан, в 5 уложен в постель, когда я начала исполнять обязанности прачки, поскольку дважды не использую вещи, не постирав их; между 6-7 утра купаю его еще раз, стираю вещи, и процесс повторяется, потом готовлю его ко сну. В Капале считают, что я очень глупая, так как стираю слишком часто, говоря, что менять вещи один раз в два дня вполне достаточно, но наставления мамы не просто забыть: в детстве мне настолько привили мысль о необходимости соблюдения чистоплотности, что я приняла решение следовать этим советам. И, поверь мне, я избавлена от многих проблем и вознаграждена здоровьем ребенка, который ни разу не дал мне повода для беспокойства днем, ни одной бессонной ночи с момента своего рождения.

Как раз перед отъездом из Капала я купила у татар кусок китайского шелка, из которого сшила походный наряд для своего малыша и подбила его дэби (разновидность пряжи). Пока занималась шитьем, я задыхалась от красителя. Идея сшить что-нибудь для ребенка из подобной ткани не была продуманной. Я сначала расстроилась, но потом, к удивлению и ужасу мужа, налила воды и окунула туда весь кусок шелка. После 15 полосканий в воде он стал менее симпатичным, так как полинял, но теперь был чистым и блестящим и, безусловно, вполне пригодным для использования. Такие вещи, как этот шелк, привезенные из Китая, продают бедным киргизам.

На второй день после рождения ребенка мадам Тетчинская спросила, не хотела ли я помыться. Я пришла в восторг и ответила согласием. Поскольку был уже вечер, она решила, что

лучше отложить это до утра, так как могла возникнуть сложность с горячей водой. Время приближалось, и я с волнением ожидала ее. Около 11 утра на третий день она приехала в своем экипаже (что-то вроде тележки носильщика на железной дороге, которую везет бык). Войдя, она сказала, что все готово. — «Что вы имеете в виду?» — спросила я. — «Как что — баню! Вы не пойдете?» — «Идти в баню!» - сказала я, ошеломленная предложением. На улице все завалено снегом, и пронизывающий холод. Однажды я была там, поэтому знала, что меня ждет. Мне предстояло раздеться под навесом, одна сторона которого была совершенно открыта в сторону степи, где даже в хорошую погоду это было неприятно.

Мы обе посмеялись над недоразумением: она над тем, что я вообразила, что баню приносят в дом, а я над тем, что она подумала, что я пойду туда. Я понимаю, что сибиряки считают абсолютно нормальным идти в баню на третий день после родов многие, я слышала после этого простывают и умирают.

Пеленание ребенка. Я не думаю, что рассказывала тебе об их желании пеленать ребенка. Сначала, когда родился мой мальчик, они хотели запеленать его, но я сказала, что это не принято в Англии. Через несколько дней моя подруга настояла на необходимости пеленания, и я уступила ее настойчивости и согласилась. Только я не знала, как это делается, поэтому она тотчас же начала прижимать его ручки и ножки, затем обматывать его, но он очень скоро показал, что он истинный британец и не собирается терпеть такое обращение, так как начал отчаянно сопротивляться, да так, что от пеленания пришлось отказаться. Наивно глядя мне в глаза, она воскликнула: «Очень странно! Я не могла поверить, я не видела такого, какая разница между английскими и русскими детьми! Это убедило меня в том, что они не приучены к пеленанию». Бедный ребенок, он был так мил, ибо целый месяц после рождения практически не открывал глаза, а только спал и ел, он никогда не просыпался, разве что во время купания. Даже на второй месяц я едва держала его на руках, и до 9 месяцев он ни разу не плакал. Он был беспокойным и не мог спать только в плохую погоду, что это очень удивительно, всегда случалось перед бурей, в пути он был нашим барометром. Беспокойство ребенка являлось, возможно, самым верным предвестником бури, даже наши казаки начали удивляться.

Однажды барон похвалил меня за хорошие качества Алатау. Он сказал: «Когда я первый раз узнал, что у вас ребенок, я, честно говоря, выругался, я ненавижу вопли детей, но надо отдать должное Алатау, я ни разу не слышал его голоса», и в

результате барон сделал ему очень симпатичный подарок — китайский шелк самого изысканного голубого цвета. Если такую награду заслуживает молчание, боюсь, я никогда не получу ее.

Вы когда-нибудь в своей жизни сталкивались с таким понятием как «детский пирог»? Если вы жили среди каннибалов, возможно сталкивались но, хотя сибиряки не каннибалы, они все еще «пекут» «детские пироги». Об этом своеобразном обычае я узнала, когда Алатау было около двух месяцев. Он не мог уснуть в тот день, когда ко мне зашла знакомая (я знала, что будет буря), но она предложила, что его следует испечь. — «Испечь!» - закричала я. — «Да!» Когда последовало объяснение, я узнала, что это довольно распространенный обычай, но если мне не нравилось, что его нужно поместить в духовку, я могла накрыть его слоем теста и положить на горячую печь. Когда на спине появятся волосики, эта корка срывается и ребенку станет гораздо легче.

Я упомянула об этом обстоятельстве своему другу в горах, который рассказал мне, что это действительно так: сибирские крестьяне «пекут» своих детей. У них бывает одна болезнь, от которой, как говорят, можно избавиться только выпеканием. Из ржаной муки делают тесто, раскатывают большую лепешку и заворачивают ребенка в нее, как курицу в тесте, оставляя маленькое отверстие, чтобы ребенок мог дышать, затем его помещают в духовку и закрывают дверцу, но только на несколько секунд, говорят — это верное средство.

Оспа — болезнь широко распространенная среди киргизов: многие из них ужасно обезображены ею. Это заставило нас беспокоиться о прививке для ребенка. Барон любезно предложил нам немного вакцины, которую он получил из Омска, но после трех попыток мы вынуждены были отказаться — бесполезно было мучить ребенка, когда она не прививалась: таким образом, полагаясь на Провидение, мы продолжали общаться с киргизами в тех районах, где болезнь свирепствовала особенно ужасно. Я не чувствовала страха, но только по прибытии в Змеиногорск мы смогли сделать ему прививку.

Коклюш и корь неизвестны странствующим племенам Азии, как и сибирякам. Возможно, это результат того, что они дышат чистым воздухом, все они — дети Природы, и Алатау, будучи одним из них, тоже никогда не болел ими.

Отъезд из Капала. Я снова возвращаюсь ко дню 24 мая 1849г., когда мы бросили прощальный взгляд на Капал с его многочисленными курганами и повернули свои стопы на восток. Нас было очень много, так как наши друзья приняли решение проводить нас как следует. Джентльмены были на лошадях, а

дамы ехали на жалкой машине, которая была сделана специально для их удобства: что-то вроде шарабана. Я села в нее, каждую минуту с ужасом ожидая, что меня выбросит из нее, рядом сидели другие женщины, которые визжали и хватались все время за меня.

Мы проехали мимо подножия священной для киргизов горы, на которую я часто смотрела в Капале. Мне было жаль, что мы ни одни, и я не на своей лошади, так как мне очень хотелось сесть на нее. Существует легенда, что дочь одного царя прославилась своими добрыми делами, которые она совершала всю свою жизнь. Перед смертью она пришла к этой горе, а это было ее любимое место, и увлеклась охотой, внезапно ей сделалось плохо, она умерла, и было решено, что ее следует похоронить на вершине горы. Считается, что ее духу все еще позволено бродить по земле, помогая людям. Там, где она ступает, растет трава, да так, что она остается зеленой и пышной круглый год. Зимой она удивительно выделяется на фоне окружающих ее снежных вершин. Когда мы были в Капале, джентльмены часто ездили на это место, чтобы пополнить кладовую, если они не могли добыть дичь в других местах, то здесь она всегда водилась в изобилии.

Был вечер, когда мы прибыли в Арасан, минеральный источник, где была запланирована остановка. До ночи мы весело провели время — танцевали, пели, купались и т.д. Хотя я в общем была рада компании своих друзей, но не очень участвовала в их веселье. Ни мужчины, ни женщины не были готовы остаться здесь ночевать, кроме того, что они захватили с собой ночные колпаки, у них не было ни расчесок, ни щеток, ни полотенца. Представь себе, как я была удивлена, когда у меня попросили все это.

На следующее утро в 11 часов мы попрощались со всеми, кроме Абакамова, который проехал с нами еще немного. Он тоже расстался с нами там, где нам предстояло спускаться в ущелье, ведущее в степь. Вероятнее всего, мы виделись в последний раз, поскольку вряд ли мы когда-либо снова посетим эти места.

Наш казак Павел, будучи верным помощником в течение многих месяцев, по настоящему разрыдался, так как целовал Алатау в последний раз. Бедняга! Он сильно привязался к ребенку, я бы даже сказала, был ему нянькой с самого рождения, заботясь о нем лучше иной женщины, кроме того, они были прекрасными друзьями. Павел был всего лишь юношей лет двадцати. Он часто стоял рядом со мной, рассказывая о своем доме и матери, которую оставил, и как сильно ему хотелось

увидеться с ней. Он был рад найти человека, который мог охотно выслушать его рассказ о доме. Я видела, как этот юноша по вечерам часами наблюдал за тем, как м-р Аткинсон рисует, иногда задавая вопросы, которые свидетельствовали, что он действительно разбирается в искусстве. Нам тоже было очень жаль расставаться с Павлом.

Огромные стада. После отъезда наших друзей установилась отвратительная погода. Но отсюда мы в очередной раз начали свою странствующую жизнь, селясь у киргизов и путешествуя в компании с ними. Я видела огромные стада домашнего скота, которыми владели эти люди. Меня особенно поразили бараны с четырьмя рогами, и узнала, что такое часто встречается.

Теперь нам предстояло преодолеть подъем, чтобы добраться до более высокой горной гряды. Когда мы находились около одной из вершин, нас окутал толстый слой облаков, и мы промокли до нитки, в десяти шагах ничего не было видно. Мы продолжали идти до тех пор, пока не услышали лай собак; это заставило нас искать место для спуска, так как звук слышался снизу. Мы повернули по направлению к нему и вскоре подошли к аулу. Племя перебиралось в горы, но туман заставил его свернуть в сторону в поисках укромного места: если бы не собаки, мы бы никогда не обнаружили их. Здесь мы провели ночь. Утром, отправившись в путь, недалеко от этого места, мы обнаружили, что находились на краю пропасти, обращенной в степь в 5000 футах под нами. Это было похоже на карту: мы видели реки Сарканд, Баскан и Аксу, сверкающие, подобно серебряным нитям, и исчезающие в дымке по направлению к Балхашу, а далекие вершины, около которых мы находились, терялись высоко в облаках.

Теперь мы отправились к Аксу, но обнаружили, что на вершинах гор очень холодно. Понадобится много времени, чтобы рассказать тебе о прекрасных пейзажах, мимо которых мы проходили в тот день: восхитительных укромных долинах, потрясающих водопадах, подъемах и спусках, тропах, временами таких скользких, что наши лошади не могли стоять и вынуждены были идти, ведомые потихоньку вниз, узких тропинках вдоль почти перпендикулярных скал, бурлящих стремительных потоках в более чем тысяче футах под нами, склонах гор, покрытых кустарником и цветами, гораздо более красивыми, чем во многих садах. Все это сотворила природа без вмешательства человека. Мы нашли здесь в изобилии желтые розы. Я собирала их целыми охапками: у некоторых я засушила только листья, у других — цветы, их после всех моих стараний и мучений удалось сохранить но все было испорчено, когда мы пересекали

реку. Затем мы обнаружили большие желтые душистые маки, потом — пионы, растущие в горных долинах и на вершине низкой горной гряды, первоцвет, сплошной густой массой покрывающий целые акры. Еще было очень много розовой примулы и других разнообразных цветов, разноцветных кустарников. Как я завидовала своему мужу, прекрасно знающему ботанику. Я могла только восхищаться, и я восхищалась окружающей красотой и почти завидывала тем, кто живет в таком восхитительном месте.

Кроме того, здесь много диких фруктов — крыжовник, черная и красная смородина, персики, земляника, малина, яблоки и другие, названий которых я даже не знаю. Ты не поверишь, но киргизы никогда не едят их! Когда я спросила у одного из них, почему они не едят фрукты, он ответил: «Овощи и фрукты для птиц и зверей, а они — для человека».

Киргизский мост. Подъезжая к Аксу, мы следовали по глубокой расщелине до тех пор, пока еще могли пройти лошади, потом, обнаружили реку, бегущую между отвесно стоящими скалами, не оставлявшую места, где бы могла ступить нога человека. Это был ревущий горный поток, несущийся со страшной скоростью через огромные валуны: ничего живого там не могло быть. Мы видели большие деревья, цепляющиеся за скалы на небольшом расстоянии друг от друга. Жутко стоять и созерцать подобные места.

2-го июня мы добрались до Сарканда, разбили лагерь, намереваясь пересечь реку на следующее утро, так как в сумерках было довольно сложно пытаться сделать это по неустойчивому мосту, который киргизы возвели здесь и который представлял из себя только несколько деревьев, положенных через поток где-то посередине большого камня. Поднимающаяся вода наводила ужас, так что даже этот простой переход мог быть снесен до утра, и мы пришли к заключению, что будет мудрее воспользоваться мостом сейчас. Мост едва ли пригоден для перехода, когда ты видишь бушующий поток под ногами лошади. Один неверный шаг и — конец. Грохот несущихся камней и рев потока были такими оглушающими, что мы были вынуждены идти близко друг к другу, чтобы слышать каждое сказанное слово. Наконец, это было просто болезненно, голова была готова разорваться на части. Я отошла немного, пытаюсь уйти от этого жуткого грохота, но напрасно: в версте от реки рев был таким же мучительно болезненным. К тому же оглушительный грохот, издаваемый громом, был ужасен. Почти ежедневно здесь происходила гроза, а когда не было грозы, казалось, что в нашей жизни чего-то не хватает. В этих колоссальных

горных массивах гроза производила потрясающе величественное впечатление, казалось, что даже небольшой раскат грома, гремевший где-то высоко в горах, — это дух грозы, дробивший огромные валуны и скалы, растирая их в порошок, а молния обрушивалась и освещала стремительно несущиеся огромные потоки воды.

Священное животное. Посетив все красивые места в окрестностях Сарканда, мы 8-го числа отправились в Баскан, близ которого нас приветствовал наш постоянный спутник — гроза и, надо сказать, ужасная. Маленькая самка марала, видимо, была так испугана грозой, что взобралась на гору и подошла близко к юртам. Киргизы увидели ее и тотчас же с громкими криками погнались за ней. Казаки тоже последовали за ней по ущелью, несясь, подобно множеству фурий. Вскоре они вернулись, везя ее живой и невредимой, прекрасное создание было подарено мне. Как только Алатау уснул, я пошла в палатку к казакам взглянуть на нее. Они пытались накормить ее молоком, но она не ела. Я приблизилась к невинному созданию и погладила его, она попыталась попить немного молока, но не смогла. Я предположила, что было бы лучше отпустить ее на свободу. Она была еще очень маленькой, чтобы забирать ее у матери. Мужчины сказали, что они поступят так, когда поймут ее мать. Ночью мать спуститься и начнет плакать о своем детеныше, ее вскоре поймут, так как она никогда не покинет это место, потому что знает, что ее малыш там и отзовется. Услышав это, я начала волноваться еще больше, убеждая, что ее следует отпустить. Мое сердце обливалась кровью, когда я думала о матери, я сама была матерью. Для матери не существует опасности, когда речь идет о ее детеныше, ради него она пойдет на все. В голову приходили разные мысли, мне хотелось помочь ей. Я снова начала умолять отпустить детеныша на волю, что они пообещали сделать немного позже, когда буря закончится, но тем временем мать могла быть поймана.

Я вернулась к себе в юрту, нашла немного светло-голубых обрезков ткани и, к величайшему изумлению киргизов, завязала вокруг шеи маралочки. Ленточка прекрасно выделялась на ее шерсти. Пока я занималась этим, она так печально смотрела на меня своими большими нежными глазами, что, прежде чем выйти, я обхватила ее шею руками, и в этот момент развязалась тонкая веревочка, за которую она была привязана. Я вышла из палатки и едва успела рассказать мужу о том, что сделала, когда услышала плач матери. Мы оба бросились к двери и увидели, к своему удовольствию, как грациозное животное несется в сторону гор. Казаки и несколько киргизов последовали за ней

на лошадях, надеясь повернуть ее в ущелье и поймать снова. Но нет, она, как и все мы, слышала высоко в горах крик своей матери, которым та, вероятно, приободряла своего детёныша бежать быстрее. Несколько месяцев спустя у меня появилась причина порадоваться за них: я узнала, что мое маленькое «протеже» было поймано в качестве священного животного. Ее вместе с матерью видели многие киргизы, но воздерживались стрелять в них. Позже ее встречали уже без матери. О священном животном всегда говорили с трогательной торжественностью. Когда казаки рассказывали, что я повязала ленточку вокруг ее шейки, они не верили, заявляя, что она родилась с нею.

Я уже писала тебе, что флейта моего мужа вызывала восхищение как киргизов, так и калмыков. Один из султанов, с которым мы встречались на своем пути и который был восхищен ею, прибыл после двухдневной поездки со своими спутниками, чтобы еще раз услышать ее звук. Затем попросил разрешения самому сыграть на ней. После многочисленных попыток он вернул флейту, говоря, что он не будет больше прикасаться к ней, что это — шайтан, а м-р Аткинсон, он думает, имеет с ним дело. Если не так, то почему флейта не отвечает ему, когда он что-то нашептывает ей. М-р Аткинсон снова сыграл и еще раз предложил ее султану, но тот отказался даже прикоснуться к ней.

Высоко в горах мы встречали многих киргизов, с которыми познакомились еще тогда, когда только приехали в степь. Все были рады снова увидеть нас и особенно были очарованы ребенком. Какое счастье, что это был мальчик, а не девочка: последняя — самый ничтожный предмет бартера. На меня едва ли бы кто смотрел, за исключением бедных женщин. Но мальчик — это что-то. Султаны хотели оставить его у себя: они заявляли, что он принадлежит им, т.к. родился на их территории, вскормлен их овцами и дикими животными, его везли их лошади, он получил их имя и его обязаны оставить в их стране, чтобы он стал великим вождем. Подарки, которые тем временем получал ребенок, были просто изумительными: куски шелка (который, кстати, я собираюсь присвоить себе), отрезки из ханских тканей для халатов, бесчисленное количество ягнят, козы, чтобы он на них ездил. Они сажали его на них и возили вокруг юрты, одна женщина держала его, пока другая вела животное. А один султан сказал, если бы я оставила его, он бы дал ему табун лошадей и свиту, но я не настолько тщеславна, чтобы думать, что моему ребенку суждено играть столь величественную роль на мировой сцене, как планировал Барантас, или жить, подобно

зверю, чем человеку, проводя свои дни в лени и праздности. Более того, ему еще и завидуют: счастливый мальчик! Почему я родилась не мальчиком, а девочкой? Однако, если бы было так, я не была бы счастливой смертной, какой являюсь сейчас, т.е. женой своего мужа и матерью моего мальчика. Но я прошу тебя, не дай им узнать мои сокровенные чувства к ним, они оба способны злоупотребить моими мыслями, которыми я делюсь с тобой.

Диковина природы. Есть обстоятельства, о которых я должна рассказать тебе. Некоторые племена, с которыми мы встречались здесь, никогда не видели европейской женщины и думали, что я — не женщина, а мужчина, что мы являлись диковиной природы, а Аллах достоин похвалы за свою удивительную работу — у двух мужчин был ребенок! Один из казаков, услышав это, я думаю, упал бы с лошади со смеху. Я должна была снять шляпу, распустить волосы и дать им струиться вокруг меня, пытаюсь убедить их, но поначалу это их не удовлетворило. Однако все же, я уверила их, что я не диковинное существо, какой они сначала представляли меня. Мое пребывание здесь — объект многочисленных домыслов, и их выдумки не закончатся никогда. Когда им говорили, что мы обычно носим стальную одежду, которую снимаем ночью, они поражались и по-разному бурно выражали свой восторг.

Одна женщина повела меня посмотреть на ее ребенка. Ему было только около месяца, но что это было за огромное дитя! У нас в Англии прекрасные дети, но этот ребенок превзошел всех, каких я когда-либо видела. Я думала, что ему год. Он был привязан к доске совершенно голенький, под ним была постелена меховая шкура, и укрыт он был тоже меховой шкурой, на этой доске ребенок содержался до тех пор, пока не начинал ползать и помогать себе. Их никогда не моют с момента рождения. Но в доске имеется отверстие, т.е. своего рода дренаж, куда он оправляется, и его подмывают (исключая случаи, когда идет дождь и ребенка купают), и так до тех пор, пока он не достигает возраста, когда в состоянии бегать к реке или сам не начинает ухаживать за собой. Я наблюдала, как мать кормила своего ребенка, наклонившись над ним. Она сказала, что он болен, и попросила меня дать ей лекарства. Мой муж назначил какое-то простое средство, которое я дала ему, к бесконечной радости матери, которая взяла мои руки в свои и сжимала их, будучи очень счастливой.

Я не могла удержаться, чтобы не отметить разницу между киргизской няней и английской, где все чисто и опрятно. И между матерями тоже: когда приближается час ее родов, счи-

тается, что она одержима дьяволом, и ее бьют палками, чтобы изгнать его, а когда этот момент наступает, они призывают дух дьявола покинуть ее. Бедная женщина! Ее доля в будущем, надеюсь, не будет столь ужасной, так как она, как истинная рабыня мужчины, доставляет ему удовольствие во всем: выполняет все его желания, ухаживает за его скотом, седлает его лошадей, устанавливает юрты, и я даже видела, как женщина помогала этим «венцам творения» взобраться на лошадь.

Мой муж говорит, что киргизы раскрыли ему глаза на то, что полагается мужьям, и он уже почти склонен извлечь пользу из этого урока и даже подумывает об открытии института для обучения мужей управлению своими женами, и верит, что это могло бы быть выгодным предприятием. Тебе хотелось бы иметь должность в этом учреждении? Он говорит, что оно будет весьма успешным, и крайне необходимо в Англии. Вообрази только на мгновение, какое место занимает женщина в жизни. Даже собака считается более достойным существом. Когда любимая собака собирается щениться, ей стелят ковры и подушки, ее ласкают, кормят самым лучшим. Женщина же в поте лица должна трудиться, чтобы чего-то добиться, и делает все с величайшим терпением. Один киргиз, увидев, что я занята шитьем плаща для моего мужа, был так восхищен моими пальцами, что спросил м-ра Аткинсона, не согласится ли тот продать ему меня, но тот явно не разобрался в «скотине» и даже не сделал попытки поторговаться. Со мной у них в лагере вскоре бы произошел бунт.

Русская баня. Однажды я сильно встревожилась. М-р Аткинсон внезапно заболел: он долго находился на солнце, делая наброски, я в это время сидела в тени. Казаки, по настоящему добрые создания, проявили огромную заботу о нем и предложили немедленно затопить баню. Русские — самые изобретательные люди. Они выкопали яму, поверх нее сложили камни, под ними положили дрова, таким образом, камни раскалились докрасна, затем они закрыли все это войлоком довольно низко, что им пришлось вползать туда, затем на камни плеснули холодной воды, вызвав сильнейший пар. Там разместили пациента, положив его на землю, дали ему основательно прогреться, и он почувствовал себя лучше, выйдя оттуда совсем ожившим. Правда, возможно, он страдал от холода, так как мы в течение нескольких дней шли по снежным горам, и смена почти тропического климата на холод снежных горных хребтов, а затем снова жара повлияли на него больше, чем на меня. Единственное неудобство, которое я испытывала, было трудно дышать, когда поднимались высоко за линию снегов. Что под-

держивало меня и ребенка в полном здравии, так это постоянное купание в холодной воде: приходилось ломать лед, чтобы мы могли окунуться в воду, в то время как мой муж не очень то выдерживал холодную воду.

Должна рассказать тебе об одном необычном месте, которое нам встретилось в горах, но прежде, чем мы добрались до него, я обратила внимание на то что там, где мы проезжали, скалы, торчащие сквозь траву, выглядели так, словно их одновременно сварили. Когда мы прибыли на то место, о котором я говорила, мы обнаружили гигантское нагромождение круглых гранитных камней, чуть далее мы вошли в огромный портал, который привел нас в обширное пространство, окруженное гранитными камнями самых живописных форм, тогда как в центре возвышалась большая груда камней конической формы, которая была или вершиной, которая опустилась вниз, или массой, выброшенной в центре того, что фактически являлось кратером. Обойдя его, мы обнаружили второй круг, сочетавший в себе какую-то суровость и красоту. Побродив там, мы почувствовали себя удрученными: тебя начинает угнетать мысль о силе, которая породила такой потрясающий эффект. Мы назвали его гранитным кратером: это место долго будет помниться нам обоим.

Закат над степью. Отсюда мы наблюдали закат над степью, более восхитительного зрелища я никогда в своей жизни не видела. Перед нами расстилалась степь, напоминающая отсюда карту, — реки, словно серебряные нити, вились вдали, безграничное пустынное пространство простиралось по направлению к Балхашу, в это время года было бы небезопасно путешествовать по нему; я тщетно пытаюсь подобрать слова, чтобы описать те удивительные золотистые тона, в которые было окрашено небо. Кто никогда не посещал эти места, не сможет представить себе красоты вечернего пейзажа в степи.

Проехав по этой гранитной гряде, будешь постоянно вновь и вновь мысленно возвращаться к самым прекрасным местам, которые там увидел. Природа замыслила их для садов и парков, и она не жалела цветов, чтобы украсить их. Земля покрыта мелкой зеленой травкой, а цветы растут самых разнообразных цветов и оттенков, чуть ниже — маленькие анютины глазки (этот цветок мы часто встречали ближе к снегу), а выше, в скалах, растет много фруктов. Самым удивительным для меня было то, что, часто сидя в тропическом буйстве растений, недалеко от нас мы видели падающий снег.

Но вернемся к нашему гранитному кратеру. Я не знаю, видела ли я что-нибудь более живописное или более напоми-

нающее пастушескую сценку, чем киргизы со своим скотом в этом месте. Овцы и козы всегда бродят вместе; действительно, первые никогда не ходят на пастбища без последних, у которых на шее всегда колокольчики. Слышать звон маленьких колокольчиков в тиши этих удивительных мест было потрясающе, а затем и наблюдать, как они взбираются по обрывам: козы далеко впереди своих спутников, которые стоят, глядя в тупом изумлении на своих лидеров и туда, куда те смогли добраться, и которые даже нас привели в изумление: они стремительно неслись, перепрыгивая с утеса на скалу и, казалось, подобно мухам, цеплялись за их поверхность. А выше над ними мы заметили около 50 газелей, стоящих вместе на вершине горы, они стояли полукругом, обращенным к нам, так как на горе было небольшое углубление. Эти грациозные создания смотрели на нас, как бы не замечая, и так, как если бы они знали, что им никто не сможет причинить вред там, где они находились. Они стояли абсолютно спокойно чуть более 10 минут, а затем исчезли, подобно молнии. Вскоре мы увидели, что испугнуло их. Почти в то же мгновение на то место, где они стояли, из зарослей кустарника выскочил огромный дикий баран с роскошными винтообразными рогами. Это был великолепный экземпляр крупного самца. Наши казаки были в состоянии сильного возбуждения, поскольку не могли достать его. Даже м-р Аткинсон не остался равнодушным. Но они знали, что пытаться было бы безумием: гора стояла практически отвесно.

Лепсы. После того, как мы покинули кратер, мы подошли к месту, откуда м-р Аткинсон захотел спуститься к Лепсы, которая виднелась внизу в ущелье. Спустились мы очень быстро, но, петляя вокруг небольших гранитных гор, часто возвращались на то же место, но уже далеко внизу. Между этими горами гранита мы обнаружили киргизов, пасущих овец и верблюдов. Было удивительно, как они добрались туда, где мы их увидели. Казалось, что добраться туда было невозможно. Как только мы спустились ниже, встретили карликовые кедры, которые пробивались сквозь гранит, а ниже — березы, осины и тополя. Потом мы с величайшим трудом нашли то место, где мы могли продолжить наш спуск, который оказался и крутым, и опасным. В предыдущем письме я описала (или пыталась) наш спуск к Катуню, так то была просто детская шалость по сравнению с тем, с чем мы столкнулись здесь. Иногда это было абсолютно невозможно, я не могу тебе описать так, чтобы ты имела хотя бы смутное представление о нашей дороге. Киргизы — самые смелые и бесстрашные наездники: сидя на лошади, они буквально являются частью животного. Наконец, мы

добрались до края ущелья. Прямо под нами виднелось озеро, цвет которого я назвала бы зеленым с медным отливом. Мы были так высоко над ним, что не могли ощутить даже самое слабое движение воды.

К нам подъехал киргиз и, видя, что мы собираемся сделать попытку спуска, сказал, что это абсолютно невозможно, но, заметив, что м-р Аткинсон решительно настроен попытаться, сказал нам, что мы можем добраться туда, поднимаясь к реке Лепсы. Это оказалось совсем несложно, поэтому мы повернули лошадей на старую дорогу и через 4 часа прибыли на Лепсы, самое плодородное и прекрасное место. Мы были удивлены, но очень рады найти там киргизов. Мы посоветовались с ними, и они все в один голос заявили, что было сплошным безумием добраться до озера с того места. В сентябре, когда все замерзнет в Актау, это было бы возможно, но в июне мы бы заблудились, пересекая и пересекая крутые склоны, которые бы нам встретились не менее 50 раз. Поэтому мы решили возвращаться к нашему старому пути, но прежде мой муж с одним из мужчин отправились взглянуть, насколько далеко была возможность подъе. Они нашли, что невозможно проехать более версты: скалы невероятной высоты стояли практически перпендикулярно, а у их основания редела и вспенивалась вода — других доказательств не требовалось.

Мы оставили свой багаж на попечение одного казака, а с собой взяли двух других, поскольку нам предстояло провести в пути ночь или более того. Теперь мы начали повторное восхождение на гору. Оно оказалось очень трудным для лошадей и верблюдов, но пейзажи были в высшей степени привлекательными, следуя один за другим. Казалось, что-то таинственное в том, как такое необычное место могло сформироваться. Мы проходили мимо огромных блоков гранита, нагроможденных в беспорядке, некоторые, казалось, вот-вот рухнут и раздавят все, что под ними, другие стояли, словно останки каких-то гигантских скульптур, и снова совсем другие, подобно руинам какого-то могущественного города. Было такое ощущение, как будто мы находились в волшебной стране.

Потери в горах. Наконец, мы добрались до вершины, на что у нас ушло в два раза больше времени, чем на спуск. Мы еще раз встретились с нашим старым другом Актау, возвышающимся над нами, с его белыми пиками, сверкающими подобно отполированному серебру. Здесь мы решили остановиться на ночь, так как начиналась страшная гроза, сопровождавшаяся дождем и градом, а утром, проснувшись, мы увидели, что все покрыто снегом глубиной 6 дюймов, как будто снова насту-

пила зима. И более того, пока мы завтракали, пришел казак и сказал, что только что немного ниже этого места один верблюд упал на скалы и разбился насмерть. Это событие задержало нас. Двигаться теперь было невозможно. Мы могли пройти к озеру, но попытка спуска была бы безумием. Мы немного заволновались, но это не меняло дела, но, что еще хуже, поднимающиеся облака заволокли все вокруг, скрывая от нас долину. Приблизительно в 12 часов они начали подниматься, подобно занавесу, сначала открывая полоску озера, и постепенно являл все горы и степь. Мы поторопились с обедом, чтобы снова двинуться в путь. Занятые едой мы услышали страшный шум, похожий на стон множества людей, выбежав из юрты, мы узнали причину волнения. Прибывший человек сообщил нам, что 8 лошадей сорвались с горы и разбились, три из них были жеребье кобылы. Было больно слышать про эти несчастные создания, которым никто не мог ничем помочь. Теперь мы решили дождаться утра, опасаясь столкнуться с таким же несчастьем, однако было неприятно оставаться пленниками на краю такой бездны.

Следующее утро было ясным и солнечным, вселяя в нас надежду на избавление от скалистого плена. Киргизы убедили нас, что наш багаж лучше разместить на быках — они безопаснее верблюдов при скользком спуске. Пока все были заняты нашими вещами, мы на лошадях проследовали на место, откуда в первый раз увидели медно-зеленое озеро. Нам пришлось немного подняться по крутым скалам, прежде чем мы начали спуск, а так как он был чрезвычайно скользким и нашим лошадям трудно было стоять, наше продвижение было медленным, но мы благополучно достигли вершины. Теперь мы начали спуск, но поняли, что это невозможно верхом на лошадях, поэтому мы слезли с них и предоставили их мужчинам, которые вели кожей вниз, мы следовали пешком, м-р Аткинсон нес Алатау, а казак помогал мне. Через пару часов мы прибыли на небольшое плато, где, к нашему удивлению, обнаружили юрты, стоящие в укромном месте, сверху их совершенно не было видно. Мы были просто поражены, увидев их. Так как все нас уверяли, что спуск невозможен, то мой муж не допускал ничего невозможного, пока сам не убедится в этом. Юрт было около 8, и мы, как обычно, были встречены лаем собак.

Сложности с киргизами. Это было самое великолепное место — совершенный маленький рай. Я была в полном восторге и, взяв ребенка, уселась на краю пропасти. Смотреть вниз было страшно. Голова, казалось, начинала кружиться, а сердце учащенно билось при виде ужасной глубины: там, где я сидела, об-

рыв практически отвесно уходил к озеру. М-р Аткинсон постоял какое-то время, созерцая этот величественный, но грубый скалистый пейзаж, затем положил рядом со мной свое ружье и пошел выбирать место для палатки, намереваясь разместить здесь нашу штаб-квартиру. Я продолжала внимательно рассматривать все вокруг, замерев в восторге от величия раскинувшегося передо мной зрелища, это было прекраснее всего, что я когда-либо прежде видела. Наконец, обернувшись посмотреть, где он так долго, я ужасно испугалась, увидев казака, окруженного несколькими мужчинами с палками в руках. М-р Аткинсон поспешил к нему на помощь, а другие люди тоже начали хватать палки, направляясь к ним, чтобы присоединиться к их компании. Затем я заметила женщин, потрясавших в гнев руками, и поторопилась к сцене конфликта. Ни звука из происходящего не доносилось до меня: я была слишком далеко, и, кроме того, весь шум тонул в рокоте водопада, который я не видела, но слышала. Никто из нашей партии не был вооружен: у них не было ничего, кроме плеток. Я раздумывала, что же лучше всего сделать (мое сердце бешено колотилось). Сначала я подумала опустить ребенка и побежать за ружьем, затем мне в голову пришло, что пока я вернусь, малыш скатится вниз. Если бы я взяла его с собой, а киргизы увидели бы меня первыми, они могли броситься вперед и схватить оружие, так как с занятыми руками я, неся ребенка и ружье, не имела шанса опередить противников, хотя, будья одна, я быстро справилась бы с этим. В этой дилемме я пришла к мысли, что будет безопаснее положиться на Провидение и сидеть совершенно спокойно.

Теперь я наблюдала, как люди угрожающе размахивали над собой палками, в то время как мой муж стоял лицом к лицу со своими противниками, медленно пятясь назад. Враги, в основном больше женщины, как демоны наступали на них. В этот момент другой наш казак, которого оставили с быками, высунувшись из-за груды камней и взглянув вниз, мгновенно понял, в какой критической ситуации мы оказались. Не колеблясь, он ринулся вниз. Как он не разбился в тот момент вдребезги, для меня остается загадкой. Все еще не замечая его, киргизы обступили казака и м-ра Аткинсона. Первый, я видела, боролся с лидером, а сзади за него цеплялась женщина. Наш казак был малым невысокого роста и не мог защитить голову от ударов женщины, поэтому, повернувшись, одной рукой он ударил ее, и, должно быть, удар был довольно сильным, так как она мгновенно рухнула вниз. Две ее спутницы оставили воюющих и понесли ее. Пока это происходило, двое мужчин схватили м-ра Аткинсона и попытались заломить назад его руки. Они

не знали, с каким сильным человеком имели дело, он быстро отшвырнул их и освободился. Теперь подросел другой казак, у него на плече висело ружье, принадлежавшее моему мужу. Он мгновенно схватил его и нацелил на противника, но, казалось, это не возымело никакого эффекта.

Тогда появился киргиз, который вел вниз лошадей, и, достигнув места, где стоял м-р Аткинсон, стал пятиться спиной по направлению к нему, и, прежде чем противники осознали, что он собирается делать, выхватил пистолет из кобуры, взвел курок и направил на них. Как только они увидели четыре дула, направленных на них, то сразу побросали свои жерди и сняли шапки в знак подчинения. Теперь, я полагала, мы были в безопасности и являлись хозяевами положения. Поэтому я вскочила и, взяв двустволку, пошла с ребенком на руках к месту конфликта.

Что это было за зрелище! Приблизившись, я услышала крики женщин, подойдя ближе, увидела на лицах некоторых из них кровь. Наш маленький казак был бледным и запыхавшимся от напряжения, на лице кровь, а одежда порвана, но оба, он и киргиз, держали жожака, который оказался хозяином аула — им удалось связать его ремнями. Я никогда не являлась свидетелем более отвратительного зрелища, человек был действительно взбешен. Я едва могла смотреть на него. Женщины принесли воды, но наши мужчины не разрешили им приблизиться. Теперь я узнала подробности столкновения.

Финал конфликта. Этот человек, очень скверный, как мы потом узнали, завладел этой местностью, решив, что ни русские, ни кто-либо еще не приблизится к нему, созвал своих людей, заставляя их убить нас и выбросить в озеро, тогда они завладеют нашими вещами и оружием, и никто не узнает, что стало с нами. Палки у них в руках были кольями юрты, которые он приказал выломать, чтобы выбить наши мозги.

Этот человек, чье поведение было ужасно, теперь стал раскаиваться и обещал не мешать нам. М-р Аткинсон дал указание развязать его, но казаки не хотели освободить его, считая, что он сумасшедший грабитель и еще сделает попытку покушения на наши жизни. Однако мой муж настаивал, ремни ослабили. Затем мы ушли в свою палатку, а этот человек с несколькими своими людьми подошел и сел на кучу камней на краю обрыва. После недолгого молчания он снова начал горячо разглагольствовать и громко говорить, показывая вниз в направлении озера. Вошел один из казаков и сказал, что тот продолжает стоять на своем и заставляет своих людей убить нас.

Я предложила скоро собраться и оставить это место как

можно быстрее. Мы пили чай, когда к моему удивлению, в нашу палатку вошел наш невоспитанный «хозяин» он уселся, я протянула ему чай, но он жестом отказался. За ним следом вошел наш казак. Он сказал, что они также предложили ему чай, но он отказался. «Хозяин» начал щупать руками и рассматривать все, что у нас было, ружья и пистолеты особенно привлекали его. К огромному моему удивлению, мой муж позволил ему рассмотреть их.

Магия театрального бинокля. После этого м-р Аткинсон начал готовить свои принадлежности для рисования, собираясь спуститься к озеру, и попросил двух человек из его аула сопровождать его, «хозяин» с готовностью согласился. Я настаивала, чтобы муж по крайней мере, взял одного казака, но никакие мои аргументы не могли заставить его поступить так. Он был тверд в своем решении должен идти, как решил, оставляя нашего киргиза в качестве охраны для меня и ребенка. Единственное, в чем он внял моим мольбам: по крайней мере, эти люди должны идти впереди него. Он так решил, и они тотчас же начали спуск, который оказался очень крутым. Я села на краю обрыва и наблюдала за ними до тех пор, пока могла различать их. Затем я прибегала к помощи театрального бинокля. Это увидел «хозяин» аула и начал делать мне знаки, которые я не поняла. Через некоторое время он приблизился ко мне, я поднялась, полная решимости показать, что не боюсь его, и стояла абсолютно спокойно, опустив руку в карман и сжимая в ней пистолет, но не вытаскивая его. Я не могла понять, что ему нужно, но я видела, как один из мужчин то заходил, то выходил из главной юрты, а затем подошла женщина и пыталась заставить меня вернуться. Я решительно отказалась, предполагая, что они хотят сделать нас своими пленниками или, по крайней мере, ребенка. Однако мужчина попросил бинокль, я отдала, и он вернулся на свой пост на скале и продолжил наблюдать за путешественниками, и вел себя, словно пораженный молнией. Затем он взглянул на них невооруженным глазом, а потом опять в бинокль: все это время выражение его лица постоянно менялось, видеть это было забавно. Затем он передал его своим спутникам, которые также посмотрели в него, и каждый изумлялся гораздо больше своего соседа. Наконец, он вернул мне его, много раз повторив: «якши» - хорошо.

Я взяла бинокль посмотреть, смогу ли разглядеть своего мужа, напрасно, ничего, кроме лошадей, которые казались не крупнее муравьев, и узнать где чья, было невозможно, но то, что я могла видеть не было неподвижным. Наконец, они спустились еще ниже, и я потеряла их из вида.

Посреди этого грандиозного горного пейзажа, кажется, я более отчетливо почувствовала присутствие и могущество Бога, а затем я поняла, что милосердный Всевышний, который создал все, что окружало меня, не забывал следить и охранять даже самых никудышных из своих творений, если они доверяли Ему. Какая забота была оказана нам в тот день! Нас было трое против более 20, считая женщин, и мое сердце переполняло чувство благодарности за наше спасение. Однако меня беспокоило то, что мужчины ушли со скалы и направились к своей юрте, а вскоре одна женщина, по-видимому, одна из жен хозяина, подошла ко мне. Я снова сжала свой пистолет, но это не был визит неприятеля, так как она принесла китайский шелковый платок и перламутровое украшение и подарила его моему сыну. Когда она ушла, я послала казака с красной шапочкой ребенка, которую я сшила в Капале, как подарок одному из детей. Предложи я слиток золота, он не доставил бы столько удовольствия, как эта шапочка. У Алатау сейчас есть фетровая, которую я достала у татар, определенно более удобная, но ничего подобного той маленькой шапочке, которую я сама сделала, у него больше не было.

Наш хозяин, ибо он действительно оказался им, зарезал овцу, и все после конфликта собирались устроить праздник. Уже наступили сумерки, когда мой муж вернулся и человек, намеревавшийся расправиться с нами, вышел вперед и пожал ему руки. «И снизошел на всех дух понимания». Теперь, когда он вошел в нашу юрту, и я предложила ему чашку чая, он принял ее и, казалось, не знал, что делать и как себя вести, чтобы казаться достаточно благожелательным. Но все это не помешало нам принять меры предосторожности на ночь, на случай, если будет совершено нападение. Я приготовилась, как могла, положила около себя последний кусок сальной свечи и спички. Ночью меня разбудил шум: я была уверена, что кто-то был в юрте. Я села и прислушалась, слышала, как взад и вперед ходит наша охрана, и подумала, что мне показалось. Но все же решила зажечь свет, но когда я стала искать свою свечу, ее не оказалось. Теперь я не на шутку испугалась — кто-то определенно здесь был. У меня оставался крошечный кусок стеарина в ящике, поэтому я встала и нашла его, затем легла, держа его в руках вместе со спичками, но ночь прошла без всяких происшествий, рассвело. Потом мы от души посмеялись, т.к. я поняла: это собаки продрали войлок, незаметно пробрались и утащили свечу.

На следующее утро м-р Аткинсон захотел еще раз спуститься к озеру и нарисовать его с другой точки. Наш хозяин настоятельно просил нас остаться дольше, но мы отказались.

Медно-зеленое озеро. Мы не могли установить причину особого цвета воды. Озеро было около трех четвертей версты в ширину и двух-двух с половиной в длину. Киргизы говорили, что оно такой же глубины, как высота горы, но мы не могли поверить, хотя очевидно, что глубина была огромной. Они называли его «Ясель-куль», что в переводе означало «молодое озеро». Возможно озеро появилось не очень давно в результате землетрясения: об этом свидетельствовали беспорядочные нагромождения наваленных повсюду камней.

Когда мы покидали это место, наш хозяин решил сопровождать нас, т.к. мы приняли решение изменить путь и не возвращаться на место, откуда ушли. Как раз в тот момент, когда начался закат, мы достигли прекрасного места на гранитной горе, где маленькая речушка бежала меж берегов, поросших травой, кое-где теряясь под огромными блоками упавших скал.

Только на седьмой день, после того, как мы отправили нашего казака на Лепсы, мы, наконец, вернулись к нему. Он был невероятно рад видеть нас, он уже начал беспокоиться за нашу безопасность, представляя себе, что мы заблудились в лабиринтах гор. Той ночью, я уверена, наши мужчины не сомкнули глаз, так они были заняты обсуждением событий последних дней.

Теперь мы готовились спуститься в степь, посетить старую калмыцкую крепость, расположенную на Лепсы. По дороге вдоль берегов этой реки мы встречали стоянки киргизов: они постепенно возвращались с гор. Среди них было много старых знакомых, следовали многочисленные приглашения остановиться и устроить праздник, но после обычных приветствий мы вынуждены были продолжать наш путь. Там же мы встретили одного старого друга, которого часто видели в Капале — султана Булания, одного из главных людей в степи, нам пришлось остановиться и выпить с ним чаю. Он сказал, что нам следует знать, что в это время года, а было 2-го июля, находиться в степи очень опасно, но мы приняли решение ехать.

Я была очарована поездкой по долине Лепсы. Эта река имеет несколько рукавов, мы находились на самом восточном: это было прекрасное лесистое место, а река так спокойно текла, извиваясь и придавая нежное очарование пейзажу, необычному и восхитительному. Мы назвали ее Долиной счастья. Глядя на горы, мы видели, как Актау возносит свои белые гребни в чистое голубое небо, представляя картину и зимы, и лета, ибо долина, где мы находились, представляла собой сплошной ковер цветов.

Невыносимая жара в степи. Наш спуск вниз на равнину временами был довольно крутым и сложным. С каждым шагом жара становилась все невыносимее, и, кроме того, мириады mosкитов безжалостно кусали нас, и там, где мы останавливались, нам приходилось наполнять юрту дымом, чтобы выкуривать врага. По мере продвижения нам удавалось мельком увидеть местность внизу, она напоминала море желтого песка с зелеными полосами вдоль берегов реки, которая, как мы видели, вилась до тех пор, пока не терялась за горизонтом.

Когда мы вошли в одну из лощин, было такое ощущение, что мы оказались в духовке, жаркий поток воздуха, пахнувший на нас, был ужасен, но по достижении равнины он стал еще хуже: солнце и жар отражались от раскаленных камней, просто поджаривая нас. Температура колебалась от 55° до 60° по Реомюору. Пока муж устанавливал юрту, его ружье лежало на песке, но когда он взял его, оно обожгло руку и в течение нескольких дней на ней оставался волдырь.

Войдя в юрту, я подумала, что задохнусь, но в дополнение к нашему дискомфорту, пришлось зажечь еще и огонь, чтобы избавиться от mosкитов. К счастью, мы догадались полить песок водой, это немного освежило воздух.

Бедный Алатау, весь искусанный, был в плачевном состоянии. Никто не смог бы его узнать. Сама я была ненамного лучше. Я положила абсолютно голого беднягу на постель и накрыла куском муслина, который разместила на подпорках, чтобы он не касался тела, но все равно этим тварям удалось добраться до него, а сидеть и следить за ним все время было невозможно.

Вскоре м-р Аткинсон завершил все, что ему нужно было здесь, и утром третьего дня мы начали возвращаться в горы. Было где-то 2 или 3 часа, когда мы проснулись. Я встала и пошла окунуться в Лепсы, хотя было темно, и шел дождь. Стоя на берегу и глядя на степь, я увидела рассвет — самое прекрасное зрелище. Впервые в жизни я видела рассвет над степью. На мгновение я подумала, что это пожар, и розовые тона были вызваны пламенем, постепенно окрашивающим все вокруг, но вскоре мое заблуждение исчезло. Я бы охотно села, чтобы наблюдать зарождающийся день, но нельзя было терять время, так как мы должны были отправиться в путь, пока не встало солнце; путешествовать по такой жаре было совершенно невозможно.

Когда мы отправлялись рано, я всегда давала Алатау возможность спать до тех пор, пока мужчины не были готовы разобрать юрту. Тогда я поднимала маленького соню, чтобы

искупать, одеть и накормить. Его туалет вскоре был завершен, так как он состоял из ничего, кроме одного свободного платья, которое я сшила из бухарской ткани. Он носил его с пояском. У него на ногах никогда не было обуви или носков, пока мы не вернулись сюда (в Барнаул), и даже сейчас мне очень трудно заставить его носить их. Я часто нахожу их на моем столе. Он снимает их и бегаёт босиком, но это принято у русских детей, и они считаются очень здоровыми. Они бегают по саду и по траве босыми, и не только дети, но и взрослые люди поступают также, и, могу сказать тебе, с удовольствием, особенно по песку.

Приглашение на обед. Однажды мы начали представлять себе, как бы мы возвращались в цивилизованное общество. Мы были уже в пути, когда пришел киргиз, который сказал, что с трудом нашел нас, и что у него для нас письмо. Читая его я поняла, что это приглашение на обед и выразилось следующим образом: «Если мистер и мадам были бы столь любезны отобедать со мной сегодня в первом часу, я попросил бы их принести пару серебряных ложек и пару вилок, и ничего больше не нужно».

Глава VIII

Русская любезность — Роскошный обед — Больной ребенок — Казачья страсть — Скучная еда — Алаколь — Невыносимая жара — Траур у киргизов — Странный обычай — Любовный шар — Огромные аппетиты — Сцена благородства — Последствия ветра — Дар марала — Невероятная преданность животного — Потеря любимца — Китайская штрафная колония — Визит и преследование злоумышленников — Возвращение к отдыху — Ужасный шторм — Прекрасная картина — Груды камней — Данные о вулканах — Захоронения киргизов — Коварный климат — Большой черный орел — Бесконечные грозы — Возвращение на старые квартиры — Подозрительные посетители — Захватывающая погоня — Отъявленные негодяи — Бурная речка — Дикие лошади — Испуганный конь — Поздравления — Привал — Истерзанный москитам — Китайский пикет — Национальный костюм — Вежливый приём — Поспешный приезд и отъезд — Интервью с чиновниками — Любовь к детям — Неудовлетворенное желание — Китайский переводчик — Приглашение на обед — Алатау, осыпанный поцелуями — Расставание — Почетный караул — Систематические приготовления — Освежающая баня — Глубокая учтивость — Забавный инцидент — Пустые закрома — Успешные поиски яблок — Приспособление для стирки — Чаепитие в степи — Наряд неве-

сты и гости со стороны невесты — Взаимное удовольствие — Чаепитие женщин — Разочарованные «венцы творения» — Разница в возрасте в семейных парах — Наказание и забота жены — Дочь — Бексултан — Изящная амазонка — Опустошения, причиненные волками — Расставание с нашими казаками — Змеиногорск — Наша изменившаяся внешность — Манеры и обычаи — Гадание — Щедрый фармацевт — Необычный случай — Чудесное избавление — Рука провидения — Заполнение времени — Приближение рождества — Почти задохнувшиеся.

8-го июля 1849 г.

Гостеприимство купца. Была отличная идея не отказываться. Пелонка был русским купцом, с которым мы познакомились в Капале и встречались в горах. Он услышал про нас и отправил своего человека найти нас и привести к нему в аул, расположенный около реки Тинтерек («дикий», или «неукротенный»). Наш друг выбрал восхитительное место и приготовил для нас прелестную маленькую, изящно убранную юрточку. Войлок вокруг юрты был поднят, так что легкое дуновение ветра проходило через нее. Его жена (он был женат на киргизке) и дети вскоре пришли к нам и устроили нам чай, несомненно, самый вкусный, который мы когда-либо пробовали, затем они принесли мне подушки, на которые я могла прилечь отдохнуть до обеда, что я с удовольствием сделала, ибо стояла невыносимая жара.

В назначенный час обед был готов, и он был великолепен. Было чисто и аккуратно, и они старались сделать все возможное, чтобы мы чувствовали себя уютно. Здесь мы заполучили кучу информации относительно различных маршрутов. Перед уходом наш хозяин подарил Алатау крошечную чашечку. Раньше он уже присылал нам одну немного поменьше с запиской «для новорожденного», которую, к сожалению, должна сказать, я потеряла.

Стало прохладно, мы стали собираться, и я пошла в юрту Пелонки попрощаться с его женой. Мы немного посидели, и она повела меня в уголок, отделенный занавеской, где находился ее единственный сын. На него нельзя было смотреть без сожаления. Ребенку было около 8 или 10 лет. Он был болен золотухой, которая, как мне говорили, поражала здесь многих, его голова была распухшей до невероятных размеров и находилась в ужасном состоянии. Вошел отец, мы поговорили о бедном ребенке, и он сказал, если бы мы только смогли вылечить беднягу, он бы отдал нам половину своего стада. Я была рада уйти — было тяжело смотреть на больного ребенка, он уже 2

года находился в таком состоянии. Сначала, когда заболел, он играл как обычно, но под конец потерял интерес ко всему.

Один из наших казаков, которого я называла Колумбом, был малым пытливого ума. Когда мы располагались на ночь, и пока иногда м-р Аткинсон рисовал, он подходил и садился на корточки рядом со мной поболтать. Первым задавался неизменный вопрос: «Вы когда-нибудь видели императора?» Затем ему было любопытно узнать что-нибудь об Англии и нашей армии. География завораживала его, а после того, как я показала ему на карте разные страны, он попросил меня разрешить ему показать их своим друзьям. Из вопроса, который он задал мне, когда вернулся, было видно, что они говорили об этом. Однажды он сказал: «Надеюсь, я не беспокою вас, задавая так много вопросов». Я сказала, что очень рада ответить на любой, на который смогу. «А, - сказал он, - вы очень отличаетесь о наших дворян; когда бы мы не задавали им вопросы, они всегда намерены обмануть нас своими ответами, поэтому мы никогда теперь не спрашиваем, если хотим что-то знать. Я так вам обязан за все, чему вы меня научили; через два года я поеду домой, и я теперь так много знаю, будет что им рассказать».

Неприятным ударом для нас оказалось известие о том, что наши сухари закончились. У нас не осталось ничего, кроме крошек от высушенного хлеба, и еще у нас было немного соли, но мы считали ее роскошью. Я ела свою порцию крошек сухой, но м-р Аткинсон поливал ее кипящей водой, делая из них своего рода кашу, которая, по-моему, была просто отвратительной. Теперь мы были рады, что нашли яблоки, хотя они еще не поспели и были ужасно кислыми. У нас не было сахара, с которым могли бы их есть. Я их варила и ела, как картошку. Затем нам встретился ревень, который я тушила и ела. Я была рада всему, что могло заменить овощи. К сожалению, этим летом мы прозевали все фрукты: там, где они росли, мы оказывались либо слишком рано, либо слишком поздно, таким образом, каждый раз, когда мы оказывались в таких местах, у нас не было ничего, кроме сожаления,

Затем мы направились к Алаколю. Чем ниже мы спускались, тем нестерпимее становилась жара, мы, буквально, сварились. Даже моего суконного платья (я не носила нижних юбок) было слишком много для меня. Киргизы усвоили совсем другую моду: чем жарче становилось, тем больше одежды они одевали, и во время самой страшной жары они носили шубы из конских шкур. Я спросила, было ли им холодно, они отвечали, что носили их, чтобы не впускать жару. Я уверена, что они, вероятно, правы, так нещадно жарило солнце. Руки м-ра Ат-

кинсона были в ужасном состоянии, тыльная сторона их была покрыта волдырями. Рисовать в перчатках было невозможно. Когда мы снимали шляпы, казалось, что на нас одеты маски, не совсем черные, но приятного цвета красного дерева. С ребенком было то же самое.

Плакальщицы. Однажды вечером на закате мы добрались до киргизского аула, где услышали рыдания женщин, но мы были так заняты собой, что не обратили никакого внимания на них, а позже я совершенно забыла об этом. На следующее утро мы собирались уже сесть на лошадей, когда я услышала те же звуки, только более протяжные. Я прислушалась, так как была уверена, что они исходят из скорбящих сердец. Я слышала от одного из наших людей, что юрта, откуда исходили эти звуки, была в трауре, и женщины заунывно произносили молитвы по умершему. Я спросила, не будет ли бестактно с моей стороны, если я войду, мне ответили, что в этом нет ничего неприличного.

Я нашла двух женщин, жен умершего, стоявших на коленях перед грудой вещей, седел и прочего, находившихся по одну сторону юрты. Они раскачивались из стороны в сторону и одновременно нараспев что-то произносили, очевидно, в стихотворной форме, и в конце каждого стиха, в тот момент, когда они на мгновение замолкали, со звуком «ак» их тела еще сильнее склонялись вперед. Этот звук лучше сравнить с глубоким вздохом. Они прекрасно держались. Песнопения были чрезвычайно мелодичны и выражали такую печаль, что слезы потекли из моих глаз. Мне стало так грустно, что мой муж не позволил мне больше здесь оставаться.

Их муж умер несколько месяцев назад, но женщины обычно возносили молитвы на рассвете и на закате в течение всего года. Пока мы были там, многие входили, но плакальщицы не обращали на них внимания. Маленький ребенок около 3-4-х лет начал плакать и ужасно капризничать, затем он подбежал к одной из них, она схватила ребенка и шлепком заставила его опуститься на пол, при этом ни на секунду не отрывая своего взгляда и не прекращая раскачиваться. Ребенок хотел есть, но она посадила его рядом с собой. Ты бы удивилась, увидев мальчиков 10-11 лет, сосущих своих матерей. Когда я увидела это, то была удивлена, но никогда не видела, чтобы этим занимались девочки.

Когда мы покинули юрту скорбящих, я увидела длинный шест, на верхушке которого был привязан кусок черного шелка — своего рода флаг. Он всегда является показателем того, что здесь кто-то умер, красная ткань извещает о смерти султана.

Мы встречали несколько таких шестов в разных местах, их размещали там, где султан выбирал для себя место, к которому он имел в виду вернуться, как только спустится с гор, и ни один простой смертный не смеет вторгнуться на выбранное место.

Опасное покровительство. Я видела странный обычай у этих людей, который заключался в том, что султан мог положить в рот своего любимого приближенного куски мяса, которые тот получал стоя, сложив руки за спиной. Эти куски иногда бывают такими большими, что человек, казалось, может умереть. Выронить мясо изо рта или коснуться его руками было актом величайшей неучтивости, и фаворит скорее подавится, чем окажется неучтивым. Я видела, как один человек получил то, что я назвала любовным шаром, поскольку мясо было сформировано в виде шара. Было непостижимо, как рот мог растягиваться до таких размеров, я была уверена, что бедняга испустит дух, но этого не произошло.

Они — особая раса людей: способны, будучи в состоянии оставаться два-три дня без пищи, затем поглотить огромное количество еды. Мне рассказывали, что один человек может съесть овцу за один раз. Расспрашивая об этом самих киргизов, я получила предложение одного из них продемонстрировать подобное зрелище, если я заплачу за него, но я отказалась быть очевидцем такого отвратительного искусства.

Должна рассказать тебе о горных перевалах, с которых мы спускались по дороге на Алаколь, это было потрясающе красиво. На ужасной глубине под нами мы могли видеть равнину. Дорога вниз была обрывистой и трудной, и, более того, бушевала буря с дождем и ветром. Сначала мы натолкнулись на небольшой горный поток, который терялся из виду под упавшими валунами, затем он снова появлялся, пробегая между невысокими деревьями, в то время как темно-серые стороны ущелья поднимались грозной наводящей ужас массой огромной высоты, как будто теряясь в небе, которое едва было видно где-то над головой. Его можно было назвать Долиной смерти, такое мрачное впечатление оно производило. Погода дополняла это чувство.

На полпути вниз ущелье обрывалось и преграждалось маленьким озером. Добравшись до его верхней части, мы взглянули в бездну, простиравшуюся далеко внизу. В этот момент над ущельем пронесся такой неистовый порыв ветра, что мы испугались, что нас сдует вниз. Все быстро слезли с лошадей и припали к земле, прячась за лошадей, которые, бедные животные, еле удерживались на ногах. Я часто видела, что может творить ветер, но никогда прежде не испытывала на себе силы

ветра такой мощности. Если бы меня не держали наши люди за платье, меня бы, несомненно, унесло. Во мне было не больше силы, чем у листа, который несет ветром. Мы посчитали невозможным дальнейший спуск к подножью ущелья, оно стало слишком узким и перекрывалось упавшими камнями, поэтому нам пришлось свернуть в сторону горы и ехать вдоль горного хребта — это было чрезвычайно трудно. Спуск занял у нас в общей сложности пять часов, тогда как, будучи наверху, я воображала, что нам хватит всего лишь часа.

Снова мы были в степи, продвигаясь по ней вдоль гор. Я изнывала от невыносимой жары. Достаточно сказать, что временами я думала, что бедные лошади не выдержат. Несчастные собаки начинали выть. Это было ужасно, а от раскаленного песка, по которому мы шли, жара еще больше усиливалась.

Любимый марал. Должна рассказать тебе про нашего марала. Его подарили нам в Баскане. Его поймали молодым, и он, таким образом, был совершенно ручным. Временами я оставляла его у разных племен, с которыми мы встречались, и забирала по возвращении из наших прогулок, иногда он трусил рядом с нами, а иногда его ножки уставали, тогда кто-нибудь сажал его перед собой. Это было нежное создание с прекрасными выразительными глазами. Я была очень привязана к нему, и, более того, его любовь к ребенку была просто поразительной. Я заметила, если м-р Аткинсон вечерами, когда мы располагались на отдых, брал Алатау на руки, пока я занималась домашними делами, Баскан (так мы его называли) всегда следовал за ним. Я говорила об отдельном случае, но мысль, что животное питало нежные чувства к ребенку, приписывалась моему живому воображению: итак, спустив ребенка с рук, м-р Аткинсон сказал: «Теперь смотри, Баскан пойдет за мной», но тот даже не пошевелился и продолжал лежать возле мальчика. Отец снова взял ребенка на руки. Только тогда животное последовало за ним. Это повторялось много раз, пока, наконец, мой муж не сдался.

Что мне не нравилось, так это то, что Баскан не снисходил оставаться в юрте с мужчинами, всегда предпочитая наше общество. Однажды вечером м-р Аткинсон пошел прогуляться в одиночестве, я, намереваясь кое-что пошить и постирать для ребенка, не сопровождала его, а села около юрты, не давая Баскану войти (мальчик спал). Он ужасно мне мешал, заставляя вскакивать каждые несколько минут. Поэтому я достала веревку и привязала ее зигзагом поперек двери настолько высоко, насколько могла дотянуться. Это возымело эффект, и он остановился. Тогда он начал ходить кругами, каждый раз, когда про-

бегал около двери, он как бы проверял свою скорость и бросал долгий взгляд на нее, но мое сердце было непреклонным. Но в один из таких кругов я была удивлена, он подпрыгнул и снял веревку. Я подскочила и бросилась в юрту, выгнать его, когда увидела зрелище, приковавшее мое внимание. Животное быстро подбежало к ребенку и грациозно легло рядом с ним, положив подбородок на постель рядом с лицом своего друга. Мое сердце не позволило бы мне прикоснуться к нему, казалось, он охранял ребенка, как будто хотел защитить его, поэтому я оставила его в покое, одно невинное существо рядом с другим невинным существом. После этого случая Баскан пользовался привилегией — входил и выходил, когда хотел — но, увы, бедный Баскан, его судьба была печальной.

Жара в степи, а его приходилось брать на большие расстояния, потому мы решили, что будет благоразумней поместить его на один из верблюжьих тюков. Я все время следила за тем, чтобы с ним все было в порядке, но в очередной раз, подойдя к верблюду, я увидела, что головка баспана свесилась вниз, а язык высунулся изо рта. Я закричала, чтобы его сняли, послала за водой из горного ручейка, который мы проехали в версте отсюда. Но пока ее принесли, я увидела, что его прекрасные выразительные глаза стали безжизненными, а затем их заволочло дымкой. Настолько это подействовало на меня, что около следующей речушки я была вынуждена просить остановиться, и беднягу похоронили. Я искренне оплакивала его и очень горевала.

Мы не знали, что послужило причиной его смерти — то ли жара была слишком невыносимой, то ли он запутался в веревке, или езда на верблюде была неприятным обстоятельством для него. Я и сама не смогла бы выдержать езды верхом на этих животных, движение на них похоже на движение маятника на часах и крайне неприятно. Не было никого, кто бы не сожалел о бедном Баскане, это было такое деликатное и безвредное создание, что все к нему очень привязались.

Ночная тревога. Мы установили юрту напротив Алаколя, у подножья горы, в часе с небольшим езды от озера. На всю ночь была выставлена охрана, так как мы находились в неприятной местности недалеко от места, где поселились заключенные, сбежавшие из китайской штрафной колонии. Так как у наших людей не было палатки, а ночь была с грозой, я предложила поместить их оружие в нашем жилище, чтобы оно не промокло, что и было сделано. В полночь я была разбужена звуком шагов в нашем жилище. Слегка испугавшись, я потихоньку разбудила мужа и прошептала ему на ухо об этом. Это услышал вошед-

ший Колумб. Он сказал, чтобы мы не беспокоились. Я спросила чего он хочет, он ответил: «Наше оружие, здесь люди». Все было понятно, поэтому мы быстро поднялись. Я всегда ночью держу под рукой все, что может понадобиться в любой момент. Муж, взяв пистолеты и ружье, сказал мне, чтобы я не вставала, а тихо лежала, но это было не в моем характере. Если бы нас пытались захватить в плен, я хотела бы видеть, как бы им это удалось, поэтому надела халат и тапочки и вышла с одним пистолетом в руке, т.к. другой был у меня ранее украден. Там оказалось около 6-8 человек. Они подошли на расстояние 50 ярдов от юрты, но, увидев стражу, отступили через маленькую горную долину и скрылись в тени небольшой горы. Наши казаки, киргизы и м-р Аткинсон верхом на лошадях поехали за ними, но те скрылись. Мы видели, что в этом месте было много путей для отступления и даже совсем рядом с нами. Перед нами простиралась обширная равнина, она была плоская, как ладонь, но когда мы проехали по ней немного, обнаружили холмистые участки, разделенные глубокими лощинами, где и человек, и лошадь могли скрыться из виду. Несомненно, эти люди намеревались украсть наших лошадей, если бы им это удалось, мы бы стали легкой добычей, так как без них невозможно было бы подняться из глубокой лощины, а палящее солнце и раскаленный песок в степи вскоре бы убили нас, не говоря уже о жажде. Спустя пару часов после непрошеного визита, мы снова отправились отдыхать, отдав приказ позвать нас, если что-то произойдет.

Закат на Алаколе. Глядя на Алаколь с равнины, можно подумать, что он гораздо меньше, чем прежде: совершенно очевидно, что когда-то озеро находилось ближе к горам. Мне кажется, что вся степь когда-то находилась под водой, во многих местах мы находили гранитные голыши, гальку, и было невозможно не задать себе вопрос «как они оказались здесь?», кроме того, они были не маленькие. Я говорю о тех местах, которые находятся далеко от озер и гор.

Была сильная буря, и ветер, пронесившийся над озером, сбивал волны в белую пену, но к вечеру все успокоилось и прояснилось. Мы сидели и наблюдали, как ночь своими покровами окутывает все вокруг нас. Как только солнце село, оно отбросило свои последние лучи на низкие гладкие песчаные берега озера, слегка окрашивая в золотые тона противоположный берег. Холмы и горы красиво оттенялись на фоне неба, в то время как на нашей стороне все покрывалось серой дымкой. Это была прекрасная картина, мы, не шелохнувшись, сидели, пока все не исчезло из виду, уже сверкали звезды на темно-

синем небосводе, когда мы поднялись с наших мест. В такие ночи, как эта, появляется такое чувство, будто ты живешь в стране духов, вокруг все тихо и безмятежно, ни единого звука, ни шороха. Иногда охватывает чувство грусти, когда подумаешь, что однажды мы должны снова вернуться в деловой мир со всеми его церемониями, заботами и проблемами, и почти возникает желание быть киргизом, странствующим среди этой красоты природы, но тогда приходит мысль, что это была бы пустая жизнь.

Около озера мы обнаружили галечную балку глубиной около 20-25 футов. На дне этой балки был прекрасный берег, покрытый галькой, она была и крупной, и мелкой, видимо, намыта из озера. Около версты на восток мы увидели темную массу, выступающую из воды. Подъехав к ней, мы обнаружили, что это кусок скалы, состоящий из такого же материала, что и галька. М-р Аткинсон ударил по ней молотком, но тот отскочил, как мячик. Риф из гальки уходил глубоко в озеро под воду, которая была такой чистой, что все можно было видеть на огромной глубине. Попробовав воду, мы нашли ее соленой и горькой.

На озере возвышался остров, но он был так далеко, что разглядеть можно было только груды камней. Зимой киргизы туда добираются по льду. Они говорили, что в качестве пастбища он хорош только в течение одного месяца. Летом туда добраться невозможно, так как у них нет лодок, а замерзает озеро в октябре. Снег выпадает очень глубокий, очень часто бывают бураны, которые приносят страшные бедствия.

Барон Гумбольд рассказывал м-ру Аткинсону, что в этом озере находился вулкан и, как подтверждение этой теории, мы обнаружили рядом с берегом то, что могло являться лавой. Мы привезли такой кусочек в Барнаул, где был произведен анализ, но нам сказали, что это не лава. Далее я не претендую на то, что смогу в точности описать эту местность. Все, что могу сказать, само по себе место было прекрасно. Два озера — поменьше, и большой Алаколь. Остров находился на большом. На побережье было много киргизских могил, все из обоженных на солнце кирпичей, за исключением могилы султана, которая была из дерева.

Частые грозы. Как это не покажется странным, но в течение одного дня утром пребываешь в тропической жаре, когда даже одежда невыносима, а перед наступлением ночи оказываешься заваленным снегом, ломая лед, чтобы достать воды. Это послужило причиной ухода с Алаколя. Я стала бы повторяться, если бы начала рассказывать тебе что-либо об этом ве-

личественном и прекрасном ущелье, по которому мы поднимались, на одном из горных перевалов нашему взору открылся удивительно прекрасный вид — озеро, простиравшееся далеко в степи. Мы слезли с лошадей и по узенькой зигзагообразной тропинке пробрались к гребню горы, которая почти отвесно уходила вниз в степь. Высота была такой ужасной, что взглянуть вниз можно было, только имея хорошую голову.

Здесь мы уселись посмотреть, как над озером поднимается туман, который постепенно сгущался, как только достигал более холодной зоны, затем его несло над горами, где он становился черным, потом мы услышали раскаты грома и увидели, что пошел сильный дождь. Все это для меня было любопытным зрелищем, ничего подобного я прежде не наблюдала. Когда туман только начал спускаться, он был не больше ладони.

На вершине этого горного перевала м-р Аткинсон, к восторгу киргизов, застрелил большого черного орла. Я всегда ужасно боялась этих птиц, пребывая в постоянном страхе, что они могут унести Алатау. Они часто уносили ягнят, и у меня не было ни малейшего желания, чтобы Алатау посетил одно из их гнезд и стал пищей для их детенышей.

В горах, недалеко от озера, ни один день не проходил без грозы, иногда двух. Эта несовместимость стихий величественное зрелище, особенно, когда оно происходит в одном из ущелий. Гроза в сочетании с ревом воды, кажется, сотрясает скалы, потом уплывают облака, и солнце протягивает свои лучи, создавая потрясающе красивый эффект.

Инцидент с мародерами. 26 июля мы вернулись к своему старому месту на озере. Утром мы вышли, поднявшись в ранний час, чтобы до восхода солнца быть уже в пути, но наши надежды не оправдались. Всю ночь собаки были беспокойны. Мы много раз вставали, но ничего не заметили, но как раз на рассвете, в тот момент, когда мы были готовы отправиться в путь, Фальстаф (так мы звали одного казака) указал на нескольких человек, которые, крадучись, проходили невдалеке. М-р Аткинсон приказал двум казакам и киргизу поехать по направлению к ним. Он тоже сел на лошадь, чтобы отправиться за ними, оставляя со мной Колумба, но я умоляла его не оставлять нас, зная, что он был лучшим стрелком, чем три казака вместе взятые. Как только те люди заметили, что наши сели на лошадей, они быстро помчались к верхней части озера; их было четверо. Наши люди преследовали их с дикой скоростью.

Погоня была просто увлекательной. На расстоянии полных 20 верст мы могли видеть их, и только тогда, когда им приходилось пересекать неширокие ручьи, они исчезали на несколько

минут. Обе группы, казалось, направлялись к одному и тому же месту, т.е. к верхней части озера, одна, чтобы добраться до нее, другая — отрезать ей путь. Наконец, они стали совсем маленькими на расстоянии, что даже через бинокль мы не могли их отличить друг от друга.

Мы с волнением ожидали развязки. Вдруг мы увидели 4 человек, подкрадывающихся незаметно со стороны ручья, но заметив, что мы наблюдаем за ними, они пригнулись и вскоре ускакали по направлению к реке Арашта в сторону китайской границы. Это могла быть уловка, чтобы отвлечь нас от юрты и внезапно налететь чтобы унести все. Если они на это рассчитывали, у них ничего не получилось.

Через пару часов наблюдения мы увидели нечто, двигавшееся с верхней части озера по равнине в нашу сторону. Мы совсем разволновались, увидев, что еще кто-то присоединился к группе. Наконец, когда они подошли достаточно близко, чтобы их можно было разглядеть, мы увидели, что они вели верблюда, а Георгий нес в руках длинное копье. От них мы узнали, что они догнали тех людей, когда те вынуждены были сбавить скорость, чтобы дать коням отдохнуть и защитить спутника, пока он снимал седло, чтобы облегчить ношу лошади; он делал это, не сходя с лошади. Пока он был занят, двое других подъехали к казакам, с целью наброситься на них. Один пытался пронзить копьем Георгия, но промахнулся, и прежде чем он смог нанести второй удар, Георгий внезапно крутанул лошадь и выхватил у него копье. Того охватила бешенная ярость, когда у него выхватили копье. Он сказал: «Мы шли по вашим следам последние 15 дней, и вы не уйдете от нас, мы все равно вас возьмем».

После небольшой стычки они уехали. Наши люди перезарядили пистолеты и преследовали их какое-то время, но затем решили, что благоразумней будет вернуться. Возвращаясь, они обнаружили верблюда, привязанного около ручья, и привели его с собой. В следующем ауле у нас потребовали верблюда; его украли за ночь до этого вместе с другими и более двадцати их лучшими лошадьми. Это племя предупредило нас о темных личностях, с которыми, мы были уверены, встретились, но мы больше никого из них не видели.

Я не рассказала тебе о множестве быстрых горных речушек, через которые нам приходилось переходить, иногда всем вместе, поддерживая друг друга. Киргиз всегда располагал меня в центре, ухватив за платье, таким образом заботясь обо мне. Некоторые потоки были очень широкими и глубокими. В таких случаях я всегда уходила за тростник или камни, раздевалась, надевала свой банный халат с поясом на талии, связав свою

одежду, обувь и все остальное в узел, садилась на лошадь и, крепко держась за нее ногами, лошадь была без седла, я пускала ее вплавь, а киргиз галантно держал мой узел, пока я снова не пряталась, чтобы переодеться. Подобные вещи нам приходится делать во время путешествия. Поначалу я чувствовала, не скажу робость, но мое сердце билось сильнее, сейчас я ничего не думаю об этом, я сильно изменилась с тех пор, как покинула Петербург.

Невольный галоп. Теперь я должна рассказать тебе о диких лошадях, только что пойманных из табуна, которых мы должны были оседлать. Некоторые из них, возможно, никогда прежде не знали седла. Однажды я была по настоящему напугана, я села в седло вместе в Алатау, когда моя лошадь начала шарахаться в стороны, к счастью, я быстро ее успокоила. Но в другой раз во время бури я набросила на себя накидку, и лошадь отскочила; а так как Колумб стоял рядом, я попросила его взять накидку и свернуть ее, поскольку моя лошадь была довольно дикой. Его лошадь повела себя также, ему было трудно приблизиться ко мне, вдруг накидка упала с моих плеч. Увидев это, моя лошадь шарахнулась в сторону. Теперь Колумб, пытаясь подъехать к ней, сделал еще хуже, затем он помчался за ней во весь опор. Никакие усилия с моей стороны не могли остановить ее, поэтому вцепившись в нее, как пиявка, я терпеливо ждала, пока она сама успокоится, или ее поймают так как казак неся за мной. Тогда к погоне присоединился киргиз и начал громко кричать и вопить во весь голос, привлекая ее внимание, это усугубило дело — животное рвануло еще быстрее.

Наконец, Колумб остановился. Теперь я поняла, зачем человек так кричал. Когда моя лошадь больше не слышала за собой погони, она постепенно замедлила ход и потихоньку перешла на шаг. Я боялась повернуть ее, пока она не успокоится, поэтому оглянулась вокруг и увидела вдалеке киргиза, направлявшего верхом ко мне, и Колумба, спокойно стоящего. Наконец, он подъехал ближе и схватил поводья. В этот момент я подумала, что лошадь сбросит меня, но он погладил ее и, казалось, успокоил. Затем он похлопал меня по спине и дал понять, как он гордится мной. Затем он показал мне, что сделала бы киргизская женщина в аналогичной ситуации. Первое, он начал пронзительно кричать, снова чуть не испугав мою лошадь, и завершил падением с лошади. Затем взобрался на нее и еще раз похлопал меня с явным восторгом.

Нам пришлось проехать несколько миль назад. Мне было досадно, что по вине моего животного мне пришлось проскакать так далеко без всякой на то причины. Добравшись до сво-

ей партии, я получила много поздравлений за свое безопасное возвращение и смелость. Поистине уверена, что если бы мы оставались в степи дольше, на женщину не смотрели бы как на презренное существо, каким ее считали здесь, ибо мужчины начали замечать меня, хотя прежде до этого не снисходили.

Так как мы пересекали степь между двумя озерами, придерживаясь побережья маленького, мы заметили, что солнце быстро садится, и, находясь далеко от берега, послали человека к озеру, а узнав, что вода пресная, мы сделали привал. Вскоре наша палатка была готова, причем подальше от камышей. Песок был прекрасен — белый и чистый, а вокруг торжественная тишина. Но, подобно скаковой лошади, наступила ночь, а затем мы услышали в камышах отвратительный звук. Это были наши старые мучители-москиты, заводившие свою музыку. Я быстро вползла в постель, надеясь, что они, может быть, не найдут нас.

Мы долго лежали, наблюдая яркие вспышки молнии, что наряду с жарой, исходящей от земли, мешало нам спать. Наконец, мы уснули, но вскоре были разбужены кровососущими созданиями, которые, конечно же, нашли нас. Я уверена, в нашей палатке их были миллионы, они буквально сводили меня с ума, и я стала волноваться, чтобы они не истерзали мальчика. М-р Аткинсон встал и вышел, взглянуть, есть ли что-нибудь, что могло бы их отпугнуть. Но его выход не был таким быстрым, как его возвращение: он не сделал еще и десяти шагов, как ужасные твари облепили его с такой жадностью, что он был рад облачиться в шимбар и ботинки. Я молила о ветерке, и, как будто в ответ на мои мольбы, он начал дуть, затем настолько усилился, что превратился в бурю, которая смела почти все вокруг. Нам пришлось звать людей, чтобы закрепить упавшую палатку, ее подперли стойками, и мы смогли нормально дышать, затем положили груз с другой стороны. Это имело хороший эффект, поскольку полностью избавило нас от врагов.

Озеро, похожее на зеркало, когда мы ложились спать, начало со страшным шумом биться о берег, а ветер поднялся такой, как будто дул с моря. Как только рассвело, мы встали, и, не завтракая, начали складывать вещи, но нас застал дождь, и песок, еще вчера такой сухой и плотный, теперь стал зыбучим, и мы в него проваливались. Все тревожились, а наше продвижение было очень медленным, кроме того, я не могла настаивать на том, чтобы подойти ближе к озеру, на которое страшно было смотреть: волны вздымались на чудовищную высоту.

Прибытие в Чугучак. 9-го августа мы прибыли на китайский пикет около Чугучака, или, как они называли его, «Чоугачак».

Фальстаф пытался убедить нас не проходить там, так как ему сказал один татарин, что китайцы возьмут нас в плен. Я посмеялась над его страхами. Когда он понял, что мы решили пройти мимо, он предпринял смену диспозиции занял место Колумба около верблюдов и вместо того, чтобы быть ведущим, расположился позади нас, как только мы достигли китайской земли. Приближаясь к пикету, мы увидели вдали город с минаретами. Мы намеревались обратиться к офицеру за разрешением войти в него. Было около полудня, когда мы прибыли, и я впервые увидела Китай. Заблуждения не было, китайцев нельзя было принять за кого-то другого или перепутать с кем-то. Их обувь была, в основном, из черного сатина с очень высокими каблуками и толстой подошвой, их жакеты особенно изумили меня и были действительно прелестны. У слуг они были сшиты из голубого хлопка, а у их господ из шелка или сатина. Последний назывался канфа, его можно стирать точно также, как и хлопок.

В этот момент начались церемонии. Вперед побежал слуга, объявить о нашем прибытии, сделав нам знак оставаться на месте. Вскоре он вернулся и провел нас во внутренний дворик, где мы застали главного офицера, игравшего с гусем, согнувшись над ним. При виде нас он поднялся. Я была буквально поражена его ростом, м-р Аткинсон по сравнению с ним казался маленьким человеком. Он был похож на камыш, над которым пронесся сильный порыв ветра. Он провел нас в свою комнату без мебели, там было только возвышение, служившее ему постелью, на которое он нас усадил. Помещение вскоре наполнилось людьми, горевшими желанием посмотреть на нас.

Офицер хотел знать причину нашего визита в Китай. М-р Аткинсон сказал, что, находясь вблизи Чоугачака, он всего лишь хотел выразить свое почтение правителю и увидеть город. Офицер ответил, что нам придется подождать, ответ, возможно, придет в тот же вечер.

Мы сидели в своей юрте, когда наш новый друг со своим секретарем и переводчиком пришли выпить с нами чаю. Очевидно, они заинтересовались увиденным, скрупулезно обследуя все вокруг, и я не уверена, что не была объектом величайшего их любопытства. Они рассказали, что их направили на этот пикет на 3 года, и им остался еще год, прежде, чем им разрешат воссоединиться с их семьями. Они горько жаловались, что разлучены с женами.

На следующее утро к нашей юрте подъехали два офицера с тремя солдатами; первые слезли с лошадей и вошли. Поскольку с ними не было переводчика, мы не смогли понять ни сло-

ва, но, судя по выражению их лиц, они были в восторге, что видят чужестранцев. Они согласились выпить чай, но прежде чем я налила его, солдат что-то сказал им, они оба встали и, сердечно пожав нам руки, вышли из юрты, сели на лошадей и умчались с бешеной скоростью. Оказалось, что они приехали с другого пикета посмотреть на нас. Эти люди были также высокого роста, поэтому я пришла к заключению, что их отбирали специально, чтобы смотреть поверх камышей и вдоль дорог. У солдат за спинами висели лук и стрелы, один из них нес копье, они сидели на своих конях великолепно, и у них были короткие стремяна из ремешков, как у киргизов.

Выйдя на улицу, мы обнаружили причину их поспешного отъезда: солдаты заметили своих старших офицеров со свитой на дороге из Чоугачака. Наш первый друг послал сказать, что они едут.

Где-то часа через два он пришел сам объявить о прибытии трех офицеров из города, которые, по его словам, будут рады нас видеть. Я надела шляпу и попросила Колумба присмотреть за ребенком до нашего возвращения. Китаец был совершенно шокирован, подумав, что мы намерены идти пешком, он не хотел слышать о том, что мы идем, забыв о достоинстве, поэтому нам пришлось приказать оседлать лошадей. Но когда он обнаружил, что мы собираемся оставить Алатау, ужасно рассердился. «Нет! Он тоже должен идти», поэтому я надела на ребенка шляпку и велела Колумбу его нести. На пикете группа солдат пропустила нас к офицерам. Тогда я взяла мужа за руку, и мы пошли, Колумб с мальчиком следовал за нами, Георгий в качестве переводчика замыкал шествие. Офицеры сидели на ковре, расстеленном под деревьями, в довольно романтическом и прохладном месте: справа вдали был виден мавзолей, а слева — ручей. Они тотчас же встали и пожали нам руки, подходя по очереди выразить самое сердечное расположение к нам. Мы сели на два имевшихся стула, нам подали чай и засахаренные фрукты. Тем временем Алатау схватил на руки калди, или старший офицер, осыпав его поцелуями, два других сделали то же самое и передали его снова калди, который сидел в центре за низким столиком, двое других сели по бокам.

Теперь началась беседа о нашем визите, и м-р Аткинсон повторил вчерашнюю просьбу. Они задавали разные вопросы, думая, что имеются другие мотивы. Затем они сказали, что мы первые англичане, когда-либо посещавшие этот уголок Китая, и губернатор не мог разрешить нам войти в город, пока не поставит в известность императора. Если мы согласны остаться, он пошлет курьера узнать, будет ли нам разрешено остаться, а

они, тем временем, могли бы нас устроить удобнее и сделать наше пребывание приятным. От такого предложения мой муж сразу отказался.

Сложности беседы. После долгих разговоров я спросила разрешения войти в город, ничего плохого не будет в том, что я войду туда, и если они позволят мне, у меня будет основание не идти одной. Калди улыбнулся и спросил, что я ожидаю увидеть. Я ответила: «Всего лишь город и людей в нем; я никогда не бывала в китайском городе, мне все будет интересно, кроме любопытства ко мне». Он ответил: «У нас там только наши жены и дочери, город сам по себе — жалкое место, но если вы отважитесь, ничто не доставит мне большего удовольствия, чем сопровождать вас. Вы стали бы величайшей диковинкой из всех виденных здесь. Если бы наши законы не запрещали, я бы сейчас же повел вас, чтобы моя жена смогла вас увидеть, но я головой ответил бы за свою оплошность», и он многозначительно провел рукой по горлу. М-ру Аткинсону намекнули, что если бы он был одет, как татарин, и сбрил свою бороду, он мог бы войти как купец, и никому не было бы до него дела. Но тот не согласился, он мог бы посетить это место только как англичанин.

Наше общение, естественно, было весьма оригинальным: оно проходило между пятью людьми, говорившими на четырех языках. Георгий стоял рядом с нами, ему было чрезвычайно интересно. Татарин, переводивший на китайский, был очень симпатичным человеком. Он стоял слева от офицера, выслушав нас, поворачивался к своему начальнику и, встав на одно колено, что-то говорил ему, затем он вставал и, скрестив руки на груди и наклонив голову, обращался к нам. Когда калди отвечал, он снова опускался на колено, и церемония повторялась, он вставал и поворачивался в нашу сторону.

Потом они пригласили нас остаться пообедать, не имея ничего лучшего, мы согласились. Они многократно извинялись за скудный обед, но им было приятно, что мы не хотели об этом слышать. Обед состоял из риса, мяса, супа, затем последовали засахаренные фрукты и чай. Они пытались научить меня есть палочками и были довольны, когда мне это удалось. Однако Георгий послал домой за парой ложек и парой вилок, чем вызвал невероятное изумление наших хозяев. Калди рассказал, что однажды был в Кантоне и видел там англичан и знает немало об их обычаях. После чая мы попрощались, намереваясь продолжить наше путешествие на следующее утро. Им тоже хотелось увидаться с нами до отъезда. Все с величайшей сердечностью обняли Алатау. И когда мы проходили через шерен-

гу солдат, они уже не были столь подчеркнуто официальные, как тогда, когда мы прибыли, ибо они по очереди хватали ребенка и заключали его в свои объятия. Ни один не упустил возможности приласкать его, и я могу заверить тебя, мальчика это очень забавляло.

Вернувшись в свою юрту и обсудив все, мы приняли решение, что будет лучше отправиться в путь тотчас же, воспользовавшись прохладой вечера, поэтому мы послали записку о нашем намерении. Нам передали рис и муку. Они, вероятно, понимали, что мы, как путешественники, не могли добыть что-нибудь в дороге, кроме того они выразили надежду, что мы не уедем, не простившись с ними. Вскоре все было готово, и мы, оседлав лошадей, поехали попрощаться со своими друзьями. Не известив о своем приезде запиской, мы застали одного из джентльменов без формы, он был здорово шокирован, два других были в полном одеянии, и, казалось, получили огромное удовольствие от того, что их коллега оказался в неприятной ситуации. Я подарила калди кошелек, скромный подарок доставил ему удовольствие. Затем они пожали нам руки, поцеловали Алатау, и, таким образом, мы расстались, явно с взаимным сожалением, что знакомство не будет иметь продолжения. Они предоставили нам почетный караул, чтобы сопровождать нас какую-то часть пути. Первый офицер, который играл с гусем, подарил Алатау огромный огурец, на который тот посмотрел без особого восторга, но который более всего устраивал его отца, более года не державшего во рту никаких овощей.

Путь на Змеиногоorsk. В тот день, когда мы попрощались с нашими китайскими друзьями, мы находились в пути 10 часов без остановки, по раскаленному песку, который, наряду с ослепительно ярким солнцем, вызвал такую головную боль, что мне казалось, что я умираю, а глаза м-ра Аткинсона очень страдали от слепящего солнечного света. Когда мы разбили лагерь, я была настолько больна, что начала немного беспокоиться. С какой радостью я бы легла. Но об этом не могло быть и речи. Я должна была искупать Алатау, постирать его вещи, чем всегда занималась, пока устанавливали юрту и разгружали верблюдов. Когда все дела были закончены, я приготовила постель, я не знаю, как все это делала. Потом я накормила ребенка и положила его спать. В нашей работе была своя система: каждый выполнял свои обязанности, никто не оставался без дела, не было ни спешки, ни путаницы. Выполнив свои обязанности и видя, что муж сидит за чаем, я легла на медвежью шкуру и думала, что после целого дня изнурительной езды верхом уже никогда не встану. Но после крепкого сна почувствовала себя

прекрасно, и почти сутки поголодав, где-то около 5 часов была готова к завтраку.

Мы никогда не позволяли Алатау страдать, если могли избежать этого, снимали с него его крошечную одежду и поливали водой из кружки. Это было делом нескольких минут, мы быстро догоняли свою группу и были спокойны за мальчика, освежив его ценой небольшого галопа по раскаленной пустыне.

Скудость провизии. Муку, данную нам китайцами, мы смешивали с молоком, если располагались около киргизского поселения, или с водой, когда находились вдали от них, а затем жарили на небольшом количестве жира: это мы считали величайшим деликатесом. Когда мука закончилась, мы удивились, но не это было неприятным инцидентом. Вечером человек объявил, что это последнее, поэтому за чаем мы были более экономны, оставив немного для завтрака, и убрали остатки в круглую жестяную коробку, в которой держали посуду, а когда открывали ее, то у нас было две суповые тарелки. Утром, приготовив все к чаю, я не могла найти свою коробку. Я спросила казака, но он ничего не знал. А мы находились недалеко от киргизского аула, поэтому было очевидно, что кто-то посетил нас ночью. Мы начали расследование, хозяин аула чувствовал, что на карту поставлена его честь. Чтобы ограбили гостей его аула, такого никак не могло быть. Было проведено суровое расследование, но оно ни к чему не привело: все заявляли о своей невинности в случившемся. Позже одному из людей нужно было перейти через речушку за лошадьми, и на той стороне он нашел коробочку, но она была открыта и немного содержимого исчезло. Оказалось, что это собака унесла ее туда: она унюхала запах съестного, но не смогла открыть и унесла ее к речке, без сомнения, таскала ее по камням до тех пор, пока она не открылась. Вы можете себе представить, как я целый день была зла, что не могла даже слышать слово «собака», но все же мы не могли удержаться от смеха, ведь мы могли с таким же успехом приготовить хороший ужин на предстоящий вечер.

Смею сказать, и тебе покажется это странным, но с того часа, как я приехала в степь, до того момента, пока я не покинула ее, я никогда не знала, что значит наестся без достаточного количества еды, да еще без хлеба и овощей, и при этом чувствовать себя сытой. Вообрази, только мясо и ничего, кроме мяса, затем чай без сахара или сливок. Хуже всего то, что я должна была накормить двоих, и могу заверить тебя, что превосходный горный воздух обострял аппетит маленького приятеля. Одно хорошо, он научился есть мясо, он начал его есть, когда ему

еще не было 3-х месяцев, сначала он ел вкусненькие кусочки размером с булавоочную головку, но он не знал вкуса хлеба.

Когда мы находились в местах, где росли яблоки, как я рассказывала тебе, мы в основном питались ими. К сожалению, в степи они практически не встречаются. Однажды мы остановились в Тарбагатайских горах, и м-р Аткинсон, пока мы занимались домашними делами, решил подняться в горы порисовать. Я попросила его, если он найдет яблоки, чтобы принес их нам, и с этой целью я снабдила Колумба сумкой. Ему совсем не хотелось брать ее, так как он был уверен, что в тех местах нет ни одного яблока. Тем не менее я настояла, чтобы он взял сумку. Я была настолько голодна, что не хотела упускать шанса добыть яблоки, даже если бы они были кислыми.

Прошло несколько часов, когда кто-то коснулся моего плеча, оторвав мое внимание от иголки, которая постоянно была у меня в руках, и указал в том направлении, откуда мы ждали возвращения наших путников. Когда они подъехали ближе, я, к своему удивлению, увидела, что, кроме трех наших людей, на передней лошади сидел еще один человек, и казак вел ее под уздцы. Сначала я подумала, что у них произошла драка, и они везут пленника, но когда они приблизились, я обнаружила, что на лошади сидело туловище без головы. Затем я собралась с мыслями и подумала, что в это время года ни один киргиз никогда не забирается так далеко в горы, они все спускаются на равнину. Мое сердце заныло от жалости, я вообразила, что это мог быть какой-то бедняга, которого загрызли волки, и еще я подумала, почему его не похоронили в горах? Все наши люди смотрели на них и хотели узнать, что же это было, пока не подъехал мой муж и не объяснил, в чем дело. Оказалось, они забрались дальше, чем собирались, и наткнулись на большой яблоневоый сад, фрукты висели, соблазняя своим изобилием. Сумка быстро наполнилась, и киргиз водрузил ее перед собой на седле, а Колумб держал в руках уздечку своей лошади, очевидно, глубоко погружившись в свои мысли. Мой муж собирал для меня цветы, когда его внезапно осенило, и он без малейшего колебания снял свои шымбары. Перевязав обе штанины веревками, он наполнил их яблоками и поместил на ведущую лошадь, это и было туловище без головы.

Осмелюсь сказать, вам будет любопытно узнать, как я управляюсь со стиркой. Когда мы располагаемся не слишком поздно у какого-то аула, я обычно прошу киргизок сделать это для меня, а в качестве платы даю им иголки, которые очень ценятся, серьги, бусы, булавки и даже металлические пуговицы: все эти вещи более, чем удовлетворяют их. Они сами делают

мыло, но я никогда не видела как. Когда постельное белье выстирано, его приносят мне сушить, так как у них нет времени присматривать за ним, и ты можешь представить себе, что процесс сушки недолог. Затем, когда оно прекрасно отглажено утюгом, я складываю его.

Чаепитие в степи. Теперь я должна рассказать тебе о чаепитии, которое я устроила в степи. М-р Аткинсон хотел нарисовать группу женщин. Я послала казака пригласить нескольких, так как сама я не могла объяснить, что мне нужно. Они пришли в великолепных праздничных нарядах и среди них была невеста в бесподобно красивом платье. Оно было из шелка ярких цветов, поверх был надет короткий жакет из черного бархата, расшитый понизу. Головной убор состоял из высокой конической формы шапочки, верхняя часть ее была белой, в то время как черная бархатная лента, расшитая золотом, окаймляла лицо. На лоб ниспадала серебряная нить, а с широкой ленты свешивались расшитые коралловые бусы, над всем этим опускалась белая вуаль — покрывало. Однажды мы присутствовали на свадьбе, когда муж забирал предмет своей любви или, скорее, рабыню, в свой родной аул. На голову было наброшено покрывало, практически закрывая ее и полностью скрывая лицо, поэтому ее лошадь приходилось вести. За ней следовал верблюд с ее приданым. Я хотела поднять покрывало, она сначала сопротивлялась, потом согласилась. Невеста улыбалась и, казалось, была рада видеть нас, рассматривая меня с большим любопытством, как и я ее. Она была очень хорошенькой, гораздо более интересной, я бы сказала, чем большинство ее соотечественниц. Но вернемся к моему чаепитию. Когда рисунок был закончен, я принесла самовар и выставила все чашки и бокалы, которые у нас имелись, потчужу моих подруг чаем. Хотела бы я, чтобы ты видела растерянность на лицах мужчин, с которыми я была достаточно суровой, не предложив им даже чашки чая. Чай закончился, я принесла и подавала своим гостям мясо. Это был завершающий момент. «Венцы творения» не могли больше выносить пренебрежения к ним, поэтому поднялись и ушли со сцены, и тем вечером я их больше не видела. Женщинам, напротив, понравилась эта забавная ситуация. Когда они покончили с трапезой, я их, к еще большему удовольствию, одарила каждую бусами и серьгами.

Должна сказать тебе, что среди этих племен очень часто существует большая разница в возрасте семейных пар. В одном ауле мы видели новобрачную пару, где жене было около тридцати лет, а муж был еще ребенком, которого она наказывала точно так же, как мать наказывает своего ребенка. В другой

паре в другом ауле жена была крепкой здоровой молодой женщиной, а муж — хилым подростком лет 15. Причина таких браков такова: мальчики остаются сиротами, а их опекуны женят их на женщинах, которые могут позаботиться о них, и таким образом освобождаются от всех проблем.

Изящная амазонка. Не могу удержаться, чтобы не упомянуть о дочерях бека Султана, двух прелестных девушках: младшая, будучи очень хорошенькой, больше импонировала мне; ее волосы, заплетенные во множество косичек, обрамляли лицо, на самой макушке она носила кокетливую шапочку. Она была стройной и невероятно грациозной в своих движениях. Ее старшая сестра была совершенной амазонкой. Когда она посетила нас, она привела с собой маленького племянника, милого ребенка двух-трех лет. Она сидела, играя с ним, потом взяла его на руки, просто протянув их с того места, где сидела. Вы можете представить, как я была удивлена, так как он был явно тяжелым. Когда она уходила, я проводила ее до двери юрты, она отдала ребенка мужчине, который держал ее лошадь, взяв у него поводья, положила руку на седло и вскочила на коня без малейших усилий. Будь уверена, я позавидовала ее совершенству. А как грациозно она сидела на лошади, это было великолепное зрелище.

Много раз в степи мы видели, какое огромное зло причиняли волки, которые в изобилии водились там, ужасно опустошав стада овец. Однажды свирепые животные набросились на двух мальчиков, но, к счастью, мы их спугнули.

Наше путешествие подходит к концу, мы снова пересели в свою повозку, которую оставили в Аягузе. С грустью мы прощались с нашими казаками, которые сопровождали нас и вместе с нами переносили все тяготы наших странствий, много раз сталкиваясь лицом к лицу с опасностью. И ребенок тоже: они привязались к нему, много часов провели они, напевая ему песенки, чтобы развлечь его в дороге. Прощание — всегда грустное чувство, будь то люди или место, я это почувствовала, когда мы достигли такого места в степи, где я в последний раз взглянула на белые пики Алатау и Актау, вздымавшие свои величественные вершины далеко ввысь в ясное голубое небо. Мне не хотелось покидать их, а когда настал момент, я не могла сдержать слез, хлынувших из моих глаз.

Мы покинули Змеиногорск немногим более года назад, мы так изменились, что, когда мы вновь вернулись туда, наши друзья поначалу не могли нас узнать. М-р Аткинсон был в плачевном виде, его обувь была вся в заплатках, ее приходилось чинить корой деревьев до тех пор, пока они уже еле держались на но-

гах. Первый, кто нам был просто необходим — сапожник, чью изобретательность невозможно представить. Мы заказали ему ботинки, снабдив кожей. Взглянув на ноги м-ра Аткинсона, он собрался уходить, но я остановила его, сказав, что он должен немедленно снять мерку, так как обувь требовалась срочно. «О, я никогда не обмеряю», — ответил он и ушел, мы думали, что наша кожа пропала. Через два дня ботинки были готовы, и мой муж заявил, что у него никогда не было пары обуви, которая бы так подходила ему.

Чаепитие в Змеиногорске. Мы нанесли несколько визитов, а также были приглашены на ряд вечерних приемов. Сначала, когда я пришла, то застала людей за их обычным вечерним развлечением — игрой в карты. Молодые дамы сидели по сибирской моде прямо, вытянувшись в струнку, на стульях, поставленных близко друг к другу вдоль комнаты. Осмотревшись, я попыталась вступить в разговор, но так как это в обычае сидеть молча, задача оказалась трудной, так как я получала только однообразные ответы «да!» и «нет!». Через некоторое время я нашла разговорчивую особу, с которой отлично поболтала, но нас прервала хозяйка, спросив, не играю ли я в карты. Я ответила: «Нет, единственное, что я умею — это раскладывать пасьянс или гадать». Не успела я произнести последние слова, как моя соседка начала умолять меня раскинуть для нее карты. Я сказала, что все это ерунда, но все было бесполезно, достали карты, перешли в столовую и мне пришлось целых три часа сидеть и выдумывать разного рода глупости. Не успевала встать одна, как тотчас садилась другая, и не только молоденькие девушки, но и пожилые женщины. И только когда начали накрывать на стол к ужину, я прекратила заниматься черной магией: будь я в Лондоне и вошел бы полицейский, меня могли бы препроводить в тюрьму.

Несколько недель спустя я была в этом же доме, когда одна пожилая дама поклонилась мне низко и справилась о моем здоровье. Я любезно ей ответила, хотя не помнила ее. Затем она обратила на меня внимание женщины помоложе и сказала: «Ты должна поблагодарить эту даму! Я уставилась на нее, не представляя, о чем идет речь. Она объяснила, что я вызвала ее сына, мужа молодой леди. Я пришла в еще большее изумление, но она сказала: «Вы раскинули мне карты, и как вы предсказали, он прибыл». И снова, повернувшись к снохе, сказала: «Душа моя, почему ты не поблагодарила?», и обе склонились в поклоне, словно китайские болванчики. Я не могла не улыбнуться наивности пожилой дамы, и более того, мне снова пришлось пройти через другое испытание предсказанием судьбы.

Прежде чем покинуть Змеиногорск, я хотела запастись немного помадой для волос, поэтому отправила свой рецепт к аптекарю с запиской, где просила у него касторового масла и спиртовой раствор мяты перечной. Я 4 раза получила то количество, что просила, и все лучшего качества, и ни одной копейки они с меня не взяли. Я обнаружила, что пожилая дама, которую я встретила на soiree , была женой аптекаря. Она сказала: «Мой муж заметил, что вы никогда не посылаете к нему за чем-нибудь!» Кто-то отвлек меня в тот момент, я ничего не могла понять, но так и было.

Странный случай. Должна теперь рассказать об одном довольно странном случае, произошедшем в Змеиногорске. В то время мы занимали те же помещения, в которых жили в наш первый приезд. Но там произошли кое-какие изменения в связи с визитом жены начальника Барнаула. Например, я обнаружила кровать в комнате, где прежде ее не было, и мы спали в ней несколько ночей. Ты должна понять, что здание, которое мы занимали, было очень большим. Это был так называемый Господский дом, предназначавшийся специально для приезжих, в котором можно было вместить огромное число жильцов. Внутренний двор отделял нас от дома начальника, где мы обычно кушали, за исключением завтрака, который мы принимали в наших собственных комнатах.

Когда мы прибыли из степи, обнаружили, что хозяин и хозяйка находятся в Петербурге. Первого ожидали со дня на день. Тем временем нас развлекал джентльмен, занимавший этот пост до его возвращения. Первый вечер мой муж провел с ним, а я сидела в спальне, ожидая его возвращения. Вошла прислуга спросить, не нужно ли мне что-нибудь, прежде чем она отправится спать, я ответила, что я подержу ребенка на руках, а она должна приготовить постель в соседней комнате. У меня появилась внезапная прихоть лечь в другом месте. Она сделала так, как я просила, немного удивившись, я думаю, моему капризу. Проходил час за часом, нигде ни звука не было слышно, было тихо, как будто все вымерло и в здании, и на улице, за исключением голоса сторожа. Я читала, тем временем приближался колдовской час ночи, и я услышала странный звук, который довольно сильно напугал меня. Хотя я не трусиха, признаюсь, меня охватило странное чувство. Я была одна в доме, я не знала, где спали слуги, и вообще ночевали ли они в доме, я абсолютно ничего не знала об их передвижениях по дому. Снова ничего не было слышно, но как раз в это время громкий бой часов возвестил, что уже 12 часов. Я снова заставила себя читать, не глядя на Алатау, который спокойно

спал. Ненадолго я отвлеклась книгой, когда снова услышала звук, заставивший меня вздрогнуть, уверенная, что он раздастся в комнате, а она была огромной. Я прищурилась, пытаюсь разглядеть что это было, когда за скрипом и шагами последовал грохот, я вскочила на ноги, на мгновение я не в состоянии была различить что-нибудь, ибо комната была полна дыма или пыли. Когда все рассеялось, я взглянула в направлении, откуда шел звук, и увидела, что обвалился огромный кусок потолка над кроватью, и если бы там спал ребенок, его бы определенно убило.

Уже потом, когда все закончилось, я не могла отделаться от мысли, насколько непостижимо что-то иногда направляет нас. Я не могу объяснить, почему у меня появилось желание передвинуть кровать, оно пришло неожиданно. Что-то похожее со мной произошло однажды в Петербурге. У меня была привычка после обеда уходить в свою комнату почитать в компании одной молодой дамы, но однажды мы не вернулись в комнату и задержались со старшими дамами, болтая и рассказывая всякие истории. Все ушли, кроме нас троих, а мы продолжали сидеть, когда вдруг были напуганы страшным треском. Мы ринулись через комнаты и обнаружили бледных как смерть горничных, столпившихся около моей двери. Никто не знал, в чем дело: что-то произошло в моей комнате, но никто не осмеливался войти туда. Войдя в комнату, мы обнаружили, что упал кусок потолка, не прямо на софу, но большие куски попали и на нее. Они могли упасть на сидящего на ней и, если не убить, то сильно травмировать. То есть, вы видите, как рука Провидения простирается над нами смертными. Узнай об этом мой друг — жена аптекаря, она бы предположила, с ее обычной наивностью, что я ведьма и обо всех событиях узнала заранее из карт.

Приготовление к зиме. Возможно, тебе было бы интересно узнать, как мы собираемся провести наше время зимой. Я расскажу тебе в нескольких словах. У м-ра Аткинсона большая комната, в которой он намерен посвятить свое время рисованию, поэтому по нашему возвращению ты будешь иметь представление о стране, по которой мы путешествовали. И хотя все места, изображенные на рисунках, точно воспроизводят природу, которую мы видели, большее удовольствие доставляет самому видеть ее, нежели составлять представление о ней.

Мои повседневные занятия — обыденного, даже в некотором роде механического характера, например, шитье иглой, но я не откажу себе в настоящем удовольствии — в чтении книг, так долго лишенная этой роскоши. Когда я начинаю книгу, никогда не знаю, когда ее закончу. Потом — вечеринки и приемы:

расстояние от города небольшое и нам никогда не позволяют пропускать их, за нами всегда присылают сани или повозку. Затем приближается рождество с его праздниками, когда молодые офицеры из далекого завода приедут принять участие во всех развлечениях. Я знаю, что в домах каждого из трех старших офицеров будут даны балы.

Наряды и головные уборы для всех больших мероприятий с волнением ждут из Петербурга, все подобные вещи заказываются оттуда. Так что состояние дорог вызывает много тревог у дам; я то знаю, что происходит, когда коробки с подобными вещами погружаются в воду, и все пропадает.

Должна тебе рассказать об одном случае, который произошел с нами в первую ночь нашего последнего приезда в Барнаул, что-то подобное с нами уже случилось. Был страшно холодный день, а наши комнаты были не очень теплыми, их протопили, пока мы присутствовали на обеде у полковника Соколовского. Когда мы вернулись, медвежья шкура была растелена, и мы легли отдохнуть. Ночью меня обеспокоило тяжелое дыхание Алатау: я потрогала его, он весь пылал. Я хотела встать, чтобы зажечь свет, но почувствовала ужасную слабость, у меня не было сил даже встать, в то же самое время в голове ужасно стучала кровь, а сердце билось так бешено, что я напугалась. Я разбудила мужа, он тут же сказал, что в комнате угарный газ; он когда-то был в этом городе и чуть не умер от него. Наконец, я встала, чтобы пойти за ним до двери, но обессиленная упала посреди комнаты с ребенком на руках. Успев открыть дверь муж, тоже упал, так мы пролежали 10 минут, не имея сил пошевелиться. Холодный морозный воздух проник в комнату и оживил нас. Мы разбудили прислугу, и я дала, думаю, основательный нагоняй человеку, который устроил это. Потом на короткое время печку открыли, все еще не сгоревшие дрова вспыхнули ярким пламенем. Не разбуди меня, к счастью, ребенок, без всякого сомнения, это была бы наша последняя ночь. В подобных ситуациях крестьяне чрезвычайно беспечны, для них нет ничего необычного, когда умирают подобным образом.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	5
Антоний Дженкинсон. ПУТЕШЕСТВИЕ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ 1558-1560 ГГ. С ПРИМЕЧАНИЯМИ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ 1972 г.....	9
Томас Витлам Аткинсон. ВОСТОЧНАЯ И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ.....	61
Предисловие.....	62
Глава XI. У Алтайской горной гряды.....	64
Глава XII. Восхождение на Алтай.....	78
Глава XIII. Граница Китайской империи.....	98
Глава XIV. Спуск по Иртышу.....	107
Глава XV. Киргизская степь.....	121
Глава XVI. Среди киргизов.....	132
Глава XVII. Приключения в степи.....	145
Глава XVIII. Прогулки среди киргизов.....	165
Глава XXVIII. Султаны в степи.....	177
Люси Аткинсон. ВОСПОМИНАНИЯ О СТЕПЯХ ТАТАРИИ И ИХ ОБИТАТЕЛЯХ. С НОВЫМ ВСТУПЛЕНИЕМ ДОКТОРА А.Г. ГРОССА.....	195
Вступление ко второму изданию. Рукопись забытой жены.....	196
Предисловие	205
Глава IV	206
Глава V	245
Глава VI	255
Глава VII	264
Глава VIII	286

Научно-популярное издание

Серия:

**«ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА
В ЗАПАДНЫХ ИСТОЧНИКАХ XII-XV вв.»**, в X томах.

Том VIII.

**ПЕРВЫЕ АНГЛИЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ**

(на русском языке)

Директор издательства С. Абдирайымұлы

Руководитель издательского процесса К. Бунетаева

Научный редактор Б. Сужиков

Редактор А. Шайбаков

*Художник **Б. Иманалиев***

Технический редактор Ф. Овчинникова

Набор и верстка А. Калиевой

Дизайн Издательство “Баур”

ИБ №5

Подписано в печать 15.11.06 г. Формат 84x108 1/32

Гарнитура “ММ Times”.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.п.л 16,4.

Уч.изд.л. 19,5. Тираж 3000 экз. Заказ № 3726.

Цена договорная.

ТОО Издательство “Санат”

Министерства культуры и информации РК.

050012, г. Алматы, ул. Байтурсынулы, 65 “а”.

Сверстано в компьютерном центре

ТОО Издательство “Санат”.

Полиграфкомбинат ТОО «Корпорация Атамұра»
Республики Казахстан, 050002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41.

ISBN 9965-664-51-X

9 789965 664519